

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2007

ББК 63.3
И 90

Рецензент: Л.М. Медведева, д-р ист. наук, профессор ВГУЭС

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ: Учебное пособие / Авт-сост:
И 90 Е.В. Баталова, Э.В. Королева, И.Д. Саначёв,
А.М. Яковенко; Под ред. И.Д. Саначёва. – Владивосток:
Изд-во ВГУЭС, 2007. – 288 с.

Представляет собой базовый учебно-методический комплекс по дисциплине «История городов», разработано в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта второго поколения по специальности 061000 «Государственное и муниципальное управление».

Для студентов всех форм обучения.

ББК 63.3

Печатается по решению РИСО ВГУЭС

© Издательство Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Необходимым элементом в системе профессиональной подготовки специалистов в области государственного и муниципального управления является цикл исторических дисциплин, среди которых особое место занимает курс «История городов». Город как глобальные социально-экономический феномен в ходе своего диалектического развития прошел долгий путь от первичных протогородов древнего мира до современных агломерационных и надагломерационных форм городского расселения. Изучение многовекового наследия прошлого, скрупулезный анализ накопленного всемирного опыта градостроительства и городского управления имеют огромную важность в современных условиях как архитекторов-планировщиков, так и для специалистов в сфере муниципального хозяйства и управления.

Многие города в Российской Федерации имеют богатую историю, содержат уникальные комплексы старинных зданий и сооружений, участки с первозданной планировкой городского пространства. Проблемы, связанные с сохранением исторического ядра, оптимизацией взаимного расположения старых и новых частей, имеют в настоящее время особое значение. Важно учитывать функциональный аспект, набор условий и факторов, предопределяющих появление города и оказывающих прямое воздействие на его экономику, хозяйство, структуру и систему управления. Эти моменты обуславливают актуальность курса «История городов» и необходимость его введения для профессиональной подготовки по специальности 061000 «Государственное и муниципальное управление».

Изучение курса тесно связано с другими дисциплинами государственного образовательного стандарта: «Муниципальное хозяйство», «Территориальная организация населения», «Отечественная история», «История экономических учений», «История государственного управления в России».

В связи с отсутствием соответствующего государственного образовательного стандарта программа составлена в соответствии с требованиями УМК ВГУЭС.

Данное учебное пособие создано на основе статей и учебных материалов ведущих специалистов в области истории городов и урбанистики.

ЧАСТЬ 1. УЧЕБНО-ПРОГРАММНАЯ

1.1. ПРОГРАММА КУРСА «ИСТОРИЯ ГОРОДОВ»

Тема 1. Понятие города. Предпосылки появления древнейших городов

Город как феномен социальной действительности. Различные подходы к определению города: количественный, административно-юридический, социальный, функциональный, экономический, смешанный. Дефиниционная проблема, связанная с трудностью формулирования общего определения города всех стран и эпох.

Приблизительное время (IV–III тыс. до н.э.) и место появления первых городов: Междуречье, Египет, Судан, долина Инда, Китай.

Предпосылки их появления: технический прогресс, переход к оседлости, общественное разделение труда, отделение ремесла от сельского хозяйства, возникновение избыточного продукта и товарообмена. Появление рабства.

Трансформация родовых отношений, переход от родовой общины к соседской, возникновение моногамной семьи и частной собственности на землю. Имущественное и социальное неравенство, эксплуатация. Складывание классового общества.

Выделение слоев населения, непосредственно не связанного с земледелием: родовая аристократия, бигмены, служители культа, профессиональные воины и т.д. Племенные центры. Формирование племенных союзов и первых деспотических государств.

Тема 2. Города-крепости Древнего Востока

Теории происхождения древнейших городов-крепостей: теория индивидуального произвола (по приказу царя), теория естественного развития (возникновение городов на месте древних племенных центров – «протогородов»). Теория М. Вебера.

Функции города-крепости: административная, военно-стратегическая, защитная, аккумуляционно-распределительная, религиозная.

Политическое господство города над деревней, паразитический или полупроизводительный характер городов-крепостей. Ойкосное хозяйство. Две основные формы товарного производства в городах: дворцовые и храмовые комплексы, большие семейные общины. Торговые связи городов Древнего Востока.

Социальная и профессиональная структура населения города. Кастовая, сословная и родовая разобщенность горожан, отсутствие сформировавшегося общегородского сообщества.

Архитектурные особенности городов-крепостей, зачатки городского благоустройства, городские укрепления.

Размеры и людность городов-крепостей. Недолговечность большинства городов данного типа.

Тема 3. Античные города-государства

Города крито-микенской цивилизации: экономика, культурная жизнь, архитектурные особенности. Крах крито-микенской цивилизации.

Понятие античного полиса. Теории происхождения полиса: Теория социальной защиты, теория добровольного объединения. Синоикисмос. Полис как территория и как община. Территориальная и социальная структура полиса, профессиональный состав. Паразитизм города над деревней.

Земледельческий характер полиса. Принцип исключительности. Экономика, благоустройство, архитектура. Городские укрепления, акрополь.

Колониальная деятельность древних греков, градостроительство на захваченных территориях. Характер взаимоотношений между колониями и метрополией. Союзы греческих городов-государств.

Эллинистический город как продукт взаимопроникновения эллинской и восточной культур. Отличия эллинистического города от полиса классического периода греческой истории.

Римский город, его особенности. Градостроительство римлян.

Размеры и людность античных городов.

Тема 4. Ремесленные города средневековой Европы

Основные теории происхождения средневековых городов: романская, сеньориальная, свободного развития, социальной защиты, рыночная, цеховая, гильдейская и т.д. Пути формирования и этапы эволюции средневековых городов. Соотношение понятий город и крепость. Бурги.

Взаимоотношения между феодалами и бюргерами. Возникновение городской коммуны и коммунальное движение в Европе XII–XV вв. Городские вольности и иммунитеты. Городское сообщество. Корпоративизм. Вольные города. Город как центр притяжения крепостных крестьян. Торговые города, вики.

Ремесло и торговля в городах. Цехи, гильдии. Городские союзы (Ганза, Ломбардская лига). Профессиональные, территориальные, этнические и религиозные сообщества. Городское монашество.

Городское управление, его разновидности. Муниципальные должности и органы местного самоуправления в городах Европы. Городской нобилитет.

Становление светской городской культуры. Многообразие архитектурных стилей средневековых европейских городов, эволюция городских укреплений, территориальная планировка. Бастиды. Городское коммунальное хозяйство. Неблагоприятное санитарное состояние.

Трансформация городского строя Европы в XVI–XVIII вв. Эволюция городских укреплений, изобретение бастионной системы. Зарождение мануфактурного производства. Рассеянная мануфактура. Великие географические открытия и расцвет приморских городов в результате развития колониальной торговли. Экономический подъем в городах, начало их стремительного роста.

Размеры и людность европейских средневековых городов.

Тема 5. Русские феодальные города

Генезис русского города: основные пути и факторы возникновения. Время появления первых протогородов восточных славян. Слияние группы соседских общин в единое поселение, городские концы.

Функции городов Руси: административная, военная, торговая, ремесленная, религиозная. Модели местного самоуправления: киевская, московская, новгородская, их особенности. Русские вечевые, княжеские и боярские города. Формы наследования городов князьями в домонгольский период. Система кормлений и откупов.

Социальная и территориальная структура русского города. Городские сословия. Черные и белые места. Торгово-ремесленный посад.

Города Руси в период монгольского нашествия, людские потери.

Эволюция города после свержения монгольского ига. Возрождение городских ремесел, образование общенационального рынка. Насажде-ние западноевропейской цеховой и гильдейской системы в России в XVIII веке. Городские сословия. Начало мануфактурного производства. Русский дворянский город.

Городская архитектура. Благоустройство русских городов.

Размеры и людность русских феодальных городов.

Тема 6. Индустриальные города XIX–XX вв. Урбанизация

Генезис индустриального города. Бурный рост городов и городского населения в Европе и Северной Америке. Массовые миграции крестьян из деревни в город. Причины и факторы данного процесса: развитие городской промышленности как главный градообразующий фактор, механизация сельского хозяйства производства, разорение деревенского кустарного производства, наплыв дешевой сельхозпродукции из колоний, развитие транспорта и т.д.

Классификации городов эпохи капитализма. Социально-профессиональный, классовый состав населения города. Виды территориальной

структуры: концентрическая, секторная и многоядерная модели. Концепция города-сада Гоурда.

Колониальный город. Влияние колониальной эпохи на социально-экономическую структуру, территориальную планировку городов стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Понятие урбанизации. Урбанизированность регионов мира. Стадиальная концепция урбанизации Джиббса. Управление урбанизационными процессами в мире. Возникновение новых пространственных форм городского расселения во второй половине XX в. Агломерация, СМСА, конурбация, мегалополис.

Глобальные проблемы индустриальных городов.

Тема 7. Развитие сети городов в России (СССР) в XX в.

Начало бурного роста городов и городского населения в России в капиталистический период (кон. XIX – нач. XX вв.). Развитие городской промышленности.

Упадок городов России в период Первой мировой войны и революций. Новый подъем городского хозяйства 20–30-е гг. XX века, связанный с индустриализацией. Пересмотр состава городских поселений, введение понятия «поселок городского типа». Социалистический город. Городская промышленность, социальная структура, планировка, архитектура.

Классификации городов и ПГТ. Урбанизация в СССР, советский опыт управления урбанизационными процессами. Городские агломерации и конурбации. Территориально-промышленные комплексы. Опорный каркас расселения.

Основание новых городских поселений в периферийных районах (Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан), их характерные особенности. Закрытые города.

Урбанизация в Российской Федерации, уровень урбанизированности отдельных регионов.

Городские проблемы современной России.

Тема 8. Города постиндустриального общества

Основные тенденции дальнейшего развития городских поселений. Концепция экуменополиса (всемирного города) Доксиадиса.

Нооград, его виды. Технополис – город постиндустриального общества. Опыт США и Японии в строительстве технополисов. Функции технополиса, социальная и территориальная структуры.

Зоополь – французская модель урбанизированного района.

Проекты строительства городов будущего.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная литература

Перцик, Е.Н. География городов (геоурбанистика): учеб. пособие для геогр. спец. Вузов / Е.Н. Перцик. – М.: Высшая школа, 1991.

Яковлев, В.В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации / В.В. Яковлев. – СПб.: Полигон, 1995.

Моисеева, Л.А. История цивилизаций: курс лекций / Л.А. Моисеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000.

Ионина, Н.А. Сто великих городов мира / Н.А. Ионина. – М.: Вече, 2001.

Города России / под ред. Г. Потаповской. – М., 2005.

Вопросы на семинарские занятия

Тема 1. Понятие города

1. Понятие города.

2. Понятие урбанизации

Тема 2. Города-крепости Древнего Востока

1. Вавилон – мегаполис древнего мира (история раскопок, архитектура, планировка города, социально-профессиональный состав, хозяйственная жизнь).

2. Города Междуречья (Ур, Урук, Лагаш, Ниневия).

3. Города Египта (Мемфис, Фивы, Ахетатон).

4. Города Индской цивилизации (Мохенджо-Даро, Хараппа).

5. Города Китая (Сань Ян).

Тема 3. Античные города-государства

1. Афины – центр эллинской цивилизации (образование полиса, архитектура, территориальная структура, социальный состав, должностные лица и органы управления, благоустройство города). Реформы Солона и Клисфена.

2. Города крито-микенской цивилизации (Кносс, Микены).

3. Спарта – соперница Афин.

4. Эллинистические города (Александрия, Антиохия, Селевкия).

5. Города Римской империи (Рим, Константинополь).

Тема 4. Ремесленные города средневековой Европы

1. Венеция – жемчужина средиземноморья (географическое положение, ремесло и торговля, управление городом, архитектура, социальная структура, внешняя и внутренняя политика).

2. Города средневековой Италии (Флоренция, Парма, Генуя). Ломбардская лига.

3. Города средневековой Испании (Сарагоса, Барселона, Толедо, Мадрид). Симбиоз христианской и мусульманской культур.

4. Города средневековой Германии (Кельн, Гамбург, Бремен). Германские вольные города.

5. Города средневековой Англии (Лондон, Кембридж, Оксфорд).

Тема 5. Русские феодальные города

1. Новгород и Псков – вечевые города (система управления, социальный состав, территориальная структура, ремесло и торговля).

2. Возникновение первых протогородов восточных славян (IX век).

3. Развитие русских городов до монгольского нашествия.

4. Города Руси под гнетом монголо-татарского ига.

5. Русские города после свержения монголо-татарского ига (XVI–XVII вв.)

6. Городской строй России после реформ Петра I и Екатерины II.

Тема 6. Индустриальные города XIX–XX вв. Урбанизация

1. Воздействие НТР на трансформацию городского строя Западной Европы 2-й пол. XVIII–XIX вв.

2. Понятие урбанизации, причины и факторы появления и развития данного процесса. Стадии урбанизации.

3. Понятие СМСА. Виды СМСА, пути формирования, территориальная структура, критерии выделения, определение границ.

4. Мегалополисы мира (Босваш, Чипиттс, Сан-сан, Токайдо и др.).

5. Урбанизированность регионов мира: сравнительная характеристика.

Тема 7. Развитие сети городов в России (СССР) в XX в.

1. Рост российских городов начала XX века.

2. Города России в годы революций и гражданской войны.

3. Городская реформа 1926 г.: пересмотр состава городских и сельских поселений.

4. Урбанизация в СССР. Индустриализация. Появление новых городов, формирование агломераций.

5. Формирование сети городских поселений в Сибири и на Дальнем Востоке.

Тема 8. Города постиндустриального общества

1. Концепция экуменополиса Доксиадиса.

2. Технополисы (опыт префектуры Оита, Япония).

3. Зоополь (опыт провинции Бретань, Франция).

4. Проекты городов будущего.

ПЕРЕЧЕНЬ И ТЕМАТИКА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

Предложенные темы рефератов могут быть использованы как темы контрольных работ для студентов заочной и дистанционной форм обучения. В этом случае выбор варианта контрольной работы для студен-

тов осуществляется по начальной букве фамилии по ключу, предложенному в следующей таблице:

Начальная буква фамилии	Номер темы
А, Ж, Н, У, Щ	1, 7, 13, 19, 25
Б, З, О, Ф, Э	2, 8, 14, 20, 26
В, И, П, Х, Ю	3, 9, 15, 21, 27
Г, К, Р, Ц, Я	4, 10, 16, 22, 28
Д, Л, С, Ч	5, 11, 17, 23, 29
Е, М, Т, Ш	6, 12, 18, 24, 30

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Города Древнего Востока (Египет, Междуречье, Индия, Китай – на выбор).
2. Образ Вавилона в истории и культуре.
3. Ниневия – древняя столица Ассирии.
4. Мохенджо-Даро и Харappa – центры исчезнувшей цивилизации.
5. Ахетатон – город фараона-еретика Эхнатона.
6. Становление и развитие античного полиса.
7. Эллинистический город как феномен межкультурного взаимодействия цивилизаций Востока и Запада.
8. Формирование колониальной системы в античном обществе.
9. Архитектура городов древней Греции.
10. Афины как политический и культурный гегемон античного общества.
11. Спарта и ее место в античном мире.
12. Рим – столица ойкумены.
13. Величие и крах Карфагена.
14. Происхождение средневековых западноевропейских городов.
15. Коммунальное движение как феномен средневековой цивилизации.
16. Городские союзы Европы.
17. Культура средневековых городов.
18. Социальная и профессиональная структура средневековых городов западной Европы.
19. Трансформация городского строя в Европе (XVI-XVIII вв.).
20. Зарождение мануфактурного производства в Италии, Англии и Голландии.

21. Венеция – жемчужина Средиземноморья.
22. Благоустройство средневековых европейских городов.
23. Города – центры земель Киевской Руси: происхождение и развитие.
24. Великий Новгород и Псков: сравнительный анализ вечевых городов.
25. Основание Санкт-Петербурга.
26. Урбанизация как глобальный феномен социальной действительности.
27. Москва: основание, развитие, современность.
28. Нью-Йорк – мировая финансовая столица.
29. Париж – культурная столица мира.
30. Мегалополисы мира.

Рекомендации для написания реферата

Реферат по курсу «История городов» является одной из форм научно-исследовательской работы студентов. Цель реферата – совершенствование у студентов навыков самостоятельной научной работы.

Основные задачи реферата:

- научить студента работать с научной литературой по данной дисциплине;
- последовательно, логически излагать материал;
- делать аргументированные выводы;
- грамотно оформлять и структурировать текст реферата.

Реферат состоит из следующих разделов:

1. План (содержание).
2. Введение, в котором обосновывается выбор темы, отмечается ее научная значимость и актуальность, формулируются цели и задачи исследования.
3. Основная часть, включающая 2–3 параграфа, в которых раскрывается содержание работы. В конце каждого параграфа обязательно следуют выводы.
4. Заключение, содержащее основные выводы по работе.
5. Список литературы.

Объем реферата – 15–18 листов формата А4, шрифт Times New Roman, размер 14, полуторный междустрочный интервал. При написании необходимо использовать не менее 5–6 источников с обязательным оформлением ссылок.

ЧАСТЬ 2. УЧЕБНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

Тема 1. ГОРОД И УРБАНИЗАЦИЯ

1.1. Понятие города

Прежде чем приступить к изучению управления городом, необходимо понять историю происхождения и развития городов, дать определение ключевым понятиям и терминам, без уяснения сути которых понимание остальных предметов, связанных с управлением муниципалитетами, было бы невозможно. Одним из таких базовых терминов является понятие «город». Явление это сложное и многогранное, как и любой социальный объект, и для понимания проблемы надлежит выделить главные признаки города, отбросив все несущественное и вторичное.

Прежде всего город можно определить как поселение, населенный пункт. Поселения существуют в трех основных формах: города, села и населенные территории (отдельно стоящие хутора, усадьбы и т.п.). От последних город и село отличаются своей компактностью, концентрацией населения на относительно небольшой территории. При этом город – более крупный, по сравнению с селом, населенным пунктом. Однако, как справедливо заметил Макс Вебер, «величина как таковая не может быть решающей в определении города». Да и сама грань, отделяющая согласно указанному признаку город от села, является достаточно условной, непостоянной во времени и дифференцированной в пространстве. Так, в Дании, чтобы официально считаться городом в поселении должно жить 250 человек, в Колумбии к городам относятся населенные пункты с населением 1,5 тыс. жителей, на Кубе – 2 тыс., в Мексике и Венесуэле – 2,5 тыс., в Гане и на Мадагаскаре – более 5 тыс., в Сенегале – 10 тыс., в Российской Федерации – 12 тыс., в Японии – 30 тыс. и т.д. Количественный критерий сам по себе абсолютно ненадежен, и опираться на него при рассмотрении данного вопроса невозможно. В этом случае разделение производится чисто автоматически, без учета экономической природы поселения, его производственно-функционального аспекта.

К тому же подавляющее большинство крупных городов на заре своей истории были весьма невелики по размерам и достигли нынешней величины в ходе своего развития. Предпосылки и объективные причины такого роста обусловлены природой данного поселения, и этот фактор должен непременно учитываться в определении.

Какие еще признаки, кроме количественного, отличают городские поселения от сельских? Вот, к примеру, определение В.И. Даля: «Город – населенное место, признанное за город, городом, которому прави-

тельство дало городское управление; селение, обнесенное городьбой, городок (городок – острог, укрепленное тыном заселение)».

Это определение, которое вряд ли можно считать истинно научным, содержит тем не менее два важных признака:

1) признание государственной властью городского статуса поселения и передача его жителям особых прав, соответствующих этому статусу, в том числе права на самоуправление. Здесь мы видим понимание города в юридическом, официальном смысле этого слова. Для нас, однако, важен не столько сам факт государственной классификации существующих поселений, сколько понимание тех существенных признаков населенного пункта, на основании которых она проводится. Между тем эти признаки были в разных случаях далеко не однородны: власть признавала поселение городом либо по принципу «людности», либо по стратегическим, политическим, финансовым, религиозным и даже чисто случайным мотивам, как, например, вследствие выбора резиденции каким-либо влиятельным администратором, а в дореволюционной России – подчас вследствие ходатайств, протекции и даже взятки. Таким образом, для характеристики города в научном смысле административный признак не является определяющим.

2) Укрепленный характер города, наличие стен, городьбы, вала и прочих защитных сооружений. При всей архаичности этот чисто формальный и поверхностный признак считался ранее чуть ли не основным при определении городов прошлых эпох. Однако понятия «город» и «крепость» различались даже в те времена, когда большинство городов одновременно являлись и крепостями.

Любые попытки определить город в научном смысле будут обречены на неудачу без учета его экономической природы. Город – прежде всего социально-экономическое явление, и нам важны его хозяйственные признаки и функции, его экономический смысл. Вот как понимал его Макс Вебер: «Город в указанном здесь смысле есть «рыночное поселение», т.е. имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок, на котором вследствие существующей специализации производства продуктов свои потребности в ремесленных изделиях и различных предметах торговли удовлетворяет не городское население и на котором, конечно, горожане совершают обмен произведенными продуктами и удовлетворяют свои хозяйственные потребности... Город в понимаемом нами смысле есть поселение, в котором действует рынок».

Наличие товарообмена между городом и деревней, безусловно, очень важное обстоятельство. Однако присутствие рынка есть необходимый, но недостаточный признак города, поскольку характерен также и для современной деревни, практически избавившейся от пережитков натурального хозяйства. К тому же, для того чтобы что-то продать, нужно что-то произвести. Рынок как место торговли и товарообмен в

целом – следствие наличия в городах ремесленного, а позднее промышленного производства. Именно производственный аспект лежит в основе коренных различий между городом и деревней, и дефиниция должна непременно это отражать.

Известно другое определение города: «Город – крупный населенный пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры». Обращает на себя внимание тот факт, что данное определение помимо трудового момента содержит также количественный критерий: чтобы считаться городом, населенный пункт должен быть крупным. В противном случае, это поселок городского типа.

Правда, при этом возникает вопрос: какой населенный пункт можно считать крупным? Для этого законодательство устанавливает минимальный уровень людности, позволяющий отнести тот или иной населенный пункт к категории городов, и в разных странах этот показатель различен.

При всех достоинствах этого определения его трудно признать универсальным. Оно, безусловно, справедливо по отношению к городам нашего времени, но совершенно не подходит к городам Античности или Средних веков по причине несовпадения экономического базиса. Поэтому дать единое определение для городов всех времен и народов – задача едва ли выполнимая. Невозможно описать Вавилон эпохи династии Сассанидов, оперируя категориями и понятиями XX века.

Можно согласиться с используемой в современной литературе наиболее общей формулировкой, которая позволит нам в дальнейшем опираться на нее при рассмотрении вопросов исторического развития города.

Город – это относительно крупное и относительно компактное поселение, обладающее особым правовым положением и отличными от деревни экономическими и иными функциями, обусловленными уровнем социального развития в рамках той или иной исторической эпохи.

1.2. Классификация и типологии современных городов

Огромное количество современных городов, их многообразие требует произвести их классификацию, которая позволит нам лучше разобраться в их природе и сущности. Вопрос этот в науке разработан достаточно подробно, поскольку едва ли не каждый крупный специалист в области урбанистики считал своим долгом предложить собственное видение этой проблемы. В итоге появилось столько различных вариантов группировки, что впору делать классификацию классификаций. Так, в современной геоурбанистике используются следующие направления классификации городских поселений:

- 1) по величине (численности населения), т.е. людности;

- 2) по функциям;
- 3) по степени участия в территориальном разделении труда;
- 4) по происхождению (генетическая классификация);
- 5) по их экономико-географическому положению.

Классификация городов по численности населения, по сути, сводится к определению порогов людности, причем их условность, искусственность и некоторая субъективность оставляют демографам большой простор для фантазии. Отсюда большое многообразие подходов к определению этих порогов (обладающих, между прочем, свойством изменяться во времени и в пространстве).

Так, Л. Велихов предложил следующую классификацию: менее 5 тыс. жителей – юридические города, 5–20 тыс. – небольшие (или мелкие) города, 20–100 тыс. – средние города, 100–1000 тыс. – крупные (или большие) города, свыше 1 млн жителей – города-гиганты (или мировые города).

Е.Н. Перцик привел похожую классификацию: малые города – до 20 тыс. человек, средние – 20–100 тыс., крупные – 100–500 тыс., крупнейшие – 500 тыс. и выше, города-миллионеры. Данная классификация отличается от предыдущей наличием дополнительной пороговой отметки (55 тыс. жителей), отделяющей крупные города от крупнейших. А профессор Б.С. Хорев предложил ввести также отметку 250 тыс., разделяя города, отнесенные Перциком в разряд крупных, на большие (100–250 тыс.) и крупные (250–500 тыс.). Существует и такой вариант: малые города (до 50 тыс.), средние (50–100 тыс.), большие (100–250 тыс.), крупные (250–500 тыс.) и сверхкрупные, или крупнейшие (свыше 500 тыс.).

Можно долго спорить, какая из предложенных классификаций объективнее и полнее отражает действительность. Однако следует заметить, что излишнее нагромождение порогов и классов лишь усложняет картину. Так, отметка 250 тыс. вызывает сомнения в целесообразности ее введения, поскольку, скажем, города численностью 200 тыс. и 300 тыс. человек обладают похожими социально-экономическими признаками и выдвигают схожие проблемы. И наоборот: отнесение в одну группу всех городов, чья численность населения превышает 500 тыс. человек (классификация Татевосова), приводит к тому, что туда автоматически попадают такие разные по своим признакам и характеристикам городские поселения, как Москва и Владивосток.

На основании вышеизложенного можно предложить следующую классификацию: малые города (до 50 тыс.), средние (50–100 тыс.), крупные (100–500 тыс.), крупнейшие (500–1000 тыс.), города-миллионеры (свыше 1 млн жителей).

Классификация городов по функциям, которые они выполняют в обществе, не менее важна. Пожалуй, можно сказать, что функциональ-

ный аспект является важнейшим, и от него во многом зависят и величина города, и его роль в обществе, и степень его участия в территориальном разделении труда. По преобладанию и сочетанию различных функций можно выделить следующие классы городов:

1) сочетающий административно-политические, культурные и экономические функции градообразующего значения. Как правило, такие города являются центрами регионов, имеют развитую промышленность и транспорт, сложную внутреннюю организацию и по числу жителей относятся к классу крупнейших (или городов-миллионеров);

2) с резко выраженным преобладанием экономических функций (промышленность, транспорт). Здесь можно выделить три подкласса:

а) промышленные с многоотраслевой структурой и специализированные индустриальные центры – металлургические, машиностроительные, текстильные, химические, лесоперерабатывающие и т.д., (классификацию можно углубить, сгруппировав эти города по отраслевому признаку);

б) транспортные – при крупных речных и морских портах, железнодорожных узлах и при узлах различных видов транспорта;

в) промышленно-транспортные города (промежуточная форма). На самом деле трудно найти чисто промышленный и чисто транспортный (торговый) город, ибо в каждом городе с преобладающими экономическими функциями эти два признака сочетаются в той или иной пропорции. Весь вопрос лишь в том, какой из них доминирует, а какой играет второстепенную роль;

3) с преобладанием административных, культурных и обслуживающих функций. Среди них выделяется характерный тип городов-центров сельских административных районов, с развитыми организационно-хозяйственными функциями;

4) города-курорты, туристические центры;

5) города науки.

Типология городов по степени их участия в территориальном разделении общественного труда имеет в значительной степени синтетический характер. Значимость, роль этих городов зависят от величины и характера функций, которые они выполняют, и место городов в системе общественного разделения труда обусловлено характером связей, которые они поддерживают. Одни города обслуживают небольшие территории и являются местными центрами, другие – крупный район и участвуют в межрайонном разделении труда, значение третьих выходит за рамки страны, так как они обслуживают международные экономические, политические и культурные связи.

Обращает на себя внимание четкая взаимосвязь данной типологии с двумя предыдущими. Так, крупнейшие города в большинстве случаев являются многофункциональными, административно-политическими,

культурными и экономическими центрами, участвующими в международном или межрайонном разделении труда. Хозяйственные и культурные связи крупных и средних городов, как правило, не выходят за рамки региона, а мелкие города обычно не распространяют сферу своего влияния за пределы районов, центрами которых они являются. И чем меньше город, тем уже набор функций, им выполняемых, и тем скромнее и ограниченнее его внешние связи.

Что касается генетической классификации, то здесь «города разделяют по времени и причинам возникновения, а также по степени сохранения различных исторических черт в современной планировке и облике города». Если заглянуть в прошлое того или иного города, можно обнаружить, что у большинства из них есть свое историческое ядро – то, вокруг чего сложился и вырос город. В качестве ядра могут выступать самые различные объекты.

Например, Велихов называет следующие виды ядер:

1. Укрепленные замки – кремли (например Москва), бурги (Зальцбург), акрополи (Афины).
2. Военные крепости (Гибралтар).
3. Рынки (Архангельск), ярмарки (Ирбит), порты (Одесса).
4. Заводы и фабрики (Петрозаводск).
5. Монастыри (Ченстохов), соборы (Бургос), святыни (Лурд);
6. Дворцы правителей (Эскуриал).
7. Железнодорожные станции (Жмеринка).
8. Высшие учебные заведения (Кэмбридж).
9. Больницы (Шарантон) и т.д.

Одни из этих ядер продолжают выполнять градообразующие функции, другие давно стали исторической достопримечательностью, памятником прошедшей эпохи; но и в том, и в другом случае они определяют лицо города, его индивидуальные особенности и отличия от других городов и, в конечном итоге, его судьбу.

Наконец, исходя из экономико-географического положения можно построить следующую типологию:

- 1) города, расположенные в узлах пересечения транспортных путей;
- 2) города, расположенные непосредственно у месторождений ископаемого сырья или топлива;
- 3) города, расположенные в районах интенсивного сельского хозяйства;
- 4) города-порты (морские, речные, озерные) и т.д.

Таковы основные классификации и типологии современных городов. Конечно, их список можно продолжать, но для нас это вряд ли принесет ощутимую пользу. При желании можно отыскать еще много оснований для проведения классификации (например по количеству

кошек и собак на душу населения), т.е. все зависит от фантазии исследователя и его усердия. Для нас же это не представляет интереса.

Столь большое количество типов и классов современных городов обусловлено многообразием экономических, политических, культурных и прочих функций, которые они выполняют. Такая функциональная дифференциация, зародившаяся еще в период мануфактурного производства, стала одной из характерных особенностей современных городских поселений. Именно эта черта промышленного производства стала важной предпосылкой образования урбанизированных ареалов, систем городского расселения, которые являются некоторыми проявлениями урбанизации.

1.3. Урбанизация: сущность, истоки и развитие

Менялись принципы городского строя, экономический базис, функции, классовый состав города, но сами эти изменения были ни чем иным, как отражением особенностей своей эпохи и своей формации. Что касается эпохи капитализма, которая началась в конце XVIII века, то ее важнейшей (с точки зрения урбанистики) чертой является стремительный и непрерывный рост городов и городского населения. Причем процесс этот, первоначально получивший развитие в Западной Европе, постепенно захватил большинство стран мира, за исключением, быть может, только самых отсталых и слаборазвитых в экономическом отношении. Впрочем, эти исключения лишь подчеркивают правило, и мы вполне можем говорить о росте городов как о глобальном и всемирном процессе (табл. 1).

Таблица 1

Динамика роста численности городского населения мира

Годы	Городское население	
	Млн человек	Доля в населении мира, %
1800	50	5,1
1850	80	6,3
1900	200	13,3
1960	1033	34,2
1980	2277	43,1
2000	2926	47,5
2020*	4599	58,3
2025*	5065	61,1
* Прогноз		

Таким образом, в настоящее время почти половина населения земного шара проживает в городах, а тенденция такова, что число граждан и их доля в общем населении Земли будут продолжать увеличиваться. Еще более впечатляют данные об увеличении количества больших городов в мире за последние три столетия (табл. 2).

Таблица 2

Динамика роста числа больших городов в мире

Год	Число городов с населением свыше 100 тыс. человек
1700	31
1850	65
1900	360
1950	949
1995	Примерно 2400

Приведенные данные неопровержимо свидетельствуют о глобальности и широчайшем размахе процесса роста городов, аналогов которому не было в мировой истории. Правда, и раньше, в прежние эпохи, имели место примеры периодически возникающих всплесков градостроительной деятельности, однако масштабы ее были значительно скромнее и не претендовали на всемирный размах. А главное, коренным образом различаются предпосылки и движущие силы этого процесса, коренящиеся в особенностях капиталистического способа производства. Сам рост городов, их количества и доли городского населения является проявлением другого глобального процесса, порожденного капитализмом и ему сопутствующего. Речь идет об урбанизации.

Урбанизация – многогранный глобальный социально-экономический процесс концентрации жизнедеятельности общества в городских поселениях, распространение городского образа жизни на все население». Показатели урбанизированности в пространстве заметно различаются, поскольку время активизации данных процессов и темпы их протекания в разных странах неодинаковы.

Корни урбанизации лежат в закономерностях и основополагающих принципах индустриального способа производства. «Урбанизация начинается не с города, но с капиталистической общественно-экономической формации, поскольку именно на данном этапе общественного развития производительная способность человеческого труда оказалась в состоянии обеспечить постепенную и радикальную перестройку среди обитания во всех ее элементах» (Л. Велихов).

Контрольные вопросы

1. Понятие города: основные подходы и определения.
2. Причины возникновения городов.
3. Классификация городов.
4. Типология городов.
5. Понятие урбанизации.

ТЕМА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ. ГОРОДА-КРЕПОСТИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Самые древние человеческие цивилизации сложились в долинах рек Нила, Тигра, Евфрата – чуть позже в долинах Ганга и Хуанхэ.

Экономической основой их существования было земледелие. Условия первобытного общества (примитивная техника, кочевой образ жизни) не создали предпосылок для появления оседлых поселений. Впервые необходимый для появления городов минимум социальных условий сложился в эпоху рабовладения. Их появление было вызвано тремя причинами:

- деспотической волей рабовладельца (вождя племени), согнавшего рабов, воинов, приближенных в одно место и основавшего здесь укрепленное поселение (Ассирия, Египет, Судан);

- стремлением объединиться под защитой городских стен от набегов и грабежей, как это было у древних греков и римлян, живших первоначально племенами;

- за счет роста сельской общины, расположенной в благоприятном месте.

На определенной ступени развития повсеместно создаются города-крепости как логический результат закономерно сложившихся экономических и политических условий – в Египте, Судане, Ассирии, Персии, Иране, Китае.

Учитывая индивидуальные особенности, связанные с национальными различиями, историческими случайностями и ролью личности, это тип города разделяют на две категории: город потребительский и город полупроизводный.

Город потребительский назван так, поскольку источниками существования его были сбор дани или военный грабеж окружающих земель.

Удобное место, климат, почвы и длительное процветание царства и династии, которая его основала, делали поселение устойчивым и вынуждали перейти к полупроизводящему типу городской жизни.

Социальная роль города – быть военно-стратегическим центром, военной резиденцией правителя и выполнять функции орудия военной защиты и утверждения господства деспотического главы.

Л. Велихов писал, что есть общее правило – «сколько деспотов, столько и городов». Чуть ли не каждый глава племени, фараон, основывая царство и получив наследство, приказывал строить себе собственный город.

Прежде всего, строился укрепленный дворец для самого деспота, а затем многочисленные постройки для его жен, телохранителей, рабов, а

также храмы национальных божеств. Все это обносилось крепкой стеной. Кругом жили племена, свободные в своем внутреннем быте, но покорные воле деспота и готовые к призыву в случае войны и к платежу дани. Громадное большинство городов той эпохи были невелики, хотя и поражали грандиозностью и великолепием дворцовых зданий и храмов, построенных рабским трудом.

Население, имеющее чисто потребительский характер, возникшее в эпоху примитивной техники и варварских путей сообщений и к тому же весьма недолговечное, живущее лишь в течение одного поколения (до смерти вождя или разрушения на войне), не могло быть, как правило, ни чрезмерно людным, ни слишком обширным.

Признаки типичного города-крепости примитивных деспотий:

- наличие могущественного укрепления;
- недолговечность;
- скромные размеры городских территорий и населения;
- потребительский характер города.

Тем не менее, на протяжении веков всегда бывают исключения из общих правил. Наряду с описанным типом древнейшего города в сотнях и тысячах случаях, оставляя за собой лишь развалины, развивалось в ту же эпоху и несколько всемирно прославленных грандиозных центров (Вавилон, Мемфис, Ниневия), к созданию которых, при особом стечении обстоятельств, были экономические и политические предпосылки.

Условия создания для таких городов следующие:

Удачно выбранное местоположение в отношении климата, почвы, рельефа местности, густоты соседнего производящего населения.

Длительное и сравнительно мирное процветание как царства, столицей которого является город, приобретает признак сравнительной долговечности.

Долговечный город, столица процветающего царства, имеет внутреннюю потребность становиться более людным и застраиваться, но этому препятствует чисто потребительский характер города и крайне экономичное распределение территории, заключенной в стенах «как в панцире». Тогда город теряет свой потребительский характер и постепенно приобретает новый полупроизводительный характер.

Эти города представляли собой в сущности целые простейшие государства, обнесенные стенами, и своеобразное сочетание города и деревни.

2.1. Города Междуречья

Первые города в Междуречье Тигра и Ефрата возникли примерно в то же время, что и первые города Древнего Египта. Аналогичными были причины их появления и функции. Но при этом в Междуречье долгое

время существовали сравнительно небольшие отдельные государства, каждое из которых имело свою столицу Урук, Ур, Ниппур и др.

Исследователь Ю.А. Симагин пишет: «В центре каждого города размещался храмовый комплекс – зиккурат. Зиккурат представлял собой возвышающиеся одна над другой башни, образующие широкие террасы, соединенные лестницами. Над последней башней возвышался храм «жилище бога», где происходили ритуальные церемонии и велись астрономические расчеты, имевшие важное значение для определения сезонов сельскохозяйственных работ. К зиккурату примыкала площадь, которая во время религиозных церемоний должна была вмещать все население города. На этой же площади размещался дворец правителя (царя) окруженный садом. Вокруг царского дворца располагались жилища его приближенных и солдат. Этот центр города, как правило, был окружен внутренней защитной стеной. Остальная часть города состояла из глинобетонных жилищ простых горожан, которые также были окружены стеной, имевшей обычно правильную геометрическую форму. Оборонительные стены вокруг городов в Междуречье были необходимы, так как отдельные государства часто враждовали друг с другом, т.е. города приобредли также военно-оборонительную функцию, которая в Древнем Египте, по всей видимости, не имела большого значения»¹.

2.2. Урук

В Уруке был построен первый храм, посвященный небесному богу Ан. Впервые постройки храмов стали возводиться на искусственном фундаменте. Стена, окружающая город, достигала в длину пяти миль. Рядом с зиккуратом, посвященным богу Ану, возвышался комплекс храмовых построек, в которых проводились богослужения в честь еще одного почитаемого божества Месопотамии – богини любви и войны Инанны. Помимо храмовых построек Урук обогатился и многими административными зданиями. Стены построек украшались мозаикой: в сырую штукатурку вдавливались расцвеченные кусочки глины или, что встречалось реже, камня. Такая мозаика образовывала различные геометрические узоры. Развитие государственности в Уруке способствовало развитию всех отраслей древней промышленности Двуречья. Налаживались торговые связи, из горных районов в долину стал поступать камень, из которого мастера и художники стали изготавливать различные узоры для украшения зданий, скульптуры, ритуальную посуду и прочее. Статуи людей и богов были достаточно натуралистично изображены для художников древности. Лица статуй украшались ракушками, самоцветами и лазуритом. Очень часто голова статуи делалась из дерева,

¹ Симагин Ю.А. Территориальная организация населения: учеб. пособие. – М.: «Дашков и К», 2004.

оббивалась листовым золотом и вставлялась в специальное отверстие между плеч. В основном шедевры скульптуры, а также вазы и прочие предметы роскоши были изготовлены из алебаstra. Ещё одно изобретение жителей Урука позволяет судить о первых признаках зарождения в обществе бюрократии. Именно в этом городе были найдены таблички с пиктограммами и символами. С помощью этих знаков первые чиновники Урука записывали различные административные и торговые мероприятия. Глиняные таблички, содержащие подобные записи, опечатывались цилиндрическими печатями того или иного ответственного лица. Подобного рода печатей не имела ни одна цивилизация. На каменном цилиндре высверливались и вырезались различные изображения людей, зверей, бытовых сценок, исторических событий или отрывков из мифов и легенд. Впоследствии, при необходимости заверить нужный текст, владелец печати просто прикладывал печать к сырой глине таблички. Присутствие на печатях изображения лиры и арфы даёт возможность судить о хорошем развитии музыкальности в городе-государстве.

Появление бюрократической прослойки в городской общественной структуре символизирует новые пути развития культуры Урука. Появляются иерархические разделения в ремесленных, жреческих и крестьянских общинах. Городские купцы не только сами разъезжают по всей Азии, но и принимают торговых людей у себя в городе. Помимо этого урукские купцы открывали свои колонии в соседних странах. Бесперебойное обеспечение родного города продуктами и сырьём, которые не производились в Месопотамии, требовало постоянного представительства в соседних государствах, богатых тем, чего не было в Уруке.

Таким образом, к 4000-летию до нашей эры в Южной Месопотамии образовалось городское сообщество древних людей, занимающихся земледелием с использованием ирригационных каналов для орошения земли, скотоводством, образовавшимся вследствие одомашнивания коз, овец, диких свиней и зубров, строительством храмов и жилых построек, а также помещений для хранения зерна, шкур, мяса и прочих продуктов. В городе активно развивалось гончарное дело с применением технологического устройства для облегчения труда – гончарного круга. Прimitивная керамическая посуда с незатейливым орнаментом сменяется более тонкостенными изделиями со сложным орнаментом и дополнительными украшениями. Появляются зачатки кузнечного ремесла. Постепенно каменные орудия труда и костяное оружие заменяются медными, а затем и железными аналогами, упрощая трудоёмкие процессы. Изделия из металлов используются в архитектуре для украшения храмовых построек. Однотонные стены зданий с помощью разнообразной мозаики превращают унылый месопотамский город в жемчужину пустыни, разукрашенную буйством красок. Увеличение производительности труда и избыток производимого продукта подталкивают городское общество к

активной торговле. Широкие торговые связи и большой объем торговых сделок дают толчок к возникновению примитивной письменности – пиктографии. Требование производить точный учёт всех товарно-денежных операций приводит к созданию налогового чиновничьего сословия. К концу своего становления город-государство Урук имеет иерархически разделённое общество, сильную примитивную промышленность, крестьянство, административный аппарат и жреческое сословие.

2.3. Ниневия

Ниневия (современные холмы Куянджик и Телль-Неби-Юнус), древнейший город Ассирии, на левом берегу р. Тигр (на территории современного Ирака). С середины 5-го тыс. до н.э. – сначала поселение, потом город. В XV–XIV вв. до н.э. Ниневия зависела от государства Митанни. В конце VIII–VII вв. до н.э. при царях

Ашшурбанипале – столица Ассирии. В это время Ниневия простиралась на 4 км вдоль Тигра, главная улица – дорога процессий – была шириной 26 м. Город имел строгую планировку, нарушать которую застройщикам запрещалось особым предписанием. При Ашшурбанипале в Ниневии была создана знаменитая царская «Куянджикская» библиотека-хранилище, содержащая более 30 тыс. клинописных табличек. В 612 г. до н.э. город был разрушен союзными войсками вавилонян и мидян. Раскопками (с 40-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в.) открыты напластования культурных слоев начиная с 5-го тыс. до н.э. [полихромная керамика конца 5–4-го тыс.; скульптурная бронзовая голова – предполагаемое изображение Саргона Древнего Аккадского (2-я половина 3-го тыс., Иракский музей, Багдад). В открытых раскопках дворцов ассирийских правителей Синахериба и Ашшурбанипала (VIII–VII вв. до н.э.) обнаружены многочисленные рельефы (ныне – в Британском музее, Лондон) с изображениями, отличающимися динамикой и жизненной экспрессией образов (во дворце Синахериба – преимущественно военные и строительные сцены, во дворце Ашшурбанипала – преимущественно сцены охоты), а также статуи крылатых быков и львов – хранителей врат.

В VII в. до н.э. практически все Междуречье объединяется под властью царей Вавилона.

2.4. Вавилон. Старовавилонское общество

Период от падения III династии Ура до завоевания Месопотамии касситами (XX–XVII вв. до н.э.) мы условно называем старовавилонским. В это время Вавилон впервые возвысился над всеми другими городами Двуречья и стал столицей государства, объединившего всю Нижнюю и часть Верхней Месопотамии. Несмотря на то, что это объединение продержалось в полном объеме лишь на протяжении жизни

одного поколения, оно надолго сохранилось в памяти людей. Вавилон остался традиционным центром страны до конца существования аккадского языка и клинописной культуры. И в это время, как и в предыдущий период, Месопотамия могла по праву называться «страной множества городов». Они были разбросаны по берегам Тигра и Евфрата, на местах слияния крупных каналов. Некоторые из них насчитывали уже не одну сотню лет истории: Ниппур, Киш, Сиппар, Ур, Урук; были и более новые – Иссин, Ларса, и такие, чья история была еще впереди, как у Вавилона. Города эти занимали площадь 2–4 кв. км и насчитывали не один десяток тысяч жителей. В центре города обычно помещался храмовый комплекс, обнесенный стеной, с зиккуратом, храмами бога-покровителя нома и других важнейших божеств, здесь же располагались дворец царя или правителя и основные хозяйственные строения государственного хозяйства. Остальная часть города была занята домами горожан и другими постройками, между которыми располагались храмики мелких божеств. Дома стояли вплотную друг к другу, образуя извилистые улицы шириной 1,5–3 м. На берегу реки или канала, около которых вырос город, находилась гавань, где стояли купеческие ладьи и барки; здесь же, на площади, примыкавшей к гавани, происходила, видимо, и торговля. Жизнь горожан была сосредоточена вокруг многочисленных храмов и дворца, где многие из них служили как чиновники, воины, жрецы, ремесленники и торговцы. Имущественное положение и жизненный уровень большинства горожан были примерно одинаковы. Городская усадьба чаще всего состояла из жилого дома и участка незастроенной земли. Размеры отдельных домов колебались в пределах 35–70 кв. м. За сохранностью стены, разделявшей соседей, они следили совместно. Другим видом имущества многих горожан были финиковые сады, располагались они или в окрестностях городов, или в сельских поселениях, находившихся неподалеку. Площадь садов чаще всего не превышала одного гектара. Горожане, основным занятием которых были служба или ремесло, часто не занимались сами садовыми работами, а сдавали свои участки в аренду. За месяц-два до сбора фиников производился осмотр пальм, с тем чтобы определить ожидаемый урожай. На основании предварительной оценки составлялся письменный договор, согласно которому садовник должен был предоставить хозяину сада определенное количество фиников. Основным продуктом питания горожан, как и сельских жителей, был ячмень. Поля, по выражению, употребленному в одном из писем того времени из Южной Месопотамии, были «жизнью страны». От их урожайности зависело снабжение городов зерном и в конечном счете благосостояние всех горожан. Жизнь городов во многом была подчинена ритму сельскохозяйственных работ. Горожане, связанные с государственным хозяйством, получали за свою службу земельные наделы в 2–4 га. Некоторые горожане кроме

служебных могли иметь наделы земли в сельских общинах на правах членства в них. Кроме полей этих двух типов – наделных и общинных – некоторым горожанам принадлежали крупные земельные владения, о происхождении которых у нас нет достаточно точных сведений. Возможно, что это были пожалования крупным чиновникам или лицам, близким к царю. Поля, так же как и сады, горожане редко обрабатывали сами, чаще они сдавали их в аренду земледельцам, жителям сельских поселений, на территории которых рядом с общинными землями располагались обычно служебные наделы. Участки сдавались в аренду либо за твердую плату, либо из доли урожая, чаще всего из 1/3. Скота большинство горожан не держали, рабов имели немного. Большинство рабов были чужеземцами, либо пригнанными в плен местными воинами, либо приведенными торговцами из других городов, где они попали в рабство также, вероятно, в результате пленения. Раб стоил примерно 150–175 г серебра, рабыня – несколько меньше. В большинстве случаев рабы выполняли работу, в том числе производственную, наравне с другими членами семьи и по своему правовому положению были близки к малолетним, находящимся под патриархальной властью главы дома. Таким образом, имущество, позволявшее горожанину прокормить себя и свою семью, сводилось к небольшому дому с самой необходимой мебелью и хозяйственной утварью и небольшому полевому участку, принадлежавшему ему как члену какой-либо сельской общины либо данному ему храмом или государством в пользование (кормление) за службу, иногда к нему добавлялась маленькая финиковая роща. Другим источником доходов горожан были натуральные выдачи: храм и дворец снабжали некоторых своих служащих не земельными наделами, а продуктами – зерном, шерстью, растительным маслом, иногда небольшим количеством серебра. Кроме того, выдачи продуктов, часто в значительных размерах, производились во время храмовых праздников.

Кроме крупных и мелких городов на территории Месопотамии в старовавилонский период существовало много небольших сельских поселений, расположенных по берегам рек и каналов, соединявших города друг с другом. Сами постройки в таких поселениях занимали площадь в несколько гектаров и состояли из домов, построенных из кирпичасырца, а часто и из тростниковых плетенок, обмазанных глиной. Население их составляло от пятидесяти до нескольких сот человек, основным занятием которых было земледелие. Жители образовывали территориальные общины, объединявшие один или несколько поселков с их земельными угодьями. Главной сельскохозяйственной культурой был ячмень, средний урожай которого в этот период составлял примерно 12,5 ц с гектара. Пшеницу сеяли редко, так как она не выдерживала все усиливавшегося засоления почвы. Выращивали также финики, лук, бобовые. Всей жизнью таких поселений управлял совет старейшин, изби-

равшийся жителями из числа наиболее уважаемых и богатых семейств; во главе совета стоял староста, назначаемый обычно царем. Одни общины платили налог государству натурой, в других – часть орошаемой земли отводилась под государственное хозяйство. Эти земли царь мог раздать своим чиновникам в качестве вознаграждения за службу, а мог поселить здесь работников из прибегавших к его покровительству бедняков, которые за это отдавали ему значительную часть своего урожая. Главной задачей большинства мелких хозяйств было воспроизводство, товарность их была низкой, тем не менее, каждому хозяйству приходилось, хотя и редко, приобретать необходимые орудия и предметы, которые оно не могло изготовить само. Основным средством платежа в это время служило серебро, которое значительно потеснило зерно, употреблявшееся ранее для этой цели. Все имело свою оценку в серебре: любые виды движимого и недвижимого имущества, доходы от жреческой должности, плата наемному работнику, расходы, связанные с несением определенных повинностей. Однако у большинства горожан, а тем более жителей мелких сельских поселений серебра в наличии не было совсем, в основном им располагали лица, занимавшиеся торговлей. Некоторым количеством серебра владели в виде украшений наиболее обеспеченные семьи. Это ручные и ножные браслеты, серьги, кольца, имевшие стандартный вес, которые могли в случае необходимости употребляться при денежных расчетах. Но основная масса наличного серебра была сосредоточена в руках государства (во дворце и храмах), которое распределяло часть своих запасов среди высших дворцовых и храмовых служащих посредством выдач или подарков. Наличие в обращении малого количества серебра, особенно за пределами больших городов, вдали от центральных учреждений и торговых компаний, и низкая товарность хозяйства приводили к тому, что не только не всегда и не везде можно было продать за серебро продукты сельского хозяйства, но и купить их за серебро также бывало зачастую трудно. Купля-продажа за серебро при отсутствии чеканной монеты необходимо требовала взвешивания, расчетов, т.е. определенных знаний и квалификации, которыми большинство населения, конечно, не обладало. Это еще более затрудняло обращение серебра, особенно в сельской местности. В крупных городах, где были меняльные лавки и жило много торговцев, подобного рода затруднений не возникало. Серебро здесь могло обращаться свободнее, и его, вероятно, всегда можно было реализовать, так как потребность в серебре в связи с развитием хозяйства все возрастала. Естественным следствием потребности в серебре в условиях недостаточного количества этого металла в обращении и концентрации его в руках узкой группы лиц, связанных с торговлей и занимавших высшие должности в храмовом и дворцовом хозяйстве, было развитие кредита. Однако поскольку серебра было мало, то дать его в долг, рассчитывая

на возвращение долга с процентами серебром же, можно было только в том случае, если должник имел торговый капитал или занимал значительное положение в государственном хозяйстве, т.е. принадлежал к той небольшой группе лиц, в руках которых сосредоточивались основные доходы от сбора налогов и торговли. Большинство семей стояло вне этого круга и не могло рассчитывать на получение займа, если кредитору не предоставлялась достаточно твердая гарантия; такой гарантией могла служить личность должника или его недвижимость. В этих случаях должник, нуждаясь в серебре, шел на заклад или на продажу в рабство членов своей семьи и даже себя самого либо на продажу своей недвижимости. Продажи подобного рода, которые скрывали за собой долговые сделки, носили временный характер и по истечении определенного срока или выполнении определенных условий должны были аннулироваться. Таково было имущественное положение большинства жителей Месопотамии, дававшее им ограниченный, но более или менее стабильный доход. Над этой массой стояла небольшая группа богатых семей, представители которых занимали высшие должности в государственном или храмовом хозяйстве (и в общинах) либо входили в число приближенных или родственников царя. Эти семейства владели многочисленными земельными имениями, доход с которых исчислялся десятками тысяч литров зерна, значительными по тем масштабам стадами овец. Все работы в таких имениях велись с помощью арендаторов (в полеводстве и садоводстве), наемных работников (в скотоводстве) и рабов, труд которых мог применяться во всех отраслях большого хозяйства. Низший слой общества составляли бедняки из числа крестьян и горожан, разорившихся вследствие каких-либо природных или социальных катастроф либо из пришлых людей, которые ничего не имели и жили только выдачами из дворца или храма, к покровительству которых они обратились. В количественном отношении бедняков и богачей в мирное время было немного по сравнению с основной средней массой населения, но их существование оказывало огромное влияние на социальную жизнь и общественное развитие.

Скромное имущественное положение и доходы большинства населения определяли и скромные потребности. В старовавилонский период в Месопотамии были известны и находились в употреблении – как в частном, так и в государственном хозяйстве – нормы, определявшие необходимый для существования человека уровень потребления. Считалось, что взрослому мужчине-работнику необходимо для пропитания 1,5 л ячменя в день (или 550 л в год), кроме того, в течение года он употреблял 2,5–3 л растительного масла на умощения и снашивал одно платье, на которое шло около 1,5 кг шерсти. Для пропитания женщины достаточной считалась половинная норма ячменя; масла и шерсти ей требовалось примерно столько же, сколько и мужчине. Мяса большин-

ство населения в пищу не употребляло, исключая участие в мясных жертвенных трапезах во время храмовых праздников.

В сословном отношении общество того времени делилось на полноправных свободных граждан (авилум), владевших недвижимой собственностью на правах членства в какой-либо (городской или сельской) общине, на лиц с ограниченными юридическими и политическими правами (мушкенум), не имевших недвижимой собственности, но получивших от государства за службу или работу в условное владение землю, и на рабов (вардум), которые были собственностью своих хозяев. Высшая дворцовая и храмовая знать относилась к авилумам. Собственность на землю не носила сословного характера, и в той мере, в какой земельные участки продавались (главным образом дома, сады, весьма редко поля), их могли покупать и мушкенумы. Города и сельские поселения со всей их обрабатываемой площадью занимали сравнительно узкую территорию месопотамской аллювиальной равнины, к которой с обеих сторон примыкали пастушеские угодья, населенные подвижными западносемитскими племенами овцеводов-амореев, нередко враждовавшими между собой. Ежегодно в определенный сезон скотоводы вторгались прямо в зоны оседлого обитания или на границы этих зон. В зависимости от того, где они пасли свой скот другую половину года, они появлялись здесь либо летом, когда в степях выгорала трава и пересыхали источники, либо зимой, когда в горах не было корма для скота и его негде было укрыть от холодных ветров. В принципе каждое племя имело свою автономную территорию, но границы этих территорий были весьма расплывчаты. Оседлые жители и скотоводы были связаны между собой множеством разнообразных экономических, социальных и политических факторов. Важную роль в экономической жизни играл обмен продуктов овцеводства на продукты земледелия; вероятно, через пастушеские племена в Месопотамию проникали и некоторые иноземные товары. Неоседлое скотоводство оказывало значительное влияние и на социальное развитие общества Месопотамии. Одним из постоянных факторов являлся постепенный переход части скотоводческих племен к оседлости. Самые богатые предпочитали оседлость, когда размеры их стад превышали возможности пастбищной земли, и становились землевладельцами, военачальниками, пополняли собой городскую элиту. Самые бедные оседали на земле, когда потери скота уменьшали их стада ниже минимума, необходимого, чтобы прокормить семью, и поступали на службу в государственное или храмовое хозяйство, получая за свой труд земельный надел или натуральное довольствие и пополняя собой число беднейшего и наиболее зависимого населения Месопотамии. Все это усиливало социальное расслоение. Влияние скотоводческих племен на политическую жизнь Месопотамии было еще более значительным. На протяжении всей ее истории ежегодные мирные миграции скотово-

дов легко превращались в агрессивные, стоило только немного ослабеть власти централизованного государства. Этот процесс происходил и в рассматриваемый нами период. Десятилетия войн пагубно отразились на хозяйственной жизни страны. Основа месопотамской цивилизации – ирригационная система, требовавшая неусыпного внимания и постоянных работ по поддержанию ее в порядке, – приходила в упадок. Земля, когда-то дававшая хорошие урожаи, засолялась или истощалась и становилась непригодной для посевов. Все это болезненно отзывалось и на государственном, и на частных хозяйствах, но последние, будучи примитивно организованными, возрождались легко; что же касается сложного механизма государственно-хозяйственного управления, распавшегося после падения III династии Ура, то новые правители не хотели, да и не имели возможности его восстановить. Им проще было раздать захваченную государственную землю, ремесленные мастерские, торговые учреждения, до этого почти полностью находившиеся в ведении государства, отдельным лицам, которые начинали вести почти частное хозяйство, хотя и не являлись собственниками.

Значительная часть торговли, ремесла перешла под контроль частных лиц, даже распределение жреческих должностей превратилось из функции государственной власти в предмет торговли, частных соглашений и завещаний. Многие виды платежей также, вероятно, отдавались на откуп частным лицам. Даже международная торговля, несмотря на беспокойную обстановку в стране, развивалась в это время более успешно, чем ранее, так как частному купцу легче было откупиться или обойти местного царька-вождя, чем уклониться от действовавших в государстве III династии Ура на всей территории Месопотамии строжайшей регламентации и ограничений в торговле, которые почти не оставляли возможностей для личного обогащения. Рост частного хозяйственного сектора в условиях, когда возможности развития товарного производства были еще весьма ограничены, свободных наличных денег (серебра) в обращении было очень мало, а поступление доходов от сельского хозяйства, составлявшего основу существования большинства населения, носило сезонный характер, приводило к тому, что мелкие хозяйства очень быстро попали в зависимость от кредиторов. Поэтому в рассматриваемый период широко распространилось ростовщичество; кредитные сделки стали одним из наиболее выгодных способов вложения капитала, а рост составлял $\frac{1}{5}$ или даже $\frac{1}{3}$ суммы займа. Кабальные формы кредита вели к разорению мелких хозяйств. Повсюду начинается купля-продажа финиковых плантаций, а потом и полей. Продажа земли была равносильна отказу продавца от гражданских прав в общине, и на такую сделку решались в последнюю очередь, зато в случае нужды продавали во временное рабство членов семьи или отдавали их кредитору в залог как гарантию уплаты долга. В этот период впервые в

Месопотамии массовый характер приобретает и наемный труд. Однако сильная централизованная власть не была заинтересована в чрезмерном увеличении самостоятельности отдельных лиц, а тем более в обезземеливании и потере средств к существованию значительной части населения, что лишало государство налоговых поступлений и ослабляло его военную мощь. Поэтому как только стремление к объединению и созданию стабильного государства приближается к реальному осуществлению, государство начинает ограничивать самостоятельность отдельных граждан и делает попытки с помощью специальных указов воспрепятствовать продаже земли и закабалению беднейшей части населения. Указы такого рода, носившие название «указов царя» или «указов о справедливости», издававшиеся каждые пять-семь лет, должны были аннулировать кабальные сделки, освобождать от временного рабства, возвращать недвижимость первоначальному владельцу. Однако кредиторы изыскивали всевозможные пути, стараясь избежать выполнения этих указов, и им это часто удавалось, если только должник не имел достаточно средств, чтобы возбудить судебный процесс. Данная политика ограничения «частного сектора» проводилась в Ларсе, когда в конце XIX в. Кудурмабуг превратил ее в сильное государство, объединившее все Нижнее Двуречье. Рим-Син, второй сын Кудурмабуга, став царем в Ларсе, провел ряд реформ, направленных на ограничение частнособственнической деятельности и развития товарно-денежных отношений, что привело к резкому упадку в Ларсе частной торговли и ростовщичества. Еще больше тенденция к усилению государственного управления хозяйственной жизнью страны и ограничению частной хозяйственной деятельности проявилась в реформах, проведенных царем Вавилона Хаммурапи. Административная система государства была упорядочена и строго централизована, так что нити управления всеми сторонами хозяйственной жизни, в конечном счете, сходились в руках царя, который вникал во все вопросы. Придавая большое значение личному участию в делах, Хаммурапи вел интенсивную переписку с чиновниками на местах; нередко и частные лица со своими жалобами или проблемами обращались прямо к нему. Была проведена важная судебная реформа, которая внедряла единообразие в судопроизводство; роль царя в нем усилилась. Во все большие города, где раньше действовали только храмовые и общинные суды, были назначены царские судьи из числа чиновников, подчиненных непосредственно царю. Храмы с их обширными хозяйствами, занимавшими значительную часть территории Месопотамии, которые после падения III династии Ура пользовались большой самостоятельностью, были вновь в административном и хозяйственном отношении полностью подчинены царю. На большей части территории государства была совершенно запрещена продажа земли, кроме городских участков. Этими мерами, как и «указами о справедливости»

ности», государство стремилось предотвратить разорение и обезземеливание населения. Важнейшим деянием царствования Хаммурапи, кроме проведения отдельных реформ, было составление свода законов (далее сокращенно ЗХ).

Реформаторская и законодательная деятельность Хаммурапи, грандиозная по своим масштабам и целенаправленности, произвела большое впечатление на современников и надолго осталась в памяти потомков. Однако эти меры, часто новаторские по форме и способу проведения, по сути своей были направлены не на обновление общества, а на поддержание традиционных общественных институтов, таких, как натуральное хозяйство, общинная собственность на землю и т.п., и не затрагивали экономической основы общества: характер производства и уровень развития производительных сил в старовавилонской Месопотамии оставались в принципе теми же, что и в Шумере. Экономике Месопотамии в старовавилонский период были присущи многие черты, характерные для экономики обществ ранней древности. Основной социально-экономической задачей такого рода обществ было не расширение производства, а неизменное воспроизводство всей системы в целом. На достижение этой главной задачи было направлено взаимодействие всех общественных сил: экономических, социальных, религиозных. Типологическое сходство подобного рода обществ не исключало специфики каждого отдельного варианта. Характерной чертой экономики старовавилонской Месопотамии, унаследованной ею от Шумера, являлось существование широко развитой распределительной системы, которая не ограничивалась распределением отдельных видов продуктов или товаров (особенно импортных) между отдельными группами населения, а охватывала также распределение всех материальных благ (в том числе служебных должностей и недвижимости), имевшихся в обществе, между членами данного общества в зависимости от занимаемого каждым индивидуумом положения в общей иерархической структуре государства. Товарно-денежные отношения в этом обществе были развиты слабо и обращены главным образом вовне. Внутри себя большинство хозяйств были автаркичны. Хаммурапи был, несомненно, одним из самых выдающихся деятелей в истории древней Месопотамии. Его личные качества сыграли немалую роль в возвышении Вавилона и сохранении им долгое время своей власти над значительной частью Двуречья. Однако те же силы, которые подточили государство III династии Ура и привели его к упадку, продолжали действовать в Месопотамии и после образования Вавилонского государства. Экономические интересы разных частей Вавилонии были различны, и только ценой больших усилий Хаммурапи и его преемникам удавалось некоторое время удерживать всю завоеванную территорию в своих руках. Мы уже говорили о деятельности Хаммурапи по созданию единой экономической системы, эффективного

административного аппарата. Все эти меры, однако, не имели долговременного успеха. В историческом плане главным итогом правления Хаммурапи было то, что основная сцена действия месопотамской истории, располагавшаяся с начала III тысячелетия до н.э. на юге, была перенесена на север, где она и оставалась затем более 1000 лет.

2.5. Вавилон в правление Хаммурапи

Эламские цари вошли в роль всемирных завоевателей и стали считать Сирию и Палестину, по наследству от Саргона и Нарамсина, своей собственностью. Эти притязания они сохранили навсегда и даже передали своим преемникам – Ахеменидам, но пока им пришлось натолкнуться на опасного соперника в лице Хаммурапи, который уже вскоре по вступлении на престол (начало XX в. до н.э., по современным данным, годы правления 1792–1750) вышел из повиновения Римсину и стал завоевывать «по повелению Ану и Энлиля» города Сеннаара. На 30-м году своего царствования он нанес своему сюзерену решительный удар, взял Ур и Ларсу; затем выгнал эламитов из области двух рек, даже «с помощью Ану и Энлиля» отнял у них Эмутбал и Туплиаш и «ниспроверг царя Римсина». В Ларсе был посажен как наместник какой-то Синиддиннам, одноименный с прежним царем этого города, может быть, потомок свергнутой эламитами династии. До нас дошла интересная переписка с ним Хаммурапи, в которой затронуты самые разнообразные стороны государственного управления. Два письма касаются плененных эламских богинь: «К Синиддиннаму. Так говорит Хаммурапи: я шлю к тебе офицеров Зикирилишу и Хаммурапибани, чтобы они доставили сюда богинь Эмутбала. Ты отправь богинь в процессии на корабле, как в наосе, чтобы они прибыли в Вавилон. Пусть их сопровождают храмовые женщины. Позаботься о продовольствии богинь и храмовых женщин по день их прибытия в Вавилон. Приставь людей тянуть канат и отбери солдат, чтобы они доставили богинь в Вавилон благополучно. Пусть они без промедления, поспешно придут в Вавилон».

Через некоторое время последовало новое письмо с приказанием принять богинь и отослать назад в Эмутбал. Первое письмо вполне понятно: палладий эламитов должен находиться в Вавилоне. Второе письмо, может быть, вызвано какими-нибудь «знамениями» гнева богинь, а может быть, просто тем, что Эмутбал вошел в состав империи, и Хаммурапи вернул богинь уже в свою провинцию. Вероятно, в этот период была составлена найденная в Ашшуре песнь в честь этого города, где он сопоставляется с древним священным Ниппуром, и в числе прочего говорится следующее: «Ниппур – град Энлиля, а Вавилон – его возлюбленный; Ниппур и Вавилон – заодно, созерцать Вавилон – великая радость; обитающий в Вавилоне увеличивает дни свои; Вавилон – пальма

из Дильмуна, плод коей единственный по сладости... Кто говорит дурно о Вавилоне, будет постигнут смертью, кто его возьмет, кто оскорбит его сына»... (конец не сохранился). Около двух тысячелетий, несмотря на погромы и попытки уничтожения (Синахериб, Ксеркс), на превратности политических условий, Вавилон оставался метрополией Азии, что наиболее красноречиво засвидетельствовал Александр Великий, сделав его столицей новой империи, призванной примирить Восток и Запад. Только селевкидо-парфянские войны, основание Селевкии и Ктесифона, а впоследствии Багдада, повлекли за собой запустение Вавилона, который, однако, существовал еще в X в. н.э. В настоящее время на его месте три-четыре деревни и обширное поле развалин. На левом берегу Евфрата, выше города Хилла, находятся группы холмов с развалинами. Самая северная – Бабил, по следам гидравлических сооружений, колодцев и водопроводов, находившихся в сообщении с Евфратом, и по положению – под всем городом, должна была заключать в себе дворец Навуходоносора с висячими садами и парками. Следующая к югу в полудне пути группа развалин носит название Эль-Каср («замок») и заключает в себе остатки дворца вавилонских царей. Здесь найдено множество кирпичей с печатью Навуходоносора, надпись на глиняном цилиндре – манифест Кира вавилонянам и т.д. Еще южнее – Тель-Амран, который был местом главного вавилонского храма в честь бога-покровителя Мардука, носившего название Эсагила, – «Дом высокий», с семиэтажной башней Э-теменан-ки («Дом основания неба и земли»). Эсагила построена царем Забумом (вторая половина третьего тысячелетия до н. э.), сыном Сумулаилу, второго царя первой вавилонской династии, который за четыре года своего царствования выстроил стены и обезопасил свою независимость от Сиппара, а также приготовил для Мардука, национального бога, трон из золота и серебра. Эта группа была как бы кремлем Вавилона, заключавшим его главную святыню и жилище царя. Она была окружена особыми стенами Имгур-Бел и Нимити-Бел, остатки которых сохранились. Из Эсагила шла длинная процессионная священная дорога, переходившая затем через каменный мост на Евфрате и направлявшаяся к югу, в город Борсиппу, в храм Э-зида («Дом вечности»), посвященный Набу, сыну Мардука. Этот храм погребен под холмом Бирс-Нимруд. По ту сторону Евфрата, напротив дворца и Эсагила, лежал окруженный с запада стеной другой царский дворец, в котором умер Александр Великий. Его окружал круглый парк. Площадь города была изрезана каналами, из них самыми важными были судходный Арахту, шедший с севера на юг и служивший также для процессов, затем, по ту сторону Евфрата – Пикуду и Борсиппский, а также, наконец, канал Мардука, отделявший Эсагила от дворца. Кроме главного храма в Вавилоне, конечно, было множество других; некоторые из них могут быть определены, например: храм, посвященный богу Ша-

машу на правом берегу Евфрата, южнее дворца и каменного моста. Немецким археологам удалось найти в восточной части Эль-Касра храм богини Нинмах, восстановить его полный план и вблизи его напасть на след прецессионной дороги, вымощенной широкими плитками из известняка и обставленной прекрасными эмалированными барельефами львов и фантастических фигур. От Хаммурапи мы давно уже имели много строительных надписей, затем найдено собрание его писем к Синиддиннаму и другие тексты, которые дают возможность обрисовать личность и деятельность этого царя. Это был талантливый правитель. Он создал или усовершенствовал административную систему, улучшил средства сообщения, заботился о каналах. Его деятельность простиралась на все стороны жизни. Счастливый воитель, освободивший страну от эламского ига, он объединяет под своей властью все городские царства, заботится о святилищах не только всего Сеннаара, но даже Ашшурра и Ниневии. Он издает указы, касающиеся календаря, следуя при этом, кажется, восьмидесятичетырехлетнему циклу вставок; так, он пишет Синиддиннаму: «Так говорит Хаммурапи: так как год имеет недостаток, то пусть месяц, который теперь начался, будет считаться вторым элулом. И вместо того, чтобы подать приходила в Вавилон 25 тишри, пусть поступит 25 числа второго элула». Орошение страны и водные пути были предметом его особенной заботливости. Он сооружает новые каналы (один из них даже называется «Хаммурапи, благословение народов»), очищает старые (в Уруке, Дамане), заботится об устранении неисправностей в течении Евфрата. Но еще большее внимание Хаммурапи уделял правосудию. Уже в письмах и надписях эта сторона его деятельности выступает с достаточной ясностью. Например, в одном письме он дает инструкцию о суде над взяточниками, в других занят делами о ростовщиках, в иных требует присылать ему в Вавилон людей, которые могли бы, будучи очевидцами, сообщить ему о делах, иногда требует ареста неисправных чиновников и т.п.

Хаммурапи также принадлежит древнейший из сохранившихся законодательных сборников, высеченный в камне. Первоначально этот камень стоял в Сиппаре и оттуда был похищен каким-то эламским завоевателем, стершим небольшое количество параграфов кодекса ради увековечения своей победной надписи, которая почему-то так и не была вписана. Кроме него, царь поставил такие же в других центрах: в вавилонской Эсагиле и в самих Сузах; от последнего также найдены фрагменты; в Ниппуре найден современный эпохе Хаммурапи фрагмент глиняной таблички. В «хронике» Хаммурапи уже второй год царствования отмечен как тот, «в который была установлена правда». Дошедшая до нас редакция относится уже к тому времени, когда Хаммурапи был единовластным правителем Двуречья. В длинном введении он перечис-

ляет свои заслуги относительно всех городских богов, от Эриду до Ниневи включительно, и говорит о победе над врагами.

Сам текст кодекса Хаммурапи представлял собрание около трехсот формул, составленных большей частью по казуистическому шаблону: «Если кто-либо сделает то-то, то подвергается тому-то» – это скорее перечень случаев из судебной практики, взятых из уголовного и гражданского права и расположенных в достаточно произвольном порядке. Здесь нет ни общих принципов, ни отвлечений, ни строгой системы, зато случаи предусматриваются и разбираются с большой обстоятельностью.

Начиная с преступлений против судопроизводства – клеветы, лже-свидетельства, подкупа судей, свидетелей, неправого суда, кодекс переходит к различного рода преступлениям против собственности, затем следуют постановления из области аграрных отношений и торгового права (42–126), законы, относящиеся к семейному праву (127–194), наказания за причинение личного ущерба, гонорары врачам, архитекторам, постановления о судостроительстве, найме судов и т.п., законы о животных (найме их, о вреде, причиняемом ими, и др.), наконец, о рабах. Перед нами проходит картина большого культурного государства с обществом, уже пережившим все предварительные стадии своего развития. Центральная власть уже уничтожила в нем местные династии, вместо благородного поставила чиновного, порвала с родовым или племенным строем, упразднила кровную месть и, через своих агентов, заботится о благосостоянии народа, о подъеме земледелия, торговли, водных сообщений. Военская повинность и постоянное войско уже существовали. Чиновничество было развито; к нему предъявлялись сверху большие требования, делавшие службу далеко не легкой, но власть считала себя обязанной заботиться о своих органах, наделяя их землей, которая при известных условиях могла даже переходить по наследству или обращаться в пенсию; не оставался забытым и попавший в плен служилый человек, закон охранял его от произвола начальства. К низшему сословию принадлежали свободные наемные рабочие и ремесленники, в том числе врачи и ветеринары, получавшие за свой труд плату, а не гонорар («подарок»), как архитекторы и корабельщики. Рабы имели собственность и находились под покровительством законов; казнить их можно было только по суду. Они были заклеены, продавались, давались в залог, за их увечье вознаграждался господин. Земледелие было интенсивным, существовала частная земельная собственность. Даже иммунитет. Землевладельцы или сами обрабатывали свою землю через рабов и рабочих, или отдавали внаймы. В стране обеспечивали безопасность, преследуя бандитов и бродяг. Торговля поощрялась и достигла большого развития, передвижение было свободно. Городской характер культуры и положение Вавилона содействовали тому и обусловили то, что

вавилонское право было фактором развития денежного обмена, несмотря на то, что благородные металлы были привозные. Деньги появляются здесь раньше, чем где бы то ни было; серебро в отвешенных кольцах было мерилom цен при меновой торговле. Все это указывает на многовековое развитие в прошлом и заставляет видеть в вавилонской державе Хаммурапи продукт уже древней культуры.

Судопроизводство как из кодекса, так из документов еще не вполне ясно. В древности, думается, судили жрецы «у врат храма». Теперь рядом с ними все более и более выступают светские («царские») судьи, вероятно, не без влияния царской власти, взявшей на себя правосудие и проводившей взгляд, что оно идет не от богов Ниппура, Сиппара или Ларсы, а из Вавилона, судебная палата которого объявлена верховной.

После смерти Хаммурапи основанное им государство продолжало существовать при его потомках еще более 150 лет, постепенно ослабевая под ударами внутренних и внешних врагов. Место амореев заняли пастушеские племена касситов, которые уже с XVII в. постоянно вторгались в Месопотамию с востока – с центральной части горных хребтов Загроса. Удары касситов, трудности охраны протяженных границ, экономические затруднения, вызванные неспособностью государства преградить путь ростовщичеству и остановить обезземеливание общинников, – все это ослабляло Вавилон и усиливало сепаратистские стремления подчиненных ему областей. Первым от Вавилона отпал город Терка в долине р. Хабур, где кочевали племена ханеев; здесь же осела и большая группа касситов. Затем восстали города на юге страны, поддержанные племенами Идамарац и Ямутбала. Восстание было подавлено (1739 г. до н.э.), многие города юга страны – Ларса и древнейшие центры шумерской цивилизации, хранители тысячелетних традиций клинописной культуры Урук и Ур – были полностью разрушены и надолго опустели. Однако Вавилону не удалось окончательно вернуть себе юг. Образовавшееся у берегов Персидского залива государство Приморской династии просуществовало почти 300 лет.

К середине XVII в. у Вавилонского государства, которое оставалось крупнейшим на территории Месопотамии, появились еще более сильные соперники и размеры его значительно уменьшились. На юге Лагаш и Ур с примыкающими к ним территориями прочно вошли в состав Приморского царства. На севере границы Вавилона пролегли южнее Мари и Ашшура. Из областей за Тигром за ним сохранялись территории, занятые племенами Идамарац и Ямутбала. В Верхней Месопотамии прочно держалось ханойское царство с центром в Терке, где аккадско-аморейскую династию сменила касситская. К власти здесь пришел царь с касситским именем Каштилиаш. Отсюда касситы небольшими группами постепенно проникали во все области Месопотамии. Многие из них нанимались на сезонные работы, поступали на службу в войско.

В 1595 г. до н.э., после того как хетты во главе с Мурсили I вторглись в Месопотамию и низложили последнего царя Вавилонской династии – Самсудитану, касситы захватили царскую власть в Вавилонии. Их правление продолжалось более 400 лет.

2.6. Вавилон при касситской династии

Как мы видели, Старовавилонский период истории Месопотамии завершился вскоре после 1600 г. до н.э. касситским завоеванием. Коренным местом обитания касситских племен были горные местности Западного Ирана – в верховьях р. Диялы и ее притоков у северо-западных пределов Элама. Были ли они здесь автохтонами или пришельцами, неизвестно. Ничего нельзя сказать также и о возможных родственных связях касситов с другими народами древности, ясно только, что они не были индоевропейцами. По долине Диялы касситы совершали набеги на Месопотамию в конце I Вавилонской династии. Одна из групп касситских племен еще в XVIII в. до н.э. продвинулась даже в Северную Месопотамию и обосновалась здесь в Ханейском царстве (на среднем Евфрате у устья р. Хабур). По-видимому, вожди касситских племен сначала служили местным правителям, но затем сами захватили власть и сделались царями. В этом качестве они и вошли в позднейшие списки касситских царей Вавилонии, хотя до воцарения в Вавилоне им было еще далеко. Лишь после разгрома его хеттами в 1595 г. до н.э. Вавилон достался касситам.

От XVI–XV вв. до н.э. из Месопотамии до нас дошло очень мало документов. Первым известным нам касситским царем Вавилона был Агум II (XVI в. до н.э., второй по счету в династии, которая первоначально правила в Хане). Он правил уже обширной территорией, куда входила Южная Месопотамия, кроме Приморья, а также горные области за Тигром, хотя «царем Шумера и Аккада» он себя не титуловал.

Около этого же времени народ хурритов создал на территории Верхней Месопотамии новое царство – Митанни, о котором речь пойдет ниже. От первой четверти I тысячелетия до н.э. до нас дошел любопытный документ – перечень войн и мирных договоров между Ассирией и Вавилонией (так называемая «Синхроническая история»). Из этого документа видно, что преемник Агума II, Бурна-Бурариаш I, около 1510 г. заключил на среднем течении р. Тигр мирный договор с правителем Ашшура. Следовательно, касситская Вавилония имела с этим городом-государством общую границу. Еще через два поколения, около 1450 г., Улам-Бурариаш, брат касситского царя, покорил Приморье и убил его последнего правителя. После смерти брата он, видимо, стал царем Вавилонии и, таким образом, вновь объединил всю Нижнюю Месопотамию в единое государство. Теперь касситские цари уже именуют себя

«царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь касситов и царь Кар-Дуниаша» (Кар-Дуниаш – касситское название Нижней Месопотамии, употреблявшееся затем в течение нескольких веков). Они завязывают дружественные отношения с Египтом, впрочем, держатся по отношению к нему несколько заискивающе. Отношения с Ашшуром складываются весьма сложно: правители Ашшура были то данниками касситов, то врагами, то союзниками и даже родичами.

Касситский царь Куригальзу Старший (начало XIV в. до н.э.) создал царскую резиденцию, отдельную от Вавилона, построив себе г. Дур-Куригальзу («Крепость Куригальзу»). Вавилон при этом получил освобождение от общегосударственных налогов и стал привилегированным самоуправляющимся городом. Еще раньше, видимо при I Вавилонской династии, подобную привилегию получил Сиппар, около 1250 г. – Ниппур, а позднее и другие важнейшие города. С середины XIV в. до н.э. в Вавилонии, видимо, происходит оживление экономики, о чем свидетельствует увеличение числа деловых и хозяйственных документов. Но затем ашшурский правитель вмешивается в династические распри в Вавилонии и дважды сажает на вавилонский престол своих ставленников. Попытка Вавилонии в дальнейшем вести войну против Ассирии оказалась неудачной, и касситские цари вынуждены были согласиться на ассирийский контроль над вавилонско-митаннийской торговлей. Но зато с Ассирией был установлен прочный мир, и вавилонский царь Куригальзу Младший (1333–1312 гг. до н.э.) сумел провести успешную войну с Эламом, захватив Сузы и другие города. Однако это был лишь временный успех, и вскоре в Эламе вновь создается независимое и могущественное государство. Вообще политическое положение в дальнейшем стало складываться не в пользу Вавилонии. На севере теперь уже существовало мощное Ассирийское царство, все время расширявшее свою территорию и угрожавшее отрезать Вавилонию от торговых путей. С востока, как уже отмечалось, угрожал Элам. Наконец, с запада, где касситам удалось было избавиться от скотоводческих племен амореев, стали надвигаться из степей новые кочевые племена – арамеи. Эта последняя угроза оказалась особенно серьезной. Поэтому предпринимаются попытки установить между тремя «традиционными» великими державами – Египтом, Хеттским царством в Малой Азии и Вавилонией – союз, направленный прежде всего против Ассирии и кочевников. Союз этот, однако, не удался. Около 1225 г. эламский царь совершил опустошительный набег на Вавилонию, и почти сразу же вслед за ним явился ассирийский царь Тукульти-Нинурта. Ассирийцы наголову разбили касситско-вавилонское войско, а царя Каштилиаша захватили в плен и в цепях увели в Ашшур. Затем пал Вавилон, его храмы и дворцы были разграблены, а статую бога Мардука увезли в Ассирию. Семь лет спустя вавилоняне вновь обрели независимость, а новый касситский

царь, Адад-шум-уцур (ок. 1187 г. до н.э.), сумел, в свою очередь, вмешаться в дела Ассирии и посадить там на престол своего ставленника. В середине XII в. снова Вавилония подверглась новому нашествию сначала ассирийцев, а затем эламитов. Особенно тяжким было второе. Около 1158 г. эламский царь Шутрук-Наххунте вторгся в долину Диялы. Затем он переправился через Тигр и захватил ряд городов, разрезав Нижнюю Месопотамию пополам. Касситский царь был низложен, а Вавилония отдана под власть эламского наместника. Города Месопотамии подверглись ужасающему разгрому и грабежу, а сверх того, еще были обложены данью. Вавилоняне пытались оказать сопротивление, которое было беспощадно подавлено. Лишь позднее, воспользовавшись внутренними смутами в Эламе, новый предводитель вавилонян провозгласил себя царем, но столицей своей сделал Иссин (II династия Иссина). При этой династии, наиболее выдающимся представителем которой был Навуходоносор I (1126–1105 гг. до н.э.), начался новый, хотя и кратковременный подъем Вавилонии. Ей даже удалось подчинить Ассирию и разгромить Элам, надолго выведя его из политической игры. Но всем этим успехам положили конец сначала поражение от ассирийцев, а затем массовое вторжение южноарамейских кочевых племен (халдеев). На этом и заканчивается первый этап древности в Южной Месопотамии. Наиболее типичным документом, дошедшим до нас от касситского и послекасситского периодов, является кудурру – акт о пожаловании тому или иному лицу более или менее значительного участка земли из царского фонда, иногда вместе с освобождением от тех или иных поборов и повинностей. Такое пожалование, строго говоря, было не дарением, а лишь выдачей земли во временное пользование. Передача ее в дальнейшем по наследству вместе с должностью подлежала утверждению царем. Однако постепенно эта земля стала рассматриваться как частная собственность, тем более что сами цари, которым надоели бесконечные споры о наследственных правах, стали передавать землю «на вечные времена». Таким образом, наряду с общинными землями появились земли, находившиеся в частной собственности, но вне юрисдикции общинных властей. Впрочем, ведение самостоятельного мелкого хозяйства было еще невозможно, и новые собственники стремились объединиться в новые общинные структуры – «дома», или «братства». Значительные земли, а также целые селения (вернее, причитающиеся с них поборы и повинности) отдавались также храмам. Все эти новые явления связаны с распадом государственного хозяйства, с его громоздким и дорогим административным аппаратом. На смену ему пришло взимание налогов и повинностей со всего (или с большей части) населения. Разница же между общинниками и держателями царских земель постепенно стерлась – и те и другие фактически превратились в частных хозяев, в одинаковой степени облагаемых налогами и повинностями. Этот про-

цесс ускорялся еще и тем, что из-за засоления старых орошенных земель их приходилось покидать и осваивать новые, которые царь считал своими и где новые каналы прокладывались за счет царских налогов и повинностей. Вместе с тем города, как уже отмечалось, получали привилегии, превращаясь в автономные единицы. Теперь возникает новое деление общества: с одной стороны, привилегированные, освобожденные от общегосударственных налогов и повинностей граждане городских общин, а также крупные землевладельцы, получившие такое же освобождение, с другой – неполноправное, обложенное налогами и повинностями, жившее в большинстве случаев на царской земле сельское население. Формирование этой новой структуры общества еще только началось, а полное свое завершение оно получило в I тысячелетии до н.э. Царское хозяйство в среднеавилонский период по перечисленным причинам практически сходит на нет. До нас дошло довольно значительное количество документов из храмовых хозяйств (к сожалению, они еще плохо изучены). Из этих документов видно, что и храмы собственного хозяйства практически не вели. Храмовые архивы состоят из приходных и расходных ведомостей. Во-первых, записываются доходы от приписанного к храмам подневольного «люда» (амелуту). Поступления эти называются «урок», но храмовые работники все же вели свое самостоятельное хозяйство, хотя, по всей видимости, не были его собственниками. В расходных ведомостях фиксировались натуральные выплаты жрецам и ремесленникам храма. К концу рассматриваемого периода начинают вновь возрождаться товарно-денежные отношения, причем, весьма интересно, что всеобщим мерилom цен теперь служит не серебро, а золото. Причины этого изменения пока неясны, да и на практике золотом почти никогда не платили. Расплачивались зерном или другими товарами, иногда серебром или медью, лишь указывая их стоимость в золоте. Вновь – видимо, уже беспрепятственно – развивается ростовщичество с его неизбежным последствием – долговой кабалой. Но теперь это не временное рабство, а постоянное, даже для свободнорожденных граждан. Таким образом, положение беднейших слоев населения резко ухудшилось. Неудивительно поэтому, что не только рабы или храмовые илоты, но даже полноправные общинники бежали из своих мест, превращаясь в изгоев – хапиру. Эти разноплеменные группы, объединенные общим несчастьем, бродили в предгорьях Загроса и в степи, промышляя мелким скотоводством, случайной работой по найму, а то и разбоем. Хапиру довольно скоро стали известны по всей Передней Азии: это был весьма взрывчатый социальный материал, внушающий немалое беспокойство мелким царькам Сирии и Финикии, но не слишком опасный для Касситского царства.

Еще одной важной общественной группой в Вавилонии были воины. Основу касситского войска составляли колесничные отряды – но-

вый, впервые появившийся род войск (ранее колесница была лишь выездом знатного человека). Касситы существенно улучшили конструкцию переднеазиатской боевой колесницы. При изготовлении этих колесниц использовалась кооперация ремесленников нескольких профессий и самой высокой квалификации: столяров, медников, кожевников, оружейников. Усовершенствованию подверглось и другое вооружение: появились чешуйчатые панцири для пехоты, а также броня для лошадей, мощные луки и т.п. Однако неправильно видеть в касситских колесничих некую «феодальную» аристократию. Действительно составляя привилегированную часть войска, они тем не менее находились на полном содержании у царя, получая от него коней, колесницы и вооружение.

2.7. Нововавилонское царство. История и общество

При последнем царе касситской династии, Эллиль-надин-аххе (правил припл. до 1155 г.), Вавилония в течение трех лет вела войну с Эламом, которая окончилась ее полным поражением.

Страна была завоевана чужеземцами, города ее разграблены, а Эллиль-надин-аххе вместе со знатными вавилонянами уведен в плен. Так завершилось многовековое царствование касситской династии, и наместником Вавилонии был назначен эламский ставленник. Но довольно скоро, при Навуходоносоре I (1126–1105), наступил кратковременный расцвет Вавилонии. Около г. Дер произошла ожесточенная битва между вавилонянами и эламитами; победителями оказались вавилоняне, которые затем вторглись в Элам. Эламу был нанесен такой удар, что после этой битвы в течение трех веков (до 821 г.) он вообще не упоминается в месопотамских текстах. Освободив страну от чужеземного порабощения, Навуходоносор стал претендовать на гегемонию над всей Вавилонией. Он, а за ним и его преемники носили титул «царь Вавилонии, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света». Благодаря своей победе над эламитами Навуходоносор последующими поколениями вавилонян считался народным героем. При Эллиль-надин-апли (1104–1101), сыне и преемнике Навуходоносора I, вавилонянам удалось сохранить свою независимость. Но когда царем стал Мардук-надин-аххе (1100–1083), ассирийская армия во главе с Тиглатпаласаром I захватила Вавилон и сожгла царский дворец. Вскоре полукочевые племена арамеев и сутиев, жившие к западу от Евфрата, начали вторгаться в Ассирию и Вавилонию, грабить и разорять месопотамские города и селения. Теперь обе эти страны перед лицом общей опасности стали союзниками и в течение целого столетия (с середины XI до середины X в.) были заняты борьбой с непрерывно вторгавшимися волнами арамейских племен, гонимых в Месопотамию голодом. Наступил упадок и Вавилонии, и Ассирии. В

последующей истории Вавилонии большую роль играли племена халдеев, которые жили в районе болот и озер вдоль нижнего течения Тигра и Евфрата, между берегами Персидского залива и южными городами Двуречья. Халдеи вели полукочевой образ жизни и занимались скотоводством и земледелием. В IX в. до н.э. они прочно заняли южную часть Вавилонии и начали постепенно продвигаться на север. Халдеи стали воспринимать древнюю вавилонскую культуру и поклоняться верховному богу Вавилонии Мардуку.

В 729 г. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, и с тех пор Вавилония на целое столетие потеряла свою независимость.

В 626 г. Вавилония снова была охвачена восстанием. Во главе восставших стоял халдейский вождь Набопаласар. Вначале он воздерживался от попыток захватить большие города и смог укрепить свою власть лишь на севере Вавилонии, а центр и юг страны сохраняли верность ассирийцам. Набопаласару долго не удавалось захватить крупные вавилонские города Урук и Ниппур, где были сильны проассирийские настроения. В Ниппуре во время многомесячной осады этого города армией Набопаласара жители продавали в рабство своих детей, чтобы спасти их от голодной смерти. В 616 г. ассирийцам пришлось оставить Урук, а через год пал и Ниппур, который более десяти лет ценой больших лишений и страданий сохранял верность ассирийскому царю. Теперь почти вся территория Вавилонии была в руках Набопаласара. Вскоре на Ассирию обрушился новый сокрушительный удар. В 615 г. мидийцы во главе со своим царем Киаксаром захватили ассирийскую провинцию Аррапха и потом двинулись по направлению к Ниневии и окружили этот город. Ниневию взять не удалось, но мидийцы осадили и захватили Ашшур, древнюю столицу Ассирии, и истребили его жителей. Затем вавилоняне и мидийцы заключили военный союз против Ассирии. Вскоре объединенные силы мидийцев и вавилонян осадили Ниневию и через три месяца, в августе 612 г., город пал и подвергся разграблению и полному разрушению. Лишь части ассирийского войска удалось пробиться в область Харран в Верхней Месопотамии, и там оно под руководством Ашшур-убаллита II продолжало войну. Тем временем мидийцы с львиной долей добычи вернулись к себе домой, предоставив вавилонянам завершение войны с ассирийцами. Вскоре после этого (ок. 608 г.) ассирийцы прекратили сопротивление, и многовековая борьба халдейских племен за освобождение Вавилонии наконец увенчалась победой. В результате разгрома Ассирийской державы мидийцы захватили коренную территорию Ассирии и область Харран. Вавилоняне же захватили Месопотамию и готовились установить свой контроль над всеми областями к западу от Евфрата. Но фараон Египта Нехо также претендовал на территории Сирии и Палестины. Таким образом, на всем Ближнем Востоке остались только три могущественных государства:

Мидия, Вавилония и Египет. Весной 607 г. Набопаласар передал командование вавилонской армией своему сыну Навуходоносору, взяв на себя управление внутренними делами государства. Перед Навуходоносором стояла задача захватить Сирию и Палестину. Но сначала необходимо было овладеть городом Каркемиш на Евфрате, где находился сильный египетский гарнизон, часть которого составляли греческие наемники. Весной 605 г. вавилонское войско перешло Евфрат и одновременно с юга и севера напало на Каркемиш. Еще за городскими стенами началась жестокая битва, и скоро город превратился в пылающие руины, а египетский гарнизон был уничтожен до последнего человека. После этого большая часть Сирии и Палестины, т.е. почти все области между Евфратом и Египтом, без сопротивления подчинилась вавилонянам. Будучи в Сирии, Навуходоносор в августе 605 г. получил известие о смерти своего отца в Вавилоне и через месяц стал царем. Вскоре царь Иудеи Иоаким, побуждаемый уговорами египетского фараона Нехо, отпал от Вавилонии. Навуходоносор осадил столицу Иудеи Иерусалим и 16 марта 597 г. взял его. Более 3000 иудеев было уведено в плен в Вавилонию, а царем Навуходоносор назначил Седекию. В декабре 595 – январе 594 г. в Вавилонии происходили волнения, исходившие от армии. Руководители мятежа были казнены, и в стране восстановлен порядок. До нас дошел протокол судебного процесса над одним из заговорщиков, дело которого было рассмотрено военным судом под председательством самого царя. Подсудимый был обвинен в государственной измене, нарушении присяги, данной царю, и казнен, а все его имущество конфисковано. Вскоре новый египетский фараон Априй решил попытаться установить свою власть в Финикии и захватил города Газа, Тир и Сидон, а также уговорил иудейского царя Седекию поднять восстание против вавилонян. Навуходоносор решительными действиями отеснил египетское войско обратно к прежней границе и в 587 г. после долгой осады захватил Иерусалим.

Тысячи жителей Иерусалима (главным образом знать и ремесленники) были уведены в плен в Вавилонию, а страна превращена в рядовую провинцию. При Навуходоносоре Вавилония превратилась в процветающую страну. Это было время подлинного возрождения, экономического расцвета и культурного развития. Вавилон стал центром международной торговли. Много внимания уделялось искусственному орошению. В частности, около Сиппара был создан большой бассейн, откуда шло много каналов, с помощью которых регулировалось распределение воды во время засухи. В Вавилоне был выстроен новый дворец царя и сооружены знаменитые висячие сады. Кроме того, вокруг Вавилона были воздвигнуты мощные фортификационные сооружения, чтобы обезопасить государство от вражеских нападений в будущем. Однако после смерти Навуходоносора II в 562 г. в течение пяти лет на троне

сменились три царя, жречество стало активно вмешиваться в политику, устраняя неугодных царей. В 556 г. царем стал Набонид, сын одного из вождей арамейских племен. Большое влияние на Набонида оказывала его мать Адда-гуппи, которая ранее жила в Харране и после захвата этого города мидийцами бежала со своим сыном в Вавилон. Хотя Набонид поклонялся традиционным вавилонским богам Мардуку, Набу, Нергалу, Шамашу и т.д., постепенно он на первое место стал выдвигать культ бога Луны Сина. Бог Луны Набонида в действительности не являлся традиционным вавилонским богом Сином, а был по своей символике и формам поклонения арамейским богом. Проводя такую религиозную политику, Набонид стремился создать могущественную державу, объединив вокруг себя многочисленные арамейские племена Передней Азии, среди которых культ Сина был особенно популярен. Однако религиозные реформы Набонида привели его к конфликту со жречеством древних вавилонских храмов в Вавилоне, Борсиппе, Уруке и других городах.

В 553 г. началась война между Мидией и Персией. Воспользовавшись тем, что мидийский царь Астиаг отозвал из Харрана свой гарнизон, в том же году Набонид захватил этот город и распорядился о восстановлении разрушенного во время войны с ассирийцами в 609 г. храма бога Сина Эхульхуль. Набонид завоевал также область Тейма в северной части Центральной Аравии и захватил караванный путь по пустыне через оазис Тейма в Египет. Этот путь имел большое экономическое значение для Вавилонии, поскольку к середине VI в. до н.э. Евфрат изменил свое течение, и морская торговля через Персидский залив из гаваней в г. Ур стала невозможной. Набонид перенес в Тейму свою резиденцию, поручив правление в Вавилоне своему сыну Бел-шар-уцуру (библейский Валтасар). Пока Набонид был занят активной политикой на западе своей державы, у восточных границ Вавилонии появился могущественный и решительный противник. Персидский царь Кир II, который уже завоевал Мидию, Лидию и многие другие страны и имел огромную и хорошо вооруженную армию, готовился к походу против Вавилонии. К 546 г. Вавилония и Египет отказались от многолетней враждебной политики по отношению друг к другу, ибо правители обеих стран хорошо осознавали необходимость подготовки к войне с Персией. Когда стало совершенно очевидным, что война уже близко, Набонид вернулся в Вавилон и приступил к организации обороны своей страны.

Однако положение Вавилонии стало безнадежно трудным. Весной 539 г. персидская армия выступила в поход, а осенью того же года вся Месопотамия была уже в руках персов. В VI в. до н.э. Вавилон попал под власть персидских царей. Решительное сражение между персами и вавилонянами произошло в августе 539 г. до н.э. у Опаса на Тигре. Кир одержал здесь победу над пасынком Набонида Бэл-шар-уцуром. В ок-

тябре его войска взяли хорошо укрепленный Сиппар, а через два дня 12 октября также без боя Кир овладел Вавилоном. (Согласно Геродоту, он велел отвести реку и вступил в город по ее руслу, но современная событиями Вавилонская хроника ничего об этом не говорит, и поэтому многие историки считают сообщение Геродота недостоверным.

В IV в. до н.э. Вавилон вошел в состав державы Александра Македонского.

Во II до н.э. один из завоевателей выселил все оставшееся население города в новое место. Сам Вавилон был заброшен, и вскоре даже место его существования было забыто на многие годы.

2.8. Хозяйственная жизнь Вавилона

В нововавилонское время царское хозяйство не имело большого удельного веса в экономике страны и ведущая роль принадлежала храмовым и частновладельческим хозяйствам. Однако, по-видимому, не существовало четкого разграничения государственной и дворцовой собственности. Поэтому все государственные доходы, так же как и доходы с царских владений, в узком смысле, считались царской собственностью. В фактической собственности царя находился лишь сравнительно незначительный земельный фонд, управление которым было основано на принципах частновладельческого хозяйства. Царское имущество упоминается в документах довольно редко. Например, согласно контракту времени Навуходоносора II, царское поле было сдано в аренду «навечно» для насаждения финиковых пальм Шуле, главе делового дома Эгиби в Вавилоне. Мы не располагаем никакими сведениями о ремесленных мастерских, принадлежавших халдейским царям. В текстах неоднократно упоминаются плотники, каменщики, рыбаки и пастухи царя, которые, по всей вероятности, были свободными и работали на дворец за плату постоянно. Что же касается сооружения и ремонта каналов, дворцов и храмов, строительства дорог и т.д., эти работы в основном выполнялись свободными как общинные и государственные повинности.

Наиболее существенную часть государственных доходов составляли налоги, характер и размеры которых, однако, нам совершенно неизвестны. По-видимому, все свободные должны были отдавать десятую часть своих доходов в качестве государственных податей. Обычно эти налоги уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т.д.), но официальные эксперты устанавливали их стоимость в серебре. Кроме того, некоторые группы населения (например, купцы, занимавшиеся международной торговлей) уплачивали свои налоги серебром. Помимо налогов царь получал также различные пошлины (портовые, пошлины за прохождение через городские ворота, за проход судов и лодок по кана-

лам, за пользование некоторыми мостами и т.д.) серебром или натурой. За счет этих налогов царь содержал государственный аппарат и армию. Страна была разделена на административные округа с наместниками во главе. Во главе городов также находились особые наместники. Были надзиратели над царскими каналами и причалами и другие мелкие чиновники.

Естественно, государственный аппарат, разветвленный на территории огромной державы, не мог функционировать без большого числа писцов. По-видимому, уже в это время государственная канцелярия по крайней мере частично вела делопроизводство на арамейском языке, и именно в этом следует искать причину того, что архивы нововавилонских царей не сохранились, поскольку документы писали на коже и папирусе, которые в условиях месопотамского климата легко разрушались. Но большую роль в аппарате управления продолжали играть и клинописные писцы, а также переводчики, поскольку на строительных работах и в армии использовались, в частности, ремесленники и воины из чужеземных стран. Все чиновники государственного аппарата получали от царя жалованье натурой, а самые высокопоставленные из них даже серебром. Особой опорой царской власти была армия, о принципах комплектования которой мы почти ничего не знаем. Кроме вавилонян в ней служили и чужеземные наемники. Например, в войске Навуходоносора II находился брат греческого поэта Алкея Антименид. Воины были вооружены копьями, железными кинжалами, щитами, луками и стрелами. Как видно из документов времени Навуходоносора II и Набонида, скифское стрелковое дело оказало значительное влияние на вооружение вавилонских воинов, которые предпочитали скифские луки и стрелы аккадским из-за их высоких баллистических качеств.

Между дворцом и храмом существовали тесные связи. Храмы владели обширными землями, большим числом рабов и скота, а также занимались ростовщическими операциями и торговлей. Например, храм Эанна в Уруке имел около 5–7 тыс. голов крупного рогатого скота и 100–150 тыс. овец. По свидетельству одного только документа, этот храм получил в течение года более 5000 кг шерсти со своих овец.

Крупным источником храмовых доходов была десятина. Ею облагались все представители свободного населения: земледельцы, пастухи, садовники, ремесленники, жрецы и чиновники всех рангов, включая наместников. Десятину платил также царь. Каждый платил ее тому храму, близ которого он имел землю и другие источники доходов. Ее платили с садов и полей, с приплода скота, с овечьей шерсти и т.д. В большинстве случаев ее вносили ячменем и финиками, но нередко также серебром, сезамом, шерстью, одеждой, скотом, рыбой, ремесленными изделиями. Царь вносил десятину частично и золотом. Десятина составляла приблизительно десятую часть доходов налогоплательщиков, если

не считать царскую десятину, которая была гораздо меньше соответствующей части доходов правителей страны. Сбором десятины занимались специальные чиновники. Для ее уплаты приходилось закладывать поля и дома, обращаясь к услугам кредиторов. Не имея возможности уплатить десятину, некоторые люди вынуждены были отдавать в храм своих детей в качестве рабов.

При Набониде влияние государства на храм усиливается. В частности, в 553 г. Набонид установил в храме Эаина должность царского представителя. Это был независимый от храма чиновник, и одна из его главных задач заключалась в передаче дворцу части храмовых доходов. Кроме того, храмы должны были выполнять государственные повинности, посылая своих рабов (земледельцев, пастухов, садовников, плотников и др.) для работы в дворцовом хозяйстве. Царь и его чиновники стали активно вмешиваться в храмовые дела, устанавливая рационы для храмовых рабов, размеры храмовой пребенды для различных групп населения, ставки арендной платы с храмовых полей и т.д.

Вся обрабатываемая земля была точно измерена, и значительная часть ее принадлежала храмам, членам царской семьи, крупным деловым домам, чиновникам царской и храмовой администраций. Мелкие земледельцы (особенно в больших городах) владели небольшими участками земли – от 1/2 до нескольких гектаров. Земля стоила дорого, и поэтому выгоднее было использовать ее для садоводства (главным образом под финиковые рощи). Наиболее распространенной зерновой культурой был ячмень, но кроме него сеяли также полбу, пшеницу, сезам, горох, лен и т.д. Плотность посева ячменя равнялась в среднем 112,5 литра, или 67,5 кг, на 1 гектар. Урожай ячменя колебался от 785,5 до 3375 литров с гектара, но в среднем был равен 1575 литрам. Наряду с ячменем главным продуктом питания были финики. Средняя урожайность с 1 гектара сада составляла около 8000 литров фиников. Молодые пальмы начинали плодоносить на шестой год после посадки.

Осадков выпадало мало. Поэтому в экономике страны большую роль продолжало играть искусственное орошение: сооружались новые каналы, старые содержались в образцовом порядке. Эти каналы принадлежали государству, храмам, а в некоторых случаях и частным лицам, но за особую плату водой из таких каналов могли пользоваться все земледельцы и арендаторы. Благодаря отложениям от искусственного орошения не было также надобности регулярно удобрять землю.

Мелкие землевладельцы обрабатывали свои поля сами вместе с членами семей, а иногда и с помощью наемников, которые обычно занимались на время уборки урожая. Крупные землевладельцы сдавали землю в аренду. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался заранее, уже при заключении контракта, и зависел от плодородия земли, а плата вносилась натурой или, гораздо реже, деньгами,

либо же владелец земли получал 1/3 урожая, а арендатор – 2/3. Контракт обычно заключался на один год, а если земля была пришедшей в негодность, то на три года. С такой земли в первый год арендатор ничего не платил владельцу, в следующий год – только часть обычной платы, а в третий год – нормальную для данной области долю урожая. Нередко землю отдавали в аренду большими массивами крупным арендаторам, которые, в свою очередь, распределяли ее мелкими участками между субарендаторами. Иногда два или несколько человек брали землю в аренду совместно.

Наряду с сельским хозяйством наиболее важной отраслью производства было ремесло. В нововавилонских текстах упоминаются ткачи, кузнецы, ювелиры, строители домов, медники, плотники, прачечники, пекари, пивовары и другие ремесленники. Обычно ремесло наследовалось в семье от отца к сыну. Однако не существовало никаких законов, требовавших наследования какой-либо профессии. Это скорее была традиция, которую в рассматриваемый период стали нередко нарушать. Некоторые люди отдавали своих рабов для обучения ремеслам, так как квалифицированный ремесленник давал своему хозяину гораздо больше дохода, чем простой раб. Сохранились контракты об обучении рабов обработке кожи, сапожному делу, ткачеству, красильному и столярному делу, домостроительству и т.д. Во всех этих случаях речь идет о рабах-мужчинах, отданных в обучение. Нередко мастера также были рабами. Обучение в зависимости от сложности ремесла продолжалось от 15 месяцев до 6–8 лет, и в течение всего этого времени ученик находился у мастера. Хозяин должен был содержать своего раба, выдавая для него около 1 литра ячменя в день и снабжая его одеждой, пока он находился у мастера. Последнему платой служил труд раба, и, кроме того, после успешного завершения обучения он получал от рабовладельца также подарок. Однако если мастер не выполнит своего обязательства и не научит ученика ремеслу в полной мере, он должен возместить хозяину раба стоимость трудовой повинности последнего за все время обучения, обычно около 6 литров ячменя за один день, что в год составляло в денежном исчислении 12 сиклей серебра. Нарушитель контракта должен был платить штраф обычно в размере 20–30 сиклей серебра.

После завершения обучения раб работал у своего хозяина или оставался у мастера, который выдавал за него наемную плату. Иногда такой раб открывал и собственную мастерскую, уплачивая хозяину оброк. Труд рабов использовался главным образом для выполнения тех видов работы, которые не требовали высокой квалификации или дорогостоящего надзора, т.е. там, где их можно было использовать круглый год, а не сезонно. Поэтому наиболее сложные процессы производства выполнялись свободными. Например, документы не содержат почти никаких данных о применении труда частновладельческих рабов в сельском хо-

зайстве, за исключением тех случаев, когда рабы выступают в качестве арендаторов. Крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им землю по частям небольшими парцеллами, так как применение рабского труда требовало постоянного надзора и соответственно вызывало большие расходы. Поэтому в Вавилонии не было настоящих латифундий, кроме храмовых, и наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. В тех случаях, когда крупные землевладельцы прибегали к помощи своих рабов, они либо выделяли землю для самостоятельного ведения хозяйства на правах пекулия, либо еще чаще сдавали ее им в аренду.

Правда, на храмовых полях трудилось сравнительно большое число рабов. Но этих рабов было явно недостаточно для ведения хозяйства, поэтому они могли обработать лишь часть храмовых земель. К тому же храмовые рабы причиняли много хлопот своими частыми побегам и нежеланием работать. Например, в храмовых хозяйствах рабы пасли скот. Однако эти пастухи совершали побеги, угоняя при этом с собой овец. Поэтому храмовое правление стремилось главным образом прибегать к услугам пастухов, принадлежавших к сословию свободных. Преимущество такого ведения хозяйства заключалось в том, что при расхищении, падеже скота и других видах недостачи пастухи обязаны были возместить храму ущерб из своего имущества. Поэтому, хотя храмы и некоторые крупные деловые дома владели десятками, а иногда и сотнями рабов, а состоятельные граждане имели от трех до пяти рабов, в целом рабов по отношению к общему числу свободных было в несколько раз меньше.

В это время в Вавилонии было сравнительно много рабов, которые жили семьями и владели значительным имуществом. Этим имуществом рабы могли распоряжаться довольно свободно, т.е. закладывать, сдавать в аренду и продавать. Такие рабы даже могли купить для работы в своих хозяйствах других рабов, а также нанимать рабов и свободных. Тем не менее богатые рабы не могли выкупиться на свободу, так как право отпуска раба на свободу во всех случаях принадлежало исключительно хозяину. И чем богаче был раб, тем более невыгодно было хозяину отпускать его на свободу.

Хотя с юридической точки зрения разрешался отпуск рабов на свободу, данные о манумиссиях крайне немногочисленны. Отпуск рабов на свободу ограничивался теми случаями, когда рабовладелец в преклонном возрасте, не имея детей или не желая попасть в зависимость от них, стремился заинтересовать раба перспективой свободы в будущем и заручиться его верной службой до конца своих дней. В таких случаях отпущенный на свободу раб обязан был снабжать своего бывшего господина пищей и одеждой и лишь после его смерти приобретал полную

независимость. Что же касается храмовых рабов, то для них был закрыт всякий путь к получению свободы.

Как выше отмечалось, в нововавилонское время долговое рабство не имело большого значения. И чем менее развито долговое рабство, тем большую роль играет свободный наемный труд в общей структуре экономики.

Величина поденной наемной платы свободных людей составляла в пересчете на год от 3 до 12 сиклей серебра, а в некоторых случаях доходила до 30 сиклей и более, но в среднем составляла 12 сиклей. Особенно высокую плату получали корабельщики и люди, занятые на земляных работах. Так, большое количество текстов свидетельствует о выдаче денежной платы наемникам, которые копали или очищали оросительные каналы, принадлежавшие храмам. В ряде документов говорится о выдаче денег и продовольствия наемникам, которые были заняты в хозяйстве храма Эанна изготовлением, обжигом, хранением и доставкой к месту строительства кирпичей. Кроме того, в Эанне в качестве наемников работали корабельные плотники и корабельщики. Другие наемники были заняты волочением лодок, охраной храмовых владений и т.д.

Храмовой администрации приходилось также прибегать к услугам наемников для обработки земли и уборки урожая, привлекая их даже из соседней страны Элам. И частные лица вынуждены были прибегать в широких масштабах к использованию труда свободных наемников. При этом иногда нелегко было найти необходимое число работников, в таких случаях приходилось нанимать их по чрезвычайно высоким ставкам. В этом отношении характерны письма храмовых чиновников своим начальникам, в которых они, во-первых, просят прислать деньги для уплаты наемникам, ибо иначе они бросят работу; во-вторых, отправители писем просят прислать кандалы для храмовых рабов, которые совершают побеги. Наемники были заинтересованы в работе, когда они своевременно получали плату, а рабы (особенно когда они были заняты на тяжелых видах работ, например на возведении оросительных сооружений) делали все возможное, чтобы уклониться от труда. Нередко встречались партии наемных работников численностью до нескольких сот человек. Они отказывались работать в знак протеста против несвоевременной оплаты их труда, перебоев в снабжения пищей и не соглашались работать за низкую плату. Из переписки храмовых чиновников видно, что храмовая администрация понимала необходимость удовлетворить требования наемных работников, так как в случае отказа последних от работы их невозможно было заменить храмовыми рабами. При халдейских царях Вавилония переживала экономический расцвет. Внутри страны велась оживленная торговля между различными городами, которая осуществлялась главным образом по рекам на лодках. Велико было значение во внутренней и внешней торговле могуществен-

ных деловых домов. Наиболее древним из них был дом Эгиби, который функционировал еще с конца VIII в. и продолжал свою деятельность до начала V в. до н.э., продавая, покупая поля, дома, рабов и т.д. Эгиби занимались также банковскими операциями, выступая заимодавцами, принимая на хранение вклады, давая и получая векселя, уплачивая долги своих клиентов, финансируя и основывая коммерческие предприятия. О значительной специализации торговли свидетельствует тот факт, что в текстах упоминаются не только просто тамкары (купцы), но и тамкары царя и наместников, а также тамкары, занимавшиеся куплей-продажей скота и фиников. Часто к услугам тамкаров прибегали и храмы. Царские тамкары занимались продажей товаров, принадлежавших царю, и ростовщицеством в интересах царя. Примечательно, что «главным тамкаром» при дворе Навуходоносора II был Хануну, который, судя по его имени, являлся финикийцем. Однако в нововавилонское время торговлей могли заниматься не только профессиональные купцы и их агенты, но и любые частные лица. Кроме того, в текстах неоднократно упоминаются городские уличные торговцы солью, импортным вином, пивом, кондитерскими изделиями, посудой и т.д. Эти лица занимались розничной торговлей на улицах и разносили свои товары по домам состоятельных людей. Что же касается регулярно функционировавших городских рынков, то о них мы не располагаем пока сколько-нибудь определенной информацией. Часть профессиональных купцов специализировалась на международной торговле. Вавилония продолжала играть роль посредствующего звена в торговле между финикийско-палестинским миром и странами к югу и востоку от Месопотамии. Особенно оживленной стала торговля с Египтом, Эламом, Сирией и Малой Азией. Из Египта в Вавилонию доставляли в большом количестве квасцы, которые употреблялись для отбеливания шерсти и одежды и для медицинских целей, а также льняное полотно, пользовавшееся большим спросом из-за его высоких качеств. Из Сирии привозили мед, благовония, пурпурную шерсть, строительный лес, олово, которые приобретались там у купцов, занимавшихся международной торговлей. Эти товары доставлялись до Евфрата, затем их везли на лодках в Вавилон, крупнейший центр тогдашней международной торговли, откуда они распределялись по различным городам страны. Импорт таких товаров занимались коммерческие товарищества, специально созданные для финансирования торговли. При этом каждый из пайщиков получал свою долю товаров для последующей реализации. В Сирии приобретались также некоторые красители для ткацких изделий, производство которых в это время процветало в вавилонских городах, ставших крупными центрами по изготовлению шерстяной одежды. Эту одежду вывозили в соседние страны, в частности в Элам. Кроме того, из Вавилонии вывозили зерно и другие продукты земледелия. О торговле с греками свидетельствуют

многочисленные эллинские (почти все они афинские) керамические изделия VI в., найденные в Вавилоне. В страну в большом количестве ввозили железо с греческого побережья Малой Азии и медь с Кипра. Сохранились документы, датированные 551–550 гг., в которых фиксируется доставка нескольких сотен килограммов железа и меди из Явана («Иония», т.е. западное побережье Малой Азии). В этих же текстах говорится о ввозе из Сирии и Ливана различных импортных красителей, пурпурной шерсти, специй, меда, белого вина, египетских квасцов. Железо привозили также и из Киликии. Так, в одном хозяйственном документе времени Набонида говорится о приобретении там более 900 кг этого металла. В тексте, относящемся к 601 г., отмечается выдача ткачам немногим более 2 кг «ионийской» пурпурной шерсти для изготовления одежды на статуи богинь храма Эанна. Цены на основные предметы потребления находились на следующем уровне: 1 кур (ок. 180 л) ячменя или фиников стоил 1 сикль (8,42 г) серебра, 1 кур сезамного зерна – 10 сиклей, 4 литра меда – 1 сикль, 1 талант (30 кг) соли – 1 сикль, 1 мина (505 г) шерсти – 1/2 сикля. Однако такое же количество импортной пурпурной шерсти стоило около 15 сиклей. Вол и корова стоили около 30 сиклей, а овца – 2 сикля. Кувшин ячменного или финикового пива стоил менее 1 сикля, а виноградного вина, которое обычно было импортным, – до 8 сиклей. Лодка стоила 1 мину и больше, дом – от 2 до 5 мин. Средняя арендная плата за дом в течение года составляла 12 сиклей. Обожженные кирпичи стоили от 50 до 100 штук за 1 сикль. За такую же сумму серебра можно было купить 25 кг асфальта, которым пользовались как строительным раствором.

Металл, хотя и был исключительно импортным, ценился сравнительно дешево. Так, 303 кг меди из «Ионии» было продано в Уруке за 3 мины 20 сиклей серебра, 18,5 кг олова – за 55,5 сикля, около 65,5 кг железа из Ливана – за 42 2/3 сикля. За 217,5 кг египетских квасцов была уплачена 1 мина 17 2/3 сикля, за 28 кг ляпис-лазури – 36 2/3 сикля серебра. Во внутренней торговле уплата производилась слитками серебра в виде брусочков, стержней, кружочков, звездочек и т.д. Чеканная монета в стране не употреблялась, а когда она попадала в обращение из внешнего мира, ее принимали по весу как нечеканенный металл. Существовала разработанная техническая терминология для определения чистоты серебра, ходившего по рукам, чтобы оградить торговцев и покупателей от обмана. Слитки серебра содержали различные доли примеси (чаще всего 1/8, реже 1/5, 1/10, 1/12 и т.д.) и сопровождалась штампами с указанием пробы.

Золото было товаром и не употреблялось в качестве денег.

Соотношение золота к серебру было приблизительно 1 к 13 1/3.

2.10. Египет

2.10.1. Мемфис

Древнее Египетское царство сформировалось в XXX в. до н.э. и просуществовало до XXIII в. до н.э.

«Более 6000 лет назад на территории современного Египта существовало два государства: Верхний Египет занимал нижнюю часть долины Нила, а Нижний Египет располагался в дельте Нила. Когда оба эти государства объединились, у разделявшей их прежде границы, у стыка долины и дельты Нила, на левом берегу вырос город Мемфис – столица объединенного Древнеегипетского царства.

Основал город царь Менес, по велению которого было повернуто течение Нила, омывавшего прежде подножие Ливанских гор: течение Нила было направлено на несколько километров восточнее. На отнятой таким образом у Нила земле сначала была возведена крепость «Белые стены», а потом вокруг нее фараон Менес построил город, который сначала был назван «Маннофер», что означает «хорошее место». В нем поселился фараон со своим войском, а его приближенные и жрецы и вскоре огромные богатства стали стекаться в Мемфис. В течение многих веков город видел в своих стенах все известные народы Азии, Африки и Европы.

С развитием торговли через город прошли два важнейших торговых пути, что превратило Мемфис в один из крупнейших рынков того времени. Из стран Юго-Западной Азии сюда привозили различные ткани и оружие, из восточной Африки – слоновую кость, золото и ароматические вещества. Здесь же продавались товары и египетского производства – зерно, гончарные изделия, украшения из драгоценных металлов.

В течение нескольких десятилетий Мемфис оставался первым городом Египта и крупнейшим торговым центром Восточного Средиземноморья. Он достиг своего расцвета во время правления IV–V династий и при первых фараонах VI династии; а затем он был покинут, но снова воскрес при фараонах XVIII династии, которые освободили Египет от чужеземных завоевателей. Но после перенесения столицы сначала в Фивы, а потом в Александрию город постепенно стал терять свое значение самой древней столицы Египта. В 640 году Мемфис был до основания разрушен арабами¹.

2.10.2. Фивы

В период Среднего (XXI–XVIII вв. до н.э.) и Нового (XVI–XI вв. до н.э.) Египетских царств столицей являлся город Фивы, расположенный примерно в 500 км выше по течению Нила от Мемфиса.

¹ Ионина Н.А. Сто великих городов мира. – М.: Вече, 2001. С. 37–38.

«Общие принципы планировки и функции этого города остались такими же, как и в период древнего царства. В первую очередь, это был главный административный и религиозный центр Египта, самые важные постройки которого были привязаны к Нилу. Только вместо пирамид здесь сооружались огромные храмовые комплексы, в том числе пещерные храмы и гробницы, которые также призваны подавлять человека. Их остатки сохранились вблизи современного города Луксор. При этом с точки зрения удобства связей с другими государствами того времени Фивы были расположены значительно хуже Мемфиса, что стало одной из главных причин замедленного общественного развития и последующего упадка Древнего Египта», – как пишет исследователь Ю.А. Симагин .

Фивы, столица Египта в период Среднего и Нового Царства, являлись городом бога Амона. Фивы представляют собой восхитительный памятник египетской цивилизации, такой же, как храмы и дворцы Карнака и Луксора, некрополь Долины Царей и Долины Цариц.

Фивы – древний город в Верхнем Египте, вблизи современного города Луксор. Древние египтяне называли свою роскошную столицу Уаст, что в переводе означает «властвующий» или «властвующий город», а греки называли его Фивы, или Фивеи (не путать с греческими Фивами), у Гомера упоминаются «стовратные Фивы», арабы говорили *эль-Уксур* – «дворцы». Сами древние фиванцы зачастую именовали в текстах свою родину просто Ниут («город»). История египетских Фив уходит в глубину веков: первые упоминания о городе сохранились в текстах, датируемых 3 тыс. до н.э. Впервые упоминаются при фараоне Микерине (Менкаура) (IV династия; ок. XXVI в. до н.э.). Однако пышному расцвету города предшествовала долгая история. В XXI в. до н.э. он становится центром объединения страны и впервые на небольшой срок столицей Египта при фараонах XI династии Среднего царства. Именно в эту эпоху в Фивах началось активное возведение монументальных святилищ богам и усопшим царям. Местный бог Амон приобрел статус государственного бога.

С началом Нового царства в эпоху XVIII династии (XVI–XIV вв. до н.э.) для города начинается период наивысшего расцвета. Фивы стали политическим и религиозным центром великой державы, границы которой на юге глубоко вдавались на территорию современного Судана, а на западе доходили до Ливии. Большинство фараонов направляло на строительство в этом городе значительную часть ресурсов Египта и его огромных внешних владений. Фивы являлись центром культа бога Амона, здесь сооружались крупнейшие храмы в его честь. В начале I тыс. до н.э. Фивы – центр теократического государства, созданного жрецами Амона на юге Египта после распада Нового царства. Это район двух восстаний (205–199 и 199–186 гг. до н.э.) против эллинистической

династии Птолемеев. С распространением в первые века н. э. христианства район Фив становится одним из центров монашеского движения.

Многие постройки Фив были разграблены, снесены и разрушены римлянами. Лишь археологам и ученым из свиты Наполеона удалось вновь пробудить Фивы ото сна. Именно тогда зародилась египтология и познавательный туризм в Египет. В древности Фивы располагались на обоих берегах Нила. На восточном старая столица Египта была разделена каналом на две части: на юге родился город Луксор, на севере – деревня Карнак. На восточном берегу Нила стояли два грандиозных храма – Карнакский и Луксорский, соединенные аллеями сфинксов.

Величественные храмовые комплексы соседствовали здесь с роскошными дворцами, домами знати, садами редкостных деревьев и искусственными озерами. В лазуритовое небо вонзались золоченые иглы обелисков, вершины расписных храмовых башен-пилонов и колоссальные статуи царей. Сквозь пышную зелень тamarисков, сикомор и финиковых пальм проглядывали выложенные бирюзово-зелеными фаянсовыми плитками оконные проемы богатых домов. Покоренные народы Сирии-Палестины везли сюда бесчисленные сосуды с вином, кожи, столь любимый египтянами полудрагоценный лазурит и произведения ремесла; из далеких областей Африки шли караваны, нагруженные слоновой костью, черным деревом, благовониями и золотом.

На другом берегу Нила, в западной части Фив, находилась царская резиденция и огромный некрополь, расположенный в амфитеатре скал, над которыми возвышается Дехенет – «Западная вершина», называемая сейчас эль-Кузн. Повелительница этой горы богиня-змея Меритсегер («любящая тишину»), охранявшая покой умерших, согласно легендам оберегала не только царские погребения, расположенные в Долине царей и Долине цариц.

Богиня Меритсегер была покровительницей Долины царей, и это место выбрал для своего будущего погребения фараон Тутмос I (XVIII династия). Он и его придворный архитектор Инени надеялись, что гробница, запрятанная в скалах, лучше защищена от расхитителей, чем открытые всем взорам пирамиды. А чтобы ввести охотников за легкой наживой в еще большее заблуждение, храмы умерших закладывались в удалении от самих гробниц. В знаменитой Долине фараонов 42 гробницы, почти все – фараонов. В отличие от фараонов Древнего царства, чья столица находилась в Мемфисе, фиванские фараоны времен Нового царства не строили пирамид. Гробницы вырублены в скалах, их старались как можно тщательнее скрыть от постороннего взгляда. Входы в гробницы засыпали крупными камнями, замуровывали. Но и эти ухищрения не уберегли гробницы от разорения.

В течение 500 лет такая форма захоронений оставалась неизменной и лишь немного совершенствовалась. Все гробницы были построены по

схожему плану: в известняковой скале проделывали наклонный коридор длиной до 200 м, круто уходящий вниз на глубину до 100 м и оканчивающийся тремя или четырьмя комнатами. Стены и потолки коридоров и комнат покрывают не потерявшие до наших дней своей яркости цветные рисунки, рассказывающие о жизни и подвигах покойного. К погребальной камере вели секретные падающие двери, главный вход маскировался земляными холмами и насыпями.

Из 64 обнаруженных до сих пор гробниц самыми примечательными считаются гробницы Тутмоса III, Аменхотепа II, Тутанхамона, Хоремхеба, Рамсеса I, Сети I, Меренптаха, Рамсеса III, Рамсеса VI и Рамсеса IX. Все гробницы оказались разграбленными еще в древности. Лишь гробница Тутанхамона была обнаружена английским археологом Говардом Картером в 1922 г. в полной сохранности. Эта гробница исторически незначительного фараона, умершего в девятнадцатилетнем возрасте, была просто переполнена золотом, украшениями и прочими сокровищами. Тутанхамон, наследник «фараона-еретика» Эхнатона, лишь вновь заменил культ Атона культом Амона.

В Долине царей хоронили не только царей – жен и матерей фараонов, но и рано умерших египетских принцев. В этом некрополе археологам удалось найти уже свыше 70 гробниц. Своим внешним обликом гробницы напоминают усыпальницы Долины фараонов, но немного меньше их размерами. Наиболее интересна расписанная от стен до потолка гробница Нефертари, жены Рамсеса II Великого.

Настенные росписи гробницы иллюстрируют «Книгу мертвых», погребальную камеру осеняет свод в виде звездного неба. После реставрации (1995 г.) эта гробница вновь открыта для посещения.

Росписи также украшают стены гробниц рано умерших сыновей Рамсеса III Аменхерхепешефа и Хаэмуаса. Краски настенной живописи, например морская лазурь, светятся настолько интенсивно, будто картины нарисованы только сегодня.

Западные Фивы были местом погребения не только фараонов и их жен. Здесь были захоронены сотни придворных, жрецов и высокопоставленных сановников, стремившихся пребывать рядом со своими правителями и после смерти. Их гробницы расположены вдоль восточного склона фиванских гор и образуют огромный некрополь – Долину знати. Фактически он состоит из 5 кладбищ, сгруппированных вокруг скальных массивов Шейх Абд эль-Курна, Дра Абу эль-Нага, Асасиф, Курнет Мурей, эль-Хоха и эль-Тариф.

Большая часть гробниц датируется временем правления фараонов XVIII и XIX династий. Первые захоронения Долины относятся еще к Древнему царству. В Среднем царстве здесь хоронили фиванских номархов – наместников фараона, управлявших четвертым верхнеегипетским номом Уасет. Еще фараоны IX и X династий заложили свой нек-

рополь в Западных Фивах, а правитель XI династии Ментухотеп II начал в Дейр эль-Бахри строительство совершенно необычного для того времени заупокойного комплекса, завершено уже при его преемниках. Во второй переходный период фараоны XVII династии избрали Дра Абу эль-Нага местом для своих погребений. Правители Нового царства перенесли свой некрополь в Долину царей, оставив восточную часть фиванского нагорья своим приближенным сановникам.

Гробницы вельмож не были столь огромными, как гробницы их правителей. Как правило, они состоят из нескольких частей – открытого двора, пространство которого ограничивалось стенами, святилища и уходящей под землю погребальной камеры. Начиная с XIX династии, вход во двор выполнялся в виде пилона – гигантских ворот, бывших неотъемлемой частью архитектуры египетских храмов. Во дворе устанавливались заупокойные стелы, в святилищах – статуи владельца гробницы. Здесь отправлялся заупокойный культ умершего: читались священные тексты и приносились жертвы его ка, жизненной энергии, бывшей одной из составляющих сущности человека. Верхняя часть облицовывалась гробничными конусами – глиняными цилиндрами «гвоздиками», замурованными по «шляпки» в толщу стен. На внешней стороне конусов специальными печатями наносилось имя хозяина гробницы и его земные и посмертные титулы.

Рельефы и росписи гробниц вельмож по праву считаются шедеврами египетского искусства. Стены усыпальниц вельмож чаще всего были украшены сценами из их земной жизни. Основной идеей этих росписей было отражение важнейших событий в жизни сановника и благополучия, которого он достиг при жизни. Это делалось отнюдь не для похвалы – все запечатленное должным образом на стенах гробницы должно было окружать человека в загробном мире и доставлять ему радость. Самые интересные гробницы находятся в некрополе Шейх-Абд эль-Курна. Необычайно интересны росписи гробниц Рехмира (визиря Тутмоса III и Аменхотепа II), Сеннефера (управляющего южной частью Фив при Аменхотепе II), Нахта (придворного астронома Тутмоса IV), Рамосе (правителя Фив и визиря при Аменхотепе III и Эхнатоне), Мена (землемера и кадастрового служащего при Тутмосе I). На стенах их усыпальниц изображены погребальные торжества с музыкантами и танцовщицами, крестьяне за полевыми работами, сцены суда. В большинстве случаев на левой стене изображается жизненный путь умершего, а на других стенах – церемония погребения. Со временем Долина знати стала местом захоронения многих людей. Сегодня официально открыто более 500 гробниц (XI–XXVI династии), большое число захоронений было уничтожено еще в древности или все еще сокрыто в недрах фиванских гор.

Гигантские статуи фараона Аменхотепа III, которые называют Колоссами Мемнона, приветствуют каждого путешественника на границе зеленых пшеничных полей и безжизненных песков пустыни. Две сидящие фигуры высотой 18 м охраняли некогда вход в несуществующий сегодня гигантский посмертный храм Аменхотепа III. На них сохранились греко-римские граффити времен императора Адриана и других видных деятелей античного мира. В свое время эти колоссы были известны тем, что один из них издавал жалобный стон на заре. Считалось, что таким образом свою мать, богиню утренней зари Эос, приветствовал погибший во время Троянской войны от руки Ахилла эфиоп Мемнон. Звук прекратился после реставрации в 199 г. н.э. Рамсес II повелел построить гигантский заупокойный храм в честь бога Амона, который ныне называют Рамессеум. До нашего времени Рамессеум дошел в сильно разрушенном состоянии. Грандиозный заупокойный храм Рамсеса II воздвигнут зодчим Пенра на западном берегу Фив. Этот комплекс, называвшийся в древности «Дом Миллионов лет Рамсеса Мериамона», намного превосходил по масштабам и по монументальности оформления подобные памятники, сооруженные фараонами XVIII династии.

В настоящее время входом на территорию заупокойного ансамбля Рамсеса II служит гигантский пилон из песчаника. Поверхность пилона была покрыта раскрашенными рельефами. На барельефах были изображены сцены войн Рамсеса II с хеттами. За пилоном находится первый двор. Южная стена двора являлась одновременно и фасадом расположенного здесь дворца. Во второй двор вела лестница — он был расположен выше первого. С каждой стороны лестницы стояла гигантская статуя Рамсеса (20 м) весом около 1 тыс. т.

Центральную часть дворца занимал приемный зал с 16 колоннами. Дальше можно было попасть в личные комнаты царя и тронный зал. Позади дворца был расположен «женский дом» царя. Второй двор Рамессеума служил подходом к заупокойному храму. Двор был украшен портиками с папирусообразными колоннами осирическими колоссами. Гипостильный (колонный) зал храма имел 48 колонн. Великолепно сохранилась раскраска капителей колонн, имитирующих изумрудные заросли папируса, тростника вечной молодости. За гипостилем находилась культовая часть храма, главное святилище, кладовые. В Рамессеуме находилась знаменитая библиотека, названная Диодором «Лечебницей души», а также большая школа писцов. Под полами храма была найдена шахта с погребением жреца эпохи Среднего царства, а в погребальной камере гробницы были обнаружены магические жезлы, маски и несколько папирусов.

Когда-то Мединет-Абу были всего лишь каменоломней для строительства гробниц и храмов. Рамсес III возвел свой мощный посмертный

храм в районе Мединет-Абу, взяв в качестве образца Рамессеум. На пилонах у входа изображены сцены побед фараона над врагами. В пределах грандиозных стен справа от входных ворот виден храм, посвященный древним божествам. Слева высятся гробницы божественных жен Амона.

Близ деревни Курна располагаются руины заупокойного храма Сети I, заложенного фараоном для себя и своего отца Рамсеса I.

2.11. Индия

Начало цивилизации в Индии относят к III тысячелетию до н.э., когда образовались великие города с высокой культурой и благоустройством – Мохенджо-Даро и Хараппа, создав цивилизацию в долине Инда. Она быстро сошла на нет, не оставив преемников.

«На территории Индии древнейшая городская цивилизация сложилась около XX века до н.э. в нижнем течении реки Инд. Но впоследствии из-за наступления пустыни Тар эти территории были заброшены людьми, а города засыпаны песками. Центр индийской цивилизации переместился в бассейн реки Ганг, где в V веке до н.э. была построена столица Паталипутра вблизи современного города Патна», – пишет Ю.А. Симагин.

«Древнеиндийские города в своем большинстве возникли как столицы государств, и их значение росло и уменьшалось в прямой зависимости от общего ослабления или усиления этих государств, от успехов и неудач их государей в войнах. Таким образом, возникновение и развитие городов не было непосредственным результатом отделения ремесла от сельского хозяйства, и они оставались прежде всего административными центрами, опорными пунктами рабовладельческой знати, хотя неизбежно должны были притягивать некоторое количество ремесленников и торговцев для обслуживания нужд рабовладельцев и их государства. Впрочем, многие из городских ремесленников продолжали оставаться также и земледельцами. Несомненно, что это придавало своеобразие древнеиндийским городам. В то время в древней Индии насчитывалось большое количество многолюдных, богатых и сравнительно благоустроенных городов. Из наиболее важных городов следует отметить столицу Магадхи Паталипутру (современная Патна), Раджагриху (современный Раджгир), Варанаси (современный Бенарес), Такшашилу (Таксила у древних греков; в настоящее время от города остались только развалины) и уже упоминавшиеся портовые города Бхригукачха и Тамралипти. Прославленные в «Махабхарате» Хастинапур, столица Кауравов, и Индапрастха, столица Пандавов (современный город Дели), а также воспетая в «Рамаяне» Айодхья уже потеряли свое значение. Города в долине Ганга не отличались величественной внешностью. Двор-

цы богачей строились из дерева и только изредка из кирпича, а жилища бедняков были и вовсе хижинами, поэтому остатков городов сохранилось очень мало. Укрепления городов также, видимо, были не очень совершенными. Так, даже столица Магадхи Паталипутра, имевшая, как утверждает посол Селевка в Индии Мегасфен, длину около 15 км, а ширину около 3 км, была окружена стенами с 570 башнями, однако и стены и башни были деревянными.

Городское управление, взимание пошлин с торговцев и налогов с ремесленников и т. п. было подчинено штату городских служащих. Ремесленники и купцы в городах были организованы по специальностям в корпорации (шрени). Во главе каждой шрени стоял выборный старшина – шрештхин, отвечающий за своевременное исполнение членами шрени повинностей».

Паталипутра – (санскр. P â tali-putra) столица древнего индийского царства Магадха, в правление династии Нанда и Маурья. Греческие писатели дают ей название Падиботра и описывают ее положение при слиянии реки Эрранабоаса (ныне Шон) с Гангом. Место это отождествляется с теперешним городом Патной. Однако р. Шон теперь впадает в Ганг не около самой Патны, занимающей вдобавок меньшее пространство, чем древняя Патна. Отсюда не без основания заключают, что течение рек с тех пор изменилось и слияние их отодвинулось выше древней Патны.

2.12. Китай

В V–II вв. до н.э. наблюдается значительное повышение объема торговли внутри царств. Усилились коммерческие связи между различными царствами Китая и соседними племенами. У северных и западных племен китайцы покупали рабов, лошадей, крупный рогатый скот, баранов, кожу и шерсть; у племен, обитавших на юге Китая, – слоновую кость, красители, золото, серебро, жемчуг.

Политическая жизнь царств стала зависеть от влияния торговцев. Ведь купцы стали играть ведущую роль в экономической жизни общества. Так, в царстве Вэй крупным сановником стал торговец Бай Гуй (IV в. до н.э.), в Цинь известный торговец лошадьми Люй Бу-вэй (III в. до н.э.) занимал должность первого советника. В царстве Ци, о котором в экономическом трактате «Гуань-цзы» сообщается: «...богатые купцы... суть сильные нашего государства», – захватила власть богатая семья Тянь. Характерно, что в этот период более сильным и богатым стало считаться то царство, где было большее количество крупных торговцев. Источники свидетельствуют об увеличении в это время числа городов и их значительном расширении. Появились такие большие города, как, например, столица царства Ци город Линьцзы, где, по сведениям

историка Сыма Цяня, насчитывалось 70 тыс. дворов. В составленном в III в. до н.э. трактате «Чжаньго цэ» («Политика воюющих государств»), от названия которого ведет происхождение традиционное наименование описываемого периода, отмечается, что если в древности большие города насчитывали не более 3 тыс. семей, то теперь город с населением в 10 тыс. семей можно увидеть повсюду. Многие из прежних городов-крепостей (например, города Линьцзы, Цзи, Ин и др.) превратились в этот период в крупные торгово-ремесленные центры. Вместе с тем на важных транзитных путях возникли новые города, такие, как город Хофэй в царстве Чу.

В VI в. до н.э., одновременно с рабовладельческими государствами Западной Азии и Греции, в царстве Цзинь впервые в Китае появились металлические деньги. Вскоре они стали отливаться и в остальных царствах древнего Китая. Однако в разных царствах деньги имели различную форму: в Чу они имели форму квадрата, а в Ци и Янь форму ножей или мечей, в Чжао, Хань и Вэй – форму лопат, в Цинь отливали круглые деньги с квадратными отверстиями посередине.

Различными были в разных царствах системы мер и весов. Между царствами были установлены таможенные заставы, где с торговцев, переходивших из одного царства в другое, взимались большие торговые пошлины. С расширением экономических и торговых связей и развития денежного обращения это различие монет, мер, весов становилось препятствием для дальнейшего развития торговли. Мешало также и наличие множества таможенных границ¹.

¹ История Древнего мира. Древний Восток. Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии / А.Н. Бадак, И.С. Войнич, Н.М. Волчек и др. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

ТЕМА 3. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА

Во II тыс. до н.э. главные центры цивилизации смещаются к Средиземному морю. Возникает и развивается особый тип городского расселения, который берет свое начало от городов восточного побережья Средиземного моря. Здесь расселяются финикийцы (в северной части на территории современного Ливана) и евреи (в южной части на территории Палестины). Но единых государств у них долгое время не образуется, поскольку территория находится под властью то Египта, то Вавилона. Формируется система небольших городов-государств, важнейшими из которых в Финикии становится Тир, а в Палестине – Иерусалим.

Первое упоминание о Иерусалиме встречается в египетских документах XIX века до н.э. – в заклитиях враждебных городов. Существует несколько вариантов прочтения древнего названия: Урусалиму, Рушалимум, Шалем. В более поздние времена греки транскрибировали название как Иеросолима, ассоциируя его с корнем «иерос» – святой. Есть десятки способов толкования названия от слов «мир», «основывать», от имен древних божеств и других. Первое библейское упоминание – город времен праотца Авраама, около XX века до нашей эры. В те времена он принадлежал ханаанским племенам семитского происхождения. Библия упоминает имена царей «земли Иерусалима», таких, как Малкицедек и Адоницедек. Во времена Иисуса Навина царь Иерусалима противостоял еврейскому вторжению во главе пяти амморейских царей. Однако еврейским город становится значительно позже, – пишет Ю.А. Симагин.

3.1. Иерусалим

Иерусалим расположен в седловине Иудейских гор. Горный ландшафт продолжается к западу, а на востоке зеленая долина плавно переходит в бесплодную Иудейскую пустыню, простирающуюся до Мертвого моря. Рельеф города холмистый, и его дома и кварталы живописно разбросаны по каменистым склонам.

Особенное значение, которое приобрел город на протяжении тысячелетий, отчасти объясняется тем, что он вырос на перекрестке дорог Эрец-Исраэль, на пересечении пути с юга на север, от Хеврона и Вифлеема к Шхему, и пути с востока на запад, от морского побережья к Иорданской долине.

В библейские времена город окружали густые зеленые леса, в которых росли сосны, миндальные и оливковые деревья. Однако в ходе многочисленных войн, а также нерегулируемой хозяйственной деятельности в относительно мирное время пышная растительность была уничтожена, а иссушаемая летним солнцем плодородная почва смыта зим-

ними ливнями. Таким образом, уже в древние времена возникла необходимость в террасном земледелии, и были возведены каменные заграждения, удерживающие землю на склонах. Эти террасы и по сей день являются характерной особенностью иерусалимского ландшафта. В наше время ведется активное лесонасаждение, которое призвано вернуть Иерусалиму его облик города, окруженного лесами.

Первое упоминание города встречается в египетских текстах-заклинаниях XIX и XVIII веков до н.э. В них говорится о ханаанском городе-государстве, чье название произносилось, по-видимому, как «Рушалимум». В Эль-Амарнских письмах XIV века до н. э. город называется «Урусалим», а во времена Авраама город был, по всей вероятности, известен как «Салем».

В более позднее время еврейские мудрецы интерпретировали это название как вариант ивритского слова «шалом» («мир»), откуда название города стало восприниматься как «город мира». Иерусалим – священный город для многих религий, атмосфера святости нашла отражение в разных вариантах его названия. С идеей святости ассоциируется его греческое название – Иеросолима (от греч. «иерос» – «святой»); арабы называют его Аль-Кудс («святость»). Практически каждый завоеватель давал городу свое имя. Так, он звался Иевус – по имени народа иевуситов (у которого город был отвоеван Давидом). Название «Сион» прежде относилось только к одному из районов Иевуса и лишь позднее было перенесено на весь город. Давид, завоевав город, дал ему имя Ир Давид («Град Давидов»). Чувство любви, уважения и преклонения отражено в таких названиях, как «Град Божий», «Град справедливости», «Прекрасный город».

Существуют археологические свидетельства того, что человек жил на этом месте еще в доисторические времена; постоянные поселения относятся к Ханаанскому периоду. Тогда (около 2000 года до н.э.) Авраам встретился с Малки-Цедеком, правителем и жрецом Салема. Библия повествует о том, как Авраам пришел на Гар а-Мория (Гору Мория), чтобы по повелению Всевышнего принести в жертву своего сына Ицхака. (В Книге Берешит этот рассказ носит название акедат-ицхак.) Согласно иудейской раввинистической традиции, Гар а-Мория является той самой Храмовой горой, которая ныне находится в самом сердце Иерусалима. Когда был совершен раздел Ханаана между коленами Израилевыми, Иерусалим сначала отошел к колену Биньямина, но они, похоже, не смогли овладеть городом, и он оставался во владении иевуситов, пока не был, наконец, отвоеван Давидом.

Став царем, Давид принял решение о необходимости объединить все племена в единый народ. Для этого необходимо было, прежде всего, устранить чужеродный анклав иевуситов, который являлся физическим препятствием на пути к объединению. Кроме того, Давид надеялся, что,

овладев Иерусалимом (единственным городом, не принадлежавшим ни одному из колен Израилевых), он сможет учредить там общегосударственную столицу и избежать таким образом межплеменной вражды.

Давид овладел Иерусалимом довольно легко – направив своих воинов в город через туннели, по которым он снабжался водой; оказавшись внутри городских стен, нападавшие привели в смятение иевуситов. Давид использовал при этом только свою личную армию, сознательно не прибегнув к помощи воинов, принадлежащих к другим коленам. Город, таким образом, стал его царской собственностью и, получив название «Град Давидов», был провозглашен столицей Израиля. После того как царь перенес в город Ковчег завета, Иерусалим стал не только царским, но и святым городом. При всей своей значимости, однако, Град Давидов был довольно невелик; его площадь составляла всего лишь около 30 тысяч квадратных метров – примерно три футбольных поля. Он располагался в долине Шилоах, на юго-восточном склоне горы, которая впоследствии была названа Храмовой.

Хотя Давид и выбрал собственноручно место для строительства Храма, возвести его довелось лишь сыну Давида Шломо (Соломону). В годы правления царя Шломо Иерусалим, с его величественным Храмом и роскошным дворцом, стал поистине царской столицей. Сначала город располагался в долине, а Храм – на горе, возвышаясь над городом. Потом царь и знатные люди построили себе жилье вокруг Храма. Иерусалим стал расширяться во всех направлениях, оставаясь, впрочем, в пределах нынешнего Старого города. Торговые караваны привозили богатые товары на городские рынки; воины на колесницах, чужеземные стражники, пышный царский двор с огромным гаремом – все это делало город еще более славным и величественным. Шломо увеличил город своего отца более чем в пять раз.

Когда после смерти Шломо объединенное Израильское царство в 930 году до н.э. распалось, Иерусалим во многом утратил свое центральное политическое значение. Столица Израиля была перенесена в другое место, а Иерусалим, обедневший и ослабленный, оставался центром небольшого Иудейского царства. На протяжении следующих четырех веков город знал краткие периоды благополучия, которые, однако, перемежались более продолжительными периодами религиозных и политических кризисов. Его священная земля осквернялась языческими капищами, но приходили новые правители и восстанавливали его былую славу. Иудейский царь Уззия укрепил город, сделав его центром морального и социального возрождения, а Хизкиягу обновил городские стены, восстановил Храм и соорудил туннель-водопровод для снабжения города в случае осады.

В 587 году до н.э. армия Навуходоносора после нескольких месяцев осады захватила Иерусалим. Большинство его жителей было угнано в

вавилонский плен, и вавилоняне, как сказано в Библии, «сожгли дом Господа нашего, и царский дворец, и все дома Иерусалима». Город пребывал в запустении после этого более 50 лет.

В 536 году до н.э., после падения Вавилонской империи, персидский царь Кир, бывший также и властителем Иудеи, издал свой знаменитый указ, разрешающий евреям вернуться в Сион и восстановить Храм. Началось возвращение из плена, и евреи принялись восстанавливать разрушенное. В V веке до н.э., при Нехемии и Эзре, «были отстроены стены», еврейская община вернулась к прежней жизни.

В 332 году до н.э. Иерусалим и вся Иудея добровольно перешли под власть Александра Македонского, который придерживался политики невмешательства в религиозную жизнь евреев. Однако после смерти Александра в 323 году до н.э. город испытал многие лишения и напасти во время войн, которые вели между собой наследники Александра. В конечном итоге Иерусалим попал под власть египетской династии Птолемеев и пребывал все последующее столетие в состоянии относительной стабильности.

В 198 году до н.э. Птолемеи были разгромлены Селевкидами (сирийскими греками), в руки которых попал и Иерусалим. Поначалу общая ситуация в городе казалась неизменной и даже отчасти улучшилась. Евреи получили письменные гарантии, подтверждающие их право жить «по законам своих отцов», и налоговое бремя было несколько уменьшено. Но затем Селевкиды начали предпринимать попытки эллинизировать евреев. В 175 году до н.э. к власти пришел Антиох Эпифан, при нем эллинизация негреческого населения приобрела особо жесткие формы. Антиох дал Иерусалиму свое имя, храмовые сокровища были конфискованы, а сам Храм был превращен в святилище Зевса.

Возмущенные политикой эллинизации евреи подняли восстание под руководством членов семьи священнослужителей Хасмонеев. В декабре 164 года повстанцы (их называли маккавеями) отвоевали Иерусалим и заново освятили Храм. Это событие теперь отмечается праздником Ханука. Хотя Иерусалим во время правления Хасмонеев и находился несколько раз в неприятельской осаде, он вплоть до 63 года до н.э. оставался еврейской столицей, процветающей в политическом, экономическом и религиозном отношении. Остатки стен периода Хасмонеев, памятники, найденные в раскопках монеты и наконечники стрел свидетельствуют о процветании города.

Правление Хасмонеев кончилось в I веке до н.э. с приходом римских завоевателей, которые разделили страну на округа таким образом, что Иерусалим потерял свой статус столицы. Хасмонеи предприняли последнюю попытку восстановить независимость, но она была безжалостно подавлена римлянами с помощью Ирода, который захватил власть над Иерусалимом в 37 году до н.э.

Чтобы укрепить свою власть над городом, Ирод полностью перестроил его. В северо-западной части города он возвел дворец, окруженный башнями, расширил площадь храмовой территории и обнес ее стеной, частью которой является дошедшая до наших дней Стена Плача. Он также полностью перестроил Храм, богато украсив его и вдвое увеличив высоту здания.

После смерти царя Ирода в Иерусалиме правили римские прокураторы (один из которых, Понтий Пилат (26–36 годы н.э.), в соответствии с евангельской традицией, несет ответственность за казнь основателя христианской религии Иешуа а-Ноцри – Иисуса из Назарета). Власть римских наместников привела к новому еврейскому восстанию, которое вскоре переросло в полномасштабную войну.

В 70 году н.э. полководец и будущий император Римской империи Тит со своими легионами осадил Иерусалим и взял его штурмом. Город был сожжен, жители подверглись избиению, Храм был разрушен. Все, что осталось от некогда славного города – это три башни дворца Ирода и Стена Плача.

Согласно еврейским источникам, римляне сравнивали Иерусалим с землей и вспахали всю территорию в знак того, что новому городу здесь не бывать. Но евреи все же вернулись. Когда император Адриан распорядился построить на развалинах Иерусалима римскую колонию, вспыхнула вторая война между евреями и римлянами, и во главе восстания встал Бар-Кохба. Повстанцы потерпели поражение, и Адриан издал указ, согласно которому ни один человек, подвергшийся обрезанию, не мог селиться в Иерусалиме под страхом смерти.

Римляне превратили Иерусалим в типичную римскую колонию и дали ей название Элия Капитолина. После смерти Адриана запрет на проживание евреев в Иерусалиме был неофициально отменен, но затем возобновлен императором Константином в IV веке. Он позволил евреям входить в Иерусалим только один раз в году, чтобы они могли оплакать годовщину разрушения Первого и Второго храмов.

Константин был основателем Византийской империи и ревностным христианином. Он стремился превратить город во всемирный центр христианства и построил здесь много церквей, в том числе и Храм Гроба Господня. Император Константин также вернул городу имя Иерусалим. Политика тотальной христианизации придерживалась большинством других византийских правителей, которые сохраняли запрет на проживание евреев в Иерусалиме.

Византийская империя подвергалась неоднократным набегам персов, и в 614 году персы, захватив Иерусалим, передали его евреям. Но в 629 году византийцы вернулись в город и вновь изгнали евреев. Власть Византии над Иерусалимом продолжалась вплоть до 638 года, когда город был взят арабами во главе с халифом Омаром.

Арабы, как и все другие завоеватели, предприняли попытку изменить характер города таким образом, чтобы он отвечал их религиозным нуждам. Для арабов Иерусалим был святым местом, поскольку отсюда Мухаммед вознесся на небо. Купол над скалой, воздвигнутый на Храмовой горе – самая величественная из всех мечетей, построенных арабами в ознаменование этого события.

Но арабы не вернули Иерусалиму его былую славу, и он пребывал в состоянии провинциального города. Христиане по-прежнему составляли большинство населения, хотя в городе не возбранялось селиться и евреям. Возникли два еврейских квартала – к юго-западу и к северу от места, где был Храм. Жили там, в основном, небогатые торговцы.

В 1099 году Иерусалим был осажден крестоносцами, и в который раз по иронии судьбы в «Городе мира» пролилась кровь. Христианские воины, ведомые Годфридом Бульонским, взяли город штурмом и истребили его жителей – как евреев, так и мусульман. Затем, чтобы заселить город, крестоносцы привлекли туда арабов-христиан из Заиордания и отдали в их распоряжение бывший Еврейский квартал. Крестоносцы сделали Иерусалим своей столицей. Город процветал, поскольку там были сосредоточены все государственные и церковные учреждения. Ежегодно Иерусалим посещали десятки тысяч христианских паломников, что также способствовало благосостоянию его жителей.

Когда мусульмане под предводительством Саладина захватили Иерусалим в 1187 году, евреям снова было позволено поселиться в городе. Однако после смерти Саладина город остался без твердой власти, переходя от мусульман к христианам и обратно.

В 1250 году возникла новая мусульманская империя мамелюков, которые правили Иерусалимом в течение более 260 лет.

Иерусалим оказался под властью турок-османов в 1517 году, когда в результате кровопролитной битвы султан Селим I отвоевал город у мамелюков. Его преемник, Сулейман Великолепный, оставил о себе память в истории Иерусалима, восстановив существующую по сей день крепостную стену Старого города. Эта стена, сооружение которой длилось пять лет, не только произвела большое впечатление на жителей Иерусалима, но и поныне является одной из самых значительных архитектурных достопримечательностей города. Легенда гласит, что Сулейману приснился сон: будто он будет съеден львами, если не построит эту стену. Одни из городских ворот названы Львиными, и на них имеется изображение двух львов – в память об этом сне. Но помимо этого строительного проекта турки практически ничего не сделали для развития города. Они считали, что он не имеет ни стратегического, ни политического значения, и на протяжении их 400-летнего правления в Иерусалиме поселилось лишь считанное число турок. Не развивались ни промышленность, ни торговля, и основным источником существования

горожан были благотворительные пожертвования. Жители основных кварталов города – еврейского, мусульманского и христианского – пребывали в тесноте и нищете.

Для христиан Иерусалим является физическим и духовным центром мира. Здесь находится Сад Эдема и началась история человечества. Христиане также полагают, что здесь произойдет и конец света. Те, кто считает, что Новый Иерусалим должен принадлежать только христианам, полагают, что притязания евреев на этот город окончились с разрушением Храма. Они считают, что христиане – законные наследники этого места, потому что именно здесь Иисус Христос проповедовал, здесь он умер и здесь же он воскрес.

Три самых священных для мусульман города, в порядке значимости, это Мекка, Медина и Иерусалим. Приверженцы исламской религии считают, что скала в Мечети Омара – это краеугольный камень мироздания. Камень, хранящий отпечаток копыта коня Мухаммеда, – это место, откуда Пророк совершил свое Ночное путешествие на небо.

Иерусалим считается священным городом и в иудаизме.

3.2. Финикия

Города Финикии, прижатые к морю, были в большей мере ориентированы на связи с заморскими территориями, чем друг с другом, и главного центра среди них так и не появилось. Тем не менее, отдельные города начали создавать колонии на заморских территориях, которыми для Финикии являлись Кипр, Крит, Балканский полуостров, Северная Африка. Так, в качестве финикийской колонии был основан город Карфаген, вблизи современного Туниса.

Благодаря финикийской колонии городское развитие переносится из Восточного Средиземноморья на Крит (Кносс и другие города), побережье Эгейского моря (Троя-Илион), а затем в южную (Микены) и, наконец, среднюю Грецию.

3.3. Города крито-микенской цивилизации

Примерно до 1100 г. до н.э. в Греции процветала микенская цивилизация. У историков нет единого мнения о происхождении микенского народа, некоторые считают, что микенцы – пришлое население Греции. Само название «микенцы» происходит от названия древнего города Микены. Военственные микенские цари могуществом и богатством постепенно начали соперничать с правителями Крита и, когда Критская цивилизация была разрушена, стали господствовать на море. Около 1200 года до н.э. греческие города объединились под предводительством царя Микен и выступили против Трои. Одним из самых великих поэтов Древней Греции был Гомер, описавший Троянскую войну в по-

эме «Илиада». В «Илиаде» красочно описано, как греки воевали против Трои. По-гречески Троя называлась Илион, поэтому поэма получила название «Илиада». В поэме рассказывается, как сын царя Трои Парис с помощью богини любви Афродиты похитил у спартанского царя Менелая его жену – Елену Прекрасную. Под предводительством царя Агамемнона началась осада Трои. Осада длилась девять лет, пока Одиссей не придумал сделать огромного деревянного коня, спрятать внутри него воинов, а самим отступить. Троянцы втащили огромного коня в город, приняв коня за дар богам, дабы умиловить богов, ночью из него выбрались воины и открыли ворота Трои грекам. Троя была сожжена. Спустя два века после разрушения Микен в Греции научились обрабатывать железо. Развивались кузнечное дело и кораблестроение. В отдельных областях возникали небольшие самостоятельные государства – полисы. В территорию каждого полиса входил город и расположенные вокруг него поселения¹.

Микены – древний город в Арголиде (южная Греция), крупный центр эгейской культуры. В 3 тыс. до н.э. – это просто поселение, с XVII в. столица одного из государств ахейцев. Расцвет Микен в 1400–1200 гг. Около 1200 г. до н.э. Микены погибли от пожара. Раскопками (с 1876 г.) обнаружены дворец, усыпальницы – толосы, циклопические стены, дома ремесленников и др.

Город Микены был центром этой великой цивилизации, которая просуществовала около 500 лет, с 1600 по 1100 год до н. э. Она пришла на смену минойской культуре на Крите и господствовала в государствах Эгейского моря и за его пределами. Микенские гончарные изделия были найдены очень далеко от города, например в Южной Италии, на Кипре, в Египте, Сирии и Палестине.

Микенская крепость занимала очень выгодное стратегическое положение, она возвышалась над равниной Аргос и контролировала все горные проходы к северу, до самого Коринфа. Главный вход в город украшали Львиные ворота, сооруженные около 1260 года до н.э. Над ними были высечены два больших каменных льва. Все сооружение венчала крыша, длина которой составляла 8 м, высота 90 см, а ширина 2,4 м.

От ворот шла дорога к царскому дворцу. Его стены украшали фрески, наподобие критских росписей. Таким образом, жители Микен имели представление о минойской культуре. Вокруг теснились дома менее высокопоставленных горожан. Один из них, так называемый Дом с колоннами, был трехэтажным.

Вне крепостных стен находится «Могильный круг В», система толосовых захоронений, возраст которых не столь почтенен, как возраст шахт в «Могильном круге А». Толосовый могильник может состоять из

¹ Подробную информацию можно найти на сайте www.school.ort.spb.ru

35 рядов круговой кладки. Огромные камни лежат один на другом, причем каждое следующее каменное кольцо уже предыдущего. В древности таким же способом строили пчелиные ульи. Могилы этого типа сооружались на протяжении примерно 200 лет, с 1400 по 1200 год до н.э. Обычно они были выкопаны в склоне холма. Огромный проем в конце длинного тоннеля служил входом в могильник. После каждого захоронения проход замуровывался и тоннель засыпали землей. Наиболее интересными толосовыми захоронениями Микен являются так называемые сокровищница царя Атрея (отца Агамемнона) и могила Клитемнестры. Но хотя они и относятся к «нужному» периоду, нет никаких реальных доказательств того, что это действительно их могилы.

Около 1150 года до н.э. микенская цивилизация внезапно прекратила свое существование. Город был либо разрушен, либо покинут по другой причине. Это была последняя из ранних греческих культур, и с ее исчезновением страна погрузилась в эпоху, известную под названием «темной»¹.

3.4. Аттика

Аттика – одна из областей Средней Греции – представляет собой полуостров, треугольником выступающий в Эгейское море и омываемый с запада Сароническим заливом; пролив Эврип отделяет Аттику от острова Эвбея. Центральная область Аттики окружена горными хребтами. Река Кефис разрезает долину на две части и соединяет равнину с морем. Почва Аттики малоплодородна, поэтому своего хлеба не хватало, и его приходилось ввозить. Наиболее пригодными для земледелия были равнины: Педион, расположенная вокруг города Афины; Месогейя, находящаяся к северо-западу от Афин; Элевсинская – к северо-востоку от Афин и Марафонская – на берегу Эврипа. На равнинах сеяли главным образом пшеницу. Однако наиболее распространенной хлебной культурой был ячмень, который мог расти и на горных склонах. Приблизительно с VI в. до н. э. основными сельскохозяйственными культурами становятся виноград и оливки. Аттика богата полезными ископаемыми – ценными сортами мрамора, пластическими глинами, годными для гончарного производства; здесь находились богатейшие серебряные рудники Греции. В Лаврийских горах, на юге Аттики, наряду с серебром добывалось и железо. На западном берегу Аттики – несколько естественных гаваней. Среди них наиболее удобными были Фалер и Пирей. В древнейшую эпоху Аттику населяли пеласги, затем здесь расселились греки-ионийцы. Они обосновались в Аттике так давно (еще в рамках II тыс. до н.э.), что практически считались автохтонами. «Философ Пла-

¹ Величественные Микены [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://chudesa_sveta.narod.ru

тон в одном из своих диалогов с гордостью упоминает о том, что жители Аттики были не пришельцы, а автохтоны, что почва Аттики – родная мать им, а не мачеха. По словам Фукидида, Аттика вследствие скудости своей почвы в древности не привлекала жадных завоевателей, так что население ее не менялось... Геродот называет афинян древнейшим народом и единственными из эллинов, не менявшими места своего поселения; в другом месте он же говорит, что древнейшими жителями Аттики были пеласги, называвшиеся первоначально кранаями, потом кекропидами от имени царя Кекропа, потом афинянами при царе Эрехтее. Со времени же перехода предводительства к Иону, сыну Ксуфа (поселившемуся в Аттике при Эрехтее и женившемуся на дочери его Креусе), жители стали называться ионийцами. Из этих преданий видно, что жители Аттики принадлежали к ионическому племени, но не сохранили никаких воспоминаний о своем первоначальном поселении в этой стране. Это ионическое население смешалось, однако, с другими элементами, в числе которых были и негреческие. Этой смешанностью населения легко объясняется тот факт, что в исторические времена жители Аттики уже не называли себя ионийцами и даже отличались от них по языку», – пишет исследователь В.В. Латышев в «Очерке греческих древностей»¹.

О ранней истории Аттики и ее главного города Афины известно немного. Раскопки показали, что еще в микенский период на территории Аттики существовали укрепленные поселения. В более поздний, гомеровский, период Аттика была разделена на несколько независимых общин, постоянно враждовавших между собой. Впоследствии все общины объединились вокруг Афин. Такое объединение получило в Греции название синойкизма. В преданиях рассказывается, что после того, как царем стал Тесей, он упразднил советы и должностных лиц разных городов и объединил путем синойкизма всех жителей вокруг одного города, учредив один совет и один пританей (помещение для собрания должностных лиц). Из свидетельств древних историков о синойкизме Тесея в особенности важно сообщение Фукидида: «При Кекропе и первых царях до Тесея народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими особыми пританеями и архонтами. На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. Иные общины даже вели между собой войны, как, например, элевсинцы во главе с Эвмолпом – против Эрехтея. Как мудрый и могущественный владыка Тесей, воцарившись, установил порядок в стране: уничтожил пританов и архонтов в отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне существующий город с одним общим советом и

¹ Латышев В.В. очерк греческих древностей. Ч. 1. – СПб., 1997. С. 129.

пританеом. Люди, впрочем, продолжали жить на своих полях, как и раньше, но город Тесей оставил им только один, ставший крупным центром, так как все жители Аттики принадлежали к нему, и таким он и перешел от Тесея к потомству. Поэтому-то афиняне еще и поныне справляют Синойкии – всенародный праздник в честь богини Афины». Ценно также сохраненное Страбоном свидетельство Филохора, автора «Аттиды» («Истории Аттики»), составленной около 300 г. до н.э.: «По словам Филохора, когда карийцы с моря опустошали страну, а со стороны суши – беотийцы, называвшиеся тогда аонийцами, Кекроп впервые поселил народ вместе в 12 городах; имена этих городов были: Кекропия, Тетраполь, Эпакрия, Декедея, Элевсин, Афидна, Форик, Браврон, Кифер, Сфетт, Кефисия. Позднее Тесей, как говорят, объединил эти 12 городов в один теперешний город. В прежние времена афинянами правили цари, затем они перешли к демократии, но потом попали под власть тиранов – Писистрата и его сыновей».

В действительности объединение Аттики было постепенным и длительным процессом, продолжавшимся с конца II тысячелетия до н.э. Археологическое обследование территории Аттики дает возможность установить последовательность присоединения отдельных общин к Афинам. В древности каждая община, каждый полис имели своего собственного бога-покровителя. Война между общинами в представлении древних была в то же время борьбой между их богами. Бог-покровитель покоренной общины становился также богом общины-победительницы, но ему отводилось в пантеоне второстепенное место. Таким образом, по мере того как отдельные области Аттики присоединялись к Афинам, на Афинском акрополе рядом со святилищем богини Афины появлялись храмы или алтари божеств-покровителей покоренных областей. Последовательность в расположении святилищ на Афинском акрополе позволяет с известной долей вероятности судить о времени присоединения различных частей Аттики к Афинам. Раньше других была подчинена приморская область Паралия, богом-покровителем которой был Посейдон. С этого времени на акрополе рядом с храмом Афины появилось святилище Посейдона. После Паралии к Афинам присоединяется Диакрия, гористая область в северной части Аттики; ее покровитель Тесей прочно вошел в аттическую мифологию. Позже других областей был присоединен Элевсин, расположенный в западной части Аттики, на границе с Мегаридой, и на этом объединение Аттики было завершено. Это произошло, по-видимому, в VII в. до н.э., так как археологи обнаружили относящиеся к VII в. до н.э. остатки стены, защищавшей Элевсин со стороны Афин. Афинский пантеон пополнился богиней, покровительницей Элевсина, Деметрой. Если до синойкизма в каждой области существовали только свои, местные религиозные праздники, то теперь появляются новые, общеаттические. Один из таких праздников в честь

Афины, богини-покровительницы города, получил название «Панафинеи». В историческую эпоху панафинеи были общенародным праздником, сопровождавшимся торжественными процессиями и играми. Синоикизм не только усилил Афины, но и способствовал разложению родовых отношений, которое началось еще в гомеровский период. Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, то есть часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение пребывавшего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из коренных народов Америки: вместо простого союза живущих по соседству племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, возвышавшееся над правовыми обычаями отдельных племен и родов; афинский гражданин как таковой получил определенные права и новую правовую защиту также и на той территории, где он был иноплеменником. Но этим был сделан первый шаг к разрушению родового строя, ибо это был первый шаг к осуществленному позднее допуску в состав граждан и тех лиц, которые являлись иноплеменниками во всей Аттике и полностью находились и продолжали оставаться вне афинского родового устройства. Однако и после синоикизма в Аттике продолжали сохраняться древне-родовые деления на четыре обычные у ионийских греков филы (гелеонты, гоплеты, эгикореи и аргады), в свою очередь подразделяющиеся на фратрии, каждая из которых представляла собой объединение нескольких родов. Кроме того, легендарному Тесею приписывали разделение населения по характеру занятий на геоморов – земледельцев и демиургов – ремесленников. Дальнейшее социально-имущественное расслоение в VIII–VII вв. до н.э. протекало в Аттике очень интенсивно. Родовая знать, окончательно закрепившая за собой свои привилегии, составила особое сословие, носившее название эвпатридов, т.е. «имеющих благородных отцов». Экономическую основу могущества эвпатридов составляли плодородные земли, расположенные вблизи Афин на Педионе. Пережитки родового строя в Афинах были еще очень сильны: земля не могла отчуждаться, все имущество оставалось во владении рода. Однако давали о себе знать и новые отношения. Некоторые эвпатриды занимались ростовщичеством и торговлей. Число богатых и влиятельных аристократических родов в Аттике, как и вообще во всей Греции, с каждым поколением уменьшалось. Денежное хозяйство способствовало разложению родовых отношений не только в низших слоях населения Аттики, но и в верхнем слое «благородных». Меньшая часть эвпатридов богатела. И влияние ее возрастало. Большая же часть беднела и опускалась в разряд худородных. Чем дальше, тем все более богатство становилось неотъемлемым признаком родовитости. Число влия-

тельных эвпатридских родов и семей в Афинах в VIII–VII вв. до н.э. было невелико, но в их руках сосредоточивались богатство, сила и власть. Замкнутой господствующей верхушке эвпатридов противостояла остальная масса аттического свободного населения – демос. Демос не был однороден. В состав его входили мелкие и средние крестьяне, работавшие на своих участках, уже лишившиеся земли феты, мелкие ремесленники, представители состоятельных торгово-ремесленных слоев – купцы, хозяева ремесленных предприятий, судовладельцы, стремившиеся занять в формирующемся государстве такое место, какое занимали в нем эвпатриды. В Аттике и Афинах в дальнейшем проживало немало выходцев из других общин. Они не могли войти в состав фил, фратрий и родов, принадлежность к которым определялась кровнородственными связями коренного аттического населения. Оставаясь за пределами родовой организации, эти жители считались людьми «не чистого происхождения» и составляли особую группу метеков. Будучи лично свободными, метеки не пользовались политическими правами и были ограничены в экономических. Им запрещалось, например, владеть землей на территории Аттики и иметь собственные дома. Они должны были также выплачивать особый налог – метекейон. Низший слой аттического общества составляли лишенные каких бы то ни было прав рабы, число которых с каждым столетием возрастало. Старые родовые учреждения не соответствовали новым отношениям, развивавшимся в афинской общине. Поэтому организация управления в Афинах претерпевает существенные изменения. Верховная власть в Аттике в древности принадлежала базилям. Около VIII в. до н.э. царская власть в Афинах исчезает. По преданию, последним афинским царем был Кодр, павший смертью героя в борьбе с дорийцами. После отмены царской власти Афинами стали управлять избранные из эвпатридов правители – архонты. Сначала должность эта была пожизненной, затем (с 753 г. до н.э.) архонты стали избираться на 10 лет и, наконец, с 683 г. до н.э. на один год. Первоначально избирался только один архонт. Позже образовалась коллегия из девяти архонтов: 1) первый архонт – архонт эпоним (эпоним означает «дающий имя году»; по именам этих архонтов велось летоисчисление); 2) архонт-басилей – выполнял главным образом жреческие функции, а также судебные функции по делам, связанным с культом; 3) архонт-полемарх – был предводителем афинского ополчения и 4) шесть архонтов-фесмофетов являлись хранителями закона, председателями различных судебных коллегий. Архонты отправляли общественные должности безвозмездно. Архонтство считалось высшим почетом и честью не только для самого архонта, но и для всего его рода, фратрии и филы, к которым он принадлежал. По окончании срока полномочий архонты вступали в ареопаг – высший государственный совет, заменивший совет старейшин гомеровской эпохи. Ареопаг был храни-

телем традиций, высшим судебным и контролирующим органом. Заседал ареопаг на холме, посвященном богу войны Арею. Отсюда и происходит название «ареопаг» – «холм Арея». «Порядок древнего государственного устройства, существовавшего до Драконта, – свидетельствует Аристотель, – был следующий. На высшие должности выбирали по благородству происхождения и по богатству; правили должностные лица сначала пожизненно, а впоследствии в течение 10 лет. Важнейшими и первыми по времени из должностей были царь, полемарх и архонт. Из них первою была должность царя, она была унаследованной от отцов. Второй присоединилась к ней должность полемарха, ввиду того что некоторые из царей оказались в военных делах слабыми... Последней является должность архонта. Большинство говорит, что она возникла при Медонте, а некоторые – что при Акасте... Как бы ни было дело в действительности, разница во времени в том и другом случае небольшая. А что эта должность установлена последней из высших должностей, доказательством служит и то, что архонт не распоряжается никакими из дел, унаследованными от отцов, как царь и полемарх, а всеми только вновь введенными. Поэтому лишь недавно эта должность приобрела важное значение, будучи расширена дополнительными обязанностями. Что же касается фесмофетов, то они были избраны много лет спустя, когда уже выбирали должностных лиц на год. Они должны были записывать правовые положения и хранить их для суда над спорящими сторонами... Итак, по времени вот в какой последовательности эти должности идут одна за другой.

Архонты имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование. Наконец, совет ареопагитов хотя имел обязанность быть только блюстителем законов, распоряжался большинством важнейших дел в государстве, налагая кары и взыскания безапелляционно на всех нарушителей порядка. Это объясняется тем, что выбор архонтов производился по благородству происхождения и по богатству, а из них-то и избирались ареопагиты». Ученые нового времени пытаются уточнить и распределить во времени фазы постепенного перехода афинян от патриархальной царской власти к аристократической республике. Одну из таких попыток мы находим в книге В.В. Латышева: «Монархическое правление в Афинах продолжалось, по преданию, до смерти царя Кодра, который пожертвовал жизнью для спасения отечества при нападении на Аттику дорийцев (1068 г. до Р.Х.). Не считая никого достойным наследовать столь великодушному царю, говорит предание, афиняне решили отменить царскую власть. Действительно, у поздних авторов-хронологов преемник Кодра Медонт начинает собой список так называемых пожизненных архонтов. Но Платон и Аристотель ничего не говорят об отмене царской власти после смерти Кодра, а в «Афинской политике» имеется

ценное известие о том, как царская власть постепенно превращалась в простую магистратуру. Первым ограничением «унаследованной от предков» царской власти было, по Аристотелю, введение наряду с нею должности военного предводителя – полемарха, к которому перешли соответственные обязанности царя. Причиной этого была неспособность некоторых царей к военному делу. Вторым ограничением было учреждение еще нового магистрата – архонта.

С течением времени авторитет архонта все более возвышался, и, наконец, архонт стал официально считаться главным должностным лицом, царь – вторым, а полемарх – третьим, хотя время такой перемены остается неизвестным с точностью... Если Медонт и Акает, непосредственные (по преданию) преемники Кодра, были не пожизненными архонтами, а царями, как явствует из Аристотеля, то, конечно, надо признать, что при них царская власть в Афинах не была еще отменена, как и при прочих «пожизненных архонтах», список которых в количестве 12 имен продолжается до 753 г. до Р.Х. За ними следуют так называемые десятилетние архонты в числе семи (753–683 гг. до Р.Х.).

Первые четыре из этих архонтов по-прежнему происходили из Медонтидов, потомков Кодра, следующие – из других знатных родов. Распространение права избрания в десятилетние архонты на другие роды (в 713 г. до н.э.) у авторов приводится в связи с недостойным поведением последнего Медонтида – Гиппомена. С 683 г. до н.э. начинается список ежегодно сменяющихся архонтов... Введение годичных магистратур было крупным внутренним переворотом, нанесшим последний удар старому, унаследованному от предков порядку. С этого момента Афинское государство может называться республикой. С водворением нового порядка... явилась потребность в писаных законах. Для их написания уже при годичных архонтах, следовательно в VII в., избрана была коллегия из шести лиц с именем фесмофетов».

Архонтами и членами ареопага могли быть только эвпатриды, представители самых влиятельных афинских родов. В Аттике VIII–VI вв. продолжало созываться народное собрание – экклесия. Однако оно во многом отличалось от народного собрания гомеровского времени. Если в прежнем народном собрании участвовали все взрослые мужчины-общинники, то в экклесии («собрании вызванных лиц»), по видимому, могли принимать участие только те граждане, которых приглашали на него архонты. Поэтому народное собрание Афин в тот период было послушным орудием в руках родовой знати, которая могла не допускать к участию в нем неугодных ей общинников. Таким образом, власть в Аттике в этот период безраздельно принадлежала родовой аристократии.

С развитием товарно-денежных отношений активизировалась внешняя политика Афин. Появилась необходимость в создании флота.

Для сбора денежных средств на постройку судов вся территория Аттики была разделена на 48 округов – навкрарий, возглавляемых пританами навкраров. Следовательно, параллельно делению на четыре племени по родовому признаку возникает новое, теперь уже территориальное деление. Каждая навкрария должна была поставлять, вооружать и снабжать экипажем одно военное судно и, кроме того, выставяла еще двух всадников. В это время Афины вели длительную и упорную борьбу с Мегарами за остров Саламин, закрывавший афинскому флоту выход в море. Внутриполитическая жизнь Аттики в этот период проходила под знаком борьбы демоса и эвпатридов. Долго накапливавшееся недовольство существующим строем наконец прорвалось: в 30-х гг. VII в. до н.э. вспыхнула Килонова смута. Килон, аристократ по происхождению, одержавший победу на Олимпийских играх, зять мегарского тирана Феагена, приобрел большую популярность в Афинах. Воспользовавшись большим скоплением народа во время праздника в честь Зевса, Килон с группой приверженцев решил осуществить государственный переворот. Сторонникам Килона удалось захватить акрополь, но удержаться в нем они не могли – народ не поддержал их. Эвпатриды сумели быстро сорганизоваться и осадили акрополь. Самому Килону удалось бежать, а его приверженцам, искавшим убежища у жертвенника Афины, была обещана жизнь, если они оставят храм. Однако обещание это не было выполнено. При выходе из храма сообщники Килона были убиты, некоторые даже у алтаря Эвменид.

Осаждавших возглавляли представители рода Алкмеонидов. «Килонова скверна» наложила пятно на род Алкмеонидов. Они стали как бы проклятым родом, не сдержавшим обещания освободить осажденных и пролившим кровь у алтаря богини – покровительницы города. В течение всей афинской истории этим при всяком удобном случае пользовались в своих интересах их политические враги. Попытка государственного переворота Килона не удалась, но все же толчок был дан. Социальные противоречия углублялись, а вместе с ними обострялась и социально-политическая борьба. Начатая Килоном смута продолжалась и после его изгнания. Все это указывало на то, что общественное недовольство и брожение в середине VII в. до н.э. были очень сильны.

Первой серьезной уступкой эвпатридов демосу было издание писаных законов – законов Драконта. До этого времени писаных законов не существовало. Судили согласно обычаям предков, устно передававшимся из поколения в поколение. Отсутствие писаных законов позволяло судьям-аристократам произвольно толковать обычаи и выносить несправедливые решения. Такое положение побуждало широкие слои демоса требовать записи существующих обычаев. В 621 г. до н.э. одному из архонтов, Драконту, было поручено пересмотреть и записать действующее обычное право, что он и выполнил. Так возникли Драконтовы

законы. Законы Драконта, согласно преданию, отличались необыкновенной суровостью. Смертная казнь полагалась даже за такое незначительное преступление, как кража овощей и плодов. «Законы Драконта написаны кровью» – так характеризовали их сами греки. Рассказывали, что на вопрос, почему он почти за все преступления приговаривал к смертной казни, Драконт будто бы ответил, что незначительные проступки заслуживают этого наказания, для серьезных же он не мог придумать большего. Отсутствие других мер наказания, кроме смертной казни, свидетельствует о примитивности этого первого афинского законодательства. Драконт лишь записал существовавшие устные законы, восходившие, видимо, к глубокой древности.

Тем не менее при всей своей примитивности законы Драконта имели большое историческое значение. Это была одна из первых побед формирующегося полиса над элементами родового строя, хотя бы потому, что некоторые статьи законов были определенно направлены против кровной мести. Писаное право вносило известный порядок в имущественные и деловые отношения и ограничивало произвол суда, находившегося в руках эвпатридов¹», – пишет исследователь В.С. Сергеев.

3.5. Спарта

3.5.1. Начало Спарты

Историю Спарты следует начать с так называемого дорийского переселения. Конечно, детально реконструировать процесс переселения дорийцев в Пелопоннес невозможно. В современной науке подчас оспаривается даже сама возможность такого переселения, но чаще споры ведутся вокруг характера его. Вопреки античной традиции, для которой переселение дорийцев – это, бесспорно, военная кампания, выдвигается теория, согласно которой дорийцы появились на территории Пелопоннеса спустя столетие после гибели Микенской цивилизации и заняли давно уже пустующие земли. В этой теории момент завоевания вовсе отсутствует. Было лишь «медленное просачивание» отдельных дорийских племен на новые земли. Теория эта основывается исключительно на данных археологии. Дело в том, что микенские дворцы погибают в конце XIII – начале XII в. до н.э., а древнейшая раннегеометрическая керамика дорийцев относится уже к XI в. до н.э. Существует и другая не менее остроумная гипотеза, согласно которой дорийцы – это или наемники на службе у микенских правителей, или низшие слои микенского общества, которые в результате насильственного переворота захватили власть. Данные примеры иллюстрируют опасность отрицания античной

¹ Сергеев В.С. История Древней Греции. – СПб.: Изд-во «Полигон», 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.word-history.ru>

литературной традиции и абсолютизацию данных археологии. Конечно, реконструировать раннюю историю Спарты в деталях, с именами и точными датами, совершенно невозможно. Сделать это не позволяет наша достаточно бедная традиция. Но и отказываться от всякой реконструкции, как это делают некоторые ученые, ссылаясь на полностью, с их точки зрения, фиктивную традицию, кажется нам и методологически неверным, и практически совершенно бесплодным. Это ведет только к тому, что историю Спарты эти ученые вынуждены начинать не с XII–XI вв. до н.э., а с VII–VI вв. до н.э. Самое древнее упоминание о дорийском переселении встречается у поэта Тиртея. Он говорит о нем очень кратко как о событии, всем хорошо известном, и называет спартанцев потомками Геракла. Античная традиция вслед за Тиртеем считала всех дорийцев выходцами из маленькой горной области, расположенной в средней Греции, – Дориды. Сами спартанцы всегда чтили Дориду как свою метрополию. В исторический период все дорийцы, населявшие Пелопоннес, Крит, Великую Грецию, сохраняли представление о каком-то родственном отношении между собой. Они говорили на дорийском диалекте, правда имевшем свои особенности в каждом полисе. У большинства из них засвидетельствовано деление на три дорийские филы – динамов, памфилов и гиллеев. В настоящее время дорийское нашествие лучше всего рассматривать как условное обозначение целого периода греческой истории. Оно протекало в рамках более глобального процесса движения племен и народов, которые пришли с севера и затопили древний мир в конце бронзового века. Их проникновение в цивилизованные страны Средиземноморья вызвало катастрофу и привело к гибели блестящий крито-микенский мир. Таким образом, дорийское нашествие – лишь часть той сложной мозаики, которая перекроила и по-новому перемешала страны и народы в конце 2-го тыс. до н.э. В этом отношении приход дорийцев нельзя считать чисто греческим феноменом. После падения Микен и других центров микенской цивилизации часть ахейцев спаслась и направилась на Кипр, где им удалось сохранить свою политическую независимость. Кипр вообще становится главным прибежищем для носителей микенской культуры. Другие ахейцы продолжали сохранять свое этническое бытие в горных укреплениях Аркадии, которые дорийцы так никогда и не завоевали. Но бедные и неразвитые аркадяне в исторический период не способны оказались сохранить что-либо, кроме языка из наследия своих блестящих предков. Язык надписей древних аркадских общин находится в поразительной близости с диалектом, на котором говорили киприоты. Поэтому принято говорить об аркадо-кипрском диалекте. Но, конечно, нельзя утверждать, что все ахейское население покинуло Лаконию. Кое-где ахейцы остались, например в Амиклах, которые долго еще продолжали оставаться островком микенской культуры уже после того, как вся Лакония была завоева-

на дорийцами. В самой Спарте вплоть до времени римского завоевания сохранилось много додорийских культов. Так, в некоторых лаконских надписях VI–V вв. до н.э. Посейдон именовался на ахейский лад – Похейда. Уже этот пример свидетельствует о том, что дорийский диалект ранних лаконских надписей не был чистым, в нем оставались еще следы ахейской речи. Павсаний упоминает очень древние спартанские храмы, посвященные таким ахейским героям, как Агамемнон, Менелай, Елена. О широком распространении додорийских культов свидетельствует и повсеместное почитание Диоскуров, и придание государственного статуса празднику Гиакинфий в честь бога Гиакинфа, почитавшегося в Амиклах. Античная традиция обычно говорит о дорийском переселении как о возвращении гераклидов и походе дорийцев, причем ни у одного древнего автора нельзя найти цельного связного рассказа, в котором бы излагалось все предание. Наиболее полная версия о походе дорийцев представлена у греческого историка IV в. до н.э. Эфора, на которого ссылается в своей «Географии» Страбон. Эфор был хорошо знаком с преданием о возвращении Гераклидов, согласно которому, отвоевав Пелопоннес у Тисамена, сына Ореста, гераклиды сразу же поделили весь полуостров на три части. Лакония досталась братьям-близнецам Эврисфену и Проклу, которые стали первыми спартанскими царями и основателями двух царских династий. Братья сделали своей резиденцией Спарту и, разделив всю Лаконию на шесть частей, создали систему «вассальных княжеств». Жители окрестных городов Лаконии уже тогда стали именоваться периеками. Надо иметь в виду состояние крайнего экономического и культурного упадка прежнего ахейского населения, чей образ жизни после падения микенских дворцов был направлен только на выживание. Низким был уровень и завоевателей-дорийцев, еще не готовых воспользоваться достижениями разрушенной ими цивилизации. Поэтому маловероятным кажется столь раннее образование классов и государства, как об этом пишет Эфор. В течение двух первых поколений (XI в.) силы спартанцев были еще слишком ограничены, чтобы предположить, что они могли навязать свое господство всему населению Лаконии. Дорийцы могли захватить только несколько удобных пунктов и основать там свои поселения. Главное такое поселение, состоящее из нескольких деревень, или об, возникло на месте будущей Спарты. Это были четыре деревни: Питана, Месоя, Лимны и Кинсуры. Одновременно подобные дорийские поселения могли возникнуть и в других местах Лаконии, но вряд ли они уже тогда, в XI–X вв. до н.э., составляли сплошную территорию и образовывали единое государство. Отличную от Эфора версию о походе дорийцев и образовании спартанского государства дает Павсаний, писатель II в., в 3-й книге «Описания Эллады». Его вариант ранней истории Спарты кажется более достоверным и убедительным, чем рассмотренный уже нами вариант Эфора. По

его данным, завоевание Лаконии спартанцами носило очень медленный характер. Оставаясь долго в долине Еврота с ее главными центрами Спартой и Амиклами, спартанцы не предпринимали реальной экспансии вплоть до IX в. до н.э.

Первоначальная экспансия шла на север и северо-восток. Она состояла из серии нападений на отдельные общины, многие из которых имели такое же дорийское население, как и сама Спарта. Между отдельными дорийскими общинами Лаконии, скорее всего, были такие же враждебные отношения, как между различными группами пелопоннесских дорийцев, например, между спартанцами и аргосцами. Решающий шаг к объединению Лаконии, по версии Павсания, был сделан Телеклом, седьмым царем из династии Агиадов (рубеж IX–VIII вв.). При Телекле спартанцы начали свои наступательные действия против остатков ахейцев в южной Лаконии. Им было осуществлено завоевание трех важных пунктов к югу от Спарты – Амикл, Фариса и Геронфр. Причем Амиклы оказались единственной ахейской общиной, включенной в состав спартанского государства на равных со Спартой правах. В административном плане они превратились в пятую спартанскую обу, присоединенную к четырем исходным. Полностью же процесс завоевания Лаконии был завершен только в 1-й пол. VIII в. при преемнике Телекла, царе Алкамене, т.е. уже непосредственно пятой обой перед началом Первой Мессенской войны. Тогда был покорен самый южный ахейский город Гелос. Такова вкратце реконструкция Павсания. И Эфор, и Павсаний говорят о спартанской общине как ведущей на территории Лаконии. Но открытым остается вопрос: почему именно за Спартой, которая, конечно, являлась не единственным дорийским поселением в Лаконии, закрепилось политическое лидерство? Объяснить это можно только удачным стечением исторических, географических и социальных условий. Важнейшей предпосылкой возвышения Спарты, возможно, было объединение четырех дорийских общин в полис. Замечание Фукидида относительно проживания спартанцев по деревням показывает, что городские общины, или обы, как их называли сами спартанцы, долго еще сохраняли свою индивидуальность после политической унификации государства. Недаром Фукидид называет Спарту несинонимизированным полисом. Какую-то роль в возвышении Спарты, конечно, сыграло и ее географическое положение: Спарта была удалена от моря. А в то время удаленность от моря скорее благоприятствовала развитию государства, чем тормозила его. Спарта находилась в сравнительно замкнутом горном пространстве, на правом берегу реки Еврот, в сердце плодородной долины. Это место обладало целым рядом преимуществ: хорошие поля и выгоны, свежая вода, удобные связи с севером и югом. Однако выбор совершенно неукрепленного места предполагает подчинение и умиротворение всей прилегающей к Спарте области. Окончательное покорение

ние спартамцами Лаконии означало конец первого этапа завоеваний. Это, вероятно, решающий момент в истории Спарты. Все население Лаконии, не принадлежавшее к дорийцам-победителям, оказалось в социально-политической и экономической зависимости от своих новых господ. К началу Первой Мессенской войны все лаконское общество было уже поделено на три строго разграниченные между собой социальные группы – спартиатов, периеков и илотов. Для античной традиции, таким образом, возникновение илотии есть результат не дорийского нашествия, а экспансии Спарты в Лаконии. Деление на спартиатов (спартанских граждан), периеков и илотов оказалось удивительно устойчивым. Оно сохранилось вплоть до римской эпохи. Вся завоеванная земля была поделена на равные участки, клеры, и предоставлена семьям спартиатов то ли как частная собственность, то ли в виде вечной аренды. Прежнее ахейское население осталось на своих бывших землях в качестве рабов – илотов. Подобная экономическая система, почти полностью исключая труд свободных крестьян, сформировала и особый тип государства. Спарта превратилась в государство-рантье, полностью живущее за счет того, что производили илоты.

3.5.2. Законодательство Ликурга

В современной науке нет согласия относительно времени Ликургова законодательства. Благодаря безусловному доверию к Фукидиду канонической долго считалась предложенная им дата – конец IX в. до н.э. Но в настоящее время разногласия во мнениях по данному вопросу очень велики. Если подытожить основные гипотезы, то они суть следующие: Ликурга и его законы помещают: 1) до Первой Мессенской войны, т.е. в конец IX – начало VIII вв. до н.э., что в принципе совпадает с античной традицией; 2) между Первой и Второй Мессенскими войнами, т.е. в 1-ю половину VII в. до н.э.; 3) после Второй Мессенской войны, т.е. уже в VI в. до н.э. Причем, эту позднюю дату часто связывают уже не с Ликургом, а с какими-то другими безымянными законодателями, проводившими реформирование Спарты под реставрационными лозунгами. Конечно, проблема Ликурга очень трудна. Это одна из самых больших загадок древнегреческой истории. Но вряд ли мы что-нибудь выиграем, если отвергнем всю целиком античную традицию о Ликурге, считая ее недостоверной. В настоящее время в науке преобладает скорее позитивное отношение к Ликургу, которого причисляют к крупнейшим греческим законодателям архаической эпохи, наподобие Драконта и Солона в Афинах. Споры нынче ведутся, главным образом, относительно содержания законов и времени их введения. Конечно, спартанская государственная и общественная система в том виде, в каком ее знали греческие историки и философы V–IV вв. до н.э., не была создана одномоментно благодаря уму и таланту одного конкретного

законодателя. Система улучшалась и оттачивалась на протяжении всего архаического периода, причем в источниках можно найти, по крайней мере, еще два таких момента, когда в прежнее Ликургово законодательство вносились принципиальные изменения и поправки. Античная историография приписывала Ликургу больше, чем он был в состоянии сделать, но по большому счету в этом она права: традиция зафиксировала самый важный момент в спартанской истории – начало планового и сознательного преобразования всего общества и государства. На подобную, столь раннюю для Греции системную реорганизацию толкали спартанское общество особые условия существования, каких не было ни в одном другом греческом полисе. На территории Лаконии Спарта была, конечно, не единственной дорийской общиной, но она единственная благодаря вовремя осуществленным реформам смогла начать широко-масштабную экспансию и завоевать сперва всю Лаконию, а потом и Мессению. Конечно, это только гипотеза, но она позволяет, согласуясь с античной традицией, отнести Ликурга и его законы к концу IX – началу VIII вв. до н.э., т.е. ко времени активной экспансии Спарты в Лаконию. В какой-то мере подтверждает эту раннюю дату крайне примитивный и архаичный характер установления, вошедшего в историю под названием «Большая Ретра». В биографии Ликурга Плутарх приводит текст «Большой Ретры», которая является самым ранним известным нам конституционным документом архаической Греции. Архаичность языка и непонятные уже в классическую эпоху реалии заставляют думать, что этот документ очень древний и вполне может относиться к концу IX – началу VIII вв. до н.э. Смущает только то, что, несмотря на отдельные доризмы, в целом документ написан на койнэ. Но это можно объяснить, предположив наличие литературной правки, которую осуществил или сам Плутарх, или его источник. Текст ретры представляет собой повелительное обращение от имени Аполлона к тому, кто испрашивает его совет. Важно отметить, что Плутарх цитирует этот текст не в стихотворной форме. Это лишнее доказательство большой древности документа. Ведь в период развитой архаики практиковались скорее стихотворные ответы. С самим текстом документа Плутарх мог познакомиться в государственном архиве Спарты, где, конечно, хранились сводки ответов оракула. В биографии Агесилая Плутарх прямо говорит о «лаконских записях», которыми он пользовался. Сам термин «ретра» (в буквальном значении – «речение» или «договор») предполагает, что законотворчество Ликурга носило устный характер. Но, с другой стороны, Плутарх имел перед собой письменный текст этого документа! Это противоречие, по-видимому, объясняется тем, что спартанское общество всегда было склонно к искусственной архаизации своей жизни. Дописьменная культура в этом отношении казалась приоритетной, и Ликург, издавая свои законы, прокламировал их как устные. Однако сам

Ликург и его окружение, скорее всего, уже обладали высокой письменной культурой. Существует традиция, связывающая Ликурга с гомеровскими поэмами. Во время своих путешествий он будто бы посетил Самос и переписал поэмы Гомера, воспользовавшись экземпляром, хранившимся у потомков самосского рапсода Креофила. Этот рассказ, даже если в основе его лежит анекдот, тем не менее весьма любопытен. В нем зафиксировано представление древних о наличии в Спарте очень ранней письменной традиции. В дальнейшем письменная культура Спарты всегда носила «полуподпольный» характер и официально не одобрялась. Спартанские власти старательно ограничивали применение письменности только военно-административной сферой. В такой обстановке сохранение спартанцами слова «ретра» уже для письменных законов становится вполне понятным. Как показал в своем докладе профессор Э.Д. Фролов, слово «ретра» как синоним закона употреблялось не только в дорийской, но и в ионийской среде. Так сохранилась надпись от 1-й пол. VI в. до н.э. с острова Хиос, где речь идет о «ретах народа». Но использование в течение многих веков подобного архаического термина объясняется еще и тем, что спартанцы под словом «ретра» понимали санкционированное дельфийским оракулом постановление народного собрания. Для спартанцев их законы носили божественный характер уже в силу того, что они были освящены авторитетом Дельф. Так что в этот термин они вкладывали двойной смысл: приоритет устного законотворчества перед письменным и представление о своих законах как речениях Аполлона. Надо заметить, что религиозный авторитет во все века имел огромное значение для спартанской политики. Античные источники свидетельствуют, что консультации с оракулами по делам, связанным с принятием политических решений, носили в Спарте более систематический и постоянный характер, чем где-либо еще. Запрещение кодификации законов, особенно в области сакрального права, было характерно не только для дорийской Спарты. В Афинах, например, в нач. IV в. до н.э., когда по обвинению в нечестии судили Андокида, Лисий в своей обвинительной речи призывал использовать «не только писанные, но также и неписанные законы». Последние казались ему более предпочтительными, ибо в силу своей древности и анонимности они внушали почтение даже преступникам: те, как пишет Лисий, думали, что «в таком случае их карают не только люди, но и боги». Этот любопытный пример показывает, что даже в период классики были в Афинах отдельные области права, где продолжали использовать древнейшие «неписанные законы». Большая Ретра состоит из двух частей: главного проекта и поправки к нему. Причем, по словам Плутарха, поправка была принята гораздо позднее, при царях Феопомпе и Полидоре. В начале Ретры прокламируется необходимость учреждения святилища Зевса Силлания и Афины Силлании. Указание на Зевса согласуется с античной традицией

о связи Ликурга с Критом – ведь Зевс особо почитался на Крите, месте его рождения. Далее в очень кратком виде излагается суть политической реформы Ликурга. Из-за архаичности, краткости и испорченности текста Ретра не поддается однозначному толкованию. (Порча текста, вероятно, вызвана тем, что в оригинале использовались архаичные дорийские диалектные формы, совершенно непонятные позднейшим переписчикам.) Тем не менее, его можно понять так, что Ликург или полностью или частично заменил родовое деление общества на территориальное. Все граждане были структурированы в военные подразделения, организованные по территориальному принципу. Верховная власть была закреплена за народным собранием, апеллой. Народное собрание, которое, конечно, существовало и до Ликурга, из органа, подчиненного герусии и царям, превратилось в высший правящий орган, стоящий над этими аристократическими институтами. Ликург сумел увековечить спартанскую апеллу в ее преобразованном виде, сделав заседания апеллы регулярными и проходящими в фиксированном месте. Спартанская апелла с этих пор являлась последней и окончательной инстанцией для внесения и отклонения предложений. В качестве основного правительственного органа, но подчиненного апелле, названа герусия, или совет старейшин, во главе с царями. В Ретре цари именуются архагетами, что в данном контексте можно понять как «основатели нового культа». В том же значении слово «архагет» встречается в ранней дорийской надписи по поводу отправки колонии в Кирену, именуемой «Клятвой основателей» (текст восходит к VII в. до н.э.). Здесь архагетами именуется бог Аполлон и царь Батт, в обоих случаях в значении «основатель» и «устроитель». По-видимому, термин «архагет» как основатель в самом широком смысле слова (новых культов, колоний, политических институтов) был характерен именно для архаической эпохи. Возможно, в состав Ликурговых архагетов входили не только два спартанских царя. Не исключено, что первоначально архагетов было больше. Кроме спартанских царей из рода Агиадов и Еврипонтидов в число архагетов могли попасть и представители рода Эгеидов из Фив, которые появились в Лаконии, вероятно, вместе с Гераклидами. Отдельные персонажи из этого аристократического клана руководили наряду с царями важными военными кампаниями Спарты в VIII в. до н.э. Эгеиды были тесно связаны с культом Аполлона и в качестве его жрецов председательствовали в Амиклах во время празднования Гиакинфий.

Наличие двух и более царей не является чем-то редким для ранней Греции. Так у Гомера нередко упоминаются подобные ситуации: в царстве феаков, например, кроме Алкиноя было еще двенадцать царей, и на Итаке Одиссей был не единственным царем, а лишь одним из многих. Следовательно, единодержавие в гомеровский период вполне могло сосуществовать с режимом многодержавия. Между гомеровскими и

спартанскими царями, несомненно, прослеживается глубокая родственная связь. И те, и другие не являются настоящими монархами. Это, скорее, представители ведущих аристократических кланов, осуществляющие коллегиальное руководство общиной. В Спарте долгое время, но уже в качестве пережитка, продолжала существовать та же «отеческая царская власть», о которой говорил Фукидид в своей «Археологии». Эта примитивная царская власть была, по-видимому, разновидностью аристократической формы правления. В таком контексте более понятными становятся как наличие в Спарте двух царских семей, так и их место внутри спартанского полиса. Уже для Плутарха текст «Большой Ретры» был не совсем понятен. Поэтому он счел необходимым сопроводить его комментарием, призванным объяснить темные и неясные места в самом документе. Возможно, и текст документа и комментарий к нему непосредственно были взяты Плутархом из утерянной впоследствии «Лакедемонской политики» Аристотеля. Это тем более вероятно, что Плутарх на него ссылается. Все институты, перечисленные в Ретре, не являются изобретением Ликурга. Они существовали, конечно, и до него. По-настоящему революционным, однако, является заявленный в Ретре примат народного собрания над герусией и царями. Это – сильнейший удар по аристократии, нанесенный в рамках конституционной борьбы и первый значительный шаг по пути создания так называемой гоPLITской политики. Спартанскому демосу не пришлось насильственным путем избавляться от своей аристократии и через тиранию идти к демократии, как это было во многих греческих полисах. У Спарты модель политического развития оказалась иной. Большая Ретра Ликурга – это знак начавшейся консолидации гражданского коллектива, в котором не аристократия была низведена до народа, а, наоборот, весь спартанский народ превратился в правящее сословие. Недаром спартанцы очень рано стали именовать себя гоMEями, т.е. равными. Но их равенство было очень своеобразно – это было равенство внутри слоя господ (в этой связи можно вспомнить членов английского парламента, которые также называли себя пэрами, или равными). Таким образом, Ликургу и его сторонникам, которые сами были представителями высшей аристократии, удалось заложить фундамент для дальнейшей консолидации общества и превращения его граждан в военную элиту, устраненную от всякой производственной деятельности. Заслугой Ликурга и его последователей можно считать также внедрение новой идеологии, пронизанной идеями военного братства и сотрудничества. В дальнейшем идеология равенства станет базовой идеей для структурного оформления всего спартанского общества, в котором благодаря общественному воспитанию и общественным обедам не так уж много будут значить рождение и богатство. Однако антиаристократические по духу своему реформы Ликурга столь глубоко затронули интересы спартанской знати, что это отрази-

лось даже на судьбе самого законодателя. Он стал жертвой реакции и был вынужден отправиться в изгнание. Традиция единодушна в том, что умер Ликург в изгнании. Став главной фигурой спартанской истории, он после смерти почитался как герой. По словам Павсания, в Спарте существовал храм Ликурга, где ему оказывали почти божественные почести. О том, что политическая ситуация в Спарте после Ликурга не отличалась особой стабильностью, в самой общей форме свидетельствует Аристотель. В этом же ключе можно рассматривать и политический кризис конца VIII в. до н.э., вызванный заговором парфениев, неполноправной группы молодежи внутри спартанского гражданства. Античная традиция в том виде, как она представлена у Плутарха, приписывает Ликургу всю коллекцию особенностей государственной и общественной жизни Спарты. Но, судя по тексту «Большой Ретры», Ликург на рубеже IX–VIII вв. до н.э. осуществил в главных чертах только политическое реформирование общества. А приписывание ему всего комплекса реформ – обычная аберрация мифологического сознания. Ведь спартанских граждан объединяла не столько общая история, сколько общая мифология. У истоков этой общей мифологии стоит завышенная ценность традиции, которая знала только одного великого спартанского законодателя – Ликурга. Следовательно, он и был создателем спартанского космоса. Спартанцы на протяжении всей своей истории воспринимали законы Ликурга как безальтернативный стандарт и его именем и под реставрационными лозунгами проводили подчас самые радикальные реформы. Достаточно в этой связи вспомнить реформаторскую деятельность спартанских царей конца III в. до н.э. Агиса и Клеомена. Их реформы несли на себе печать исключительной архаизации и проводились под лозунгом возврата к прошлым институтам. Следующей серьезной модификации спартанская конституция подверглась, по видимому, в эпоху Первой Мессенской войны. По свидетельству Плутарха, авторами дополнения к «Большой Ретре» были спартанские цари Феопомп и Полидор. Суть этой поправки заключается в том, что герусия вместе с возглавлявшими ее царями вновь была поставлена над народным собранием. Таким образом, внесение подобной поправки можно рассматривать как попытку аристократического реванша. По словам Плутарха, цари убедили народ принять поправку к Ретре благодаря утверждению, что такова воля богов. Тиртей, вспоминая об этих событиях в своей поэме «Евномия», прямо говорит, что цари обращались за божественной санкцией в Дельфы. Так что здесь, как и в случае с Ликургом, имеет место апелляция к Аполлону. Наряду с усилением власти герусии Феопомпу и Полидору, царям эпохи Первой Мессенской войны (2-я пол. VIII в. до н.э.), приписывают также и учреждение эфората. Это была вторая по значению конституционная перемена после законов Ликурга. Эфорат, по словам Аристотеля, был введен царем Феопомпом.

Свидетельство Аристотеля кажется тем более надежным, что в «Большой Ретре» эфорат не фигурирует. А Геродот, связывая эфорат с Ликургом, по-видимому, только передавал традиционную точку зрения спартанцев его времени на эфорат как ликургов институт. Коллегия из пяти эфоров (по числу спартанских об) должна была исполнять судебные функции спартанских царей в их отсутствие. Первоначально, по-видимому, цари сами назначали эфоров из числа своего ближайшего окружения. Но длительные Мессенские войны и, как их результат, полная занятость царей военной сферой способствовали превращению «царского» эфората в орган, уже мало зависимый от царей. Поскольку в нашей традиции учреждение эфората жестко связывается с Первой Мессенской войной, то введен он был, скорее всего, в 30–20 гг. VIII в. до н.э., что близко стоит к 754 году, с которого начинается традиционный список эфоров-эпонимов. Из органа, подчиненного царям, в орган, стоящий над царями, эфорат превратился много позже своего возникновения. Эта трансформация, скорее всего, произошла не ранее сер. VI в. до н.э. и связана она была, в конечном счете, с завоеванием Мессении.

Вторая Мессенская война спровоцировала и усилила те процессы внутри спартанского общества, начало которым положил еще Ликург. Окончательное покорение Мессении и превращение целого народа в илотов имели для Спарты долговременный эффект. У Спарты теперь не было иного пути, как тотальная милитаризация всего общества. Но этот процесс стал набирать скорость не сразу, а спустя 20–30 лет после окончания Второй Мессенской войны. Кратковременным же эффектом победной эйфории стал всплеск культуры и искусства – последний известный нам в истории Спарты. В этой связи можно вспомнить поэзию Алкмана, пронизанную тонким лиризмом. В его песнях, написанных около 600 г. до н.э., совершенно отсутствуют военно-патриотические мотивы, характерные для маршевых песен Тиртея, участника Второй Мессенской войны. В спартанском обществе рубежа VII–VI вв. до н.э. еще оставались элементы открытости. Судя по раскопкам святилища Артемиды Орфии, у Спарты были торговые связи не только с материковой Грецией, но и с такими дальними странами, как Египет и Лидия. Местная лаконская керамика этого периода мало отличалась от лучших образцов коринфской и афинской глиняной посуды. Она импортировалась в места, тесно связанные со Спартой, – в Тарент, Кирену, на Самос. Славилась спартанские деревянные статуэтки и бронзовые кубки. Последние часто использовались в качестве дорогих подарков. Подобный кубок получил, например, от имени спартанского государства лидийский царь Крез. Но культурный подъем оказался кратковременным. К середине VI в. до н.э. почти все проявления культурной активности Спарты стали затухать. Так, Алкман оказался последним спартанским поэтом. К 570 г. до н.э. резко уменьшился, а потом и полностью исчез

импорт. Последние образцы местной лаконской керамики относятся к 525 г. до н.э. Неожиданно упал и интерес спартанцев к олимпийским играм. После 576 г. до н.э. спартанцы-олимпионики стали редким явлением. Причины этого упадка лежат не столько в области экономики, сколько в социально-политической сфере. В середине VI в. до н.э. происходит последний, третий, этап реформирования спартанского общества, в результате которого возникает так называемая классическая модель спартанского полиса. Преобразованный эфорат становится гарантом равенства всех граждан перед законом. Привилегии аристократии сохраняются лишь в сфере неформальных ценностей. Военная этика и система общественного воспитания моделируют общество, не нуждающееся ни в каких гуманитарных ценностях. Отсюда постепенное понижение интеллектуально-культурного уровня общества в целом. Стиль жизни аристократии был подвергнут значительной корректировке. Декларативное равенство уничтожило последние элементы их свободы и независимости от общества. Даже цари не смогли избежать этого диктата, хотя отдельные рудименты свободы им были оставлены, такие, например, как право воспитывать свое потомство вне системы агогэ. Реформирование эфората традиция связывает с именем эфора Хилона. По словам Диогена Лаэртского, Хилон сделал эфорат равным царской власти. Хилон, скорее всего, фигура историческая. В списке эфоров он значится под 556 г. до н.э. Некоторые, особенно западные историки, склонны видеть в Хилоне великого законодателя и истинного автора ликурговских реформ. Как бы то ни было, с превращением эфората в высший правительственный орган, контролирующий все ведомства, процесс формирования спартанского полиса в общих чертах был закончен. После завоевания Мессении и массового закабаления ее населения у спартанцев не оставалось иного варианта для поддержания стабильности и порядка, чем проведение радикальных преобразований внутри собственного гражданского коллектива. Спарта превратилась в военный лагерь, а ее граждане – в военную элиту, от сплоченности и единомыслия которой зависело само существование государства. Это единомыслие достигалось с помощью тщательно разработанной системы воспитания. Спартанские мальчики уже в 7 лет забирались из семей и передавались в ведение государства. Таким образом, с очень раннего возраста начиналась обработка сознания молодежи и формирование единообразных ценностных установок. В этом, конечно, проявлялась охранительная функция государства. Значение семьи при этом сводилось до минимума, ибо семья не должна была больше стоять между государством и его гражданами. Таким образом устранялся главный источник нелояльности граждан. Интересы государства ставились неизмеримо выше интересов частных граждан. Важно подчеркнуть, что государственный надзор и государственное давление распространялись не только на об-

ласть воспитания и образования. Диктату государства подчинены были все сферы общественного бытия. Требования военной дисциплины определяли жизнь спартанского общества не только в военное, но и в мирное время. Идеалы военной доблести и патриотизм были провозглашены высшими нравственными ценностями. Критерием нравственности стала государственная польза. Моральность или аморальность того или иного поступка рассматривались только под углом государственного интереса. Поэтому в Спарте, как и во всякой закрытой системе, многие понятия были смещены и деформированы. Так, когда на рубеже V–IV вв. до н.э. спартамцам пришлось столкнуться с внешним миром, то оказалось, что они не способны успешно в нем адаптироваться. Само общество, воспитанное на принципах тоталитарной морали, тщательно следило за своими членами, не допуская никаких отступлений от заданной модели поведения. В Спарте общественное мнение совпадало с государственными установками и потому, по словам А. Тойнби, «противники спартанского общественного порядка наказывались самим обществом, причем презрение к ним было всеобщим и действовало сильнее, чем кнут надсмотрщика. Категорический императив в душе каждого спартиата был высшей движущей силой ликурговой системы и позволял в течение более чем двух столетий пренебрегать человеческой природой». Недаром идеальное государство Платона, каким оно предстает в его «Законах», имело многие черты реального спартанского полиса. Для Платона Спарта была ценна своей фундаментальной концепцией тотального единства и равенства. Непосредственный контроль государства над повседневной жизнью граждан казался Платону наиболее простым и эффективным средством, обеспечивающим стабильность всей системы. Импонировала Платону и спартанская экономическая система, с одной стороны, гарантирующая правящему классу устойчивый доход, а с другой – избавляющая его от всякого рода «хремастики». Среди ценнейших достижений Спарты Платон считал и внутреннюю социальную устойчивость, благодаря которой спартанский полис долгое время удачно избегал гражданских смут. Илоты и периеки, труд которых составлял экономический фундамент спартанского общества, сами не являлись частью этого общества и потому не влияли на его внутреннюю стабильность. По отношению к спартанскому обществу и те и другие представляли скорее внешнюю, чем внутреннюю угрозу. Отсутствие напряженности внутри правящего сословия было единственным гарантом стабильности всей системы. Поэтому основной заботой всех властных структур Спарты было поддержание традиционных устоев. Все спартанские преобразования архаической эпохи были направлены на создание сбалансированной политической системы. Поэтому так часто мы сталкиваемся с политическими компромиссами, неизбежными в обществах, стабильность которых гарантировало только кастовое единст-

во правящего сословия. Так, появление эфората как высшей правительственной коллегии означало, что спартанское общество смогло найти приемлемый для всех компромисс без радикальных социальных потрясений. За высшей аристократией, политическими лидерами которой оставались цари, сохранилась герусия. Противовесом герусии и царям стал эфорат, куда мог попасть любой «рядовой» спартиат. Таким образом, апелла стала полем воздействия двух равновеликих сил: герусии, с одной стороны, и эфората – с другой. Причем передача в сер. VI в. до н.э. председательства в герусии от царей к эфорам означала очередной важный компромисс между аристократией и рядовыми членами гражданского коллектива, надолго обеспечивший Спарте гражданский мир. Таким образом, Спарте путем комбинации древних и вновь созданных полисных институтов удалось создать устойчивую систему, все элементы которой были спаяны в единый блок. Что касается политического строя Спарты, то античная традиция единодушно причисляла Спарту к олигархическим полисам. Недаром в историческое время Спарта всегда поддерживала олигархические режимы. И такой подход к Спарте как, безусловно, олигархическому государству кажется абсолютно верным. Внутри спартанского гражданского коллектива не было демоса в античном понимании этого слова. Поэтому говорить о демократии в отношении Спарты, как это делают некоторые современные ученые, значит отстаивать парадоксальную точку зрения. Спартанская военная элита, именующая себя «равными», конечно, не была однородна, но степень ее неоднородности приблизительно такая же, как между простым и титулованным дворянством в Российской империи.

3.5.3. Спарта. Мессенские войны

Судя по данным археологии и диалектологии дорийское вторжение распространилось и на Мессению, где были уничтожены крупные центры микенской культуры, такие, как дворец в Пилосе. Но в отличие от Лаконии в Мессении ахейское население поработено не было. Скорее всего, здесь произошла постепенная ассимиляция, т.е. полное слияние в один народ ахейцев и дорийцев. Во всяком случае в исторический период народ, населявший Мессению, назывался мессенцами и не делился ни на какие этнические группы. Часть мессенцев, вероятно аристократия, была уже дорийской перед началом спартанского завоевания. Этим можно объяснить универсальное восприятие мессенцами в IV в. до н.э. не только дорийского диалекта, но также и чисто дорийского культа Аполлона Карнейского и дорийского календаря. По словам Павсания, мессенские эмигранты в течение трех столетий сохраняли в чистоте свой дорийский диалект и, когда в IV в. до н.э. Мессения была освобождена, многие из них вернулись на родину. До войны со Спартой Мессе-

ния была свободной и независимой страной. Об этом говорит, например, тот факт, что она активно участвовала в Олимпийских играх. Для Мессении поражение в Мессенских войнах оказалось страшной катастрофой. Была уничтожена ее государственность, надолго прервано ее культурное развитие. Для Спарты же Мессенские войны стали логическим продолжением ее экспансии и своеобразным вариантом так называемой внутренней колонизации. И тут Спарта пошла своим оригинальным путем. Если главным содержанием периода греческой архаики была Великая греческая колонизация, в которой так или иначе участвовали большинство греческих полисов, то Спарта предпочла решать свои социально-экономические и демографические проблемы иначе. Вместо вывода колоний за море она начала серию военных походов против своего ближайшего соседа – Мессении. Традиция насчитывает три Мессенских войны, хотя последняя, третья, относится уже в периоду классики и войной может быть названа только условно. Это было восстание мессенских илотов. Одним из главных источников по истории Мессенских войн являются стихи Тиртея, который первым воплотил в своих произведениях идеалы спартанской военной доблести. Он был современником и участником Второй Мессенской войны. Но характер жанра и фрагментарность его поэтического наследия делают стихи Тиртея не слишком содержательным в историческом отношении источником. Самый пространственный рассказ о Мессенских войнах принадлежит Павсанию, чье творчество относится уже к периоду Римской империи (II в. н.э.). Выявить в этом предании историческое зерно довольно трудно. Но если отвлечься от имен легендарных царей и героев, то можно наметить вполне реальную историческую канву. Основными источниками Павсания были произведения, возникшие в кругу мессенских историков уже после возрождения Мессении в IV в. до н.э. Идеология вновь обретенной государственности требовала своего художественного обрамления. Мессения нуждалась в героическом прошлом, и оно было воссоздано в целой серии патриотических рассказов, авторы которых, ловко манипулируя традицией, не останавливались и перед прямой ее фабрикой. Такого рода литература и легла в основу версии Павсания. По свидетельству Павсания и Евсевия, Первая Мессенская война продолжалась 19 лет, с 742 по 724 гг. (благодаря датировке по олимпиадам хронология Павсания является абсолютной). Хронологию Павсания подтверждает и сохранившаяся традиция об основании двух западных колоний: так Первой Мессенской войне непосредственно предшествовало основание Регия, а вскоре после нее, в 706 г., был основан Тарент. Главной целью Спарты в Мессенских войнах было приобретение новых земель. Спартанская традиция передает, что царь Полидор, начиная эту войну, объявил, что идет завоевывать землю, еще не поделенную на клеры. Перед завоевателями вряд ли стояла задача покорить всю территорию Мессе-

нии. Ведь большая часть Мессении, кроме долины реки Памиссы, гориста. Холмистая местность и узкие прибрежные долины скорее благоприятствовали пастушеству, чем земледелию. В классическое время большая часть западной Мессении была пустынна так же, как и прибрежные районы. Так что предметом завоевания, скорее всего, являлись две плодородные долины, расположенные по берегам Памиссы, – Стениклер и Макария. Эти две равнины легко могли обеспечить участками земли, по крайней мере, три тысячи спартанцев. Павсаний подробно излагает ход военной кампании. После ряда поражений сопротивление мессенцев сосредоточилось в пограничном с Аркадией районе. Здесь повстанцы были разбиты, и Мессения подчинилась Спарте. Мессенские аристократы по большей части эмигрировали из Мессении. Часть их приняла участие в основании Регия, а часть бежала в Аркадию. После Второй Мессенской войны этот эмиграционный процесс продолжался. Известно, что герой Второй Мессенской войны царь Аристомен нашел себе убежище на Родосе. Многие знатные мессенцы эмигрировали в Сицилию и Южную Италию. Условия мирного договора, судя по рассказу Павсания, были достаточно жесткими. Мессенцы поклялись не отпадать от Спарты и не поднимать восстания, а также доставлять Спарте половину урожая. Такой огромный процент отчуждаемой продукции редко встречается в исторической практике. Сбор подобного налога невозможно было бы осуществить без постоянного и очень сильного давления на илотов и без прямого контроля над урожаем. Высокая степень сопротивляемости мессенских илотов во многом объясняется повышенным экономическим прессингом, который они испытывали. Но, скорее всего, после Первой Мессенской войны Мессения еще не превратилась в аморфную политическую структуру и сырьевой придаток Спарты. Она еще сохраняла остатки своей государственности. Так, судя по фрагментам Тиртея, после Первой Мессенской войны мессенское население в своей массе не было еще превращено в илотов. Ведь Вторая Мессенская война была борьбой между двумя гоплитскими армиями, а народ, превращенный в безоружных крепостных, вряд ли мог создать правильную армию и сражаться в ней в качестве гоплитов. Можно предположить также, что далеко не вся территория Мессении была завоевана спартанцами после Первой Мессенской войны. В руках спартанцев оказались, скорее всего, две плодородные равнины на востоке страны, а вся остальная территория находилась еще вне ареала спартанского влияния. Это позволило Мессении спустя десятилетия поднять общемессенское восстание, которое вошло в предание под именем Второй Мессенской войны. Точную дату этого события определить трудно. Все подсчеты основываются, главным образом, на словах Тиртея, что Первая Мессенская война была во время «отцов наших отцов», т.е. – при буквальном понимании этого поэтического образа – при

дедах тиртеевского поколения. Согласно хронологии Павсания, война длилась с 685 по 668 гг. Однако в науке эта дата часто оспаривается, и Вторая Мессенская война помещается или в середину VII в. или в его 2-ю половину, хотя каких-либо весомых оснований, кроме указания Евсевия на 636 год как год начала войны, нет. Ведь датировку Павсания косвенно подтверждает и Тиртей: промежуток в два поколения между концом Первой и началом Второй Мессенской войны должен был быть достаточно коротким, чтобы остаться в живой памяти Тиртея. Восстание мессенцев началось на севере, в Андании. Во главе восставших стоял царь Аристомен. В памяти мессенцев он приобрел черты национального героя, предмета религиозного почитания и героического культа. Среди союзников мессенцев были аргосцы, элейцы, аркадяне, а также Пилос и Мефона, мессенские города на западном побережье, сохранившие свою независимость после Первой Мессенской войны. Надо заметить, что конфликт между Спартой и Мессенией носил чисто локальный характер. В качестве союзников в обеих Мессенских войнах принимали участие только полисы Пелопоннеса. Первые годы войны для спартанцев были крайне неудачными: много раз они оказывались на грани полного поражения. Ситуация усугублялась и тем, что Мессении удалось приобрести в Пелопоннесе влиятельных союзников. Стихи Тиртея передают крайнее напряжение сил Спарты. Павсаний объясняет конечное поражение мессенцев, несмотря на их героизм, изменой союзников. В решительной битве у Большого Рва на девятом году войны мессенцы были разбиты. Однако сопротивление продолжалось и после этого сражения, приобретая черты партизанской войны. Мессенцы укрепились на пограничной с Аркадией горе Ире, где продержались еще 11 лет. Повстанцы сдались только на условиях свободного ухода в Аркадию и другие области Греции. Все оставшееся население, в основном мессенские крестьяне, было превращено в илотов и вместе со своими земельными участками распределено между отдельными семьями спартиатов. Таким образом, к концу VII в. до н.э. система эксплуатации илотов в основном уже сложилась, а Спарта окончательно стала государством-рантье, в котором сословие господ (а к нему относилось все гражданское население Спарты) жило за счет двух негражданских сословий – периеков и илотов.

3.5.4. Спарта. Периеки

Дорийцы пришли в Лаконию несколькими потоками и обосновались, конечно, не в одной только Спарте. В течение длительного периода, между дорийским переселением и возвышением Спарты, на территории Лаконии существовало, по-видимому, несколько независимых друг от друга дорийских общин, расположенных, главным образом, на

севере страны. Это отчасти подтверждают наши источники. Так, Геродот и Гекатей верили, что лаконские периеки так же, как и мессенцы, были дорийцами по происхождению. Поэтому в процессе завоевания Лаконии спартанцы столкнулись не только с автохтонами ахейцами, но и со своими соплеменниками – дорийцами. Существует много научных гипотез об этническом составе периекских общин. Все они сводятся к трем основным идеям: периеки – потомки ахейского населения, периеки – потомки дорийцев и, наконец, периеки – конгломерат ахейцев и дорийцев. Думается, что версия о смешанном этническом происхождении периеков наиболее приемлема. Причем можно согласиться и с оригинальной идеей В. Эренберга, что внутри периекских общин социальный водораздел совпадал с «национальным». По его мнению, местная аристократия у периеков была дорийской, а народ принадлежал к другой этнической группе – к ахейцам. Данные лингвистики отчасти подтверждают теорию о смешанном этническом составе периекских общин. В историческое время дорийский диалект стал доминировать над ахейским, но самые ранние надписи из Лаконии заставляют думать, что дорийский язык периеков не был чистым, в нем оставались еще следы ахейской речи. Состав спартанской армии в исторический период также заставляет думать, что дорийский страт в периекских общинах был значительным. Ведь в V в. до н.э., например, основная часть спартанской армии состояла исключительно из периеков. Причем спартанцы и периеки, т.е. все совокупное свободное население Спарты, называли себя общим термином «лакедемоняне», подчеркивая тем самым свою общность перед лицом внешнего мира. Этот термин «лакедемоняне» постоянно встречается у всех греческих историков, особенно в текстах, где речь идет о спартанской армии. В качестве военных союзников периекские города участвовали во всех военных кампаниях Спарты. Военная служба была их главной и безусловной повинностью. Если во время греко-персидских войн контингенты периеков и спартанцев были примерно равны (в Платейском сражении и спартанцы, и периеки выставили по пять тысяч гоплитов), то уже в период Пелопоннесской войны, когда активно пошел процесс сокращения полноправного гражданского населения Спарты, периеки стали составлять основу спартанской армии. Некоторые из них занимали весьма высокие военные посты. Из всех спартанских магистратов города периеков теснее всего были связаны со спартанскими царями. Для них цари являлись не только военными лидерами, но и верховными жрецами, представляющими перед богами все города периеков вкупе. Недаром Геродот в том месте, где он говорит об обязательном участии периеков в погребальном обряде царей, называет последних не царями спартанцев, а царями лакедемонян. В каждом городе выделялся специальный земельный участок, темен, составляющий частную собственность царей, и выплачивался особый «царский» налог.

Вся земля периекских полисов, кроме царского темена, по-видимому, была их безусловной собственностью. Вопрос о политическом статусе периекских общин внутри спартанского государства является сложной научной проблемой. Источников по этому сюжету очень мало. А те, что есть, или слишком лаконичны, или относятся к очень позднему уже римскому периоду. Сами по себе периеки мало интересовали греческих историков. Они упоминаются только в контексте военных событий. Поэтому столь сложно ответить на вопрос о месте периекских общин в структуре спартанского государства. В процессе завоевания Лаконии отношения между Спартой и покоренными периекскими городами, скорее всего, строились на договорных началах. Строгой унификации еще не было. Как и в Риме, у Спарты, по-видимому, были привилегированные и опальные общины, в зависимости от степени их лояльности. Большое значение имели и соображения стратегического порядка. Периекские общины, расположенные на северных рубежах Спарты, по-видимому, пользовались какими-то преимуществами. Они защищали Спарту с севера и являлись ее важными форпостами на северных границах государства. Кроме того, именно на севере Лаконии дорийцы, скорее всего, составляли основную часть населения в отличие от юга, где ахейский элемент всегда был значительным. Так сохранилось свидетельство Фукидида, что воины из Скиритиды (горная область на севере Лаконии) занимали в спартанской армии почетное левое крыло и вообще пользовались большим доверием спартанцев: в ночное время скириты несли охрану лагеря. Наоборот, важные в стратегическом отношении южные города Лаконии (с преимущественно ахейским населением) становились местом постоянной дислокации спартанских военных баз. Так, в качестве своей военно-морской базы Спарта во время Пелопоннесской войны использовала Гифий. А на Киферу, главный торговый порт Спарты, ежегодно посылался спартанский офицер в чине киферодика вместе с военным гарнизоном. Столь тщательный надзор за Киферой объясняется тем, что через этот южный лаконский порт шли все торговые караваны с хлебом из Ливии и Египта. Таким образом, Спарта, покорив всю территорию Лаконии, образовала что-то вроде лакедемонской симмахии. По целому ряду признаков города периеков вроде бы не входили в состав спартанского государства и не считались его интегральной частью: так в самой Спарте периеки не обладали никакими гражданскими и политическими правами и считались ксенами – иностранцами. Но, с другой стороны, анализ политической терминологии толкает к иному выводу. По словам Фукидида, «люди есть государство». И, действительно, древние вместо имени государства обычно называли совокупность его граждан, т.е. афинян вместо Афин, коринфян вместо Коринфа и т.д. Следуя этой модели, для определения спартанского государства должен употребляться термин «спартанцы», а вместо него мы находим

термин «лакедемоняне», в число которых кроме спартиатов входили и все свободные, но бесправные переики, которые жили в границах спартанского полиса, но в своих собственных полуавтономных общинах. Таким образом, формально как будто общины переиков входили в состав спартанского государства. Все переикские города были одновременно и военными союзниками Спарты, и подчиненными общинами. Двойственное положение полисов переиков проявлялось во многих деталях их политической и экономической жизни. Когда после Пелопоннесской войны создавалась спартанская империя, она до известной степени моделировалась как расширенный и унифицированный вариант этой древней лакедемонской симмахии. Для управления своей новой державой спартанцы использовали тот же механизм в виде гармостов и гарнизонов, какой опробовали еще на лаконских переиках. Есть свидетельства, что гармосты в Лаконии существовали еще в период архаики. Во всяком случае в схолиях к Пиндару речь идет о двадцати спартанских гармостах. По-видимому, первоначально гармостами в Спарте назывались должностные лица, ежегодно посылаемые в города переиков для наблюдения за состоянием дел в этих общинах и для поддержания в них порядка. Двадцать гармостов, о которых идет речь в схолиях к Пиндару, скорее всего, и были такого рода магистратами. Хотя функции гармостов, судя по исходному значению этого слова (предводитель, командир), были по большей части военными, но им, бесспорно, приходилось вмешиваться и во внутренние дела подопечных городов. Недаром в словарях грамматиков слово «гармост» приравнивается к словам «архонт» или «эпимелет» (архонт и эпимелет – общее обозначение как гражданских, так и военных высших магистратов). Наличие в переикских городах гармостов и гарнизонов, даже если они и не носили регулярный характер, свидетельствует о политической зависимости этих городов от Спарты. Для поддержания порядка и устрашения местного населения спартанцы, по-видимому, часто использовали карательные экспедиции. Так из случайного упоминания Ксенофонта мы узнаем, что подобного рода карательный отряд был направлен в 398 г. до н.э. в Авлон, город в северной Мессении, для того чтобы арестовать и привезти в Спарту подозрительных переиков. Подобные детали дают представление о полицейской системе спартанского государства, пронизывающей всю территорию Лаконии и Мессении. Города переиков полностью были лишены внешнеполитической инициативы. Вся внешняя политика находилась в руках спартанской правящей элиты. Это видно уже по тому, что в Пелопоннесской Лиге ни у одного переикского города не было права голоса. Но внутреннюю автономию, хотя и в несколько урезанном виде, спартанцы общинам переиков оставили. А значит, что все города переиков продолжали оставаться полисами с функционирующими там народными собраниями и полисными магистратурами. В одной надписи

из Гифия, например, датируемой I-м в. до н.э., упоминается народное собрание, называемое там «большой апеллой». Правда, данные о внутренней структуре периекских городов остались, главным образом, от очень позднего, римского, времени, но по ним можно судить о состоянии этих общин и в более ранний период. Упомянутые в надписях эфоры и апелла свидетельствуют о стойких дорийских корнях периекских общин. Ибо вряд ли эти наименования были просто заимствованы у полиса-гегемона, тем более, что в некоторых надписях присутствуют три, а не пять эфоров. Это само по себе предполагает древнее дорийское деление на три филы. Хотя точная численность периекских общин – 24 – зафиксирована только для римской эпохи, но, судя по одному замечанию Геродота, их было достаточно много и в более ранний период. О социально-политической структуре периекских полисов мы ничего не знаем. Исходя из модели построения спартанской державы в конце V – начале IV в. до н.э., Спарта и в более ранний период должна была поддерживать олигархические режимы. Так что все периекские общины, скорее всего, были олигархиями. О наличии местной аристократии среди периеков упоминают Ксенофонт и Плутарх. В отличие от самих спартиатов периеки никак не были ограничены и в своей профессиональной деятельности. Они, как и метеки в Афинах, являлись самой энергичной и подвижной частью общества. Их основные профессиональные занятия – торговля, мореплавание, ремесла. В эту область их деятельности спартанцы никак не вмешивались. Хотя периеки были во многих отношениях привилегированным сословием и пользовались почти абсолютной экономической свободой, но полисы, сохранявшие традиции свободных дорийцев, были недовольны знаками своего подчиненного положения: наличием налогов, присутствием, по крайней мере в некоторых случаях, спартанских гармостов и полным отстранением от решений, связанных с внешней политикой. Поэтому на протяжении всей истории Спарты отношения периеков к спартанцам отличались двойственностью. С одной стороны, периеки вместе со спартанцами защищали общую для них территорию Лаконии, а с другой стороны, испытывая постоянный прессинг со стороны Спарты, они не могли забыть своей политической зависимости от лидирующего полиса. В силу этой двойственности, пока спартанское государство оставалось сильным, полисы периеков сохраняли лояльность, а их антиспартанские выступления носили локально-эпизодический характер. Так, в 464 г. до н.э. во время великого землетрясения и восстания илотов к инсургентам присоединились две периекские общины. (Правда это были не лаконские, а мессенские города, причем очень древнего происхождения – Фурия и Анфея. По-видимому, в восточной Мессении, там, где она граничила с Лаконией, спартанская администрация была такой же, как и в Лаконии, что позволяло мессенским городам продолжать свое полуза-

висимое существование.) В 398 г. до н.э. во время заговора Кинадона в Спарте среди заговорщиков Ксенофонт упоминает и периеков. Но такие случаи в эпоху спартанского могущества были очень редки. Первые же признаки ослабления Спарты вызвали немедленную реакцию у периеков. Так, в 370 г. до н.э. при вторжении Эпаминонда в Лаконию периеки впервые за всю историю Спарты не явились на зов спартанцев и отказались участвовать в военной кампании против Беотии. Более того, по словам Ксенофонта, некоторые периекские города даже перешли на сторону Эпаминонда. Но основная масса периекских общин даже в такой критический для Спарты момент продолжала сохранять лояльность. В противном случае вряд ли фиванская армия подвергла бы опустошению всю Лаконию вместе с находившимися там городами периеков. Наши источники в один голос утверждают, что фиванцы опустошили всю Лаконию и приобрели бесчисленную добычу. Такое поведение периеков объясняется отчасти тем, что они защищали свою собственную землю и имущество и не видели для себя смысла менять одних хозяев на других. Ведь Спарта с мифических времен была для них гарантом безопасности. В греческом мире с его постоянными межполисными конфликтами территория Лаконии и Мессении в течение столетий была заповедным местом, где население могло не опасаться внешнего врага. Отсюда неизменная лояльность периеков, которые долгое время предпочитали жить внутри спартанской системы координат, а не вне ее. Привлекательность Спарты для периеков как гаранта их безопасности однако уменьшалась по мере ослабления военной значимости Спарты. Полностью освободиться от власти Спарты полисы периеков сумели только в период римского господства и только благодаря вмешательству Рима. После войны с Набисом римский полководец Тит Фламинин освободил, как пишет Тит Ливий, от спартанского рабства все приморские города периеков и сделал все население этих городов так называемыми свободными лаконцами. А из надписи, найденной в Гифии, мы узнаем, что за этот поступок Тит Фламинин был даже объявлен периеками их спасителем, сотером. Благодарность, с которой было встречено это освобождение, доказывает, что несмотря на более или менее мягкую власть Спарты по отношению к периекам, последние никогда не отказывались от мысли о политических правах и полной свободе от спартанской опеки.

3.5.5. Спарта. Спартиаты

Все полноправные граждане Спарты являлись членами общины равных и могли называть себя спартиатами. Термин «спартиаты» использовался для отличия спартанских граждан от периеков и илотов. В трудах античных авторов, которые по большей части являются исто-

риями войн, довольно трудно и редко можно выделить спартиатов как отдельную социальную группу. Это объясняется тем, что спартанское войско, обязательно включавшее в себя периеков, обозначалось, как правило, общим для этих двух категорий этниконом – лакедемоняне. Однако, если по ходу изложения надо было выделить спартиатов из общей массы лакедемонян, источники легко это делали. Об этом свидетельствует ряд мест у Геродота, Исократ и других греческих авторов. Но очень рано, уже, вероятно, в период архаики, появился еще один термин для обозначения спартанских граждан – «равные» или в греческом варианте – «гомеи». Этот термин зафиксирован для времени Ликурга и основания Тарента. Пока спартанский гражданский коллектив в своей массе был единым, оба термина – «спартиаты» и «гомеи» – скорее всего были синонимами и, соответственно, эквивалентами спартанскому гражданству. В архаический период, по крайней мере, сословие равных соответствовало и совпадало со всем гражданством. Конечно, слово «гомеи» вряд ли могло быть вполне официальным обозначением полноправных спартанских граждан. Скорее всего, оно возникло в среде самих спартиатов в еще достаточно раннее время. Оно использовалось членами гражданской корпорации для горделивого подчеркивания своего особого аристократического равенства и никакой другой нагрузки вплоть до начала IV в. до н.э. в себе не несло. Само появление такого термина, как «равные», свидетельствует о высочайшем самосознании спартиатов, которые очень рано стали осознавать себя членами аристократической корпорации. По мнению древних авторов, именно Ликург подтолкнул спартанское общество к формированию подобного гражданского коллектива, между членами которого существовали сложные многоуровневые связи. По словам Исократ, сохранение корпоративного единства было главной целью законодателя: «Лишь для себя они установили равноправие и такую демократию, какая необходима для тех, кто намерен навсегда сохранить единодушие граждан». Конечно, то, что Исократ называет демократией, на самом деле было аристократическим равенством. Термин «равные», как никакой другой, указывает на сущность компромисса между спартанскими «патрициями и плебеями», компромисса, благодаря которому возникла уникальная для греческого мира политическая структура. Обеспечив народу одинаковые с аристократией стартовые условия, Ликург тем самым раздвинул границы аристократии. После него весь гражданский коллектив Спарты уже представлял собой военную элиту, внутри которой постепенно вырабатывались особый стиль жизни и особая шкала ценностей.

Реформы Ликурга проходили в период нарождающейся в Спарте государственности. До Ликурга Спарта представляла собой примитивную общину. Слишком раннее законодательство способствовало увековечиванию в Спарте пережитков племенной организации общества. От-

сюда проистекает удивительная коллекция экзотических обычаев и порядков, свято хранимых спартамцами в течение многих веков. К таким пережиткам еще племенной организации общества относится и представление о земле как государственной собственности. В Спарте верховным собственником земли, бесспорно, считалось государство. Оно наделяло всех граждан клерами и под угрозой потери их заставляло выполнять свои обязанности. Насколько укоренилось представление о верховной собственности государства на землю, видно из того, что это право не подвергалось сомнению даже в период эллинизма, когда в Спарте проводились реформы Агиса и Клеомена.

Недопущение безусловной частной собственности на землю было обязательным условием для сохранения за государством контрольных функций. Спартанский полис был заинтересован в увековечивании существующих аграрных отношений. Поэтому очень рано были выработаны механизмы, выполняющие охранительные функции. Так, была запрещена купля-продажа земли даже в таких замаскированных ее видах, как дарение и завещание (Плут. Агис, 5). Ограничения распространялись и на илотов. Их реальные владельцы не имели права ни продавать, ни отпускать их на волю, ибо илоты точно так же, как и земля, находились под патронатом государства. Подобного рода ограничения в период архаики были явлением обычным для многих греческих полисов. По словам Аристотеля, «во многих государствах в древнее время законом запрещалось продавать первоначальные наделы». Отмену ограничений Аристотель связывал с демократизацией обществ.

Ликург, наделяя всех граждан одинаковыми земельными участками, клерами, верил, по-видимому, что равная экономическая база окажется надежной основой для политического равенства. По свидетельству Плутарха, он разделил всю землю на тридцать тысяч клеров для периеков и девять тысяч – для спартанских семей. Плутарх передает слова, якобы сказанные Ликургом, осматривающим уже после реформы спартанские поля: «Вся Лакония кажется мне собственностью многих братьев, которые только что ее поделили». В этой фразе выражено общее впечатление от спартанской аграрной реформы с ее искусственным уравнением и перераспределением так называемой гражданской земли. Без сомнения политическое равенство спартиатов первоначально имело своей базой их экономическое равенство, т.е. распределение равных клеров среди всех спартанских семей. Но «земельный режим», созданный Ликургом, был равноправным только в момент возникновения. Ведь подобное экономическое равенство трудно сохранить даже на протяжении жизни одного поколения. Недаром мотивировкой Первой Мессенской войны было желание завоевать новые земли для раздачи их малоимущим. То, что спартанская система землевладения регулировалась очень рано, видно из целого ряда свидетельств. Так, Аристотель

говорит о том, что в Спарте к концу VIII в. до н.э. сложилась чреватая гражданскими смутами ситуация из-за дела парфениев и требования передела земли. Об этом же свидетельствуют и данные демографии. Количество полноправных граждан постоянно уменьшалось. Аристотель в «Политике» не только отметил факт олигантропии, имея в виду именно недостаток граждан, а не населения вообще, но и правильно интерпретировал его как результат спартанской системы землевладения и наследования. За фасадом декларативного равенства тщательно скрывалось фактическое экономическое неравенство. О наличии в Спарте богатых людей свидетельствует, например, увлечение спартанцев коневодством и участие их в конных агонах в Олимпии, причем среди их участников были представители одних и тех же семей. Таким образом, для богатых и знатных спартанцев участие в конных ристалищах стало чем-то вроде семейной традиции. Согласно Геродоту, содержание лошадей – неизменный знак большого богатства. Хотя конкретные данные о богатстве отдельных спартиатов относятся уже к V в. до н.э., но экономическое равенство, конечно, было фикцией и раньше. Хотя с внешней стороны все спартиаты выступали как «равные», подлинного равенства среди них не было. Ведь одни могли приобретать коней для участия в Олимпийских играх, а другие с трудом вносили необходимый взнос в сисситии, чтобы сохранить свои гражданские права и привилегии. В своем критическом обзоре спартанского строя Аристотель справедливо отметил, что обязательность равного взноса в сисситии при кажущемся его демократизме была собственно недемократической мерой, ибо она ложилась тяжким бременем на бедных, не особенно отягощая при этом богатых. «Не могут считаться правильными и те законоположения, которые были введены при установлении сисситий... Средства на устройство их должно давать скорее государство, как это имеет место на Крите. У лакедемонян же каждый обязан делать взносы, несмотря на то, что некоторые по причине крайней бедности не в состоянии нести такие издержки, так что получается результат, противоположный намерению законодателя». Данное замечание Аристотеля свидетельствует о глубоком понимании им социальной сущности спартанского государства: там, где правовое равенство зависит от равенства экономического, с нарушением последнего дает трещину и вся социальная система. Для пребывания в числе равных мало было только экономической состоятельности. По этому поводу Ксенофонт говорит: «Ни с физической слабостью, ни с имущественным недостатком он /Ликург/ не считался; но если кто-нибудь не станет исполнять закона, того Ликург указал более не считать принадлежащим к числу «равных». Согласно Ксенофону, основанием для понижения статуса, кроме экономического фактора, могли быть также неудачи на каком-либо этапе воспитания. Любая физическая или моральная несостоятельность могли

привести спартамца к исключению из числа равных. Таким образом, люди, потерпевшие фиаско в период воспитания или не выбранные в сисситии, автоматически не годились для гоплитской службы и выбывали из числа полноправных граждан. Законодательство Ликурга утвердило равенство граждан перед законом, а наделение клерами сделало их экономически свободными. Но сохранение этой системы было бы невозможно без жесткой регламентации общественной и личной жизни граждан. При огромной количественной диспропорции спартиатов и илотов Спарта, по замечанию древних авторов, постепенно превратилась в некое подобие военного лагеря, где каждый член сообщества обязан был исполнять свой долг перед коллективом. Структурирование общества по военному образцу способствовало сохранению в Спарте четкого деления на возрастные классы. Для унифицированной и эффективной подготовки молодых граждан была создана достаточно рано система общественного воспитания, или агогэ. Сущность этой системы заключается в том, что все мальчики гражданского происхождения, начиная с семилетнего возраста и до 18–20 лет, получали одинаковое воспитание в закрытых полувоенных школах (агелах), где основное внимание обращалось на физическую и идеологическую подготовку молодого поколения. Внутри агел мальчики были также разделены по возрастному принципу. Воспитатели, развивая в них дух соревновательности и соперничества, старались уже на ранних этапах выделить из их среды лидеров. Таким образом, фундаментом спартамского воспитания было поощрение не только дисциплины, но и личных заслуг. В дальнейшем по этому же принципу выбирались кандидаты в корпус всадников. Прохождение полного образовательного курса было обязательным условием для инкорпорирования молодых спартамцев в гражданский коллектив. По словам Плутарха, «кто из граждан не проходил всех ступеней воспитания мальчиков, не имел гражданских прав». В подтверждение этого можно вспомнить отказ эфора Этеокла дать в заложники македонскому полководцу Антипатру 50 спартамских мальчиков. Как пишет Плутарх: «Этеокл отказался дать мальчиков, чтобы не оставить их без принятого у спартамцев с прадедовских времен образования: ведь тогда они не смогут стать гражданами». Достигнув двадцатилетнего возраста, спартамцы получали гражданские права и становились членами сисситий. Но вплоть до тридцати лет они продолжали оставаться под полным контролем воспитателей, или педономов. Надзор над ними осуществляли также их сотоварищи по сисситиям из старших возрастных групп. Они следили за тем, чтобы молодые граждане не отходили от регламентированного типа поведения даже в мелочах. На все возрастные классы в Спарте распространялся этот принцип: принцип полного подчинения, при котором более старшие возрастные группы выполняли функцию контроля над младшими. Только после тридцати лет спартамец,

наконец, покидал казарму и получал право на частную жизнь, хотя и в несколько урезанном виде: ведь государство осуществляло контроль и над этой весьма деликатной сферой. Безбрачие и отсутствие детей считались позором для гражданина и заслуживали общественного порицания. Плутарх приводит примеры, дающие представление о степени нетерпимости общества к подобного рода отступлениям от общепринятой нормы. В условиях закрытого общества, каким была Спарта, государственная идеология успешно внедрялась с помощью единообразного воспитания и общего для всех спартиатов стандартов поведения. Для чистоты эксперимента, как свидетельствуют древние авторы, спартанские власти старались не выпускать собственных граждан за пределы страны и ограничивать въезд иностранцев в Спарту. Объединяющим началом для всех спартанцев было членство их в сисситиях (буквальное значение этого слова – «совместное питание» или «общий стол»), которое воспринималось как знак принадлежности к числу «равных». Сисситии были центром общественной жизни Спарты. Процедура приема новых членов наводит на мысль о разной притягательной ценности отдельных «обеденных клубов» в глазах вновь поступающих. При внешне соблюдаемом декларативном равенстве отдельные сисситии, по-видимому, не были равны между собой. Молодые люди распределялись по сисситиям в зависимости от своего имущественного и социального положения. Возможно, в одних и тех же сисситиях пребывали в течение долгого времени люди из определенных семей, т.е. сисситии могли быть наследственными. Спартанские аристократы, групповым обозначением которых было, вероятно, выражение «Гераклиды», т.е. потомки Геракла, использовали сисситии как своеобразную социальную нишу, где они пребывали в кругу себе подобных. Членами «обеденных клубов» можно было стать, скорее всего, и по рекомендации старших товарищей, как это было, например, на Крите. Таким образом, изначально в организации сисситий присутствовал сословно-наследственный принцип. Это касалось не только членства, но и потребления продуктов, которое также, вероятно, не было одинаковым. Ведь равные взносы вовсе не мешали людям богатым и знатым поставлять дополнительные продукты для своих сотрапезников. Это была своеобразная форма литургии, характерная именно для Спарты. Сисситии были важным элементом спартанской военной структуры. В этой паравоенной организации культивировался дух воинского братства. Мнение узкого круга сотрапезников (15–20 человек) для любого члена сисситий было настолько значимо, что полностью определяло стиль его поведения как в мирное, так и в военное время. Сисситии способствовали закреплению определенных ценностных установок и выработке чувства групповой идентичности. Подобное самосознание способствовало успеху формирования в Спарте массовой военной элиты. Спартиаты как в военное, так и в мирное вре-

мя всегда находились на виду у своих сограждан, чему не в малой степени способствовали сисситии. Такой строгий контроль за повседневной жизнью имел своим результатом формирование у граждан стереотипов поведения по «армейскому» образцу. Успех идеологической обработки во многом определялся тем, что «промывание мозгов» происходило внутри микрокосма, каким был, например, отдельный «обеденный клуб». В малых первичных группах, на которые делилось все гражданское общество, товарищеские связи имели не меньшее значение, чем политический и идеологический факторы. Плутарх хорошо понимал сущность явления, когда говорил об особой атмосфере, царившей в Спарте, где конкретный гражданин воспринимался только как член коллектива, а его жизненный успех всецело зависел от мнения и оценки ближайшего окружения. Так, по словам Плутарха, Ликург «приучал сограждан к тому, чтобы они и не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе». Спарта была единственным городом в Греции, полностью лишенным каких-либо оборонительных укреплений. Это было сделано специально, чтобы постоянно тренировать у граждан чувство опасности и приучать их к мысли, что их город – это действительно военный лагерь (отсутствие стен может служить лишним аргументом в пользу ранней датировки законодательства Ликурга). Жизнь граждан в Спарте была максимально приближена к «полевым» условиям, а постоянное давление на личность (при полном отсутствии анонимности) было столь массивным, что война и военные походы воспринимались как послабление режима и способ уклонения от домашней муштры. По меткому замечанию Плутарха, «на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней». Спарта обладала самой профессиональной армией в Греции. Здесь рано, еще в первые века архаики, произошла гоPLITская реформа, и, по крайней мере, уже во время Второй Мессенской войны фаланга стала основным построением спартанской армии. В отличие от любого другого гражданского ополчения, спартанская армия состояла только из профессионалов. Вся образовательная и воспитательная система в Спарте была направлена исключительно на формирование военных навыков. При этом надо учесть, что любая другая профессиональная деятельность, кроме военной, была запрещена, считаясь абсолютно невозможной для полноправных граждан. Основные очаги ремесла и торговли были вынесены за пределы города и расположены в местах проживания периеков и илотов. Для спартанца считалось позорным проявление какого-либо интереса к делам, непосредственно не связанным с военной службой или подготовкой к ней. Даже посещение рынка в глазах общественного

мнения выглядело делом, недостойным гражданина. По словам Плутарха, под запретом были даже темы разговоров, связанные с торговлей или наживой. Для спартанцев удача на военном поприще была единственным способом добиться высокого положения в обществе. Внутри спартанской армии существовала развитая иерархия. Прежде всего, армия имела собственную элиту – корпус из трехсот всадников, в который, по-видимому, на конкурсной основе попадали молодые спартиаты, уже сумевшие проявить себя. К спартанской коннице этот корпус всадников не имел никакого отношения. Название сохранилось еще от тех стародавних времен, когда ядро войска составляла аристократическая конница. Служба в корпусе была важным шагом в военно-политической карьере спартиата. Во время военных действий корпус всадников сражался рядом с царем. О структуре спартанской армии мы знаем очень мало, т.к. все сведения на этот счет или противоречивы, или темны. Скорее всего, отдельные сисситии в условиях войны были самым мелким военным подразделением, что во многом определяло эффективность военной организации Спарты. Героизация ратного труда и пропаганда сладостной гибели за отечество были лейтмотивом спартанской военной пропаганды еще со времен Тиртея. В этом деле спартанцы достигли больших высот. Был разработан целый ритуал разнообразных поощрений за ратные подвиги. Так граждане, которые умирали за отечество, в отличие от остальных, заслуживали привилегию иметь свое имя на могильном камне. Проявившие исключительную храбрость получали еще большие почести вплоть до героизации, причем слава эта распространялась и на семью. За трусость, наоборот, подвергали общественному порицанию не только самого виновного, но и всех его близких. Трус становился изгоем общества, и, по словам Ксенофонта, «в Спарте скорее предпочитали смерть, чем такую бесчестную и позорную жизнь». Главной и безусловной обязанностью граждан была военная служба. Она длилась до шестидесяти лет, после чего спартиаты могли быть избраны в герусию, или совет старейшин. Герусия в Спарте, которая комплектовалась по возрастному принципу, напоминает совет старейшин гомеровского времени и генетически была с ним связана. Герусия завершала собой систему возрастных классов, а ее выдающаяся роль в государстве свидетельствовала о значимости аристократических традиций в спартанском обществе. Ведь, по словам Аристотеля, выбор в герусию осуществлялся по династическому принципу, учитывающему интересы узкой группы семей. Туда попадали или представители высшей знати, или те политические лидеры, которые сделали себе карьеру благодаря личным заслугам. Существование такого органа, как герусия, свидетельствует о том, что внутри спартанской государственной системы всегда оставались элементы наследственной аристократии.

3.5.6. Спарта. Илоты

Особый статус илотов прекрасно чувствовали древние авторы. Недаром илотов они называли или рабами общины, или государственными рабами, подчеркивая тем самым их зависимость от спартанской общины в целом. От рабов классического типа илоты действительно отличались целым рядом привилегий: это право на семейную жизнь, на хотя и ограниченное, но владение частной собственностью (так, по свидетельству Фукидида, в 425 г. до н.э. некоторые мессенские илоты имели собственные лодки). Узаконенное прикрепление к земле, с одной стороны, ставило илотов в положение крепостных крестьян, но с другой – гарантировало им и их потомкам сохранение определенного жизненного уклада. Между илотами и их хозяевами, спартиатами, стоял закон, который регулировал отношения этих двух социальных групп. Илоты, например, могли быть уверены, что их не продадут за границу, что с них не возьмут налог, больше установленной нормы, что распоряжаться их жизнью если кто и может, то только государство, а не частные граждане. Им также была дарована одна, по крайней мере, религиозная гарантия – право убежища в храме Посейдона в Тенаре. В правовом отношении илоты, конечно, считались собственностью всего спартанского государства *in corpore*. Эта связь илотов с государством проявилась в целом ряде правовых актов, обеспечивающих государственный контроль над илотами, в таких, например, как криптии и ежегодное объявление эфорами войны илотам от имени всего полиса. Но феномен илотии заключается как раз в двойственной зависимости илотов как от государства, так и от их собственных индивидуальных владельцев. Конечно, права отдельных спартиатов по отношению к принадлежащим им илотам были ограничены, особенно в правовом отношении. Это ограничение прав частных владельцев, с одной стороны, вносило в образ жизни илотов известный элемент свободы, а с другой – гарантировало им достаточно стабильное существование в рамках навязанной им социально-экономической системы. Так илоты вообще не являлись объектами купли-продажи: во всяком случае мы не знаем ни одного такого случая во всей спартанской истории. Каждый спартиат был ответствен перед государством за своих илотов. Государство в данном случае выступало в качестве коллективного собственника илотов, а отдельные граждане – в качестве арендаторов. Именно поэтому права спартиатов-хозяев не простирались до освобождения илотов. Одно только государство могло их освобождать или продавать за пределы страны. Система полицейских и карательных мер по отношению к илотам носила также государственный характер. Во всяком случае, когда в наших источниках речь идет о смертной казни илотов, ее всегда осуществляла община. Своей экономической стабильностью илоты также отчасти были обязаны государст-

ву, которое регулировало эти отношения и лишало их хозяев возможности изменять строго фиксированные налоги. Вмешательство государства в экономические отношения между илотами и их господами ставило своей целью сдерживать алчность господ и не давать им возможности полностью разорять илотов. Таким образом, хотя экономический прессинг и был значительным, однако государство гарантировало илотам строго фиксированный уровень налогов. Поэтому можно говорить об определенной экономической свободе илотов. Мы не знаем, насколько сами спартиаты были включены в хозяйственную деятельность. Скорее всего, их участие в подобного рода делах было минимальным, и илоты в повседневной жизни пользовались относительной свободой и самостоятельностью. Такой надзор государства за экономическими взаимоотношениями илотов и их хозяев, может быть, является самым важным моментом, объясняющим столь долгое существование илотии и сравнительно низкий уровень «мятежности» илотов. Когда в 222 г. до н.э. царь Клеомен, испытывая серьезные денежные затруднения, предоставил илотам возможность выкупиться на волю, оказалось, что набралось около 6 тысяч илотов, способных заплатить за себя и свою семью довольно большую сумму в 5 аттических мин. Сама цифра – 6 тысяч илотов (а речь идет только о лаконских илотах) – свидетельствует о том, что экономическое положение их было весьма сносным. Ведь в общей сложности сумма их выкупа составила 500 талантов. Конечно, и в период классики, а не только позднего эллинизма, илотская элита вполне могла быть зажиточной и иметь достаточно средств для выкупа на свободу. Вопрос заключается в другом: пока спартанское государство было достаточно сильным, оно, бесспорно, сохраняло монополию на владение илотами. Вне зависимости от вопроса о реальной принадлежности илота, одно на всем протяжении спартанской истории оставалось бесспорным: только государство решало, где илоты должны жить и работать, когда и на каких условиях их освобождать, и конкретный спартиат не имел законной власти изменять эти решения. Поэтому думается, что пока государство было достаточно сильным и не нуждалось катастрофически в деньгах, механизм освобождения илотов вовсе не обязательно носил исключительно цензовый характер. Так, в период Пелопоннесской войны государство неоднократно отпускало на волю целые группы илотов, но не за деньги, а под условием их дальнейшей военной службы. Подобные массовые манумиссии, вызванные экстраординарными обстоятельствами, были явлением, характерным не только для Спарты. Афины, например, в конце Пелопоннесской войны, пребывая в состоянии крайней военной опасности, были вынуждены прибегнуть к исключительной мере – призвать взрослых рабов во флот, а после победы даровать им свободу. Но если в Афинах государство выкупало отдельных рабов у их хозяев, чтобы потом призвать их на военную службу, то

Спарта в этом не нуждалась, поскольку здесь само государство было *de jure* владельцем рабов. Таким образом, между илотами и их хозяевами стояло государство, которое законодательным путем обеспечивало определенный баланс интересов как илотов, так и спартиатов. Греческие авторы, желая как-то объяснить те гарантии, которые брало на себя государство по отношению к илотам, ссылаются на древний «первоначальный договор», заключенный между победителями спартанцами и побежденными мессенцами. Античная традиция связывает подобные «договоры рабства» не только со спартанскими илотами, но также с фессалийскими пенестами и гераклеийскими мариандинами. Степень вмешательства государства в данном случае определялась корпоративными интересами всего гражданского коллектива. В нашей традиции можно проследить деление всей массы илотов на две большие группы по «национальному» признаку – на мессенских и лаконских илотов. Эти две группы различны и по своему происхождению, и по времени образования, и по количественным характеристикам. Целый ряд фактов в спартанской истории можно удовлетворительно понять и истолковать, только предположив наличие известных различий в статусе лаконских и мессенских илотов. Историко-географические реалии предполагают, что лаконские илоты должны были находиться в более привилегированном положении, чем мессенские. Различное отношение к этим двум группам илотов специально культивировалось спартанским обществом и было одним из основных принципов социальной политики Спарты. Подобное дифференцированное отношение к илотам было надежным средством для того, чтобы воспрепятствовать их объединению. Согласно традиционной точке зрения, система илотии в Мессении сложилась на несколько веков позднее, чем в Лаконии, и была результатом двух Мессенских войн. Для Спарты борьба с Мессенией стала основным событием архаической эпохи. К концу VII в. до н.э., после окончательного усмирения Мессении, основная масса мессенцев была обращена в илотов. С этих пор внешний мир стал воспринимать илотов преимущественно как мессенских илотов, тем более, что их численность намного превышала численность лаконских илотов. Не случайно у Фукидида, например, илот и мессенянин – синонимы. По-видимому, положение мессенских илотов изначально было хуже, чем лаконских. Согласно Тиртею, по условиям Первой Мессенской войны илоты должны были отдавать своим господам половину урожая. Таким образом, система экономического давления на мессенцев изначально была достаточно суровой и жесткой. Возможно, и позднее мессенские илоты находились под большим экономическим прессингом, чем лаконские илоты. Но дело не только в экономическом факторе. Борьба со спартанскими эксплуататорами переплеталась у мессенцев с борьбой за восстановление национальной самостоятельности. Мессенские илоты, таким образом, в отли-

чие от рабов классического типа, осознавали себя как единую национальную и социальную величину. И в таком своем качестве могли действовать на исторической арене. Важно отметить еще один момент. В отличие от лаконских илотов, между спартанцами и мессенскими илотами вряд ли существовали какие-либо личные контакты. Мессенцы жили далеко от Спарты и были отделены от нее значительным горным барьером. Нужно думать, что спартанцы не привлекали мессенских илотов к военной службе и не использовали их в своих домах в качестве слуг. Для этого гораздо более подходили лаконские илоты. Поэтому говоря о личных контактах между илотами и их хозяевами, мы имеем в виду только лаконских илотов. Близость клеров, использование части илотов в качестве услуги, конечно, приводили к возникновению каких-то личных контактов, тем более, что обладание илотами переходило по наследству от отца к сыну. В Спарте, таким образом, прослеживается тот же стереотип в отношении к рабам, что и в остальной Греции. В античной литературной традиции, в особенности в комедиях Аристофана, дается определенный литературный тип раба, наделенный целым рядом отрицательных качеств: обжорством, пьянством, склонностью к воровству, трусостью и т.д. Но когда речь идет о домашних рабах, особенно о кормилицах и педагогах, они, наоборот, становятся носителями целого ряда добродетелей: преданности, честности, порядочности. У Еврипида, например, подобного рода рабы нередко спасают своих хозяев от гибели. В литературной традиции встречается несколько трогательных историй о сотрудничестве илотов и спартиатов, выдержанных в духе патриархального братства, но они скорее исключение из правила. Основной лейтмотив в их отношениях – это ненависть одних и страх других. Илоты, по словам Ксенофонта, были «готовы съесть спартанцев живьем». Результатом таких отношений были илотские восстания, масштабы которых сопоставимы разве только с восстаниями рабов в Риме. Так, в 464 г. до н.э. имело место самое крупное в истории Спарты восстание илотов. Оно вошло в историю под названием Третьей Мессенской войны. Само название свидетельствует как о характере, так и о масштабах восстания, в котором приняли участие кроме илотов несколько периекских общин. Только находчивость и оперативность царя Архидамы, сумевшего предотвратить нападение илотов на Спарту, спасли спартанцев от грозившей им катастрофы. В этом восстании принимали участие и лаконские, и мессенские илоты. И если спартанцам удалось довольно быстро подавить очаги сопротивления в Лаконии, то в Мессении война продолжалась еще десять лет. По окончании восстания спартанцам пришлось заключить с мессенскими повстанцами договор, согласно которому им был предоставлен свободный выход из Мессении и возможность поселиться в Навпакте. Сам факт заключения договора с мессенскими илотами свидетельствует о том, что спартанцы восприни-

мали их достаточно серьезно. Для них мессенские илоты были одновременно и рабами, и внешним врагом. Ведь те обладали известной политической и «национальной» солидарностью, которой не было и не могло быть у рабов классического типа. Помощь мессенским повстанцам со стороны афинян также свидетельствует о том, что греческий мир воспринимал их отнюдь не как обычных рабов. По словам М.Финли, мессенские илоты «вполне резонно внушали страх своим господам как потенциальные мятежники: ведь они были группой и, даже можно сказать, подчиненной общиной», с общей коллективной судьбой. То, что внешний мир воспринимал их именно так, видно, например, по тому, что, когда мессенские илоты были освобождены фиванцами в 370 г. до н.э., они немедленно были приняты греками как собственно греческая община. По-видимому, для греков основной отличительной чертой илотии было то, что илоты составляли пусть подчиненную, но общину, в которой отдельные члены никогда не теряли социальных и родственных связей. По свидетельству Диодора и Плутарха, результатом восстания 464 г. до н.э. стало систематическое применение спартанцами репрессивных мер против илотов. Таким образом, часть наших источников связывает появление криптий не с Ликургом, а с Третьей Мессенской войной. Хотя, возможно, противоречивость наших источников в данном вопросе отчасти мнима. В результате илотского восстания 464 г., скорее всего, давно уже существовавший институт криптий получил сильный дополнительный импульс к своему дальнейшему развитию и усилению. Институт криптий, который шокировал даже почитателей Спарты, должно быть, берет свое начало от примитивных обрядов инициаций, во время которых молодые воины демонстрировали свое мужество, выносливость и ловкость, в том числе и с помощью убийства первого встречного. Этот пережиток в Спарте очень рано трансформировался в социально полезный институт. С какой легкостью спартанцы, прошедшие школу криптий, убивали людей по первому же подозрению, видно, например, из рассказа Ксенофонта о спартанском офицере периода Пелопоннесской войны Этеонике. Он, разыскивая заговорщиков из числа собственных наемников и приняв за такового первого же встреченного им хиосца, не задумываясь, приказал убить его. Если в период архаики основным объектом нападения отрядов спартанской молодежи оставалась, очевидно, западная Мессения, где население никогда полностью покорено не было спартанцами, то теперь объект изменился. Институт криптий стал функционировать как исключительно антиилотское бандформирование, чья деятельность была освящена законом. Легитимность криптиям придавал своеобразный обряд – ежегодное объявление эфоров войны илотам. Этот символический обряд являлся необходимым юридическим фасадом для самого существования криптий, этих тайных патрулей спартанских «чернорубашечников», состоящих на службе у

государства. Для них убийство илотов было делом рутинным. Кроме криптий, которые носили регулярный характер и служили целям индивидуального террора, к результатам Третьей Мессенской войны можно отнести и обращение спартанцев к массовому террору. Мы знаем только один такой случай, который остался в истории, по-видимому, из-за того, что поразил современников своей масштабностью. Но, возможно, групповые акции насилия над илотами имели место и до и после той истории, о которой нам рассказывает Фукидид. Так, в начале

Пелопонесской войны, когда спартанцы занялись набором и обучением первых отрядов илотов, они провели демонстративную акцию устрашения, которая по-своему является уникальной во всей греческой истории. Как рассказывает Фукидид, они одновременно уничтожили две тысячи илотов. Сам Фукидид считает, что эта акция была вполне в русле обычной политики Спарты по отношению к илотам. У Мирона мы находим подтверждение тому, что в истории, рассказанной Фукидидом, нет ничего необычного, кроме масштабности репрессалии. Согласно Мирону, для спартанского правительства было обычной практикой казнить илотов, отличающихся выдающимися физическими данными. Вероятно, именно спартанский опыт заставил греческих философов в своих проектах идеального государства отказаться от идеи формирования класса рабов из гомогенного в этническом и культурном отношении населения. Платон пишет: «Сколько случаев бедствий в государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном языке». Если проанализировать те немногие высказывания греческих авторов V–IV веков до н.э., которые касаются илотии, мы убедимся, что все они единодушно делают акцент на существовании постоянного и сильного напряжения между спартиатами и илотами. Отсюда ими делается логический вывод об опасности для любого гражданского коллектива подобного типа рабства.

3.6. Рим

История древнего Рима – это последний этап в развитии древнего мира, который охватывает время с начала I тысячелетия до н.э. (754/3 гг. до н.э. традиционная дата основания города Рима) до конца V в. н.э. (476 г. н.э. падение Западной Римской империи). Древний Рим за свою почти тысячелетнюю историю прошел путь от небольшого полиса до крупнейшей мировой державы античности. В период своего расцвета Рим подчинил колоссальную территорию, которая простиралась от Британии на севере до Северной Африки на юге и от Пиренейского полуострова на западе до Персидского залива на востоке. История Римского государства делится на три периода:

– царский (середина VIII в. до н.э. – 509 г. до н.э.);

- республиканский (509–27 гг. до н.э.);
- имперский (27 г. до н.э. – 476 г. н.э.).

В VIII–III вв. до н.э. происходил процесс становления раннего римского рабовладельческого общества; в III в. до н.э. – II в. н.э. было его дальнейшее развитие из маленькой общины на Тибре в сильнейшую италийскую и затем средиземноморскую державу. В III в. н.э. наступил экономический, социальный и политический кризис Римского государства, который в IV–V вв. н.э. сменился периодом продолжительного упадка. Древнейший период римской истории, то есть период от образования римской общины до установления республики, принято называть царским. Согласно античной традиции, которая подтверждается археологическими находками, древнеримская община сложилась из трех этнических групп латинян, сабинян (и те и другие италийские племена) и этрусков (создателей древнейшей цивилизации на Аппенинском полуострове, происхождение которых неизвестно) путем синойкизма (слияния) трех поселений. Первые римские цари были италийцами, затем в Риме утвердилась этруская династия, что привело к резкому возвышению царской власти и расширению воздействия этрусской цивилизации на древний Рим. К этому периоду относится образование римского полиса.

3.6.1. Возникновение Рима

Литературные данные о возникновении Рима легендарны и противоречивы. Это отмечают даже сами античные авторы. Так, например, Диосиний Галикарнасский говорил, что «существует много разногласий как по вопросу о времени основания города Рима, так и о личности его основателя». На холмистом берегу Тибра, в 25 км от его впадения в Тирренское море, в IX в. до н.э. возникли поселения пастухов и землевладельцев. Постепенно поселения слились, были обнесены стеной и стали городом Римом. Впоследствии появилась легенда, что Рим был основан близнецами Ромулом и Ремом, вскормленными волчицей. Римляне верили этой легенде и вели свое летоисчисление от вымышленной даты основания города. По этой легенде, троянец Эней, сын богини Афродиты и смертного Анхиза, уцелел при разрушении Трои. Вместе с сыном Асканием Эней бежал и после долгих странствований прибыл к берегам Лация (холмистая равнина по нижнему течению Тибра). В то время там правил Латин, царь местного племени. Он дружески принял Энея и выдал за него замуж свою дочь Лавинию. Эней недолго царствовал над латинами, он погиб в битве с этрусками. После смерти Энея его сын Асканий (или Юл – так звали его в других вариантах легенд) облюбовал место посреди Лация, на длинном хребте Альбанской горы, и основал новый город Альбу Лонгу, или Длинная Дорога, где стал царствовать. Со временем Альба стала главным городом латинского племени.

Там благополучно правили потомки Энея, пока в пятнадцатом их поколении в царском роду не произошел раздор. Два брата наследовали отцу. Старший Нумитор получил власть, а младший Амулий царские богатства. Используя золото, Амулий отнял трон у брата, а его дочь Рею Сильвию сделал жрицей богини Весты, покровительницы домашнего очага. Амулий надеялся, что у брата не будет законных наследников, так как весталки, служительницы Весты, давали обет безбрачия. Однако Рея Сильвия тайно стала женой бога войны Марса (Ареса) и родила от него двух близнецов. За это она была осуждена Амулием на смерть. Близнецов царь приказал бросить в Тибр. Но рабы, которым это было поручено, оставили корзину с близнецами на мелком месте. На плач близнецов прибежала волчица и вскормила их своим молоком. Вскоре детей нашел царский пастух Фаустил. Он принес их домой и отдал на воспитание своей жене Ларенции. Близнецам дали имена Ромул и Рем. Возмужав, царские внуки превратились в красивых, сильных и смелых юношей. Они стали предводителями сельской молодежи, главными участниками многочисленных стычек, возникавших из-за угона скота и дележа пастбищ. Однажды Рем поссорился с пастухами Нумитора и попал в плен к собственному деду. Во время разборки тайна происхождения близнецов раскрылась. Соединив своих сторонников с людьми Нумитора, Ромул и Рем свергли преступного царя и вернули власть над Альбой деду. Сами же они со своей дружиной переселились на берег Тибра в те места, где их вскормила волчица. Там они решили заложить новый город, но никак не могли договориться, кто будет в нем царствовать. Наконец, положившись на волю богов, братья стали следить за небесными знамениями. Рем, гадавший на холме Авентин, первым увидел добрый знак шестерку парящих в небе коршунов. Ромул же, сидевший на Палатине, чуть позже увидел 12 птиц. Каждый из братьев толковал знамения в свою пользу, между ними разгорелась ссора, и Ромул, ударив сгоряча брата, убил его на месте. На холме, где пролилась братская кровь, были возведены первые укрепления города, получившего имя своего основателя. В честь Ромула (Romulus) его назвали Рома (Roma), так звучит это название на латинском языке, по-русски Рим. Римские историки, изучавшие древность своего народа, высчитали впоследствии год и день основания Рима 21 апреля 745 г. до н.э. Ромул, основатель города Рима, стал первым римским царем или, как их тогда называли, рексом (от лат. гех царь). Стремясь увеличить свой народ, он принимал к себе всех пришельцев: нищих, разбойников и даже беглых рабов. Город разрастался, но казалось, что жить он будет всего одно поколение: ведь у первых римлян не было жен и детей, так как окрестные жители, презирая их за низкое происхождение, не отдавали за них своих дочерей. Тогда римляне пошли на хитрость: пригласив на праздник ближайших своих соседей, сабинян, по сигналу они бросились на

безоружных гостей и похитили их дочерей. С добытыми таким образом женами римляне обращались ласково и почтительно, так что скоро завоевали их любовь, но отцы и братья сабинянок пошли на Рим войною. Однажды во время сражения на поле боя появились заплаканные женщины и бросились в гущу битвы. Обнимая родственников и мужей, протягивая к ним с мольбою младенцев, они остановили сечу и примирили воинов. После этого многие сабинские семьи переселились в Рим и вошли в состав римского народа. После гибели Ромула римляне долго не могли найти ему достойную замену. Наконец, они отдали предпочтение самому добродетельному человеку в Италии. Это был сорокалетний Нума Помпилий, скромно живший в городке Куры на сабинской земле: о нем шла громкая слава как о муже выдающейся учености, доброты и справедливости. Говорили, что воинственный Ромула сделал римский народ «железным», Нума добродетельным. Нума ввел в Риме новые культы (почитание богов), назначил жрецов, учредил жреческие коллегии «товарищества» жрецов. Среди введенных им богов, почетное место заняли богиня Верности и бог Границы, охраняющий священный знак собственности. В течение 43-летнего правления Нумы римляне не вели никаких войн. Устраивая жертвоприношения, шествия и праздники в честь богов, царь приучал свой народ к добродетели и радостям мирной жизни. Покровительствуя доброму труду и отдыху, он организовал коллегии ремесленников, установил праздничные и рабочие дни. В связи с этим Нума ввел в Риме новый 12-месячный календарь. После Нумы правили два воинственных царя Тулл Гостилий и Анк Марций. При них расширились границы и города Рима, и Римского государства. Последних трех римских царей называют этрусками. История их началась с того, что в царствование Анка Марция в Рим переселился богатый и энергичный человек, принявший имя Люция Тарквиния Приска. Он стал советником Анка Марция и завоевал любовь римского народа, поэтому после смерти Анка, в обход его сыновей, был избран царем. Он получил имя Тарквиния Древнего. Этот царь принес в Лаций высокую городскую культуру Этрурии. При нем в Рим перебрались многие этрусские ремесленники, закипели строительные работы. Рим начал превращаться из «большой деревни» в настоящий город. Тарквиний вел удачные войны с соседями, учредил общественные игры, приступил к осушению болотистых частей города. Строились каналы для осушения болотистых низин между холмами, замаскировалась будущая главная площадь города Форум, в долине между Аветином и Палатином был построен Большой цирк, а на Капитолии заложен каменный храм в честь Юпитера. После Тарквиния Древнего правил его воспитанник Сервий Туллий, сын рабыни. По преданию, однажды домочадцы Тарквиния увидели чудесный знак – огненное сияние вокруг спящего мальчика, сына служанки. Угадав по этой примете великое будущее ребенка,

царь и царица воспитали маленького Сервия как сына, а потом выдали за него свою дочь. Когда Сервий стал царем, он преобразовал уже не город Рим, а само Римское государство. Сервий Туллий прославился также тем, что обнес Рим первой каменной стеной. В памяти потомков он остался как добрый царь, покровитель плебеев. Последний, седьмой царь, сын Приска Тарквиния Древнего Люций носил имя Тарквиния Гордого. Он захватил власть путем злодеяния: свергнув и убив престарелого Сервия Туллия. Потом он перебил многих сенаторов, сторонников законного царя, и начал царствовать под защитой телохранителей не избранный народом, и не утвержденный сенатом. Плебеи он изнурял строительными работами, а видных патрициев уничтожал из страха и ненависти к их влиянию. Чаша терпения римского народа переполнилась, когда сын царя надругался над знатной патрицианкой Лукрецией, отвергнувшей его любовь. Благородная женщина покончила с собой, а возмущенные римляне восстали и выгнали всю семью Тарквиниев из города. Этот период римской истории называют периодом семи царей. В «царский период» (VI–VI вв. до н.э.) в римском обществе начали формироваться патриархально-рабовладельческие отношения и аграрный строй, при котором внутри общины, наряду с общественной землей, зарождалась частная собственность отдельных ее членов.

Образование Римской республики. После того как в 509 г. до н.э. Тарквиний Гордый был свергнут, главой города был избран консул Юний Брут. Завершился царский период и начался период республики, длившийся около 500 лет (509–27 гг. до н.э.).

В период ранней республики сложилась характерная для полиса античная форма собственности, при которой собственником земли являлся лишь полноправный член гражданской общины. После падения царской власти и образования республики оба сословия, патриции и плебеи, оказались лицом к лицу. На протяжении более двух столетий шла ожесточенная борьба между ними. В целом спор шел по трем вопросам: об уравнивании в политических правах, о долговой кабале и о доступе к общинно-государственной земле. Плебеям удалось в первые десятилетия V в. до н.э. достигнуть существенных завоеваний в виде самостоятельной организации плебейской общины. К середине этого столетия они добились второго крупного успеха – записи законов. Вскоре после этого плебейская беднота добилась фактического уничтожения долгового рабства. Таким образом, период республики (конец VI в. до н.э. – середина I в. до н.э.) характеризуется борьбой плебеев и патрициев, завершившейся полным уравниванием в правах этих сословий и слиянием патрицианско-плебейской верхушки. В ходе борьбы сложилась новая сословная структура римского общества: нобилитет, состоящий из сенаторского сословия и сословия всадников, и плебс – сельский и городской. Все они были римскими гражданами (в отличие

от плебеев времен борьбы с патрициями). К негражданам относились сословия вольноотпущенников и рабов. В период республики Рим превратился в крупнейшую средиземноморскую державу. В ходе непрерывных войн оформилась структура римского войска, которое носило характер народного ополчения. Служба в нем считалась не только обязанностью, но и честью. Начиная с IV в. до н.э. за воинскую службу государство начало платить. Развитие товарно-денежных отношений и расширенное использование труда рабов (их приток резко увеличился в связи с победоносными войнами) к началу II в. до н.э. привели к массовому обезземелению земледельцев-общинников, то есть сельского плебса. Нобили скупали и просто захватывали их земли, создавая крупные хозяйства, основными производителями в которых становились рабы. Лишенные земли население сосредоточивалось в городе и пополняло ряды городского плебса, состоящего из ремесленников, мелких торговцев, люмпен-пролетариата. Резкое сокращение сельского плебса, основы римской армии, привело к военной реформе: в армию стали принимать неимущих и добровольцев (реформа армии конец II в. до н.э.). Армия превратилась в профессиональную. Теперь ее легко мог использовать удачливый полководец для установления единоличной власти. Кризис экономической основы полиса (натуральное по преимуществу хозяйство, основанное на личном труде земледельцев-общинников), его социальной основы (размывание сельского плебса), кризис республиканских учреждений, не подходивших для управления огромной территорией, и резкое усиление власти полководцев, опиравшихся на профессиональную армию, – все это привело к кризису полиса как типа государства и к кризису республики как типичной для полиса его формы.

С усилением рабства недовольство народов, населявших Римскую империю, росло, и I в. до н.э. произошедшие войны неполноправных италиков против Рима и восстания рабов (наиболее известное восстание рабов под предводительством Спартака (в 74–71 гг. до н.э.) потрясли всю Италию. Все завершилось установлением в Риме в 30 г. до н.э. единоличной власти императора, опиравшегося на вооруженную силу.

Рост Римского государства. Эпоха римской истории с середины III в. до н.э. до конца I в. до н.э. – время глубоких преобразований предшествующих структур, которые привели к созданию нового облика и сущности римского общества. В свою очередь, победоносные войны Римско-италийского союза в Средиземноморье привели к захвату масс рабов и огромных средств, которые вкладывались в хозяйство и способствовали бурному развитию экономики, общественных отношений и культуры народов Италии. Римско-италийское общество в начале I в. до н.э. вступило в полосу кровопролитных гражданских войн, глубокого общего кризиса, прежде всего, политической и государственной органи-

зации римской республики. Сложные взаимоотношения между Италией и провинциями, между гражданами и негражданами настоятельно требовали новой системы управления. Нельзя было управлять мировой державой методами и аппаратом, пригодными для маленькой общины на Тибре, но малоэффективными для мощной державы. Старые классы, интересы которых отражала Римская республика, к концу I в. до н.э. исчезли или деградировали. Появились новые богачи, люмпен-пролетариат, военные колонисты. Традиционный полисно-общинный (республиканский) социально-политический строй сменила Римская империя. С 30-х годов до н.э. начинается новая историческая эпоха в истории Римского государства и древнего мира вообще – эпоха Римской империи, пришедшей на смену Римской республике. Она принесла с собою относительный гражданский мир и определенное ослабление внешней агрессии. Эксплуатация провинций принимает более организованный и менее хищнический характер. Многие императоры поощряли городское строительство и заботились о развитии культурной жизни провинций, системы дорог, введении единой имперской денежной единицы. Для империи первых двух столетий можно отметить рост техники, развития ремесел, подъем экономической жизни, рост местной торговли. Провинциальные города получают самоуправление. Появляется множество новых городских центров. Таким образом, с 27 г. до н.э. и до 476 г. н.э. Рим переживает период империи, в свою очередь распадающийся на период принципата (27 г. до н.э. – 193 г. н.э.) и домината (193–476 гг. н.э.).

3.6.2. Принципат

Период империи с середины I в. до н.э. до конца V в. н.э. делился на принципат, когда формально продолжали функционировать все республиканские учреждения, но реально власть находилась в руках принцепса – первого гражданина республики, фактически, императора, и доминат (начиная с конца III в. н.э.), когда была сформирована новая система управления во главе с императором. Период принципата, или ранней империи, охватывает время с 27 г. до н.э. до 193 г. н.э. (правление династий Юлиев Клавдиев (27 г. до н.э. – 68 г. н.э.), Флавиев (69–96 гг.), Антонинов (96–192 гг.)). Август и его преемники, будучи принцепсами сената, одновременно сосредоточивали в своих руках высшую гражданскую и военную власть. Формально продолжало существовать республиканское устройство: сенат, народные собрания (комиции), магистратуры, но фактическая власть находилась в руках принцепса. Император-принцепс соединял в своих руках полномочия всех главных республиканских магистратур: диктатора, консула, претора, народного трибуна. В зависимости от рода дел он выступал то в одном, то в другом качестве: как цензор он комплектовал сенат, как трибун отменял по сво-

ей воле действия любого органа власти, арестовывал граждан по своему усмотрению и т.д., как консул и диктатор определял политику государства, отдавал распоряжения по отраслям управления, как диктатор командовал армией, управлял провинциями и т.д. Таким образом, переход управления государством к принцепсу произошел благодаря наделению его высшей властью (лат. *Imperium* – власть), избранию на важнейшие должности, созданию им отдельного от магистратур чиновничьего аппарата, обеспечиваемого образованием собственной казны принцепса, и командованию всеми армиями.

Диктатура Суллы. В I в. до н.э. Рим оказался втянутым в тяжелую для него Союзническую войну и был вынужден предоставить римское гражданство всему населению Италии. Союзническая война не принесла ни Риму, ни Италии подлинного мира. Наступала эпоха личной власти, эпоха диктатур. Первым диктатором был полководец Сулла, который, опираясь на преданную ему армию, установил в Риме режим единоличной власти, или диктатуры. Она была бессрочной, что отличало ее от описанной выше республиканской диктатуры. Кроме того, Сулла присвоил себе законодательные функции и право произвольного распоряжения жизнью и имуществом граждан. Он предоставил новые права сенату, но резко ограничил полномочия народных собраний и лишил политических функций трибунов. Диктатура Суллы означала наступление новой исторической эры в римской истории, прежде всего конец республики.

Диктатура Юлия Цезаря. Отречение Суллы (79 до н.э.) возвратило Риму республиканскую конституцию, но ненадолго. Новым римским диктатором стал Гай Юлий Цезарь (100–44 до н.э.). Его правление пришлось на время после восстания рабов (74 до н.э.) под руководством Спартака, которое со всей очевидностью обнажило кризис республиканской формы правления и нужду в авторитарном государстве. Избранный в 59 г. до н.э. консулом Рима, Юлий Цезарь, возглавляя анти-сенатскую группировку, провел через комиции два земельных закона, осуществив прямое насилие над сенатом и отклонив как несущественное вето народных трибунов. Рядом последующих мер Цезарь привлек на свою сторону не только широкие слои римского народа, но и жителей провинций. В 46 г. до н.э. Цезарь покончил со своими последними противниками (помпеянами) и был провозглашен диктатором на 10-летний срок, а в 44 г. пожизненно. Особенность цезаристской диктатуры в том, что диктатор имел не только консульскую и трибунскую власти, но также цензорскую (с 46 г. до н.э.) и высшую жреческую. Будучи командующим армией, Цезарь получил титул императора. Поставленные в зависимость от Цезаря комиции хотя и продолжали существовать, имитируя сохранение республики, следовали указаниям императора, включая и те, которые относились к избранию на должности. Кроме

того, Цезарь получил полномочие распоряжаться войском и казной государства, право назначать проконсулов в провинции и рекомендовать половину кандидатов в магистраты вообще, право первым голосовать в сенате, что было немаловажно, и т.д. Триумфом для Цезаря было провозглашение его «отцом отечества» со всеми связанными с этим почестями (особая колесница, золоченое кресло, особая одежда и обувь и т.д.). Созданная при Цезаре форма правления принципат получила свое дальнейшее развитие при его преемнике Октавиане Августе (27 г. до н.э. – 12 г. н.э.). Основатель империи Октавиан Август впервые получил от сената титул принцепса. Поставленный первым в списке сенаторов, он получил право первым выступать в сенате. Принципат еще сохраняет видимость республиканской формы правления и почти все учреждения республики: созываются народные собрания, заседает сенат, по-прежнему избираются консулы, преторы и народные трибуны. Но все это уже не более, чем прикрытые постреспубликанского государственного строя. Народные собрания, главный орган власти старой республики, пришли в полный упадок. Цицерон писал по этому поводу, что гладиаторские игры привлекают римских граждан больше, чем собрания комиций. Обыкновенными явлениями стали подкуп сенаторов, разгон собраний, насилие над их участниками и прочие признаки крайней степени разложения комиции. Император Август реформировал комиции в демократическом духе (ликвидировал цензовые разряды, допустил заочное голосование для жителей италийских муниципий), но отнял у собраний судебную власть, важнейшую из их былых компетенций. Кроме того, комиции лишились своего исконного права избирать на должность магистратов. Сначала было принято решение о проверке кандидатов в консулат и претуру в специальной комиссии, составленной из сенаторов и всадников. Но после смерти Августа, при его преемнике Тиберии выборы магистратов были переданы в компетенцию сената. «Тогда впервые, писал римский историк Тацит, избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до того, хотя все самое важное делалось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию трибутных собраний». Относительно законодательства Тацит замечает, что принцепс подменял собой не только сенат и магистратов, но и сами законы. Это значит, конечно, что и законодательство стало делом принцепса. Сенат уже при Августе наполнился провинциальной знатью, всем обязанной принцепсу, и в особенности теми всадниками, которые достигли сенаторского звания. Из органа власти, распространяющейся на «город Рим», сенат превратился в своего рода общеимперский институт. Но положение его было принижено, а полномочия ограниченными. Законопроекты, поступавшие на одобрение в сенат, исходили от принцепса, и их принятие обеспечивалось его авторитетом. В конце концов возникает и утверждается непи-

саное правило: «Все, что решил принцепс, имеет силу закона». Право выборов самого принцепса принадлежало сенату, но и это стало чистой формальностью: во многих случаях дело решала армия. Средоточием высших учреждений империи был «двор», и именно двор принцепса. Здесь размещалась императорская канцелярия с юридическим, финансовым и другими отделами. Финансы занимают особое место: никогда еще государство не проявляло такой изобретательности в отыскании источников налогов, как в ведомствах Империи, никогда еще до Августа не было столь многочисленно племя имперских чиновников. Армия стала постоянной и наемной. Солдаты служили 30 лет, получая жалование, а по выходе в отставку значительный земельный участок. Командный состав армии комплектовался из сенаторского и всаднического сословий. Рядовой солдат не мог подняться выше должности командира сотни центуриона.

3.6.3. Доминат

Доминат (от лат. Доминус – господин) неограниченная монархия. В III в. н.э. (с 284 г.) со времени императора Диоклетиана в Риме устанавливается режим неограниченной монархии – доминат. Старые республиканские учреждения исчезают. Управление империей сосредоточивается в руках нескольких основных ведомств. Ими руководят сановники, находящиеся в непосредственном подчинении императора. Среди этих ведомств особое место занимали: государственный совет при императоре (обсуждение основных вопросов политики, подготовка законопроектов), финансовое ведомство и военное ведомство, которым руководят назначенные императором и только ему подчиненные генералы. Чиновники выделяются в особое сословие: они носят форму, их наделяют привилегиями, по окончании службы им назначают пенсии и пр. Реформы Диоклетиана и Константина. Среди многих реформ и законов империи особого внимания историко-правовой науки заслуживают реформы императоров периода домината Диоклетиана и Константина. Диоклетиан, сын вольноотпущенника, стал римским императором в 284 г. н.э. (284–305 гг. н.э.). Время его правления ознаменовано двумя главными реформами. Первая касалась государственного устройства огромной империи. Эта реформа может быть сведена к следующему: 1) верховная власть была разделена между четырьмя соправителями. Двое из них, носившие титул «август», занимали первенствующее положение, управляя каждый своей половиной империи Западной и Восточной. При этом Диоклетиан август сохранил за собой право высшей власти для обеих частей империи. Августы избирали себе соправителей, которым присваивался титул «цезарь»; так возникла тетрархия – правление четырех императоров, считавшихся членами единой «императорской семьи»; 2) армия, увеличенная на треть, была поделена на две час-

ти: одна размещалась на границах империи, другая, мобильная, обеспечивала внутреннюю безопасность; 3) в результате административной реформы были разукрупнены провинции (по одним сведениям, – до 101, по другим – до 120); 4) провинции, в свою очередь, были объединены в диоцезы, которых было 12; 5) разделенная на провинции и диоцезы Италия в числе других земель империи была теперь уже окончательно лишена своего особенного значения и положения (хотя Рим продолжал еще некоторое время считаться столицей империи). Экономическая политика Диоклетиана дает первый в истории пример активного административного вмешательства в столь сложную и подвижную сферу жизни общества, как экономика. Диоклетиан ввел вместо разного рода косвенных налогов единый прямой налог поземельно-подушный, взыскиваемый в натуре: зерном, мясом, шерстью и пр. Размер обложения был значительно увеличен. Стремясь покончить с хождением порченных денег, император ввел полноценную золотую монету наряду с серебряной и медной. Пытаясь остановить рост цен на товары и услуги, Диоклетиан в 301 г. издал эдикт, установивший максимальные цены на пшеницу, рожь, мак и прочие продаваемые товары. Кроме того, эдикт установил максимальные размеры заработной платы батраку, парикмахеру, учителю, стенографу, адвокату, архитектору и др. Отметим, что гонорар адвоката в 15 раз превышал заработную плату медника. Другие реформы Диоклетиана усиливали власть землевладельцев над крестьянством, так как землевладелец нес ответственность за поступление налогов от крестьян. Землевладелец получил право по своему выбору определенное число зависимых людей на военную службу, в императорскую армию. Начатые Диоклетианом реформы продолжил император Константин (285–337 гг. н.э.), более всего известный своей церковной политикой, благоприятной для христиан, до той поры гонимых государством. Миланским эдиктом 313 г. Константин разрешил христианам свободное исповедание своей религии (незадолго до смерти император сам крестился). При Константине завершился процесс закрепощения крестьян-колонов. Согласно имперской конституции 332 г., колон был лишен права переходить из одного имения в другое. Не подчинившегося этому закону колона заковывали в кандалы, как раба, и в таком виде возвращали собственнику. Лицо, принявшее беглого колона, уплачивало его господину полную сумму платежей, причитающуюся с беглого колона. Та же линия проводилась и в отношении ремесленников. Например, императорский эдикт 317 г. предписывал мастерам монетного дела, корабельщикам и многим другим работникам «навсегда оставаться в своем состоянии». Непосредственное присвоение прибавочного продукта стало основной формой эксплуатации крестьян и ремесленников. При Константине столица Римской империи была перенесена в старый Византий, названный затем Константинополем (11 мая 330 г.).

Соответственно туда были переведены из Рима высшие правительственные учреждения, воссоздан сенат.

3.6.4. Государственное устройство Рима

Ромулу приписывают организацию римской общины (от лат. *civitas*). Население города в то время составляли две основные группы: собственно римские граждане, так называемые патриции, и неграждане плебеи. Плебеи не входили в общину полноправных граждан и составляли свободный, но лишенный политических прав слой населения, обремененный различными повинностями, однако они несли военную службу наравне с патрициями. При завоевании соседних общин римляне отторгали часть их земли в общественный фонд, но плебеи к пользованию этой землей не допускались. В руках плебеев было сосредоточено, главным образом, торговое и промышленное богатство: гордые своим происхождением патриции считали унизительным любое занятие, кроме земледелия, политической деятельности и военной службы. Патриции были полноправными гражданами. Они распались на три племени (трибы). Три племени рамны, тиции и луцеры составляли «римский народ». Каждое племя состояло из 100 родов. Каждые 10 родов образовывали курию. Курии образовывали общее народное собрание римской общины – куриатные комиции. Народное собрание принимало или отвергало предложенные ему законопроекты, избирало всех высших должностных лиц, выступало в качестве высшей апелляционной инстанции при решении вопроса о смертной казни, объявляло войну, совместно с сенатом выбирало царя, занималось важнейшими судебными делами и т.д. Итак, говоря о происхождении римских сословий, следует взять за основу его «комплексную теорию»: патриции были действительно коренным гражданством. Они представляли собой полноправный «римский народ»; клиенты были в непосредственной связи с патрициями, они получали от них землю, скот, пользовались их защитой на суде и пр. За это они должны были служить в военных отрядах своих покровителей, оказывать им помощь деньгами, выполнять различные работы. Плебеи стояли вне родовой организации патрициев, т.е. не принадлежали к «римскому народу», не имели доступа к общинной земле и были лишены политических прав. Римская патрицианская община представляла собою примитивный город-государство с типичными чертами «военной демократии». Еще одним органом демократии был совет старейшин – сенат. Его члены назывались «отцами» (от лат. *patres* – отцы). В компетенцию римского сената входили дела непосредственного управления, выработка законопроектов, заключение мира. Он состоял из старейшин всех 300 родов, поэтому и назывался сенат (от лат. *senex* – старый, старейшина). Старейшины составляли потомственную аристократию римской общины, поскольку укоренился обычай, согласно ко-

торому их избирали из одной и той же семьи каждого рода. Согласно легенде, Ромул создал сенат из 100 сенаторов, Тулл Гостилий прибавил еще 100, а Тарквиний Древний довел их до 300. Со временем патриции превратились в замкнутую группу знати, противостоящую широкой массе плебеев. Усиление роли плебеев в экономике при их численном превосходстве привело к борьбе между плебеями и патрициями, первый этап этой борьбы завершился реформами общественного строя, приписываемыми царю Сервию Тулию. Наряду с прежним делением населения по родам, вводилось новое деление населения по имущественному и территориальному признакам. В ходе реформы «военной демократии» все римские граждане, как патриции, так и плебеи, были «оценены» по их наличному имуществу (земля, скот, инвентарь и пр.) и разделены на 193 сотни центурии. Другими словами, согласно реформе было произведено деление на 5 имущественных разрядов или классов: в первый класс зачислялись лица, обладавшие состоянием не меньше, чем в 100000 ассов (асс – медная монета, первоначально весом в 1 фунт, ценность ее для раннего периода истории Рима не установлена); во втором – 75000 ассов; в третьем – 50000 ассов; в четвертом – 25000 ассов; в пятом – 12500 ассов.

Те, у кого состояние было очень мало, стояли «ниже класса» и назывались «пролетарии» (лат. *proletarii*, от слова *proles* – потомство), т.е. люди, которые имели только детей. Каждый разряд населения представлял определенное количество своих представителей войсковых единиц – центурий (буквально сотня). По центуриям стало теперь проводиться голосование в народное собрание; каждая центурия имела один голос. Пролетарии, т.е. вовсе лишенные учитываемого имущества, составили всего одну центурию. При согласованном голосовании первых двух разрядов голоса остальных не имели значения. Вместо старых родовых триб было введено деление на территориальные трибы. Реформы «военной диктатуры» Сервия Тулия нанесли сокрушительный удар по устаревшему родовому строю и заложили основу государства, другими словами, было разрушено общество, основанное на кровном родстве, и вместо него создано государственное устройство, основанное на имущественном различии и территориальном делении. Имущественным положением определялось и место воинов в строю легиона. Самые богатые граждане I класса служили в коннице и назывались всадниками. Остальные члены этого класса должны были иметь полное тяжелое вооружение пехотинца и стоять в первых рядах легиона. Граждане других классов имели облегченное вооружение, занимали место в задних рядах. Воины V класса являлись в строй легко вооруженными, а пролетарии в строю вообще не служили. Сервий Туллий допустил в войско и плебеев, наделив их некоторыми политическими правами посредством организации новой формы народного собрания. В нем участвовали оба сословия.

Оно называлось центуриатным собранием. Центурия (сотня), будучи военной тактической единицей, стала и голосующей единицей. К центуриатным собраниям перешли важнейшие функции старых собраний: объявление войны, выбор должностных лиц, суд и пр. На тот период времени данные реформы были прогрессивной формой управления. Падение военной демократии в Риме, как свидетельствуют данные ученых, произошло в конце VI – начале V вв. до н.э. в форме насильственного свержения последнего царя и передачи его власти двум wybranым должностным лицам. Они могли выбираться только из патрициев и назывались консулами. Таким образом, был осуществлен переход к республике.

3.6.5. Государственный строй Древнего Рима в период республики 509 г. до н.э. Установление республиканского строя после изгнания Тарквиния Гордого

Организация власти в этом периоде довольно проста, она почти не изменялась, несмотря на то, что республика значительно разрослась. Сочетались аристократические и демократические черты. На основе происходившей в эпоху ранней республики борьбы и перегруппировки социальных сил сложилась римская республиканская конституция. Такого документа, собственно, не было. Но описание римского государственного строя в целом и отдельных его элементов сохранилось в произведениях античных авторов. Государственная организация отличается от родовой тремя особенностями: наличием особого аппарата насилия и принуждения (армия, суды, тюрьмы, чиновники), делением населения не по кровному родству, а также налогами, собираемыми для содержания армии, должностных лиц и т.д. Высшим государственным органом считается народное собрание. У народного собрания было три вида комиций (от лат. *comitia* – сходка): куриатные, центуриатные, трибутные. Народные собрания в Риме созывались по усмотрению магистратов, которые могли прервать собрание или перенести его. Магистраты председательствовали в собрании и объявляли повестку. Голосование по вопросам было открытым, тайное голосование (по таблицам) введено в конце республиканского периода. В первый век существования республики сенат утверждал решения комиций, с III в. до н.э. предварительно рассматривал вопросы повестки комиций. Функции комиций были разграничены достаточно четко, чем и пользовалась в своих целях правящая верхушка Рима, представленная сенатом и магистратами. Сенат контролировал и руководил деятельностью народного собрания в нужном для него направлении, состав сената пополнялся из отслуживших свой срок магистратов. Сенаторы (300, 600, 900) назначались цензорами раз в 5 лет по спискам представителей богатых и знатных семей из бывших магистратов. Созывал сенат один из магистратов. Речи и реше-

ния сенаторов заносились в особые книги. Формально сенат был совещательным органом. Он распоряжался казной, устанавливал налоги, определял расходы, производил постановления по общественной безопасности, благоустройству, религиозному культу, вёл внешнюю политику (утверждал мирные договоры, договоры о союзе), разрешал набор в армию и распределял легионы между командующими. Магистратом мог быть избран только богатый человек. Высшими магистратами считались цензоры, консулы и преторы. Все магистраты избирались на 1 год (кроме диктатора, его срок полномочий полгода, и консула во время ведения военных действий). Власть магистратов: высшая (военная власть, право заключать перемирие, созывать сенат и народные собрания и председательствовать на них, издавать приказы и понуждать к их исполнению, право на суд и назначение наказания у диктатора, консула и претора; диктатор мог приговорить к смертной казни без права на обжалование, консул его приговор мог оспорить в центуриатном собрании; претор не мог) и общая (право отдавать распоряжения и налагать штрафы за их неисполнение). Консулы – это два высших магистрата, им поручались первостепенные дела по гражданской и военной части, в войну один оставался в городе, другой воевал; они набирали армию и командовали ею, назначали военачальников, заключали перемирия, распоряжались военной добычей. Преторы исполняли судебную власть. Преторы (городской и pereгринский) руководили судопроизводством (с IV в.), толковали право (с III вв.). Два цензора избирались на 5 лет, они составляли списки граждан для распределения их по трибам и разрядам, наблюдали за нравственностью и издавали соответствующие эдикты. Квесторы помощники консулов ведали государственной казной, хранили государственные архивы, т.е. распоряжались финансовыми расходами и расследованием некоторых уголовных дел. Эдилы (2 человека) наблюдали за общественным порядком в городе, торговлей на рынке, организовывали празднества и шествия. Коллегии «26 мужей» (5 коллегий) надзирали за тюрьмами, чеканкой монеты, очисткой дорог и некоторыми судебными делами. Плебейские трибуны сначала защищали плебеев от произвола патрициев, наблюдали за законностью, защищали несправедливо обиженных граждан, обладали правом вето на действия любых магистратов, вносили законодательные предложения в народные комиции.

Армия представляла из себя народное ополчение, которое формировалось по разрядам: центурии (командовали центурионы); легионы (командовали военные трибуны); отряды конницы (командовали декурионы). Постепенно различие в правовом положении патрициев и плебеев было уничтожено. К III в. до н.э. окончательно сложился римский государственный строй в форме аристократической рабовладельческой республики. Центуриатные комиции решали вопросы войны и мира,

принимали законы и выбирали высших должностных лиц. Важнейшее значение имели трибунные комиции, которые в ранний период были собранием только плебеев, а затем всех граждан данной трибы. К ним перешло издание законов. Народное собрание созывалось сравнительно редко, вопросы текущей политики разрешались сенатом, который был важнейшим оплотом аристократии, исполнительная власть принадлежала магистрам. Магистраты и сенат пользовались фактически всей полнотой государственной власти в Римской республике, которая получила ярко выраженный аристократический характер. В ведении сената находились финансы, внешняя политика, военное дело, вопросы культа. Римские магистры были выборные, коллегиальные, краткосрочные (обычно годовые) и безвозмездные. Кроме обычных магистратур, при чрезвычайных обстоятельствах назначался диктатор, которому вручалась вся верховная военная и гражданская власть сроком на 6 месяцев.

3.6.6. Государственное устройство Рима в период империи

После победы Октавиана, внучатого племянника и преемника Юлия Цезаря – над своими политическими противниками сенат вручил Октавиану верховную власть над Римом и провинциями (и преподнес ему почетный титул *августа*). В Риме и провинциях установился государственный строй, который называли *принципатом*. «*Принцепс сенатус*» называли в предшествующие времена первого в списке сенаторов (обычно старейшего из бывших цензоров), первым высказывавшего свое мнение. *Принцепс Август* – это «первый гражданин Римского государства», а в соответствии с неписаной римской конституцией это означало пост императора. Чтобы понять, что представляла собой Римская империя в период *принципата*, каков был ее общественный строй, надо остановиться в первую очередь на вопросе гражданства. Уже при Юлии Цезаре предоставление прав римского гражданина в провинциях (всего провинций было 18) стало распространенной политической мерой. Эта практика была продолжена его преемниками. В 212 г. н.э. император Каракалла предоставил права римского гражданина всему свободному населению империи. Этот знаменательный шаг имел далеко идущие последствия. Привилегированное положение самого Рима было подорвано. Но к этому времени положение свободных людей в Риме и империи значительно отличалось от того, что было при республике. Верхушку рабовладельческого класса составили два сословия. Первым и самым знатным было сословие *нобилей*. Оно сформировалось еще в IV–III вв. до н.э. из патрицианско-плебеанской поместной знати. При империи *нобилы* – господствующее сословие, доминирующее и в обществе, и в государстве. Экономическую основу *нобилитета* составили огромные земельные владения, обрабатываемые массой рабов и зависимых крестьян-пекулиантов. Политическим оплотом *нобилитета* стал

сенат. Высокопоставленные жрецы и высшие магистраты, особенно консулат, управители завоеванных территорий проконсулы, пропреторы, легаты и пр. принадлежали к нобилитету. При императоре Августе (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) нобилитет превратился в сенаторское сословие, которое пополнялось за счет сановников, выдвинувшихся на государственной службе. Из сословия всадников финансовой знати империи с цензом в 4 000 000 сестерциев выходили ответственные чиновники и офицеры.

Управление городами империи осуществлялось декурионами сословием, представленным бывшими магистратами. Это были, как правило, средние землевладельцы.

На самой низшей ступени социальной лестницы находились по-прежнему рабы. При Августе с целью защиты интересов рабовладельцев были введены специальные меры, отличавшиеся крайней жестокостью. В частности, были резко сокращены возможности предоставления рабам воли, восстановлен закон, по которому подлежали казни все те рабы, которые находились в доме в момент убийства их господина (на расстоянии окрика) и не пришли ему на помощь. В одном из источников описан случай такого рода, когда, несмотря на недовольство народа, сенат и император предали казни 400 рабов. Римские юристы находили оправдание этому жестокому закону: ни один дом не может быть в безопасности (от рабов) иным способом, кроме как страхом смертной казни. Между тем экономическая ситуация свидетельствовала о невыгодности труда рабов. Ни надсмотрщик, и ни наказания не могли заменить экономического стимула. Раб делал то, что было, безусловно, необходимо и не более того и так, чтобы не вызвать наказания. Ни одно усовершенствование не приносило выгоды. В Риме прогресс техники как бы остановился: ни коса, ни даже примитивный цеп, которым выбивают зерно из колосьев, не были известны в Риме и его провинциях. Понимая это, рабовладельцы-хозяева стали предоставлять рабам пекулии, т.е. земельные участки, за которые хозяину следовало платить определенную заранее долю продукта (обычно половину урожая). Поскольку остальное было долей крестьянина-пекулианта, он стремился увеличить ее за счет повышения урожая. Но для того чтобы пекулиантские отношения принесли заметный результат, их следовало надежно оградить от злоупотреблений, дав им более или менее широкую правовую защиту. Однако старое римское право запрещало производить рабу от своего имени (не хозяина) и для своей же пользы все виды торговых и займовых операций, а также подавать иск и отвечать в суде. Эти запреты были преградой для развития пекулии как специфической формы арендных отношений, поэтому их следовало смягчать, модифицировать, отменять, что осуществлялось весьма медленно. Одновременно с этим в Римской империи совершается такой немаловажный процесс, как превращение свободного крестьянина в арендатора-издольщика колона.

Развитие колоната было прямым следствием никогда не останавливавшегося грабежа крестьян, непосредственно связанного с ростом сенаторских и всаднических латифундий. Другой его причиной было уменьшение притока рабов из-за уменьшения военной мощи империи и усиления оказываемого ей сопротивления. Обязательства колона носили как денежный, так и натуральный характер. В первый период колоната аренда была краткосрочной, но это было невыгодно арендодателю. Только длительная аренда могла обеспечить его рабочей силой и в то же время породить в колоне стремление к улучшению земли, повышению урожайности и пр. Удовлетворяя требования землевладельцев, закон 332 г. положил начало прикреплению арендаторов к земле. Колоны, самовольно покинувшие поместья, возвращались силой. В то же время закон запрещал прогонять колонов при продаже земли. Также запрещалось и самовольное повышение лежащих на колоне тягот и повинностей. Прикрепление колонов к земле было пожизненным и потомственным. Так в еще рабовладельческом Риме зарождается феодальный порядок, феодальные производственные отношения. В этом сложном процессе раб поднимается в своем социальном статусе, свободный крестьянин, напротив, опускается. К концу империи запрещается самовольное убийство раба, разобщение его семьи, вводится облегченный порядок отпущения рабов на волю. Ремесленники, организованные по коллегиям, т.е. сообществам, должны были «навсегда оставаться в своем состоянии», что значило для них не что иное, как насильственное потомственное прикрепление к своим профессиям.

3.7. Греческие города на территории современной России

Первые города на территории современной России появились в I тыс. до н.э. Это были древнегреческие торговые колонии на побережьях Черного и Азовского морей: Танаис в устье Дона, Фанагория на российском берегу Керченского пролива, Горгиппия в районе современного Новороссийска. В начале нашей эры эти города входили в Боспорское и Понтийское царства, являвшиеся вассалами Древнеримской империи. Но в IV в. н.э. города на северном побережье Черного моря и на Азовском побережье были разрушены кочевниками-гуннами и с тех пор больше не восстанавливались.

Танаис. В течение многих веков Танаис был крупным экономическим, политическим и культурным центром Подонья-Приазовья. Греческий географ Страбон называет его самым большим после Пантикалея (столица Боспорского царства, на территории нынешней Керчи) торжищем варваров. От Танаиса древние географы и историки проводили границу между двумя частями света. Выдающийся энциклопедист античного времени Плиний писал: «Для входящего сюда по левую сторо-

ну находится Европа, по правую – Азия». Строки древних авторов о городе скупы и отрывочны. История Танаиса в большей части того, что известно сейчас, открыта исследованиями археологов. Впервые руины этого города (расположенного в 35 км от города Ростова-на-Дону у хутора Недвиговка) были обследованы археологом

И.А. Стемповским в 1823 г. А в 1853 г. П.М. Леонтьев начал проводить раскопки древнего Танаиса, которые повторялись потом неоднократно. После длительного перерыва они были вновь возобновлены в 1955 г. Нижне-Донской археологической экспедицией под руководством Д.Б. Шелова и продолжаются в настоящий период. Танаис был основан греками Боспорского царства. Город постепенно приобретал черты, характерные для образа жизни местных племен. Танаис вел борьбу за независимость от боспорских правителей. В 237 г. н.э. он был разрушен готами. Восстановленный через 140 лет сарматами Танаис постепенно превратился в центр земледельческого и ремесленного производства, а в начале 5 в. н.э. разрушился.

Полученные при раскопках данные позволяют осветить различные стороны, возникшего в начале 3 в. до н.э. и просуществовавшего вплоть до 4 в. н.э.

Постройки в городе в основном каменные, с типично греческими элементами строительства. Застройка была беспорядочной и тесной. Много обнаружено керамической тары – амфор. Основные связи Танаиса до первых веков нашей эры прослеживаются с городами и государствами Греции, малой Азии, островами Эгейского моря, Херсонесом и Боспором. Торговля в III–I вв. до н.э. велась на основе безденежного товарного обмена. Большинство денег, обнаруженных в слоях города, относится уже к I в. н.э. В это время получают распространение краснолаковая посуда и стеклянные изделия римского производства. Ввозились в Танаис вино, масло, посуда, ремесленные и ювелирные изделия, а вывозились продукты земледелия и скотоводства и, возможно, рабы. Население, помимо торговли, занималось рыболовством и охотой. Оно было неоднородным. Основу составляли греки – колонисты и представители местного туземного населения. Благодаря удаленности от основных центров Боспорского государства Танаис пользовался относительной независимостью. Однако Боспор стремился подчинить Танаис своему влиянию. Боспорские цари назначили в Танаис наместника – пресбета. В городе существовала республиканская организация власти. Вероятно, управление было сконцентрировано в руках наиболее богатой верхушки власти. Для общественной жизни Танаиса было характерно существование религиозных союзов¹.

Фанагория – самое большое древнегреческое городище на территории России, один из крупнейших античных городов Причерноморья. Находится

¹ Подробную информацию можно найти на сайте www.ru/region/tanais/history_html

в живописном месте на Таманском полуострове (между Черным и Азовским морями, напротив Крыма). Город был основан в середине VI в. до н.э. греческими переселенцами из г. Теоса (совр. Малая Азия). Разрушен в результате вражеского нашествия в начале X в. н.э. Имеет богатейшую историю, которая связана не только с древними греками, но также и другими народами (синдами, сарматами, евреями, хазарами, болгарями). Как и большинство древнегреческих городов, Фанагория находилась на берегу. Водные пути связывали греков со всем обитаемым миром.

В прибрежной части города на берегу Таманского залива находился порт. Сюда на кораблях привозились товары из самых разных государств Средиземноморья. Часть из них оставалась в городе, остальные же переправлялись по рекам и сухопутным дорогам во внутренние районы Прикубанья. Фанагория была крупнейшим торговым городом Причерноморья. Фанагорийской экспедиции находится в живописном месте среди трех холмов, выжженных южным солнцем. Несмотря на то, что лагерь находится всего лишь в 1 км от современного поселка, жизнь в нем в то же время проходит вдали от утомляющего темпа современности: тишина, море, цикады. Городище занимает площадь около 65 га и располагается на двух плато (верхнем и нижнем), спускающихся к морскому заливу. За 1600-летнюю историю города отложился мощный культурный слой, достигающий 7 м толщины. Это своего рода слоеный пирог, который содержит самые разнообразные древности, огромные культурные ценности. Опускаясь в процессе раскопок все ниже и ниже археологи открывают остатки городских оборонительных стен, храмов и других общественных зданий, мостовых улиц и площадей, относящиеся к различным историческим эпохам. Поверхность города остается до сих пор свободной от каких-либо строений и сооружений, покрыта степными травами. Своих усопших сограждан фанагорийцы хоронили вдоль дорог, выходящих из города. В зависимости от материального достатка устраивали несколько типов могильных сооружений. Обеспеченные люди могли себе позволить каменные гробницы. В них обычными являются находки ювелирных украшений. С трех сторон Фанагория окружена огромным некрополем, городом мертвых. Под курганными насыпями покоятся многие тысячи жителей древнего города. В зависимости от благосостояния их хоронили в разных типах погребальных сооружений: простых земляных могилах, могилах, сложенных из черепиц, простых каменных гробницах, земляных склепах, вырубленных в материковом грунте, каменных склепах с богатой архитектурой, в которых стояли кипарисовые и даже мраморные саркофаги. Привозной кипарис использовался для изготовления штучных изделий. Инкрустированный кипарисовый гроб является большой редкостью. Он свидетельствует о наличии в Фанагории мастеров-столяров высокого класса. Некоторые из курганов фанагорийского некрополя (например курган Большая Близница) дали уникальные находки, в том числе великолепные ювелирные украшения (золотые перстни с драгоценными камнями,

кольца, серьги, браслеты, пектораль, калаф, серебряную с позолотой посуду, редкие терракотовые статуэтки и др.). За время существования города отложился мощный культурный слой, который хранит в своих недрах огромное количество самых разнообразных древних предметов. Раскопки были начаты еще в XIX в. В это время археологи интересовались исключительно курганами, которые давали богатые находки для императорского Эрмитажа. Начиная с 1936 г. ведутся планомерные научные раскопки. Они позволили установить хронологические рамки существования города, его границы, мощь культурных напластований. Среди важнейших открытий – жилой квартал времени основания города, который состоял из домов, построенных из сырцовых кирпичей; ремесленные мастерские (среди них мастерская, в которой отливали бронзовые статуи); несколько храмов; остатки оборонительной стены с воротами; «дом зерноторговца», в котором найдено около 1 тонны сгоревшего зерна. В процессе раскопок постепенно снимаются слои, накопившиеся за 16-вековую историю Фанагории. В каждом таком слое фиксируются сохранившиеся строительные остатки (дома, улицы, площади), а также выбираются многочисленные вещи, свидетельствующие о разных сторонах материальной жизни фанагорийцев. Примерно около трети площади древнего города затоплено морем. В 1999 г. были начаты подводные исследования. С помощью компьютера, навигационного оборудования и современного эхолота была исследована затопленная морем часть города. Затем в одном месте были предприняты разведочные раскопки эжектором, который способен отсасывать грунт с морского дна. Раскопки показали, что дно моря на площади примерно в 20 га покрыто камнями, принадлежавшими древним постройкам. В одном месте были обнаружены многочисленные мраморные архитектурные детали, относящиеся к какому-то большому зданию (часть архитрава, порог, барабаны колонн). Здесь же найден фрагмент мраморной женской статуи. Помимо древностей, морское дно у берегов Фанагории хранит следы военного времени (например десантный катер): на Таманском полуострове в 1941 и 1943 гг. происходили тяжелые бои с фашистами. В процессе раскопок открыты самые разнообразные археологические находки. Среди них обломки мраморных статуй, греческие надписи, золотые, серебряные и бронзовые монеты, резные камни, бронзовые и глиняные светильники, амфоры, расписная столовая керамика, терракотовые статуэтки и многое другое¹.

3.7.1. Горгиппия

Горгиппия – античный (4 в. до н.э. – 3 в. н.э.) Боспорского государства на восточном берегу Черного моря. Это был город торговцев и

¹ Трепов А. Фанагория. Археологические раскопки древнегреческого города на Юге России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archeology.ru / PHANFGOREA / PH_INDEX.HTM

мореходов, ремесленников и виноделов, рыбаков и грузчиков. Город процветал и прирастал – по числу жителей уступал лишь Пантикапею и Феодосии. На агоре, центральной площади, были воздвигнуты храмы, посвященные Посейдону – владыке морской стихии, Деметре – покровительнице земледельцев, Афродите – пенорожденной защитнице мореходов и, непременно, великому Зевсу Спасителю. Помимо торговых операций, горгиппийцы занимались многими ремеслами. Работали керамические, гончарные, черепичные, камнерезные мастерские, славились искусные мастера: ювелиры, художники, скульпторы, виноделы, был развит и рыбный промысел. По свидетельству Страбона, соседние племена Кавказского побережья занимались морским разбоем, нападая на легких вместительных лодках на купеческие корабли и приморские поселения. Тревожное окружение заставило жителей Горгиппии обнести город оборонительной стеной. Несколько лет назад на набережной Анапы археологи вскрыли один из участков античного греческого поселения. Теперь под открытым небом создан археологический музей «Горгиппия», и посетителям предоставляется редкая возможность увидеть мощные камнем улицы древнего города, фундаменты и стены жилищ, остатки мастерских, виноделен, рыбозасолочных ванн. Здесь можно ознакомиться с памятниками зодчества, мраморными плитами с надписями, извлеченными из некрополя саркофагами и надгробиями для местной знати, великим множеством статуэток, чернолаковой посудой, античными монетами, ювелирными украшениями. Археологи обнаружили в окрестностях древней Горгиппии античные деревни с крупными сельскохозяйственными усадьбами, некрополями, курганами. Селяне занимались хлебопашеством, виноградарством, садоводством. В 1975 году в центре города при рытье котлована для строительства дома был открыт уникальный памятник античной культуры – расписной склеп греческой знати Горгиппии. Склеп назван археологами «Склепом Геракла» и относится к концу II – началу III в. Рядом был обнаружен еще один склеп с двумя саркофагами. Он оказался неразграбленным. В одном саркофаге находились останки знатного горгиппийца с богатыми украшениями. В другом саркофаге были похоронены две девочки – и тоже с богатыми украшениями. Находки составили основу «Золотой кладовой» Краснодарского краевого музея-заповедника, экспонировались в Японии, Германии, Югославии.

Интересно, что уже в те давние времена в храмах богов служители культа устраивали специальные открытые террасы для приема больными солнечных ванн. Были такие храмы и в Горгиппии. Великий Гиппократ еще в III в. до Р.Х. придавал первостепенное значение исцелению и закаливанию пациентов, широкому использованию солнечных и воздушных ванн, гимнастике, массажу. Высоко ценились целебные свойства морских купаний, для горячих ванн и припарок применялась морская

вода. Именно к древним грекам, врачам и мыслителям прошлого, восходит начало современной курортологии. Минеральные источники Семигорья, расположенные в 18 километрах к северо-востоку от города, являлись своеобразным «курортным районом». Исследователи приводят следующий факт. При очистке одного из источников от многометрового напластования ила и других наносов были обнаружены деревянные фигурки, представляющие грубые поделки человеческого тела. Пропитанные солями, они имели окаменевшую поверхность. Высказано любопытное предположение о том, что, очевидно, существовал обычай древних бросать в целебный источник изображение больного органа с надеждой или в благодарность за исцеление. В середине III века на эти земли вторглись готы (позже они известны как норманны, викинги, варяги). Они пришли с севера, со Скандинавского полуострова. Но незадолго до готского нашествия Горгиппия уже лежала в руинах. Ученые-эксперты связывают гибель этого окраинного городка с возможным нападением аланских племен – предков осетин. После разгрома уцелевшие жители смогли восстановить лишь отдельные дома, оборонительные стены больше не возводились.

3.8. Древнейшие города российского Закавказья

3.8.1. Дербент

Самым древним городом из ныне существующих на территории Российской Федерации является Дербент в Республике Дагестан. На основании достоверных источников и исследований, сохранившихся до наших дней древних укреплений Дербента было сделано заключение, что город основан в VI веке н.э. персидскими царями Сасанидской династии, и «отцом города» считался знаменитый царь Хосров I Ануширван, впервые отгородившийся в этом месте мощными стенами от набегов хазар с севера. Таким образом, предполагалось, что возраст города являет собой вполне солидную цифру – почти 1500 лет. Но сравнительно недавно, в 1971 г., начавшиеся в Дербенте археологические раскопки дали поистине сенсационные результаты, свидетельствующие о том, что эти места видели времена гораздо более древние. Раскопки выявили древнее поселение, возникшее на рубеже IV–III тысячелетий до нашей эры, то есть пять тысяч лет тому назад! На территории ныне существующей цитадели были найдены остатки построек, многочисленных предметов труда и быта, сельскохозяйственных орудий и зернохранилищ, говорящих о существовании здесь одного из древнейших земледельческих хозяйств, характерных для тогдашнего Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Европы. Найденные в результате археологических раскопок древние укрепления со следами пожаров и разрушений, а также бронзовые наконечники скифских стрел подтверждают,

что, когда скифы в VIII–VII вв. до н.э. совершали свой поход на Ближний Восток, им уже приходилось штурмовать хорошо укрепленную крепость Дербента. Раскопки обнаружили появившуюся здесь на рубеже VIII–VII вв. до н.э. мощную крепость со стенами из крупного бутового камня, просуществовавшую с перестройками и ремонтами до прихода сюда Сасанидов. Цитадель Нарын-кала VI века н.э. возводилась на остатках древней кладки. В III–I веках до н.э. на территории нынешних Азербайджана и Южного Дагестана возникло государство Кавказская Албания, в состав которого входил тогда Дербент. I–III века нашей эры были периодом расцвета Дербента, о чем свидетельствует большое количество привозных изделий и украшений из Сирии, Индии и Египта, найденных в могильниках этого времени. При строительстве стали применяться хорошо обработанный камень с резьбой, глиняный раствор, алебастр. Появление квадратных крепостных башен говорило о дальнейшем развитии искусства фортификации. В середине III в. н.э. Дербент был захвачен персидским царем Шапуром I, который «разрушения и пожарища учинил». Однако окончательно под власть персов город попал только в IV в. н.э., а новый, важнейший этап строительства мощнейших крепостных сооружений начался при Хосрове I Ануширване (531–579 гг.). «Строительство Дербентского комплекса велось по этапам: сначала цитадель и северная стена города, потом южная стена, а позднее – Горная стена (Даг – Бары). В VI веке была возведена и первая поперечная стена, отделявшая обживаемую часть Дербента у цитадели от незаселенной приморской (две другие поперечные стены появились в X–XVIII веках)». Усиленное строительство укреплений Дербента происходило в обстановке постоянной нестабильности, вызванной появлением в конце IV в. н.э. «царства гуннов», а затем и Хазарского каганата. В VI–VII веках Дербент превращается в развитый средневековый город, обладающий, помимо военно-оборонительного значения, достаточно высоким уровнем социально-экономического развития. Интереснейший памятник, выразительное свидетельство древности города, расположен в северо-западной части цитадели Нарын-кала. Это подземное сооружение, крестообразное в плане и перекрытое крестовыми сводами, долгое время считалось вырубленным в скале водохранилищем. Однако внимательное археологическое изучение позволило исследователям установить, что перед ними – крестово-купольный христианский храм, построенный на земле в V в., а затем погребенный мощными тысячелетними культурными напластованиями. По свидетельству историков, Дербент до середины VI в. был христианским центром Кавказа.

ТЕМА 4. РЕМЕСЛЕННЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

4.1. Возникновение и рост средневековых городов

Города оказали значительное воздействие на экономику средневекового общества, сыграли очень важную роль в его социально-политической и духовной жизни. XI столетие (время, когда в большинстве стран Западной Европы в основном сложились города, как и все главные структуры феодализма) является хронологическим рубежом между ранним средневековьем (V–XI вв.) и периодом наиболее полного развития феодального строя (XI–XV вв.), средневековой цивилизации в целом.

Первые столетия средних веков в Западной Европе характеризовались почти полным господством натурального хозяйства, когда основные жизненные средства добываются в самой хозяйственной ячейке, силами ее членов и из ее ресурсов. Крестьяне, составляющие подавляющую массу населения, производили сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, орудия труда и одежду для собственных нужд и для уплаты повинностей феодалу. Принадлежность орудий труда самому работнику, соединение сельского труда с ремеслом – характерные черты натурального хозяйства. Лишь редкие специалисты-ремесленники проживали тогда в немногочисленных городских поселениях, а также в поместьях крупных феодалов (обычно в качестве дворовых людей). Небольшое число сельских ремесленников (кузнецы, гончары, кожевники) и промысловиков (солевары, углежогои, охотники) наряду с ремеслом и промыслами занимались и сельским хозяйством.

Обмен продуктами был незначителен, он основывался прежде всего на географическом разделении труда: различиях в природных условиях и уровне развития отдельных местностей и регионов. Торговали преимущественно добываемыми в некоторых пунктах, но важными в хозяйстве товарами: железом, оловом, медью, солью и т.п., а также предметами роскоши, не производившимися тогда в Западной Европе и привозимыми с Востока: шелковыми тканями, дорогими ювелирными изделиями и оружием, пряностями и т.д. Главную роль в этой торговле играли странствующие, чаще всего иноземные купцы (греки, сирийцы, арабы, евреи и др.). Производство продуктов, специально рассчитанное на продажу, т.е. товарное производство, в большей части Западной Европы почти не было развито. Старые римские города приходили в упадок, происходила аграризация экономики, а на варварских территориях города только возникали, торговля была примитивной.

Конечно, и начало средневековья отнюдь не было безгородским периодом. Сохранялись еще позднеабовладельческий полис в Визан-

тии и западноримские города, в разной мере запустевшие и разрушенные (Милан, Флоренция, Болонья, Неаполь, Амальфи, Париж, Лион, Арль, Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена, Лондон, Йорк, Честер, Глостер и многие другие). Но они по большей части играли роль либо административных центров, либо укрепленных пунктов (крепостей-бургов), либо резиденций епископов и т.д. Их небольшое население мало чем отличалось от деревенского, многие городские площади и пустыри использовались под пашни и пастбища. Торговля и ремесла были рассчитаны на самих горожан и не оказывали заметного влияния на окружающие деревни. Больше всего городов сохранилось в наиболее романизованных областях Европы: могучий Константинополь в Византии, торговые эмпории в Италии, Южной Галлии, в вестготской, а затем арабской Испании. Хотя и там позднеантичные города в V–VII вв. пришли в упадок, некоторые из них были относительно многолюдны, в них продолжали специализированные ремесла, постоянные рынки, сохранялись муниципальная организация и цехи. Отдельные города, прежде всего в Италии и Византии, являлись крупными центрами посреднической торговли с Востоком. На большей же части Европы, где не было античных традиций, существовали отдельные городские очаги и немногие ранние города, поселения городского типа были редки, малолюдны, не имели заметного экономического значения.

Таким образом, в масштабах Европы городской строй как общая и завершенная система в раннее средневековье еще не сложился. Западная Европа отставала тогда в своем развитии от Византии и Востока, где процветали многочисленные города с высокоразвитым ремеслом, оживленной торговлей, богатыми постройками. Однако и существовавшие тогда пред- и раннегородские поселения, в том числе на варварских территориях, сыграли значительную роль в феодализационных процессах, выступая центрами политико-административной, стратегической и церковной организации, постепенно сосредоточивая в своих стенах и развивая товарное хозяйство, становясь пунктами перераспределения ренты и главными очагами культуры.

4.2. Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства

При том, что город становился средоточием отделившихся от сельского хозяйства функций средневекового общества, в том числе политико-идеологических, основой городской жизни была экономическая функция – центральная роль в складывающемся и развивающемся простом товарном хозяйстве: в мелком товарном производстве и обмене. Его развитие основывалось на общественном разделении труда: ведь постепенно выделяющиеся отдельные отрасли труда могут существо-

вать лишь путем обмена продуктами своей деятельности.

К X–XI вв. в хозяйственной жизни Западной Европы произошли важные изменения. Рост производительных сил, связанный с утверждением феодального способа производства, в период раннего средневековья быстрее всего шел в ремесле. Он выражался там в постепенном изменении и развитии техники и главным образом навыков ремесла и промыслов, в их расширении, дифференциации, усовершенствовании. Ремесленная деятельность требовала все большей специализации, уже не совместимой с трудом крестьянина. Одновременно совершенствовалась сфера обмена: распространялись ярмарки, складывались регулярные рынки, расширялись чеканка и сфера обращения монет, развивались средства и пути сообщения.

Наступил момент, когда неизбежным стало отделение ремесла от сельского хозяйства: превращение ремесла в самостоятельную отрасль производства, концентрация ремесла и торговли в особых центрах.

Другой предпосылкой отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства явился прогресс в развитии последнего. Расширились посевы зерна и технических культур: развивались и совершенствовались огородничество, садоводство, виноградарство и тесно связанные с сельским хозяйством виноделие, маслоделие, мельничное дело. Увеличилась численность и улучшилась породность скота. Использование лошадей внесло важные улучшения в гужевой транспорт и военное дело, в крупное строительство и обработку почвы. Увеличение продуктивности сельского хозяйства давало возможность обменивать часть его продуктов, в том числе пригодных как ремесленное сырье, на готовые ремесленные изделия, что избавляло крестьянина от необходимости производить их самому.

Наряду с названными хозяйственными предпосылками на рубеже I и II тысячелетий возникли важнейшие социальные и политические предпосылки складывания специализированного ремесла и средневековых городов в целом. Завершился процесс феодализации. Государство и церковь видели в городах свои опорные пункты и источники денежных поступлений и по-своему содействовали их развитию. Выделился господствующий слой, потребность которого в роскоши, оружии, особых условиях жизни способствовала увеличению числа профессиональных ремесленников. А рост государственных налогов и сеньориальных рент до известного времени стимулировал рыночные связи крестьян, которым все чаще приходилось выносить на рынок не только излишки, но и часть необходимых для их жизни продуктов. С другой стороны, крестьяне, подвергавшиеся все большему гнету, стали убегать в города, это была форма их сопротивления феодальному гнету.

В деревне возможности для развития товарного ремесла были весьма ограниченными, так как рынок сбыта ремесленных изделий там

узок, а власть феодала лишала ремесленника необходимой ему самостоятельности. Поэтому ремесленники бежали из деревни и селились там, где находили наиболее благоприятные условия для самостоятельного труда, сбыта своей продукции, получения сырья. Переселение ремесленников в рыночные центры и города было частью общего движения туда сельских жителей.

В результате отделения ремесла от сельского хозяйства и развития обмена, а также бегства крестьян, в том числе и знавших какое-либо ремесло, в X–XIII вв. (а в Италии с IX в.) повсюду в Западной Европе бурно росли города нового, феодального типа. Они являлись центрами ремесла и торговли, отличались по составу и основным занятиям населения, его социальной структуре и политической организации.

Формирование городов, таким образом, не только отражало общественное разделение труда и социальную эволюцию периода раннего Средневековья, но и было их результатом. Поэтому, являясь органичной составной частью феодализационных процессов, складывание города несколько отставало от складывания государства и основных структур феодального общества.

4.3. Теории происхождения средневековых городов

Вопрос о причинах и обстоятельствах возникновения средневековых городов представляет большой интерес.

Пытаясь ответить на него, ученые в XIX и XX вв. выдвигали различные теории. Для значительной их части характерен институционально-юридический подход к проблеме. Наибольшее внимание уделялось происхождению и развитию специфических городских учреждений, городского права, а не социально-экономическим основам процесса. При таком подходе невозможно объяснить коренные причины происхождения городов.

Историки XIX в. занимал в первую очередь вопрос о том, из какой формы поселения произошел средневековый город и как учреждения этой предшествующей формы трансформировались в учреждения города. «Романистическая» теория (Савиньи, Тьерри, Гизо, Ренуар), которая строилась главным образом на материале романизированных областей Европы, считала средневековые города и их учреждения прямым продолжением поздних античных городов. Историки, опиравшиеся в основном на материал Северной, Западной, Центральной Европы (в первую очередь немецкие и английские), видели истоки средневековых городов в явлениях нового, феодального общества, прежде всего правовых и институционных. Согласно «вотчинной» теории (Эйхгорн, Нич), город и его институты развивались из феодальной вотчины, ее управления и права. «Марковая» теория (Маурер, Гирке, Белов) выводила го-

родские учреждения и право из строя свободной сельской общины-марки. «Бурговая» теория (Кейтген, Мэтланд) усматривала зерно города в крепости-бурге и бурговом праве. «Рыночная» теория (Зом, Шредер, Шульте) выводила городское право из рыночного права, действовавшего в местах, где велась торговля.

Все эти теории отличались односторонностью, выдвигая каждая какой-либо единственный путь или фактор возникновения города и рассматривая его преимущественно с формальных позиций. К тому же они так и не объяснили, почему большинство вотчинных центров, общин, замков и даже рыночных местечек так и не превратились в города.

Немецкий историк Ритшель в конце XIX в. попытался объединить «бурговую» и «рыночную» теории, видя в ранних городах поселения купцов вокруг укрепленного пункта – бурга. Бельгийский историк А. Пиренн в отличие от большинства своих предшественников отводил определяющую роль в возникновении городов экономическому фактору – межконтинентальной и межрегиональной транзитной торговле и ее носителю – купечеству. Согласно этой «торговой» теории города в Западной Европе возникали первоначально вокруг купеческих факторий. Пиренн также игнорирует роль отделения ремесла от сельского хозяйства в возникновении городов и не объясняет истоки, закономерности и специфику города именно как феодальной структуры. Тезис Пиренна о чисто торговом происхождении города не был принят многими медиэвистами.

В современной зарубежной историографии сделано многое для изучения археологических данных, топографии и планов средневековых городов (Гансгоф, Планиц, Эннен, Веркотерен, Эбель и др.). Эти материалы многое разъясняют в предыстории и начальной истории городов, почти не освещенной письменными памятниками. Seriously разрабатывается вопрос о роли в складывании средневековых городов политико-административных, военных, культовых факторов. Все эти факторы и материалы требуют, конечно, учета социально-экономических сторон возникновения города и его характера как феодальной структуры.

Многие современные зарубежные историки, стремясь уяснить общие закономерности генезиса средневековых городов, разделяют и развивают концепции возникновения феодального города именно как следствия общественного разделения труда, развития товарных отношений, социальной и политической эволюции общества.

В отечественной медиэвистике проведены солидные исследования по истории городов почти всех стран Западной Европы. Но длительное время в ней делался акцент в основном на социально-экономической роли городов, при меньшем внимании к их прочим функциям. В последние годы, однако, проявляется тенденция рассматривать все многообразие социальных характеристик средневекового города, притом от

самых истоков. Город определяется не только как наиболее динамичная структура средневековой цивилизации, но и как органический компонент всего феодального строя.

4.4. Возвышение городов

В то время как главную выгоду из денежного обмена Европы извлекало папство, большие богатства приобрели также торговые люди в городах. Зажиточные горожане всюду (в Италии, Германии, Франции и Англии) добивались самостоятельности, старались выйти из подчинения епископам и сеньорам. Местами города сделались республиками среди феодального мира.

В северной Италии, где рано исчезли сеньоры и где император не мог приобрести прочную власть, города добились полной независимости; некоторые из них (Милан, Генуя, Венеция, Флоренция) приобрели порядочные области и сами стали государствами (Генуя завладела Корсикой, Венеция – Далмацией). Только Рим после нескольких попыток отвоевать себе свободу должен был подчиниться управлению пап и кардиналов. В Германии положение городов было труднее, потому что всюду поднялись крупные фюрсты, которые со времен Фридриха II обеспечили себе прочное владение областями. Поэтому лишь часть городов добились положения республик (Нюрнберг, Аугсбург, Страсбург); большинство остались в зависимости от светских князей и епископов.

Во Франции, пока королевская власть была слаба, города собственными средствами добивались свободы. Филипп II Август, первый король сильной династии Капетингов, помог многим коммунаам. После него короли опять перестали давать грамоты вольностей и, напротив, старались подчинить города своему надзору; города, уже успевшие сделаться коммунаами, утратили положение независимых республик. Очень многие города приобрели право выбирать старшин и совет; но в них судил и смотрел за порядком приказчик того сеньора, на земле которого был выстроен город. Так были устроены иные очень крупные города, например Париж и Орлеан, находившиеся на земле, где сеньором был сам король Франции. Но все-таки и эти города имели большие преимущества перед деревнями. Их жители за известные, правильно вносимые суммы откупались на свободу у сеньора, т.е. переставали быть его вилланами. Вследствие этого такие города назывались вольными (*villes franches*) или буржуазными (*de bourgeoisie*), поскольку в слове *bourgeois* (житель укрепленного бурга) заключалось понятие личной свободы.

Наконец, в Сицилийском королевстве и в Англии городов-коммунаов вовсе не было. В Англии торговля сильно развилась в XII веке благодаря тому, что у Плантагенетов были владения на материке, через которые

шли важнейшие пути от Средиземного моря. В Лондоне при Генрихе II сходились золото и пряности из Аравии, шелк из Индии, вина из Франции, меха с севера. Из Англии стали вывозить шерсть, которую в большом количестве доставляло скотоводство, очень успешное благодаря превосходным лугам. Правда, англичане мало ездили по морю и не имели флота: подвоз иностранных товаров и вывоз английского сырья был в руках чужих, большею частью фламандских и немецких купцов, которые составляли ганзы для торговли с Англией и имели в прибрежных городах склады. Но все же и в Англии выдвинулось собственное купечество, которое забрало внутреннюю торговлю, т.е. сбыт сельских товаров на городских рынках. В каждом городе Англии купцы составляли союз с целью ограждения своих преимуществ и отстранения от торговли всех посторонних; кто хотел торговать, должен был вступить в союз и заплатить большой взнос. Союзы эти соединились по всей Англии в большую купеческую гильдию (*gilda mercatoria*), утвержденную королем. Разбогатевшие от торговли горожане откупались от рабской или полурабской зависимости и заменяли большим общим взносом те повинности, которыми были обязаны королю. Члены купеческой гильдии в каждом городе выбирали из своей среды старшин и совет; еще, за особый взнос, они получали в свои руки все управление города, право избрания головы (мэйдора) и городской думы. В таком положении был Лондон, ставший в XII веке столицей Англии.

Несмотря на то, что попытки городов образовать республики удались в немногих местах, в Европе вообще города стали большой силой, и горожане выделились от сельских жителей. Город отличался от села: 1) правом иметь рынок, 2) освобождением жителей от разнообразных повинностей и уплатой точного взноса сеньору, 3) отдельным судом, а часто и отдельным управлением и 4) укрепленным положением. Население города, промышленное и военное, стало выделяться особенным именем – *burgenses*, *bourgeois*, *Burger*.

4.5. Возникновение феодальных городов

Исторические пути возникновения городов весьма разнообразны. Уходившие из деревень крестьяне и ремесленники селились в различных местах в зависимости от наличия благоприятных условий для занятия «городскими делами», т.е. делами, связанными с рынком. Иногда, особенно в Италии и Южной Франции, это были административные, военные и церковные центры, нередко располагавшиеся на территории старых римских городов, которые возрождались к новой жизни – уже в качестве городов феодального типа. Укрепления этих пунктов обеспечивали жителям необходимую безопасность.

Концентрация населения в подобных центрах, в том числе феодалов с их слугами и свитой, духовных лиц, представителей королевской и местной администрации, создавала благоприятные условия для сбыта ремесленниками своих изделий. Но чаще, особенно в Северо-Западной и Центральной Европе, ремесленники и торговцы селились вблизи больших вотчин, усадеб, замков и монастырей, обитатели которых приобретали их товары. Селились они у пересечения важных дорог, у речных переправ и мостов, на берегах, удобных для стоянки кораблей бухт, заливов и т.п., где издавна действовали традиционные торжища. Такие «рыночные местечки» при значительном росте их населения, наличии благоприятных условий для ремесленного производства и рыночной деятельности также превращались в города.

Рост городов в отдельных областях Западной Европы происходил разными темпами. Раньше всего, в VIII–IX в., феодальные города, в первую очередь как центры ремесла и торговли, сформировались в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Бари, Неаполь, Амальфи); в X в. – на юге Франции (Марсель, Арль, Нарбонн, Монпелье, Тулуза и др.). В этих и других областях с богатыми античными традициями быстрее, чем в других, специализировались ремесла, произошло формирование феодального государства с его опорой на города.

Раннему возникновению и росту итальянских и южнофранцузских городов способствовали также торговые связи этих областей с более развитыми в то время Византией и странами Востока. Конечно, известную роль сыграло и сохранение там остатков многочисленных древних городов и крепостей, где легче было найти приют, защиту, традиционные рынки, рудименты организаций и римского муниципального права.

В X–XI вв. стали возникать феодальные города в Северной Франции, в Нидерландах, в Англии и Германии – по Рейну и верхнему Дунаю. Фландрские города Брюгге, Ипр, Гент, Лилль, Дуэ, Аррас и другие славились тонкими сукнами, которыми снабжали многие страны Европы. В этих областях было уже не так много римских поселений, большинство городов возникали заново.

Позднее, в XII–XIII вв., выросли феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Зарейнской Германии, в Скандинавских странах, в Ирландии, Венгрии, дунайских княжествах, т.е. там, где развитие феодальных отношений происходило медленнее. Здесь все города вырастали, как правило, из рыночных местечек, а также областных (бывших племенных) центров.

Распределение городов на территории Европы было неравномерным. Особенно много их было в Северной и Средней Италии, во Фландрии и Брабанте, по Рейну. Но и в других странах и регионах количеством городов, включая мелкие, было таково, что обычно житель деревни мог добраться до какого-либо из них в течение одного дня.

При всем различии места, времени, конкретных условий возникновения того или иного города оно всегда являлось результатом общего для всей Европы общественного разделения труда. В социально-экономической сфере оно выражалось в отделении ремесла от земледелия, развитии товарного производства и обмена между разными сферами хозяйства и разными территориями и поселениями; в собственно социальной и политической сферах – в развитии структур государственности с их институтами и атрибутами.

4.5.1. Простое товарное хозяйство при феодализме

Товарные отношения (производство на продажу и обмен), концентрируясь в городах, стали играть огромную роль в развитии производительных сил не только в самом городе, но и в деревне. Натуральное в своей основе хозяйство крестьян и господ постепенно втягивалось в товарно-денежные отношения, появлялись условия для развития внутреннего рынка на основе дальнейшего разделения труда, специализации отдельных районов и отраслей хозяйства (разные виды земледелия, ремесел и промыслов, скотоводство). Само товарное производство средних веков не следует отождествлять с капиталистическим или видеть в нем прямые истоки последнего, как это делали некоторые видные историки (А. Пиренн, А. Допш и др.). В отличие от капиталистического простое товарное производство было основано на личном труде мелких, обособленных непосредственных производителей – ремесленников, промысловиков и крестьян, которые не эксплуатировали в широких масштабах чужой труд. Все более втягивалось в товарный обмен простое товарное производство, однако сохраняло мелкий характер, не знало расширенного воспроизводства, оно обслуживало сравнительно узкий рынок и вовлекало в рыночные отношения лишь небольшую часть общественного продукта. При таком характере производства и рынка все товарное хозяйство при феодализме в целом также являлось простым. Простое товарное хозяйство возникло и существовало, как известно, еще в античную эпоху. Затем оно приспособлялось к условиям разных общественных систем и подчинялось им. В той форме, в которой товарное хозяйство было присуще феодальному обществу, оно выросло на его почве и зависело от господствующих в нем условий, развивалось вместе с ним, подчинялось закономерностям его эволюции. Лишь на определенном этапе феодальной системы, по мере развития предпринимательства, накопления капитала, отделения мелких самостоятельных производителей от средств производства и превращения рабочей силы в товар в массовом масштабе простое товарное хозяйство стало перерастать в капиталистическое. До этого времени оно оставалось неотъемлемым элементом экономики и социального строя фео-

дального общества, так же как средневековый город – главным центром товарного хозяйства этого общества.

4.6. Население и внешний вид средневековых городов

Основное население городов составляли люди, занятые в сфере производства и обращения товаров: различные торговцы и ремесленники (сами же сбывавшие свой товар), огородники, промысловики. Значительные группы людей были заняты продажей услуг, в том числе обслуживанием рынка: матросы, возчики и носильщики, трактирщики и содержатели постоялых дворов, слуги, цирюльники.

Наиболее представительной частью горожан были профессиональные торговцы из местных жителей и их верхушка – купцы. В отличие от немногочисленных странствующих купцов раннего средневековья они занимались и внешней, и внутренней торговлей и составляли особый общественный слой, заметный по численности и влиянию. Выделение купеческой деятельности, формирование особого слоя занятых ею лиц были новым и важным шагом в общественном разделении труда.

В крупных городах, особенно политико-административных центрах, обычно жили феодалы со своим окружением (прислуга, военные отряды), представители королевской и сеньориальной администрации (служилая бюрократия), а также нотариусы, врачи, преподаватели школ и университетов и другие представители нарождающейся интеллигенции. Во многих городах заметную часть населения составляло черное и белое духовенство.

Горожане, предки которых обычно были выходцами из деревни, еще долго сохраняли свои поля, пастбища, огороды как извне, так и внутри города, держали скот. Отчасти это объяснялось недостаточной товарностью тогдашнего сельского хозяйства. Сюда же, в города, часто свозились поступления из сельских усадеб сеньоров: города служили местом их концентрации, перераспределения и сбыта.

4.7. Складывание и рост городского сословия

В процессе развития городов, ремесленных и купеческих корпораций, борьбы городов с сеньорами и внутренних социальных конфликтов в городской среде в феодальной Европе складывалось особое средневековое сословие горожан.

В экономическом отношении новое сословие было более всего связано с торгово-ремесленной деятельностью и с собственностью, основанной не только на производстве, но и на обмене. В политико-правовом отношении все члены этого сословия пользовались рядом специфических привилегий и вольностей (личная свобода, подсудность

городскому суду, участие в городском ополчении, в формировании муниципалитета и др.), составляющих статус полноправного горожанина. Обычно городское сословие отождествляется с понятием «бюргерство».

Словом «бюргер» в ряде стран Европы первоначально обозначали всех городских жителей (от германского *Burg* – город, откуда произошло средневековое латинское *burgensis* и французский термин *bourgeoisie*, первоначально также обозначавший горожан). По своему имущественному и социальному положению городское сословие не было единым. Внутри него существовали патрициат, слой состоятельных торговцев, ремесленников и домовладельцев, рядовые труженики, наконец городское плебейство. По мере углубления этого расслоения термин «бюргер» постепенно менял свое значение. Уже в XII–XIII вв. он стал применяться только для обозначения полноправных горожан, в число которых не могли попасть представители низов, отстраненные от городского самоуправления. В XIV–XV вв. этим термином обычно обозначались богатые и зажиточные слои горожан, из которых позднее вырастали первые элементы буржуазии.

Население городов занимало особое место в социально-политической жизни феодального общества. Нередко оно выступало единой силой в борьбе с феодалами (иногда в союзе с королем). Позднее городское сословие стало играть заметную роль в сословно-представительных собраниях. Таким образом, не составляя социально монолитного слоя, жители средневековых городов конституировались как особое сословие или, как это было во Франции, сословная группа. Их разобщенность усиливалась господством корпоративного строя внутри городов. Преобладание в каждом городе локальных интересов, которые порой усиливались торговым соперничеством между городами, также препятствовало совместным действиям горожан как сословия в масштабах страны.

4.8. Ремесло и ремесленники в городах. Цехи

Производственную цену средневекового города составляли ремесла и «ручные» промыслы. Ремесленник, подобно крестьянину, был мелким производителем, который владел орудиями производства, самостоятельно вел свое хозяйство, основанное преимущественно на личном труде. В условиях узости рынка и мелкого производства целью труда ремесленника не могли быть прибыль и обогащение, но лишь само существование на уровне, соответствующем его социальному статусу. В отличие от крестьянина специалист-ремесленник, во-первых, с самого начала был товаропроизводителем, вел товарное хозяйство. Во-вторых, он не столь нуждался в земле как средстве непосредственного производства. Поэтому городское ремесло развивалось, совершенствовалось

несравненно быстрее, нежели сельское хозяйство и ремесло деревенское, домашнее. Примечательно также, что в городском ремесле внеэкономическое принуждение в виде личной зависимости работника не было необходимостью и быстро исчезло. Здесь имели место, однако, другие виды внеэкономического принуждения, связанные с цеховой организацией ремесла и корпоративно-сословным, феодальным в своей основе характером городского строя (принуждение и регламентация со стороны цехов и города и т.д.). Это принуждение исходило уже от самих горожан.

Характерной особенностью ремесла и других видов деятельности во многих средневековых городах Западной Европы была корпоративная организация: объединение лиц определенных профессий в пределах каждого города в особые союзы – цехи, гильдии, братства. Ремесленные цехи появились почти одновременно с самими городами во Франции, Англии, Германии с XI – начала XII в., хотя окончательное оформление цехов (получение специальных грамот от королей и других сеньоров, составление и запись цеховых уставов) происходило, как правило, позднее.

Цехи возникали потому, что городские ремесленники как самостоятельные, раздробленные, мелкие товаропроизводители нуждались в определенном объединении для защиты своего производства и доходов от феодалов, от конкуренции «чужаков» – неорганизованных ремесленников или постоянно прибывавших в города выходцев из деревни, от ремесленников других городов, да и от соседей-мастеров. Такая конкуренция была опасна в условиях весьма узкого тогдашнего рынка, незначительного спроса. Поэтому главной функцией цехов стало утверждение монополии на данный вид ремесла. В Германии она называлась *Zunftzwang* – цеховое принуждение. В большинстве городов принадлежность к цеху являлась обязательным условием для занятия ремеслом. Другой главной функцией цехов являлось установление контроля над производством и продажей ремесленных изделий. Появление цехов было обусловлено достигнутым в то время уровнем производительных сил и всей феодально-сословной структурой общества. Исходным образцом для организации городского ремесла отчасти послужили строй сельской общины-марки и усадебные мастерские магистерии.

Каждый из цеховых мастеров был непосредственным работником и одновременно собственником средств производства. Он трудился в своей мастерской, со своими инструментами и сырьем. Как правило, ремесло передавалось по наследству: многие поколения ремесленников работали при помощи тех же инструментов и приемов, что и их прадеды. Выделявшиеся новые специальности оформлялись в отдельные цехи. Во многих городах постепенно возникли десятки, а в наиболее крупных – даже сотни цехов. Цеховому ремесленнику обычно помогала

в работе его семья, один или два подмастерья и несколько учеников. Но членом цеха являлся только мастер, владелец мастерской. И одной из важных функций цеха было регулирование отношений мастеров с подмастерьями и учениками, которые стояли на разных ступенях цеховой иерархии. Предварительное прохождение двух низших ступеней было обязательным для всякого, кто желал стать членом цеха. Первоначально каждый ученик со временем мог стать подмастерьем, а подмастерье – мастером.

Члены цеха были заинтересованы, чтобы их изделия получали беспрепятственный сбыт. Поэтому цех через специально избранных должностных лиц строго регламентировал производство: следил, чтобы каждый мастер выпускал продукцию определенного вида и качества. Цех предписывал, например, какой ширины и цвета должна быть изготавливаемая ткань, сколько нитей должно быть в основе, каким следует пользоваться инструментом и сырьем и т.д. Регламентация производства служила и другим целям: чтобы производство членов цеха сохраняло мелкий характер, чтобы никто из них не вытеснял другого мастера с рынка, выпуская больше продукции или удешевляя ее. С этой целью цеховые уставы нормировали число подмастерьев и учеников, которых мог держать у себя мастер, запрещали работу в ночное время и по праздникам, ограничивали число станков и сырья в каждой мастерской, регулировали цены на ремесленные изделия и т.д.

Цеховая организация ремесла в городах сохраняла феодальную, корпоративную природу. До определенного времени она создавала наиболее благоприятные условия для развития производительных сил, товарного городского производства. В рамках цехового строя было возможно дальнейшее углубление общественного разделения труда в форме выделения новых ремесленных цехов, расширения ассортимента и повышения качества производимых товаров, совершенствования навыков ремесленного труда. В рамках цехового строя повышалось самосознание и самоуважение городских мастеров.

Поэтому примерно до конца XIV в. цехи в Западной Европе играли прогрессивную роль. Они охраняли ремесленников от чрезмерной эксплуатации со стороны феодалов, в условиях узости тогдашнего рынка обеспечивая существование мелких городских производителей, смягчая конкуренцию между ними и ограждая их от конкуренции различных чужаков.

Цеховая организация не ограничивалась осуществлением основных, социально-экономических функций, но охватывала все стороны жизни ремесленника. Цехи объединяли горожан для борьбы с феодальными сеньорами, а затем с господством патрициата. Цех участвовал в обороне города и выступал как отдельное боевое подразделение. Каждый цех имел своего святого патрона, подчас также свою церковь или

часовню, являясь своеобразной церковной общностью. Цех был также организацией взаимопомощи, обеспечивая поддержку нуждавшимся мастерам и их семьям в случае болезни или смерти кормильца.

Цеховая система в Европе, однако, не была универсальной. В ряде стран она не получила распространения и не везде достигла завершённой формы. Наряду с ней во многих городах Северной Европы, на юге Франции, в некоторых других странах и областях существовало так называемое свободное ремесло.

Но и там имели место региментация производства, защита монополии городских ремесленников, только осуществлялись эти функции органами городского управления.

Борьба городов с сеньорами в подавляющем большинстве случаев привела к переходу в той или иной степени городского управления в руки горожан. Но в их среде к тому времени существовало уже заметное социальное расслоение. Поэтому, хотя борьба с сеньорами велась силами всех горожан, полностью использовала ее результаты лишь верхушка городского населения: домовладельцы, в том числе феодального типа, ростовщики и, конечно же, купцы-оптовики, занятые транзитной торговлей.

Этот верхний, привилегированный слой представлял собой узкую, замкнутую группу – наследственную городскую аристократию (патрициат), которая с трудом допускала в свою среду новых членов. Городской совет, мэ́р (бургомистр), судебная коллегия (шеффены, эшевены, скабины) города выбирались только из числа патрициев и их ставленников. Городская администрация, суд и финансы, в том числе налогообложение, строительство – все находилось в руках городской верхушки, использовалось в ее интересах и за счет интересов широкого торгово-ремесленного населения города, не говоря уже о бедняках.

По мере того как развивалось ремесло и крепло значение цехов, ремесленники, мелкие торговцы вступали в борьбу с патрициатом за власть в городе. Обычно к ним присоединялись также наемные работники, бедный люд. В XIII–XIV вв. эта борьба, так называемые цеховые революции, развернулась почти во всех странах средневековой Европы и часто принимала очень острый, даже вооруженный характер. В одних городах, где ремесленное производство получило большое развитие, победили цехи (Кёльн, Базель, Флоренция и др.). В других, где ведущую роль играли широкомасштабная торговля и купечество, победителем из борьбы вышла городская верхушка (Гамбург, Любек, Росток и другие города Ганзейского союза). Но и там, где побеждали цехи, управление городом не становилось подлинно демократическим, поскольку верхушка наиболее влиятельных цехов объединялась после своей победы с частью патрициата и устанавливала новое олигархическое управление, действовавшее в интересах наиболее богатых горожан (Аугсбург и др.).

Торговля наряду с ремеслом составляла экономическую основу средневековых городов. Для значительной части их населения торговля являлась основным занятием. В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики, близкие к ремесленной среде. Элиту составляли собственно купцы, т.е. богатые торговцы, преимущественно занимавшиеся дальним транзитом и оптовыми сделками, разъезжавшие по разным городам и странам (отсюда другое название – «торговые гости»), имевшие там конторы и агентов. Нередко именно они становились одновременно банкирами и крупными ростовщиками. Наиболее богатыми и влиятельными были купцы из столичных и портовых городов: Константинополя, Лондона, Марсея, Венеции, Генуи, Любека. Во многих странах в течение длительного времени купеческую верхушку составляли иноземцы. Уже в конце раннего средневековья появились и затем широко распространились объединения купцов одного города – гильдии. Подобно ремесленным цехам, они обычно объединяли купцов по профессиональным интересам, например, путешествующих в одно место или с одинаковыми товарами, так что в больших городах было по несколько гильдий. Торговые гильдии обеспечивали своим членам монопольные или привилегированные условия в торговле и правовую защиту, оказывали взаимопомощь, были религиозными и военными организациями. Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными корпоративными связями, к ней подключались и купцы из других городов. Обычными стали так называемые «торговые дома» – семейные купеческие компании. В средние века расцвела такая форма торгового сотрудничества, как различные паевые товарищества (складничество, компаньоны, комменда). Уже в XIII в. возник институт торговых консулов: для защиты появилась биржа, где заключались коммерческие контракты. Купцы разных городов иногда также ассоциировались. Самым значительным таким объединением стала знаменитая Ганза – торгово-политический союз купцов многих германских и западнославянских городов, который имел несколько филиалов и держал в руках североевропейскую торговлю до начала XVI в. Купцы играли большую роль в общественной жизни и жизни города. Именно они управляли в муниципалитетах, представляли города на общегосударственных форумах. Они оказали влияние и на государственную политику, участвовали в феодальных захватах и колонизации.

4.9. Средневековые города – органичная часть феодального мира

В средневековье город был носителем динамичного начала. Город способствовал расцвету феодальной формации, выявлению всех ее по-

тенций, и он же оказался у истоков ее распада. Сложившийся средневековый город, его типичный образ хорошо изучены. В социально-экономическом отношении город был средоточием товарных ремесел и промыслов, наемного труда многих видов, товарного обмена и денежных операций, внутренних и внешних связей. Его жители в массе своей были лично свободными. В городе размещались резиденции королей, епископов и других господ, опорные пункты дорожной сети, административной, фискальной, воинской служб, центры епархий, соборы и монастыри, школы и университеты; он был, следовательно, и политико-административным, сакральным и культурным центром.

Историки давно спорят о социальной сущности средневекового города (феодален или нефеодален?), о времени его возникновения и общественной роли. Большинство современных историков считают, что этот город как бы «двоесущен». С одной стороны, он был отделен от феодально-натуральной деревни и во многом ей противопоставлен. В условиях средневекового общества с господствующим натуральным хозяйством, сепаратизмом и местной замкнутостью, догматическим мышлением, личной несвободой одних и всевластием других город явился носителем качественно новых, прогрессивных элементов: товарно-денежных отношений, личной свободы, особых типов собственности, управления и права, связи с центральной властью, светской культуры. Он стал колыбелью понятия гражданства.

Вместе с тем город оставался органичной частью феодального мира. Намного уступая деревне по общей численности населения и массе производимых продуктов, в том числе ремесленных, город уступал ей и политически, находясь в той или иной зависимости от сеньориального режима короны и крупных землевладельцев, обслуживая этот режим своими деньгами и выступая как место перераспределения феодальной ренты. Постепенно сложившись в особое сословие или сословную группу феодального общества, горожане заняли важное место в его иерархии и активно воздействовали на эволюцию государства. Муниципальный строй и правовая организация города оставались в рамках феодального права и управления. Внутри города господствовали корпоративно-общинные формы организации – в виде цехов, гильдий, братств и т. д. По своей социальной сущности это был, таким образом, феодальный город.

В социально-экономической области образование средневековых городов определялось отделением ремесла от сельского хозяйства, развитием товарного производства и обмена, концентрацией занятого в них населения в отдельных населенных пунктах.

Процесс отделения города от деревни, начавшийся в раннее средневековье, порождался всем ходом феодализации, прежде всего успешным развитием производства, особенно на втором этапе генезиса фео-

дализма, когда наметился прогресс сельского хозяйства, ремесла и промыслов. В результате ремёсла и промыслы превращались в особые сферы трудовой деятельности, которые требовали специализации производства, создания благоприятных профессиональных, рыночных, личных условий.

Раньше всего, в IX в., средневековые города сложились в Италии и выросли из позднеантичных городов в Византии, в X в. – на юге Франции и по Рейну. В X–XI вв. складывается городской строй в Северной Франции, Фландрии и Брабанте, в Англии, в Зарейнской и Дунайской областях Германии, на севере Балкан. В XI–XIII вв. сложились феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Восточной Германии, на Руси, в Скандинавских странах, в Ирландии, Шотландии, Венгрии, Польше, Дунайских княжествах.

Во второй период средневековья общественная эволюция заметно ускорилась под воздействием обмена, товарного производства и денежных отношений. Эти особые сферы средневековой экономики и в период развитого феодализма обладали лишь ограниченным влиянием. В деревне оно сдерживалось тем, что и господское и крестьянское хозяйства сохраняли натуральный характер; в городах развитие товарного производства и торговли сковывалось сословно-корпоративными организациями. Тем не менее рост и расцвет городов, функционирование внешних и начало складывания внутренних рынков, постепенное проникновение товарно-денежных отношений во все ячейки общества не только подрывали местную замкнутость тогдашней жизни. Эти факторы оказывали все более заметное прогрессивное воздействие на экономический базис и характер социальных процессов феодального общества, на взаимоотношения крестьянства и феодалов.

Наполненный бурными событиями зрелый этап средневековья, с его длительными войнами и грандиозными военно-колониционными предприятиями, внутригосударственными распрями и борьбой за политическую централизацию, мощными восстаниями и ересями, подвигами свободомыслия, принято, в свою очередь, подразделять на две фазы. Первая – до конца XIII в., когда в передовых странах континента был достигнут своего рода «пик» феодализма. Вторая – XIV–XV вв., когда в феодальной системе возникли кризисные явления и наметились первые, еще нестойкие элементы раннего капитализма. XI–XIII столетия повсеместно в Европе отмечены значительным экономическим подъемом. Выросли тысячи городов, множество ремесленных и торговых слобод. Многие города добились самоуправления, в них сложились цехи и гильдии, трудились ремесленники и торговцы сотен специальностей. Расширились различные промыслы, особенно горно-металлургические, лесные, морские. В сельском хозяйстве возникли важные усовершенствования, происходила широкая внутренняя колонизация: расчистка ле-

сов, распашка пустошей, осушение болот. Экономический подъем XI–XIII вв. сопровождался ростом населения (особенно резким – в 2–3 раза – он был в Западной Европе).

Подъем городов, торговли и промышленности, развитие производительных сил продолжались и в последующее время. В общем потоке культурной жизни средневековой Европы оформляются направления, разные по своему социальному содержанию: светская рыцарская культура (с конца XI в.), городская (с XII–XIII вв.) и народная, т.е. прежде всего крестьянская идеология и культура, во многом расходившиеся (особенно городская) с церковно-феодальным мировоззрением.

4.10. Города Западной Европы в XI–XV вв. и их экономическая роль

Образование средневековых городов определилось ростом производительных сил, отделением ремесла от сельского хозяйства, развитием товарного производства и обмена, концентрацией занятого в них населения в отдельных населенных пунктах. Темпы градообразования были различными. Раньше всего (в XI в.) феодальные города оформились в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Неаполь, Бри, Амальфи), в X в. – на юге Франции (Марсель, Арль, Монпелье, Тулуза и др.). В этих регионах сказалось влияние античной городской традиции и устоявшихся торговых связей с более развитыми в то время Византией и странами Востока. В X–XI вв. стали возникать города в Северной Франции, Нидерландах, Англии, по Рейну и Верхнему Дунаю в Германии, здесь большинство городов возникало заново. В XII–XIII вв. феодальные города появились в Зарейнской Германии, Скандинавских странах и т.д., в этих регионах развитие феодальных отношений было замедленным, города вырастали из рыночных местечек и бывших племенных центров.

Процесс возникновения городов не был завершён в рамках феодализма. Наибольшее число оснований городов приходится на рубеж XIII–XIV вв. – более 200. Численно преобладали малые города с населением 1–2 тыс. человек. Средние города насчитывали 3–5 тыс., имели развитые ремесла и торговлю, сильный рынок, развитую муниципальную организацию. Большим считался город с 9–10 тыс. жителей. Городов с населением в 20–40 тыс. во всей Западной Европе насчитывалось около 100 (Любек, Кельн, Мец, Лондон, Рим и др.). Лишь немногие города имели население более 80–100 тыс. человек (Константинополь, Париж, Милан, Кордова, Севилья, Флоренция).

Сеньором города был владетель земли, на которой стоял. В руках сеньора были суд, финансы, вся полнота власти, он же присваивал значительную часть городских доходов. До известного времени сеньоры

покровительствовали рынку и ремеслам, но по мере развития городов сеньориальный режим становился более тягостным. Принуждение со стороны феодала все сильнее мешало развитию городов.

Стремление сеньоров извлечь из города как можно больше доходов привело к коммунальному движению. Например в Западной Европе в X–XIII вв. наблюдалась борьба между городами и сеньорами. Начавшись с движения за сокращение поборов, за торговые привилегии, она постепенно переросла в борьбу за городское самоуправление и правовую организацию.

Самоуправление было выгодно городам, поскольку оно определяло степень независимости города, его экономическое процветание и политический строй. Иногда городам удавалось купить у феодала отдельные вольности и привилегии, чаще их добивались в результате длительной борьбы. Коммунальные движения приводили к разным результатам. В Северной и Средней Италии, Южной Франции в IX–XII вв. города добились положения коммуны (Южная Франция Амьен, Сен-Кантен, Бовэ, Суассон, Марсель, Монпелье, Тулуза). Несколько позднее – в Северной Франции и Фландрии (Гент, Брюгге, Ипр, Дуэ, Сент-Омер, Аррас и др.).

Города-коммуны имели: 1) выборных советников, мэров (бургомистров), других должностных лиц; 2) свое городское право, суд, финансы, право самообложения и раскладки налогов, особое городское держание, военное ополчение. Городское право обычно включало регулирование торговли, мореплавания, деятельность ремесленников и их корпораций, разделы о правах бюргеров, об условиях найма, кредита, аренды, бытовые распоряжения; 3) право объявлять войну, заключать мир, вступать в дипломатические отношения.

Сеньору город-коммуна выплачивал небольшой ежегодный взнос.

В Италии некоторые из коммун стали фактически городами-государствами (Генуя, Венеция, Флоренция, Сиена, Лукка, Равенна, Болонья и др.) и своего рода коллективными сеньорами – их власть распространялась на сельское население и мелкие города в радиусе десятков километров.

Сходное с коммунами положение заняли в XII–XIII вв. в Германии наиболее значительные из императорских городов (подчиненных непосредственно императору), на деле они были городскими республиками (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Магдебург, Франкфурт-на-Майне).

В странах же с относительно сильной централизованной властью города не могли добиться самоуправления. Хотя ряд привилегий у них и был, но выборные учреждения действовали под контролем королевских чиновников. Наибольшие свободы таких городов: отмена произвольных налогов, ограничений в наследовании имущества, экономические при-

вилегии. Так было во многих городах Франции (Париж, Орлеан, Нант), Англии (Лондон, Линкольн, Оксфорд, Кембридж, Глостер). Большинство европейских городов в XI–XV вв. получили лишь частичные привилегии, но и они благоприятствовали их развитию, горожане, как правило, освобождались от личной зависимости.

В XIV–XV вв. новых крупных городов появилось мало, возникали в основном мелкие и мельчайшие. Развитие крупных городов вело к их специализации в торговле (Гамбург, Любек, Брюгге, Марсель, Бордо, Дувр, Портсмут, Бристоль) или ремесленном производстве (Амьен, Ипр, Гент, Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Йорк). Отдельные города соединяли в себе обе функции (Париж, Лондон).

Внешний вид и топография средневекового города отличали его не только от деревни, но и от античных городов, а также от городов нового времени. Подавляющее большинство городов той эпохи было защищено зубчатыми каменными, иногда деревянными стенами в один–два ряда либо земляным валом с частоколом-палисадом по верху. Стена с подъемными мостами включала башни и массивные ворота, снаружи окружалась наполненным водой рвом. Жители городов несли сторожевую службу, особенно ночью, составляли городское военное ополчение.

Административно-политический центр многих европейских городов представлял собою крепость – «Вышгород» (Верхний город), «сите», «кремль», – обычно находившуюся на холме, островке или речной излучине. Там размещались дворы государя либо сеньора города и высших феодалов, а также резиденция епископа. Хозяйственные центры располагались в городском предместье – посаде, нижнем городе, слободе, «подоле», где жили главным образом ремесленники и торговцы, причем лица одинаковых или смежных профессий нередко селились по соседству. В нижнем городе располагались одна или несколько рыночных площадей, порт или причал, здание муниципалитета (ратуша), кафедральный собор. Вокруг создавались новые предместья, которые, в свою очередь, окружались укреплениями.

Планировка средневекового города была довольно регулярной: радиально-круговой, с XIII в. чаще прямоугольной («готической»). Улицы в западноевропейских городах делались очень узкими: даже на главных с трудом разъезжались две телеги, ширина же обычных улиц не должна была превышать длину копыя. Верхние этажи зданий выступали над нижними так, что крыши противостоящих домов почти соприкасались. Окна закрывались ставнями, двери – на металлические засовы. Нижний этаж дома в центре города обычно служил лавкой или мастерской, а его окна – прилавком либо витриной. Стиснутые с трех сторон дома тянулись ввысь на 3–4 этажа, выходили на улицу лишь узким, в два-три окна, фасадом. Города в Восточной Европе были более разбросанными,

включали обширные усадьбы, византийские отличались простором своих площадей, открытостью богатых застроек.

Средневековый город поражал современников и восхищает потомков своим великолепным зодчеством, совершенством линий соборов, каменным кружевом их декора. Но в городе не было ни уличного освещения, ни канализации. Мусор, отбросы и нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу, «украшенную» рытвинами и глубокими лужами. Первые мощеные улицы в Париже и Новгороде известны с XII в., в Аугсбурге – с XIV в. Тротуаров обычно не делали. По улицам бродили свиньи, козы и овцы, пастух прогонял городское стадо. Вследствие тесноты и антисанитарных условий города особенно тяжело страдали от эпидемии и пожаров. Многие из них не раз выгорали дотла.

Борьба между городами и их сеньорами, развернувшаяся в Европе в X–XIII в., первоначально решала экономические задачи: освободиться от наиболее тяжелых форм сеньориальной зависимости, получить рыночные привилегии. Но она переросла в политическую борьбу – за городское самоуправление и правовую организацию. Эта борьба, или, как ее называют историки, коммунальное движение городов, разумеется, была направлена не против феодального строя в целом, а против сеньориальной власти в городах. Исход коммунального движения определял степень независимости города, в дальнейшем – его политический строй и во многом экономическое процветание.

Методы борьбы были разными. Нередко город покупал у сеньора права за единовременный или постоянный взнос: этот метод был обычным для королевских городов. Города, подвластные светским и чаще церковным сеньорам, добывали привилегии, особенно самоуправление, путем острой борьбы, подчас длительных гражданских войн.

Различия в методах и результатах коммунального движения зависели от конкретных условий. Отсутствие сильной центральной власти позволяло самым развитым, богатым и населенным городам добиваться наиболее полных из возможных тогда свобод. Так, в Северной и Средней Италии, в Южной Франции уже в IX–XII вв. города добивались положения коммуны. В Италии коммуны сложились уже в XI в., и некоторые из них (Генуя, Флоренция, Венеция и др.) стали фактически городами-государствами и своего рода коллективными сеньорами: их политико-судебная власть распространялась на сельские поселения и мелкие города в радиусе десятков километров (область-дистрикты). Самостоятельной коммуной-республикой с XIII в. был далматинский Дубровник. Боярско-купеческими республиками с огромной подвластной территорией стали к XIV в. Новгород и Псков; власть князя ограничивалась выборным посадником и вече. Города-государства обычно управлялись советами из числа привилегированных горожан; некоторые имели выборных правителей типа монарха.

В итальянских независимых городах в XI в., а также в южнофранцузских в XII в. развились такие органы самоуправления, как консулы и сенат (их названия заимствованы из античной традиции). Несколько позднее стали коммунами некоторые города Северной Франции и Фландрии. В XIII в. городские советы образовались в городах Германии, Чехии, Скандинавии. Во Франции и Германии коммунальное движение приняло особенно острый характер в епископских городах; оно продолжалось иногда десятилетиями (например в городе Лан), даже столетиями (в Кёльне). В других странах Европы масштабы и острота коммунальной борьбы были много меньше.

В странах с относительно сильной центральной властью города, даже наиболее значительные и богатые, не могли добиться права коммуны. Хотя они имели выборные органы, их деятельность контролировалась чиновниками короля, реже иного сеньора. Город платил регулярные городские и зачастую необычные государственные подати. В таком положении были многие города Франции (Париж, Орлеан, Бурж и др.), Англии (Лондон, Линкольн, Йорк, Оксфорд, Кембридж и др.), Германии (Прага, Брно) и Венгрии, королевские и панские города Польши, города Дании, Швеции, Норвегии, а также Каталонии (Барселона), Кастилии и Леона, Ирландии, большинство русских городов. Наиболее полные свободы таких городов: отмена произвольных налогов и ограничений в наследовании имущества, свой суд и самоуправление, экономические привилегии. Под контролем государственных и столичных чиновников находились города Византии; они не добились широкого самоуправления, хотя и имели собственные курии.

Важнейшим общим результатом коммунального движения в Европе оказалось освобождение горожан от личной зависимости. Установилось правило, что убежавший в город крестьянин становился свободным, прожив там год и день (иногда и шесть недель). «Городской воздух делает свободным», – гласила средневековая пословица. Однако и этот прекрасный обычай не был всеобщим. В Византии, на Руси он не действовал. Итальянский город-коммуна охотно освобождал крестьян-беглецов из чужих дистриктов, но вилланы и колонны из собственного дистрикта этого города освобождались лишь через 5–10 лет городской жизни, а сервы не освобождались совсем. В некоторых городах Кастилии и Леона беглый серв, обнаруженный господином, выдавался ему.

Наиболее впечатляющими успехи горожан в борьбе с сеньорами оказались в Западной Европе, где сложились особый политико-правовой статус горожан, специфический характер их землевладения, определенные полномочия и права в отношении сельской округи. В подавляющем большинстве русских городов эти черты отсутствовали. Общие итоги коммунального движения для европейского феодализма трудно недооценить. В ходе его окончательно сложились городской строй и основы

городского сословия средневековья, что стало заметным рубежом в дальнейшей городской и всей общественной жизни континента.

Производственную основу средневекового города составляли ремесла и промыслы. На юге Европы, особенно в Италии, отчасти Южной Франции ремесло развивалось почти исключительно в городах: их раннее развитие, густота сети, мощные торговые связи делали нецелесообразными ремесленные занятия в деревне. Во всех других регионах даже при наличии развитых городских ремесел сохранялись и сельские – домашние крестьянские и профессиональные деревенские и домениальные. Однако повсюду городское ремесло занимало ведущие позиции. В городах работали десятки и даже сотни ремесленников одновременно. Только в городах достигалось наиболее высокое для своего времени разделение ремесленного труда: до 300 (в Париже) и не менее 10–15 (в мелком городе) специальностей. Только в городе имелись условия для совершенствования мастерства, обмена производственным опытом. В отличие от крестьянина городской ремесленник был почти исключительно товаропроизводителем. В своей личной и производственной жизни он был гораздо более независим, чем крестьянин и даже сельский ремесленник.

Важнейшим видом городской деятельности была торговля. Со складыванием городского строя все центральные функции в сфере товарообмена перешли к городам. Горожане, продавая продукт своего труда, услуги или рабочие руки, одновременно приобретали на рынке преобладающую часть необходимых жизненных средств. Город с его крупными сооружениями, портом и рынком, оборонительными функциями, коммунальными делами был крупным заказчиком для торговцев, ремесленников, рабочих. Широкий слой непродовольственного населения (господ, чиновников, солдат) и государственные учреждения также создавали значительный рынок сбыта. Преимущественно в городах сбывались продукты крестьянских и домениальных (дворянских, церковно-монастырских, коронных) хозяйств и закупались необходимые для них предметы.

Именно в городах происходил обмен продуктов «всех со всеми». В городе сформировались такие формы и атрибуты товарообмена, как собственно рынок – регулярное торжище, собирающееся в определенные дни, иногда ежедневно, на особой площади, а также периодические, обычно сезонные, ярмарки; оба эти вида торжищ имели особенно строгую правовую защиту. Так было почти во всех городах уже с XI–XII вв. Местами торговых сделок служили также лавки и ремесленные мастерские, порт или причал. По всему городу бродили разносчики товара. Торговлей в той или иной мере было занято почти все население городов. Вполне закономерно, что не только городские хартии и статуты, но и государственное законодательство очень большое место отводили

организации торговли теми или иными товарами, чеканке монеты, торговым привилегиям отдельных категорий жителей, пошлинному режиму – важному источнику казенных доходов.

Складывание относительно стабильных государств, укрепление границ между ними значительно продвинули размежевание между внутренней и внешней торговлей. Однако при нечеткости политических границ, экономическом сепаратизме и элементарном состоянии внутренних связей, при сословно-корпоративной системе как бы внешними в отношении друг друга оставались также рынки разных районов и даже соседних городов. Поэтому товарные связи различались преимущественно по характеру торгового ассортимента: предметы повседневного спроса имели хождение в ближней и местной торговле, а товары редкого спроса и высокой цены были характерны для дальней торговли. Соответственно различались размеры сделок, а также пути и средства сообщения. В период развитого феодализма дальняя, транзитная торговля все еще играла более заметную роль не только по объему и общей стоимости, но и благодаря редкости своего ассортимента, высокой прибыли, значительному общественному весу занятых в ней лиц и вниманию со стороны властей.

Межрегиональная торговля была сосредоточена в основном в трех связанных между собой зонах. В южной торговой зоне действовали давние и тесные связи между северным, восточным и южным побережьями Средиземного моря, между Средиземноморьем и Черноморьем, между Крымом, Кавказом, Малой Азией. Эта зона по-прежнему связывала европейские Юг и Запад – Испанию, Южную и Центральную Францию, Италию, Византию и их черноморские колонии (как между собой, так и со странами Востока, прежде всего с арабами). С конца раннего средневековья, но особенно в связи с крестовыми походами первенство в торговле перешло к купцам Генуи и Венеции, Барселоны и Марселя, увеличилась интенсивность торговли в западном направлении. Главными товарами были ввозимые с Востока предметы роскоши, пряности, шафран и другие красители, лекарства, ароматические вещества, драгоценная древесина, квасцы и др., но также местное зерно, вино и фрукты (в том числе сухие). На Восток вывозились, помимо таких товаров, как металлы, сукна, янтарь и др., также рабы, торговля которыми на европейских рынках имела место и в XV в. К концу периода ассортимент товаров в этом районе заметно расширился, постепенно включив многие предметы местного производства, в том числе повседневного спроса: иголки, ножи, проволоку, шпory и шляпы, белье. Другая зона европейской торговли охватывала Балтийское и Северное моря, Северо-Восточную Атлантику. В ней принимали участие северо-западные области Руси (особенно Новгород, Псков и Смоленск), Прибалтика (Рига, Ревель), Северная Германия, Дания, Норвегия и Швеция, Фландрия,

Брабант и Северные Нидерланды, Северная Франция и Англия. Значение этой зоны в европейском товарообмене в период развитого феодализма непрерывно увеличивалось. Там торговали преимущественно товарами более широкого, в том числе хозяйственного назначения: рыбой, солью, мехами, шерстью, сукнами, льном, пенькой, воском, смолой, канатами, лесом (особенно корабельным), металлами и изделиями из них, с XV в. – зерном.

Регулярные связи между двумя зонами международной торговли осуществлялись через альпийские перевалы, а затем по Рейну, где все города были втянуты в транзитную торговлю. Большую роль в международном товарообмене получили крупные ярмарки, широко распространившиеся во Франции, Италии, Германии, Англии с XI–XII вв. Там велась оптовая торговля товарами повышенного спроса: шерстью, кожей, сукном, шелковыми и льняными тканями, металлами, оружием, зерном. В XII–XIII вв. на ярмарках во французском графстве Шампань, длившихся почти круглый год, встречались купцы из Венеции и Генуи, Фландрии и Флоренции, Англии, Франции, Германии, Скандинавских стран и Чехии. В XIV–XV вв. общеевропейским центром ярмарочной торговли стал Брюгге (Фландрия). В каждом регионе и районе действовали свои местные ярмарки.

Серьезное значение для европейской и евроазиатской торговли имела Волжско-Каспийская зона. Связь с ней осуществлялась либо через Византию, Мраморное море и Черноморскую водную систему, либо через Западную и Восточную Русь, затем по Волге, хотя ордынское иго, тяготевшее над Русью, а затем турецкое завоевание Балкан создали на этом маршруте значительные препятствия. В XV в. торговля по Волге достигла подлинно широкого размаха, там выросли большие торговые города: Нижний Новгород, Казань, Сарай, Астрахань. На крупных лодках-ушкуях доставляли в Золотую Орду русские меха, седла, мечи, балтийский янтарь, фландрские и английские сукна и другие западноевропейские и византийские товары; часть этих товаров попадала в Среднюю Азию и дальше, на восток. Постоянные торговые связи существовали между Восточной Европой и Византией, Крымом. Крымские генуэзские (Сурож-Судак и Кафу-Феодосию) и византийские (Херсонес) колонии связывали итальянские города и Русь, а также Литву и другие балтийские страны, куда через русских купцов попадали и многие крымские товары. Еще в XII в. зафиксированы встречи на волжских ярмарках русских и испанских купцов. Активизация дальней торговли шла рука об руку с развитием путей и средств сообщения. Увеличилось число верфей. Сухопутные дороги в развитых странах Европы к концу периода превратились в довольно густую сеть, хотя оставались большей частью немоощными и в «мокрые» сезоны малопроездными. Во Франции строятся королевские дороги, на которых действует курьер-

ская почта. Развитие корабельного транспорта и сухопутных дорог ускорило перевозку грузов и доставку коммерческой информации, позволило увеличить массу перевозимых товаров, приблизило к рынкам глухие углы. Почти нет сведений о местной торговле того времени – между городом и окружающими деревнями и вотчинами, между соседними районами, – в которой реализовались наиболее повседневные, хозяйственные и социально значимые рыночные связи. «Дирижером» местной торговли также выступал город. Продовольственные нужды городов и потребности в сырье были важным стимулом развития их связей с деревней. Большинство городов в то время вообще вырастало и функционировало, прежде всего, в рамках локальных товарных отношений, в которых были заинтересованы все слои местного общества. Базой внутреннего обмена в Европе стали также деревенские рынки и ярмарки, которые умножались начиная с XIII в., особенно там, где были развиты сельские ремесла и промыслы: в Англии, на Руси, в Скандинавских странах, ряде районов Германии.

Значительный интерес представляет социальная характеристика феодального рынка, т.е. классовая и сословная принадлежность торгующих лиц. Она претерпела серьезные изменения: расширилась категория профессиональных торговцев. Но их число в общем составе торгующих лиц оказалось в масштабах общества небольшим. Основную массу товаров сбывали либо те, кто их производил, т.е. сами ремесленники и крестьяне, вольные рудокопы, рыбаки, углежоги, либо сеньоры, которые отправляли на рынок излишки натурального оброка или продукты со своего домена. В то же время многие лица из разных сословий подрабатывали торговлей: моряки сбывали контрабанду, крестьяне брались за мелкую перекупку товара, монастыри и светские господа заводили свои лавки и корабли. Не отставали и члены королевских семей. По мере развития феодализма и роста всеобщего разделения труда торговля становилась все более важной сферой общественных связей эпохи. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что при неразвитом товарном производстве «именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю». Торговля создавала прочные экономические связи между различными отраслями производства и внутри них, между отдельными хозяйственными единицами и районами, между городами, деревнями, промыслами. Вслед за производством торговля оказывала воздействие и на тип присвоения. Являя собой «общественный обмен веществе», она относилась к важнейшим факторам развития.

Но масштабы средневековой торговли, конечно, нельзя преувеличивать. Ее торжество господство натурального производства, неразвитость техники обмена, средств и путей сообщения, сословные рогатки, местная разобщенность, а также беззакония господ и феодальный сепар-

ратизм. Знатные рыцари и сами короли не брезговали грабежом купеческих караванов. На море бесчинствовали многочисленные пираты, на суше – разбойники. При переезде из владения одного феодала во владения другого (не говоря уже о пересечении государственных границ, прибытии в чужой порт и т.п.) с купцов взимались всякого рода пошлины: дорожные и мостовые, речные и привратные, весовые и др. Тем не менее, постепенный рост товарно-денежных отношений, расширение обмена создавали возможность накопления денежных средств и способствовали возникновению денежного рынка. Это, прежде всего, операции по обмену денег, необходимые из-за бесконечного разнообразия монетных систем и монетных единиц, поскольку деньги тогда чеканили не только императоры и короли, но и все сколько-нибудь видные сеньоры, в том числе епископы, а также многие города. Для установления ценности той или иной монеты, для обмена одних монет на другие обращались к менялам, которые занимались также переводом денежных сумм (разновидностью кредитных операций) и ростовщичеством. Кредитно-ссудные операции получили в европейском обществе, особенно с XIII в., значительный размах, во-первых, в связи с разорением многих тружеников города и деревни, а во-вторых, с торговлей. Купеческий кредит особенно развился в сфере транзита и оптовых сделок. Расширение денежных операций привело к созданию специальных банковских контор. Впервые они возникли в Ломбардии; поэтому в средние века слово «ломбардец» было синонимом банкира и ростовщика (и сохранилось в наименовании ломбардов). Крупнейшим ростовщиком была католическая церковь, и прежде всего римская курия, куда стекались огромные средства из многих стран Европы.

В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики. Элиту составляли собственно купцы – богатые «гости», разъезжавшие по разным городам и странам. Купцы столичных городов – Константинополя, Лондона, Парижа – и больших портов обычно подавляли купцов провинциальных городов, даже крупных.

Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными и корпоративными связями; к ней подключались и бюргеры из других городов, иногда далеких. Особенно характерно это было для так называемых торговых домов – семейных купеческих компаний. Совладельцы такой компании (родичи и свояки) организовывали конторы в других городах, где действовали сами или через агентов-факторов. Новой формой купеческих объединений стали морские охраняемые караваны – конвои. Широко распространились издавна известные паевые купеческие товарищества (компаньонами, складничества, коменды), а также объединения купцов одного города – гильдии. Нередко в городе было несколько гильдий, куда входили купцы, путешествующие в одно место или с одинаковым товаром: например, сукон-

щики во Флоренции и Нидерландах или русские «гости-сурожане». Торговые гильдии, как и ремесленные цехи, добивались для своих членов монопольных привилегированных условий в торговле, оказывали помощь в случае гибели товара, пленения, болезни или смерти купца. Они добивались для себя правовой защиты в чужих странах. В Барселоне уже в XIII в. возник институт торговых консулов, которых специально для защиты торговых интересов и купцов своей страны направляли в Византию, Александрию, Сирию, на Сицилию; к концу XV в. резиденции барселонских консулов были уже в 50 средиземноморских портах. Тогда же в Барселоне появилась морская биржа, где заключались контракты. К концу периода почти во всех странах возникли элементы протекционизма: запрет перевозить свои товары на иностранных судах и ввозить товары, конкурирующие с местными, установление таможенных льгот для своих купцов и т.п. Неприкосновенность жизни, чести и имущества купцов, в том числе иноземцев, обычно гарантировалась городом и государством. Иногда объединялись все купцы нескольких городов. Самым значительным объединением такого рода в средневековой Европе была знаменитая Ганза – торгово-политический союз купечества многих североευропейских городов. Ганза (наименование употреблялось с 1358 г.) созывала собрания их представителей – ганзетаги, имела свой флот, объявляла войну и мир, вмешивалась в дела всех балтийских стран и вела активную борьбу за преобладание на Балтийском и Северном морях. Ганза возникла в середине XIII в. как антипиратский союз купечества 60 городов Северной Германии во главе с Любеком, а к началу XV в. объединение насчитывало несколько сотен немецких и западнославянских городов и делилось на несколько филиалов: прусский во главе с Данцигом (Гданьском), рейнский – с Кёльном и др. Наибольшую роль играла вендская Ганза во главе с Любеком, позднее Гамбургом, которая держала в своих руках торговлю в Северной Европе до начала XVI в. Ганза имела колонии, конторы, склады, портовые сооружения, церкви во многих городах Европы: Амстердаме и Брюгге, Лондоне и Новгороде, Висбю, Стокгольме, Риге, Бергене и др. Она значительно расширила рыночные отношения в северной торговой зоне. В течение XI–XV вв. торговля в целом способствовала экономической эволюции европейского общества. Но рынок оставался феодально ограниченным: он охватывал лишь небольшую часть производимых продуктов и рабочих рук, мало включал в оборот земельную собственность; отличался корпоративной узостью, раздробленностью, обилием личных связей, господством местных интересов и привилегий, неотделенностью торгово-профессиональных функций. Городское сословие оформилось в ходе коммунальных движений, когда в борьбе с сеньорами население городов обнаружило единство главных интересов. Затем новое сословие укреплялось по мере роста ремесленно-торговых слоев, расширения

экономической, финансовой мощи городов. И деятельность, и собственность сословия горожан (несравненно большие, чем другие виды средневековой деятельности и собственности) были связаны с товарными отношениями. В социальной и политико-правовой сферах сословие горожан занимало как бы промежуточное положение между господствующим классом (сословиями светских и церковных феодалов) и постепенно формировавшимся в сословие или сословную группу классом феодально-зависимого крестьянства. Горожане пользовались рядом специфических привилегий: личной свободой, особым (городским) держанием, подсудностью городскому суду, подвластностью городскому управлению, правообязанностью участвовать в городском ополчении и самообложении; наконец, горожане ряда стран участвовали в сословно-представительных учреждениях. В то же время сословие горожан оставалось неравноправным по отношению к высшим сословиям; оно несло государственное тягло и считалось «неблагородным» в рамках корпоративного феодального общества.

Уже в XII–XIII вв., когда горожан по всей Европе стали именовать мещанами, бургензес, ситизенс (от слав. «място», герм. «бург», романского «ситэ» – город), термин бюргер означал лишь полноправных горожан, «граждан города». Прочее городское население не включалось в это понятие.

Полноправными, т.е. бюргерами, были только те жители городов, которые получили по наследству либо приобрели городское гражданство, пользовались всей полнотой городских привилегий: правом на жительство, на угодья городской общины, ее покровительство в делах и в случае нападения, приобретение недвижимости, участие в управлении городом. Для приобретения прав бюргера нужно было обладать личной свободой, заплатить значительный вступительный взнос, доказать способность нести тягло (городу и государству) и участвовать в городских платежах, а также приобрести в городе или его субурбии землю, иметь имущество не ниже определенной стоимости, позднее стать членом гильдии или цеха. Повсеместно полным правом в городе могли пользоваться лишь относительно зажиточные люди и, во всяком случае, те, кто, согласно тогдашней формуле, «сам себя содержал». Неполноправную часть городского населения составляли неимущие люди, доля которых в общем его составе все время увеличивалась.

Городское плебейство первоначально состояло преимущественно из деклассированных лиц, лишенных постоянного местожительства и определенных занятий. На первом этапе развитого феодализма сюда попадали неорганизованные наемные рабочие, поденщики и слуги, беглые крестьяне, рабы и холопы, нищие, в балканских городах – зависимые парики. Постепенно плебс стал пополняться за счет основного, ремесленно-промышленного, слоя городов: «вечных» подмастерьев и уче-

ников, обедневших мастеров, представителей непрестижных профессий. Городские плебеи подвергались особенно жестокому внеэкономическому нажиму: ограничению личных прав, принуждению к труду по найму (в XIV–XV вв. – согласно «рабочему законодательству»), регламентации зарплаты и образа жизни. Во второй период развитого феодализма грань между плебсом и собственно бюргерством стала практически непреодолимой. И если бюргерство дало начало первым элементам буржуазии, то городской плебс – предпролетариату.

Изначальной особенностью городской элиты по всей Европе было широкое представительство в ней феодалов и министриалитета. Процесс взаимного проникновения части дворянства и бюргерской элиты, одворянивания последней, начавшийся еще в XII–XIII вв., усиленно продолжался затем на протяжении всей эпохи. Феодалы занимали высшие городские должности, входили в привилегированные бюргерские сообщества. Все купцы – члены патрицианского Большого совета Венеции – были крупными землевладельцами-вотчинниками, имели звания «благородных купцов» и рыцарей, превращали свои земли в феоды. В Кастилии высшие городские должности в XIII–XIV вв. принадлежали титулованным дворянам. В Германии богатейшие патриции ганзейских городов, узурпировавшие все магистратуры, владели целыми деревнями, держали феоды от крупных сеньоров. В городах Византии господствующее положение занимала светская, чиновная и церковная знать. Преобладающее влияние феодалов-горожан и горожан-феодалов было отличительной чертой всех южноевропейских (испанских, итальянских, французских, балканских) городов. Так же обстояло дело с патрициатом на Руси (в том числе в Новгороде и Пскове), в Швеции и Дании, да и по всей Европе. Иногда значительную часть городской элиты и цеховую верхушку составляли иностранцы: в польских, чешских, скандинавских городах – немцы, в словенских – немцы и итальянцы, в далматинских – итальянцы и т.д. Нередко городские богатеи даже говорили на другом, нежели местные жители, языке, носили иные имена, подчас исповедовали иную религию. Все это вызывало глубокое недовольство прочих горожан.

С выделением патрициата последние превратились в простолюдинов – пополанов, «меньших», «тощих» и т.п. В этот слой входили цеховые ремесленники, средние и мелкие торговцы, владельцы земли и домов, шкиперы, нотариусы, врачи, университетские профессора. Они отнюдь не были бедными людьми, так как обладали профессией, движимым и недвижимым имуществом, включая землю в городе и его округе.

Постепенно в социальной борьбе горожан наступил новый этап. Если в коммунальном движении горожане сообща выступали против сеньора, то теперь центр социального антагонизма переместился внутрь

городов. Торгово-ремесленная прослойка бюргерства начала выступать против патрициата, стремясь получить доступ к власти в городах. Данный этап социальной борьбы средневековых горожан обычно связывают с борьбой цехов против патрициата, хотя она происходила и в городах с так называемым свободным ремеслом и вообще получила в Европе XIV–XV вв. почти повсеместное распространение, именно цеховые ремесленники довели ее до наибольшего накала, наивысших форм и результатов. Там, где ремесленное производство получило большое развитие и занимало ведущее место, где имелись сильные цехи, обычно они побеждали (Кёльн, Аугсбург, Флоренция). В других городах, где ведущую роль играла широкая экспортная торговля, победителем из борьбы выходила купеческо-патрицианская верхушка (Гамбург, Любек, Росток и другие города Ганзы, Венеция, Генуя). Иногда патрициат допускал к власти самую богатую часть ремесленной верхушки. Но и там, где цехи одерживали полную победу, управление городом не становилось подлинно демократическим, т.е. власть оказывалась в руках новой олигархии – представителей наиболее влиятельных цехов и части старого патрициата, – которая также отражала интересы городской элиты.

Социальная борьба внутри бюргерства принимала разные формы. Так, в Византии вооруженные дружины провинциальных городов выступали против опеки Константинополя. Восстания посадских людей против власти и кабалы бояр и крупных купцов прокатились в XIV–XV вв. по русским городам (Кострома, Нижний Новгород, Торжок, Великий Новгород, Брянск). Борьба против патрициата нередко смыкалась с еретическими выступлениями: это известное движение богомилов на Балканах, катаров в Южной Европе (одно из последних восстаний – в Сплите, 1398–1402 гг.), восстания в Новгороде (1337, 1340 гг.) и др. Особенно острый характер борьба против патрициата принимала тогда, когда она сочеталась с национально-освободительным движением: против засилья немцев (в Праге и Вроцлаве в 1333 г.; в Праге в 1419 г. и др.), золотоордынского ига (в XIV в. – в Ростове, Ярославле, Твери, Москве) и др. В борьбе против патрициата активное участие всегда принимали городские низы. В XIV–XV вв. городской плебс нередко при участии низших групп бюргерства поднимал восстания против нового патрициата (в Перудже, Сиене, Кёльне и др.). На этом третьем, плебейском этапе социальной борьбы горожан впервые прозвучал голос предпролетариата (восстание чомпи во Флоренции в 1378 г.). Городские низы в эти же столетия приняли участие в ряде общенародных восстаний: Уота Тайлера в Англии, французской Жакерии, в Гуситских войнах в Чехии, восстании Энгельбрекссона в Швеции и др. Одновременно высшие группы бюргерства включались в государственное управление: в ряде стран они играют заметную роль в сословно-представительных собраниях, где имеют свою палату, либо действуют совместно с рыцарями

или верхушкой крестьянства. Таким образом, сословие бюргерства заняло важное место в жизни феодального общества как его органичный структурный элемент. Оно было связано с прочими слоями не только через производство, торговлю, кредит, но и через господствовавшую в ту эпоху земельную собственность, а также через тесные контакты между городской элитой и господствующим классом, между всеми группами населения города и деревни. Оно участвовало в политической жизни общества, в представительных учреждениях, вместе с деревней часто оказывалось подвластным общему сеньору, иногда города сами осуществляли сеньориальную власть над прилегающей сельской округой. Конституирование горожан как общности происходило подобно всем феодальным сословиям в форме корпоративных привилегий и «свобод». Еще более, чем прочие феодальные сословия, бюргерство было социально гетерогенным, делилось на ряд групп по профессиональному, имущественному, политико-правовому принципу. Разобщенность усиливалась из-за преобладания локальных интересов городов, соперничества и войн между ними. Все это затрудняло совместные выступления бюргерского сословия в масштабах каждой страны. Однако хозяйственная, денежная, военно-стратегическая сила горожан была важнейшей опорой государственной централизации в масштабах целых стран или на княжеско-территориальном уровне. Заинтересованность горожан в мире, законности и порядке делала их верными союзниками неверных монархов, которые позволяли бюргерству оплачивать свои долги и военные авантюры, но далеко не всегда защищали их от притеснений феодалов.

Успехи внутренней и внешней торговли, кредита и ростовщичества в Европе XIV–XV вв. способствовали накоплению в руках купеческой и ростовщической верхушки горожан значительных денежных средств и образованию древнейших свободных форм капитала – торгового и ростовщического. В обстановке начавшегося замыкания цехов и разложения цехового ремесла торговый капитал получил возможность постепенно внедряться в сферу производства. Во многих крупных городах купцы приобретали оптом сырье и раздавали его обедневшим ремесленникам, а затем скупали у них готовые изделия для продажи на рынке, превращая их таким образом в кустарей, т.е. наемных рабочих-надомников. Подобная «раздаточная система» вела в перспективе к ранним, примитивным формам капиталистического производства – расseyанной мануфактуре.

В ряде стран Европы эта система в XIV–XV вв. уже проникла в крестьянское домашнее ремесло. При этом крестьянин превращался в наемного рабочего с земельным наделом – характерную фигуру раннекапиталистического производства. В Германии прядением и ткачеством на городских раздатчиков-скупщиков были заняты многие крестьяне в

округе городов Ульм, Констанц, Аугсбург, Мемминген, Равенсбург, Сен-Галлен. В самих этих городах производилась лишь отделка деревенских тканей, целиком же изготовлялись только лучшие сорта. Напротив, в прославленном сукноделии, развившемся по Среднему Рейну, в деревне допускалось лишь прядение, а основные стадии производства сосредоточились в городах. Раздаточная система была широко развита в Восточной Англии, вокруг некоторых городов Северной Франции.

В Италии и Фландрии она в период развитого феодализма порожидала раннекапиталистические отношения. Компания флорентийских суконщиков из старших цехов Лапа, Калимала, Сета уже в XIV в. широко привлекала к работе бедных крестьян окрестных деревень в качестве прядильщиков и ткачей, но еще в большей степени городских бедняков, разорившихся мастеров, представителей плебса. Не ограничиваясь раздаточной системой, они создавали даже централизованные небольшие (по несколько десятков рабочих) предприятия мануфактурного типа. Первые ростки капитализма в XIV в. появились во Флоренции и некоторых других городах Тосканы. Тогда же в текстильное производство городов Фландрии и Брабанта в качестве раздатчиков и скупщиков стали внедряться цехи суконщиков, а в XV в. там тоже стали возникать как рассеянные, так и централизованные мануфактуры. В Голландии, где ранние мануфактуры стали развиваться с начала XV в. на основе эксплуатации разорившихся крестьян пригородных деревень, борьба городских корпораций за монополию в конце того же столетия задавила деревенское мануфактурное производство, что привело к упадку всю отрасль.

В других странах, в частности в Англии и в Германских землях, раздаточная система гораздо медленнее разъедала цеховую и порожидала мануфактуры. Ее массовое развитие, в основном в форме рассеянной мануфактуры, относится лишь к концу XV в., причем оно происходило не только в городах, но и деревне, где не было цеховых ограничений.

Раннекапиталистические отношения в Европе XIV–XV вв. возникли лишь спорадически. Раньше всего и в более широких масштабах они наблюдались в самых крупных центрах и в отдельных, наиболее развитых отраслях производства (особенно в сукноделии). Но они в большей или меньшей мере вовлекали в сферу своего действия и другие производственные отрасли: как крестьянские промыслы (добыча соли, торфа и камня-песчаника, изготовление веревок и парусов, лесопильное дело), так и городские ремесла (судостроение, книгопечатание, монетное и пушечное дело). Важную роль в зарождении капиталистических отношений сыграло в конце XIV и особенно в XV в. передовое горно-металлургическое производство в немецких, чешских, венгерских и шведских землях. В него вкладывались большие капиталы, там активно

происходил процесс превращения ранее самостоятельных вольных рудокопов и мастеров-металлистов в наемных рабочих.

Однако раннекапиталистическая мануфактурная организация производства в масштабах континента и отдельных стран оставалась редкой даже в XVI в. Развитие новых явлений раньше, быстрее и успешнее всего происходило в тех странах и отраслях, где имелся емкий внешний рынок сбыта, побуждавший к расширению производства и допускавший его расширение, совершенствование, вложение новых капиталов. Появление мануфактур еще не означало складывания нового капиталистического уклада в рамках всего общества. Даже в крупных городах значительная часть капиталов, созданных в торговле, ростовщичестве и самом мануфактурном производстве, вкладывалась не в расширение последнего, не в коммерческие предприятия, а в приобретение земли и дворянского статуса. Феодальная система и здесь оставалась еще господствующей.

4.10. Формирование слоя постоянных платных рабочих

Захват власти новой аристократией вызывает отпор со стороны демократических слоев города, к которым принадлежали мелкие мастера и подмастерья. В XIV–XV вв. в большинстве стран Европы происходит замыкание цехов. Цеховые мастера объединяются в замкнутые корпорации, затрудняя всячески доступ в нее подмастерьям. Из демократической организации, из организации мелких мастеров цех превращается в закрытую корпорацию, которая использует старые цеховые монополии, для того чтобы обогащаться за счет эксплуатируемых подмастерьев. Подмастерья превращаются теперь в постоянных платных рабочих и, как правило, уже не могут стать мастерами. При этом работа в мастерской ложится в основном на подмастерьев. Мастер сохраняет за собой, главным образом, руководство производством. Так, в XI–XV вв. в ремесле начали выделяться подмастерья как постоянные платные рабочие. Со времени крестовых походов европейская торговля сделала большие успехи. В изучаемый нами период имелись два основных района этой торговли. Один из них – Средиземное море – связывал западноевропейские страны с Востоком. С Востока, главным образом, ввозились предметы роскоши и пряности, в частности перец, на которые был большой спрос в Европе. Европейские торговцы со своей стороны, отправляясь на Восток, везли с собой уже не только сырье, но и некоторые предметы европейской индустрии, например сукно. В этой торговле главную роль играли венецианцы, генуэзцы, пизанцы, а также купцы южной Франции и Каталонии. Борьба с феодальными сеньорами и условия средневековой торговли заставляли купцов объединяться в особые организации, гильдии, или ганзы. Иногда ганзы отдельных городов объединялись в

союзы для охраны своих торговых привилегий. В XIII в. купцы фландрских городов во главе с купечеством Брюгге объединились в ганзу для торговли с Англией. В XIV в. сложилась знаменитая Северонемецкая ганза.

Надо отметить еще одно обстоятельство, крайне осложнявшее средневековую торговлю. Не только каждый император или король чеканил свою монету, это делал и каждый сколько-нибудь крупный город, сеньор, епископ. Благодаря этому возникало большое количество монетных систем. К тому же многие феодалы, имевшие право чеканить монету, выпускали низкопробную монету с целью наживы. Для того чтобы разобраться в этих монетных системах, чтобы отличить низкопробную монету от полноценной, создавалась особая профессия менял, занимавшихся разменом монеты и ее оценкой. Всякая сколько-нибудь крупная денежная сделка могла произойти лишь при их посредстве. Менялы постепенно становятся банкирами. Наряду с операциями по размену они занимались также и операциями по переводу денег. Так как в то время обращалась, главным образом, серебряная и медная монеты, то перевозка денег представляла сложное и небезопасное дело. Для того чтобы купец из Италии, отправлявшийся, например, на шампанскую ярмарку, мог произвести закупку товаров, ему надо было везти через Альпы целые тюки с деньгами. В связи с этим создавалась особая операция – перевод денег, которым занимались в основном итальянские менялы. Приняв известную сумму денег от купца, отправлявшегося на ярмарку в Шампань, они поручали своему агенту на этой ярмарке выдать купцу соответствующую сумму по предъявлении расписки или квитанции. Подобного рода операции по переводу денег сливались с операциями по кредиту. Так стали возникать банки.

4.11. Венеция

Венеция – королева Адриатики, восхитительный и уникальный по красоте и архитектуре город. Город построен на 117 маленьких островах, которые соединяются 409 мостами. В общей сложности в Венеции 150 каналов, из которых самым широким и красивым является Большой канал.

Острова Венецианской лагуны были основаны в период варварских набегов V–VI вв. н.э., когда люди, населявшие область Венето, искали убежище от варваров в этой болотистой местности, где сейчас находится город и его окрестности. Вынужденные переселенцы строили «водяные» деревни на деревянных плотках. Эти плоты до сих пор составляют основу некоторых венецианских дворцов. Официальным днем основания города является 25 марта 421 г. Основное поселение было сосредоточено на Rivo Alto (позже ставшее известным как Rialto), самой высо-

кой точке в лагуне, и Венеция постепенно превращалась в республику. Эта область поддерживалась Византийской империей, сформировавшейся из Восточной Римской империи, а первый из 118 дож был выбран в 697. Название города неразрывно связано с апостолом Марком, мощи которого были привезены купцами из Александрии в 828 г. Мощи Святого Марка были помещены в Собор Св. Марка, построенный в 1094 г. и являющийся до сих пор главной достопримечательностью Венеции.

Республика *Serenissima* (так называлась Венецианская область) обеспечивала судами Первый Крестовый поход, организованный Папой Урбаном II, который заключался в насилии и грабеже Иерусалима и Византийской империи. Трофеи этого похода украшают Собор Св. Марка и многие венецианские дворцы.

Быстрое возрастание могущества Венеции не прошло незамеченным среди ее городов-конкурентов, в особенности другим портом Генуей. Несмотря на множество сражений и мирных договоров, эти два флота продолжали преследовать друг друга в Средиземном море до окончательной победы в Венеции в 1380 г. Господство Венеции как торгового города начало особенно процветать с захватом турками Константинополя в 1453 г. Венецианские купцы славились по всей Европе.

Однако Республика *Serenissima* постоянно подвергалась нападению все более крепнущей Османской империи. Турки захватили принадлежащие республике острова Крит в 1669 г. и Кипр в 1570 г. Венеция не имела ни денег, ни возможностей, чтобы содержать флот и армию для противостояния главному противнику. К тому же чума скосила около трети населения. Упадок Венеции продолжался вплоть до захвата города Наполеоном в 1797 г. и последующей передачи Венеции в руки австрийцев.

Австрийцы не смогли вызвать признание венецианцев, и к 1848 г. город присоединился к списку мятежных городов. Движение за объединение Италии быстро захватило Венецию, и она присоединилась к Итальянскому королевству в 1866 г.

4.12. Лондон

Сити Лондона вырос на самом незавидном месте, на сыром кома-рином болоте. Однако это место было важной для римлян переправой через реку Темзу, и вскоре здесь образовался торговый центр. Королева Боудикка и ее племя Исени (из района, который теперь называется Норфолк) разрушили Лондиниум в 61 году н.э., но вскоре город был заново отстроен и превратился в столицу провинции Британния. В городе появилась великолепная базилика (ратуша), прекрасный дворец, форт и храм. Это была, безусловно, процветающая колония. Только примерно в 200 году н.э. римляне возвели вокруг города оборонитель-

ные стены, остатки которых все еще можно видеть недалеко от Музея Лондона на улице Лондон Уолл, 150, а также с северной стороны Тауэра.

К 410 году н.э. западная часть Римской империи развалилась и ее войска покинули Англию. Город превратился в развалины, но к IX веку он снова стал процветать, хотя регулярно подвергался набегам викингов.

Тауэр Лондона. В 1066 году норманны вторглись в страну, и Вильгельм Завоеватель построил мощную крепость (сегодня известную как Белый Тауэр) для покорения свирепого населения. Ричард I «Львиное Сердце» и Эдуард I еще более укрепили крепость, построив стены с башнями бастиона. До XVII века Тауэр был укрепленным королевским дворцом, но затем здесь появились зверинец, монетный двор, обсерватория, арсенал, там хранился государственный архив и содержались государственные преступники. В настоящее время в крепости находятся Королевский арсенал и Королевские драгоценности.

О мрачном прошлом Тауэра напоминают Ворота предателей — въезд со стороны реки, через который в крепость попадали заключенные. Затем Кровавая башня, в которой молодые принцы Эдуард V и Герцог Йоркский, по слухам, были убиты их дядей около 1483 года. Позднее здесь двенадцать лет сидел в заточении сэр Вальтер Ралег. Две жены Генриха VIII, Энн Болейн и Катерина Ховард, были казнены в Зеленой башне, но самой печальной была казнь в 1554 году «девятинедневной королевы», лэди Джейн Грей.

ТЕМА 5. РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОРОДА

5.1. Проблема происхождения городов Древней Руси (X–XIII вв.)¹

Несмотря на успехи в исследовании городов домонгольской Руси (главная заслуга принадлежит здесь археологам), проблемы их сущности, становления и развития далеки от разрешения и часто предстают в искаженном свете. Что такое «город»? Каковы его функции? Уже в самих определениях понятия «город» сказался характерный для марксизма экономический детерминизм. Переоценка воздействия экономических факторов на все стороны жизни общества проявилась в понимании сущности городских центров, выделении их господствующих черт. Отсюда – попытки жестких дефиниций от самых элементарных («город как центр ремесла и торговли») до более сложных, учитывающих его полифункциональность. Для М.Н. Покровского благополучие русского города зиждилось на разбойничьей торговле: уже с XI в. он видит в нем засилье торгового, а вместе с ним и ростовщического капитала.

Для историков школы Б.Д. Грекова на первый план в развитии городов вышло ремесленное производство, что прямо вытекает из марксистского тезиса об общественном разделении труда – отделении ремесла от сельского хозяйства. По Ф. Энгельсу, отделение ремесла от земледелия способствовало переходу от варварства к цивилизации, от доклассового общества к классовому («второе крупное разделение труда»). Отсюда – появление укрепленных городов в эпоху военной демократии: «В их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию».

Объяснение появления раннесредневековых городов на Руси в итоге общественного разделения труда – пример явной модернизации в понимании экономики того времени, когда господствовало натуральное хозяйство. Продукты труда производятся здесь для удовлетворения потребностей самих производителей. Товарное производство находится в зачаточном состоянии. Внутренние местные рынки в эпоху становления городов на Руси еще не получили развития. Господствует дальняя международная торговля, затрагивавшая лишь верхи общества. Нельзя согласиться поэтому со следующей некритически воспринятой дефиницией: «Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта».

¹ Изложено на основании исследований д-ра ист. наук, проф. В.П. Даркевича.

Ведь для домонгольского времени о подобных формах угнетения смердов государственной властью не сохранилось ни одного документа: такие формы были чужды самому характеру отношений между представителями княжеско-дружинной среды и массой свободных общинников – обитателей сельских поселений. Не учитывается здесь и роль агрикультуры в городе, жители которого вели полукрестьянское существование и занимались разнообразными промыслами, как свидетельствуют археологические материалы: охотой, рыболовством, бортиничеством. При раскопках даже в крупнейших стольных городах находят лемеха плугов, мотыги, косы, серпы, ручные жернова, ножницы для стрижки овец, рыболовные крючки и грузила для сетей, медорезки. О каком прибавочном продукте, отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, например, в Старой Рязани, когда, судя по археологическим данным, она возникла веком раньше окруживших ее потом деревень? Даже в Западной Европе выход из состояния «прямого сельскохозяйственного потребления» (собственного потребления произведенного продукта) произошел не ранее середины XII в., особенно же с XIII в., когда на обширных пространствах совершался переход от домашней экономики к рыночной, рождавшейся вследствие поступления в город излишков сельского производства.

Как на Западе, так и на Востоке Европы город представлял собой сложную модель, своего рода микрокосм с концентрическими кругами вокруг основного ядра. Первый круг – садовые и огородные культуры (огороды вплотную примыкают к городскому пространству и проникают в свободные его промежутки), а также молочное хозяйство; во втором и третьем кругах – зерновые культуры и пастбища. При раскопках на территории городских дворов-усадеб находят огромное количество костей домашних животных. Места для содержания скота обнаружены как в пределах укреплений, так и вне их. Но без ремесла и торговли нельзя представить себе и жизни укрепленных общинных поселений, например роменско-боршевских городищ VIII–X вв. или городищ украинского Прикарпатья VI–X вв., о чем красноречиво говорят археологические материалы.

В этом отношении резкого антагонизма между общинными центрами и городами не существовало. Население городов, где смертность превышала рождаемость, пополнялось за счет жителей деревень. Это приводило к нивелировке материальной культуры. Разумеется, в городах трудились, кроме рядовых ремесленников, и наиболее квалифицированные мастера, владевшие сложнейшими техническими приемами. По заказам знати они изготавливали предметы роскоши, украшения и дорогое оружие: мечи, шлемы, кольчуги.

Именно с городами в первую очередь были связаны «заморские гости» – купцы, которые вели торговлю с Византией и мусульманским

Востоком, удовлетворяя потребности правящей верхушки в предметах роскоши и экзотических товарах. Только во второй половине XII – первой трети XIII в. появление технических новшеств в некоторых видах ремесла привело к выпуску массовой продукции, рассчитанной на широкий сбыт, но в пределах самого города или ближайшей сельской округи. Преувеличение роли ремесла при объяснении происхождения городов на Руси исходит из технологической модели социального прогресса и в конечном счете восходит к не оправдавшей себя теории о закономерной смене общественно-экономических формаций. Тем более, что материальные орудия обладают большей способностью выживания (в археологическом смысле), чем социальные институты и творения человеческого духа. Несмотря на все попытки, советским историкам не удалось доказать наличие в городах домонгольской Руси объединений ремесленников, подобных западным цехам.

Здесь господствовало «свободное ремесло», т.е. не организованное в особые союзы. Следовательно, отсутствовали и навыки корпоративного самосознания. Приходится отказаться и от попыток дать унифицированное определение понятию «город»: «Город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия».

В действительности в древнерусском городе столь жесткой дифференциации трудовых занятий не существовало: во многом он сохранял аграрный облик, органично вписываясь в окружающий пейзаж. Не менее уязвимо и такое утверждение: «Настоящей силой, вызвавшей к жизни русские города, было развитие земледелия и ремесла в области экономики, развитие феодализма – в области общественных отношений».

В подобных схемах налицо недооценка всех факторов развития человеческих коллективов, кроме социально-экономического. Роль городов как центров культурного строительства и созидания духовных ценностей ставится при этом на последнее место.

Теория племенных центров

В советской историографии господствовал эволюционистский подход к проблеме происхождения городов. Это позволяло искусственно отодвигать их возникновение в глубь веков (следовали, конечно, ссылки на высказывания Ф. Энгельса). Понятие племени восходит к эпохе военной демократии у древних славян на стадии разложения первобытно-общинного строя. Для этой общественной структуры, в том числе и в Восточной Европе, характерна трехступенчатая система власти: вождь-князь, наделенный военными, судебными и религиозными (жреческими) функциями, совет племенной знати («старцы градские») и народное собрание. В разговорной речи Руси племя обозначало родичей: это род-

ня, близкие, свои; их защищает сила рода, родовая месть.

В племенных «городах», объединявших территорию, занятую тем или иным племенем, где концентрировались местные власти, видят зародыши будущих крупнейших древнерусских городов, якобы складывавшихся на родоплеменной основе. Даже такой исследователь, как И.Я. Фроянов, отдал дань теории племенных центров.

«Столицы многих крупнейших княжеств, – пишет Б.А. Рыбаков, – были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей, Полоцк у Полочан, Новгород Великий у Словен, Новгород Северский у Северян». Между тем ни в одном из перечисленных Рыбаковым центров не обнаружены собственно городские слои IX в., не говоря уже о более ранних, а в Смоленске и Новгороде Северском пока не открыты отложения даже X в., несмотря на многолетние археологические исследования. Летопись упоминает «древлянские грады». Но нельзя забывать, что в древней Руси под «градами» (от «градити», т.е. строить, возводить) понимали любые укрепленные пункты. Это не отвечает понятию о средневековом городе в современной науке. Как свидетельствует «Повесть временных лет» (ПВЛ), периферийные племена или союзы племен, имевшие собственные грады, подобные древлянскому Искоростеню, отнюдь не способствовали истинной урбанизации. Напротив, их сопротивление централизаторским устремлениям киевских князей (древлян – Игорю и Ольге, вятичей – Святославу и Владимиру) тормозило ее. Доминирующая роль в племенных княжениях принадлежала поголовно вооруженному народу, организованному по-военному. Эта масса, активно влиявшая на решение своего князя и «лучших мужей», не склонна была подчиниться никакой внешней силе. Если у зарубежных исследователей теория континуитета, преемственности в развитии городов, например во Франкском государстве, связана с проблемой римского наследия и влияния античных институтов, то в построениях российских историков и археологов она или априорна, или покоится на зыбком основании: открытии на месте будущих городов раннеславянских селищ с середины I тыс. н.э. с грубой лепной посудой, а также со следами кузнечного, ювелирного и камнерезного дела. Сотни таких поселений, тяготевших к рекам и речкам (в южном регионе это поселения пражско-корчакской группы V–VII вв.), обнаружены вне возникших впоследствии городов. Утверждение исследователя Рыбакова, что уже в середине I тыс. н.э. Киев являлся центром Полянского союза племен во главе с Кием – «родоначальником династии киевских князей», который «сотвориша градок» во времена Юстиниана I, лишено каких-либо оснований. Обнаруженные археологами следы корчакских поселений на Замковой горе (Киселевке) и Старокиевской горе, открытые там же жилища VII–VIII вв., находки на киевских высотах отдельных византийских монет V–VI вв. не могут служить аргументами в

пользу существования раннегородского центра с двумя резиденциями Кия. Да на кручах над Днепром возникали общинные поселки, некоторые, возможно, и укрепленные. Но они никак не выделялись из окружающей аграрной стихии. Помпезное празднование 1500-летия столицы Украины имело скорее политическую, чем научную подоплеку. Исходя из тех же предпосылок, Чернигову насчитали 1300 лет. Умозрительный характер имеет гипотеза о возникновении Новгорода в результате слияния трех разноэтничных родовых поселков, игравших роль племенных центров (отсюда – деление на концы). Она противоречит археологическим данным, поскольку культурных слоев ранее X в. на территории не обнаружено. Основание Рязани (по Фроянову, первоначально племенного центра вятичей) произошло около середины XI века. Как показали ширококомасштабные раскопки, она возникла в результате колонизации из разных регионов Руси. У Фроянова граница между средневековым городом и весями как бы стирается, город предстает порождением сельской архаической стихии. По его утверждению, «древнейшие города, возникшие вокруг центральных капищ, кладбищ и мест вечевых собраний, ничем не отличались от поселений сельского типа... На первых порах эти города имели, вероятно, аграрный характер». Но ведь тогда это даже не протогорода, а нечто совсем другое. Поскольку племенная теория урбанизации представляется не доказанной, ибо игнорирует археологические источники, а также вызывает сомнение и трактовка Фрояновым проблемы веча как детища племенных институтов, продолжавшего существовать в развитых городах XI–XIII веков.

«Замковая теория». Наиболее откровенно она сформулирована С.В. Юшковым и получила широкую поддержку в российской историографии. «Нам думается, что город XI–XIII вв. есть не что иное, как феодальный замок – бург западноевропейского средневековья... Это прежде всего центр феодального властвования над окружающей сельской округой. Бурги и города строились как в целях защиты от внешних врагов, так в меньшей степени и в целях охраны феодальных хищников от крестьянских восстаний»; говоря о преобразовании замков в «настоящие феодальные города», Юшков формулирует положение, ставшее основополагающим для советской историографии: «Как пункты, вокруг которых концентрируются ремесленники и торговцы, эти феодальные города могли возникнуть вокруг городов-замков, вокруг крупных княжеских и боярских сел». Тут древнерусские города ошибочно отождествляются с западноевропейскими. С 20-х годов советские историки исходят из ложной предпосылки, что уже в домонгольское время развитие феодализма на Руси не уступало его классическим формам, например в Северной Франции XI–XII веков. Но главное: в основе замковой теории лежит стремление во что бы то ни стало обосновать постулат о развитых классах и классовой борьбе в Киевской Руси. Греков полагал: «что

в VI–VIII веках мы во всяком случае имели уже право говорить о возникновении классов»; в VIII–IX веках «эти классы делаются нам известны с достаточной ясностью»; отсюда и непомерное удревление времени градообразования: «В более прогрессивных участках Руси процесс вызревания городов падает на VII–VIII века». По материалам поселений Прикарпатья утверждение классовых отношений происходит, по мнению Б.А. Тимошука, в процессе ликвидации общинных центров и строительства вместо них княжеских крепостей (не позднее второй половины IX века).

Проблема генезиса городов тесно связана с вопросами системы власти и общественными отношениями внутри них. Под воздействием господствующей идеологии с ее донельзя упрощенной биполярной моделью строения «эксплуататорских обществ» (в средневековье: феодалы – зависимые крестьяне) в трудах советских историков явно форсируются процессы классовобразования, феодального подчинения крестьян, наблюдается рабское следование высказываниям В.И. Ленина, что уже в эпоху Киевской Руси совершался переход от патриархального рабства к крепостничеству (в действительности крепостное право господствовало в России в XVII–XIX вв.) и шло формирование крупного землевладения. Между тем, как убедительно показал уже Н.П. Павлов-Сильванский, феодальный строй, для которого характерны поместье-бенефиций (лен, фео), всевозможные иммунитеты и скрупулезная регламентация вассальной службы, начал складываться в удельной Руси на рубеже XIII–XIV вв. и получил полное развитие в XVI в., в условиях централизованного Русского государства. Бояре, слуги великого князя, становились крупными землевладельцами, подобными западным феодалам. На Руси в домонгольское время не успела сложиться система, основанная на феодах – наследственных земельных владениях, пожалованных сеньором вассалу при условии несения военной службы, участия в административном управлении и суде. На Руси сеньориально-вассальные связи до XIV в. существовали в более патриархальной форме личных отношений: бояре и дружинники служили князю не столько за земельные дарения, сколько на условии получения доли в захваченной добыче, за оружие, коней и пиры, которые князь задавал своим соратникам. Объяснение этому явлению дал С.М. Соловьев: «Земли было слишком много, она не имела ценности без обрабатывающего ее народонаселения; главный доход князя, который, разумеется, шел преимущественно на содержание дружины, состоял в дани, которую князь собирал с племен и которая потом продавалась в Грецию». Вассальные отношения не сопровождались земельными пожалованиями, и, следовательно, смерды – юридически свободные крестьяне и мелкие собственники, составлявшие основную массу сельского населения, никак не могли восставать против засевших в замках и городах «феодальных

хищников» (по Юшкову). Искусственно созданная советскими историками оппозиция феодалы – крестьяне, последние – подвергаемые различным формам угнетения, с легкостью снимается. Данничество и «полюдь» – слишком архаические явления, чтобы можно было говорить о феодальной ренте. По письменным источникам, о восстаниях смердов в X–XIII вв. ничего не известно. Что касается внутригородских волнений, например с отстаиванием прав противоборствующих князей на киевский престол (1068 и 1113 гг.), то и здесь отсутствуют какие-либо признаки борьбы между классами. Изучение летописей убеждает, что к каждому из таких событий требуется индивидуальный подход; что участвовали в восстаниях не одни простолюдины; что на стороне каждого из воюющих властителей выступали партии их сторонников из ремесленников, мелких торговцев и крестьян близлежащих селений. Именно эту социально разнородную массу летописец понимает под «киевлянами», участниками веча, «людьми». При анализе подобных бунтов советскими историками игнорировались социально-психологические факторы: упускались из виду повышенная внушаемость толпы, которую под видом борьбы за справедливость легко заряжали эмоциями гнева. «Кияне же разьграбиша дворь Путятинь, тысячького, идоша на жиды, разграбиша я». Стремление изничтожить виноватых с позиций собственной правоты выдается за классовую борьбу. Народные движения XI в. в Новгороде (1015–1017 гг., 70-е годы) оцениваются только Фрояновым как возникшие на религиозной и бытовой почве. События 1136, 1209, 1227–1230 гг. были, по его мнению, внутрисоциальными конфликтами. Термин «социально-политическая борьба», в отличие от понятия «классовая борьба», не вызывает возражений. Менее всего подходят под категории классовой борьбы и языческие восстания волхвов или позднейшие еретические движения. Для древней Руси, как и для более поздней России вообще, характерна нечеткость классовых взаимоотношений. В ней отсутствовали классы в европейском смысле слова (как, например, в социальной структуре Англии XIX в., о которой писал К. Маркс). В древнерусских городах XI–XIII вв. при постепенно развивавшейся сложной стратификации социальной дифференциации «классов» в марксистско-ленинском смысле слова не существовало. Скорее следует говорить о стратах – общественных слоях, группах, объединенных общими имущественными или профессиональными признаками, уровнем образованности и т.д. Среди отдельных категорий населения, рассматриваемых в динамическом развитии, с присущими каждой из них чертами коллективной психологии и менталитета и со своими культурными нормами, следует констатировать отсутствие тех острых конфликтов, какими их рисовала предельно политизированная советская историография. При отсутствии крупного боярского землевладения, основанного на развитой системе эксплуатации зависимого крестьянст-

ва, а также классовой борьбы и коммунального движения за городские вольности против феодальных сеньоров, замки на территории Руси, подобные западноевропейским твердыням, получить распространение не могли. Не случайно археология их не знает. Пограничные же княжеские крепости или их ранние резиденции типа Вышгорода, а не замки, могли стать основой будущих городов. В IX–X вв. регулярные разъезды правителей с целью кормления дружины и сбора дани «мира для» (т.е. как подать населения за охрану его княжьиими мужами) множили число княжеских ставок. Подобно франкским королям из династий Меровингов и Каролингов, у русских князей дружинного периода не было особой приверженности к оседлости. При наличии предпочитаемых пунктов пребывания укореняется практика кочевания с места на место; это примета времени. Непонятно, на каком основании восточнославянские городища VIII–IX вв. Рыбаков относит к категории замков – первых феодальных резиденций «лучших мужей» славянских племен, которые господствовали над жителями прилегающего поселка: «Тысячи таких дворов-хором стихийно возникали в VIII–IX вв. по всей Руси, знаменуя рождение феодальных отношений». «Тысячи» памятников, к тому же «по всей Руси» – это скорее укрепленные центры кровнородственных или соседских общин. Но о каких именно городищах идет речь, из контекста не ясно, так как ссылок нет. Рыбаков относит к числу городских замков даже дворы новгородских бояр. Что касается княжеских вотчин с XI в., как они рисуются в «Русской Правде», то между ними и феодальными замками едва ли можно ставить знак равенства. «Княж двор» (не говоря уже о боярских дворах, ограды которых, как археологически доказано, не отличались от частоколов или заборов обычных усадеб) не обязательно представлял собой цитадель со сложной системой фортификации. Пожалуй, единственное исключение – белокаменный ансамбль в Боголюбове, но это не столько замок, сколько дворец, репрезентативная княжеская резиденция, к тому же построенная при участии романских зодчих из Германии. Как пример феодального замка приводится Любеч (раскопки Рыбакова). Но анализ материалов заставляет усомниться в предложенной им интерпретации памятника. Дело в том, что к самому раннему горизонту относятся погребения, датируемые по инвентарю до середины XII века. Весь вещевой материал из сооруженных выше построек относится ко второй половине XII в. и далее, до монгольского нашествия. Следовательно, «замок» не мог быть построен Владимиром Мономахом. Основная же территория окруженного валами Любеча со слоями X–XI вв. осталась почти не изученной и только в последние годы начинает исследоваться археологами. Едва ли она может называться «посадом», поскольку является более древней частью города, а укрепленный останец днепровской береговой возвышенности, где, возможно, располагалась усадьба какого-то высокопоставленного ли-

ца, – более поздний комплекс. Без достаточных оснований к «владельческим поселениям замкового типа» отнесены городища типа Воищинского и Бородинского в смоленском Поднепровье. Приводимые В.В. Седовым характерные признаки этих «феодалных замков» нельзя считать определяющими. Находки предметов вооружения на этих памятниках не выделяются среди других категорий вещей: это стрелы, булавы, кистени, топоры и пр. При раскопках городов их обнаруживают вместе с ремесленными и сельскохозяйственными орудиями среди бытовой утвари в жилищах рядовых горожан. Они свидетельствуют лишь о том, что на Руси, как и во всем средневековом мире, каждый свободный человек пользовался ничем не стесненным правом владения оружием. «Русская Правда» не оставляет сомнений насчет массового вооружения и горожан, и селян. Показательно, что на территории так называемых замков отсутствует очень дорогое по тем временам оружие дружинников: мечи, сабли, шлемы и кольчуги. Замковая теория не учитывает динамики планировочного развития городских центров на протяжении X–XIII веков. Общепринятая схема – княжеско-дружинный детинец (кремль, кром) и примыкавший к нему торгово-ремесленный пояс – слишком часто не отвечает археологическим показателям. Первый пояс укреплений окружал не обязательно аристократический детинец, а скорее древнюю часть поселения, его ядро. Одна из причин заблуждения – слабая археологическая изученность «посадских» частей городов, раскопки малыми площадями. В результате крупномасштабных исследований в Старой Рязани стало очевидным, что первая и вторая линии ее оборонительных сооружений опоясывают не кремль, княжескую резиденцию, как считал А.Л. Монгайт, а первоначальный город с примыкавшим к нему с середины XI в. курганным могильником. На его площади открыты усадьбы рядовых горожан без каких-либо следов пребывания представителей правящей элиты. Инвентарь полуязыческих погребений свидетельствует об отсутствии имущественного расслоения до середины XII века. На новом этапе развития города, когда он становится столицей Муромо-Рязанского княжества, размеры его огражденной стенами территории увеличиваются в 8 раз, достигая 60 га. Именно тут возникает административный центр с тремя кирпичными храмами, боярскими «теремными строениями» и дворами зажиточных ремесленников-ювелиров, работавших по заказам знати. В прибрежной части стольного града на Оке, на месте снесенного (при расширении застройки) некрополя, найдены почти все клады драгоценных украшений из золота и серебра. Если же следовать формальным топографическим критериям, в основе которых проглядывает упрощенно-социологическая схема, то эту центральную часть Рязани пришлось бы назвать «посадом».

Теория «протогородов-вигов». В последние десятилетия этому типу памятников уделяется пристальное внимание, проводится их ин-

тенсивное археологическое изучение, им посвящена обширная литература. Речь идет о топографических и функционально близких комплексах, обычно включающих поселения, небольшие городища и обширные курганные могильники с большим количеством дружинных захоронений (IX – начало XI в.). К их числу относят Ладогу, Рюриково городище под Новгородом, Гнёздово возле Смоленска, Сарское городище у Ростова, Тимерево и Михайлово в ярославском Поволжье, Шестовицы под Черниговом и другие объекты. Названия этих памятников не отражают их главной сути: «открытые торгово-ремесленные поселения», «города-эмбрионы», «протогородские центры», «протогорода». В действительности эти достаточно сложные образования были тесно связаны с интересами международной торговли и далеких грабительских походов. (Между тем и другим в ту эпоху трудно провести резкую границу). Они представляли собой в первую очередь торговые места, фактории (эмпории), которые по ряду признаков сближают с центрами, известными под германским названием «вик» в значении «порт, гавань, залив». К числу таких признаков относятся: расположение на пограничье; местонахождение на важнейших торговых путях; наличие укреплений; значительная площадь поселений; мобильность населения и его полиэтничность; находки кладов куфических монет-дирхемов и импортных предметов роскоши – драгоценных украшений, шелковых тканей, поливной посуды. К числу вигов относят Хедебю в Дании, Скирингссаль в Южной Норвегии, Бирку на озере Меларен в Швеции, Колобжег и Волин на южном побережье Балтики и др. «Протогорода» Восточной Европы были тесно связаны с двумя трансконтинентальными трассами: Великим Волжским путем, ведущим в страны мусульманского Востока, и Волховско-Днепровской магистралью – «путем из варяг в греки», который связывал Скандинавию и славянские земли с Византией и Восточным Средиземноморьем. «Путь из варяг в греки» играл не только важную роль в торговых связях, но имел исключительно важное военно-политическое и культурное значение. По Волге и Дону с его притоками в обмен на меха и другие продукты лесных промыслов в IX–X вв. в огромных количествах поступало монетное серебро в виде дирхемов – главных платежных знаков в Восточной Европе и Балтийском регионе. Контроль над этими магистральными коммуникациями осуществлялся в таких центрах, как Ладога и Гнёздово, Шестовицы и Киев с их дружинными некрополями. «Колонии» купцов-воинов (в дружинных курганах помимо оружия находят принадлежности для торговых операций – складные весы с гирьками для взвешивания серебра), места организации далеких походов, вероятно, одновременно служили и погостами, которые регулировали полюбье и кормление дружины. Недаром расцвет сети «протогородских» поселений приходится на середину X в. – время реформ Ольги. В тех же пунктах могла процветать и работорговля. От-

мечено их сосуществование с древнейшими городами: Рюриково городище (конец IX–X вв.) синхронно древнейшим напластованиям Новгорода; стан в Шестовицах одновременен раннему Чернигову и Киеву. Вся жизнь чуждых оседлости дружинников, на время оседавших в поселениях, ничего общего не имевших с урбанистическими образованиями, была направлена на подготовку далеких и опасных экспедиций, а жившие там ремесленники обслуживали нужды этого привилегированного слоя. В Гнёздове обнаружены захоронения мастеров с молотками, напильниками, резцами, долотами – кузнечным и деревообделочным инструментарием, связанным с постройкой новых и ремонтом бывших в плавании судов. До недавнего времени замалчивалась ведущая роль скандинавов в становлении и функционировании центров типа Гнездова или Шестовиц. Между тем экспансия викингов (последняя, поздняя стадия Великого переселения народов), о которых еще в XIII в. с ужасом вспоминала христианская Европа, сыграла важную роль в истории Киевской Руси. В самых крупных и богатых курганах «протогородских» могильников открыты погребения этих «пассионариев» (по терминологии Л.Н. Гумилева) – людей, обладавших повышенной активностью, боеспособностью и выносливостью, для которых летними жилищами служили корабли. В Гнёздове, средоточии славяно-варяжских контактов на центральном участке «пути из варяг в греки», где перекрещивались водные и волоковые переходы систем Волхов – Днепр – Двина – Угра – Ока, выделяется группа больших курганов, составлявших аристократическое кладбище в центральной части некрополя. Военные вожди захоронены по скандинавскому обряду, которому соответствует и сопровождающий инвентарь: предметы вооружения, украшения, амулеты и пр. Скандинавские элементы, зачастую в трансформированном виде, наряду со славянскими, финскими и балтскими (в состав воинских контингентов входили представители разных этнических групп), очень сильны и в других курганных комплексах X в. при «протогородах». После новых археологических открытий становится все более ясной надуманность, искусственность «норманской проблемы», бесперспективность борьбы так называемых норманистов и антинорманистов. Умалчать значение скандинавских «находников» в становлении Древнерусского государства значит грешить против исторической истины. «Призвание варягов» неправомерно связывают с посягательствами на национальное достоинство и с отрицанием самобытности древнерусской культуры. «Призвание варягов», иначе говоря, иноземное завоевание, кладущее начало русской государственности, тоже не наш удел; вся романская Европа сложилась вокруг национально чуждых государственных ячеек – германских королевств. Это не помешало пришельцам и на Западе, и у нас быстро раствориться в завоеванной этнической среде. Прав А.П. Новосельцев, когда пишет, что «осмысление сущности государства

как общественного института, возникшего на определенной стадии развития, делало вопрос о происхождении династии второстепенным, каким он, кстати, давно является для европейской исторической науки. Иначе, например, английские историки должны были бы ломать копья из-за принадлежности своих правящих династий, чего они не делают, хотя с 1066 г. в Англии не было ни одного английского по происхождению правящего дома». Княжеские дружины состояли из разноплеменного люда. Но, судя по договорам Олега и Игоря с греками (911, 944 гг.) и материалам дружинных могильников, значительную часть правящего слоя составляли скандинавы. Они занимали важные государственные должности. Но сами варяжские дружины нельзя представлять особенно многолюдными. Укрепившись в «протогородских» пунктах, а также в Новгороде и Киеве, они искали опору в местном населении. Разноэтничность состава дружин варварских вождей, совершавших грабительские походы на Царьград и прикаспийские области при преобладающей роли викингов, что определялось и происхождением правящей династии, позволяет считать, что «русы» – это не этноним, а политоним. Как и у франков уже с VI в., ранняя знать эпохи образования Древнерусского государства формировалась как этнически смешанная группа. В результате тесного содружества со славянами этнические различия, хотя и продолжали осознаваться, переставали быть политически значимыми. К началу XI в. осевшие на Руси варяги ассимилируются славянами, усваивая их быт и элементы материальной культуры, что подтверждается археологически. Именно с этого времени дружинные лагеря – места дислокации воинов и одновременно торгово-фискальные центры – уступают место качественно новым образованиям. Сыграв свою роль в формировании государства Рюриковичей, в усилении княжеско-боярской прослойки, они прекращают свое существование, отнюдь не образуя «отчетливой раннегородской сети». Рыночные места, опорные пункты полукупцов-полупиратов, были слишком нестабильны, не укоренены в окружающем мире, что было характерно для горожан средневековья, не слишком надежно защищали своих временных обитателей. С наступлением «городской ситуации», в новых исторических условиях перехода от активной внешней экспансии к упорядоченной внутренней политике, особенно после принятия христианства, происходит не перенос поселения на другое место, т.е. трансурбанизация, а создание вблизи него на естественно защищенном пространстве развитого города нового типа. Новгород, Смоленск, Ярославль или Ростов Великий не стали прямыми преемниками Рюрикова городища, Гнёздова, Тимерева и Сарского городища, пришедших в упадок. Этому упадку центров, связанных с интересами международной торговли, способствовали и другие факторы: «серебряный кризис» на Востоке с XI в.; ослабление Хазарского каганата, являвшегося важным посредником в торговле с Восто-

ком; изменение исторической ситуации в самой Скандинавии: в Дании, Швеции и Норвегии складываются централизованные государства и наступает конец эпохи викингов. Как же проходил процесс образования и развития городов домонгольской Руси? Очевидна бесплодность попыток жестких определений понятия «город» путем застывшего набора признаков. Любое определение предполагает некое ограничение, следовательно, ведет к обеднению исторической реальности. Сущность столь сложного социокультурного феномена, как средневековый город, видоизменяется в зависимости от места и времени. Индивидуальность городского центра определяется многими факторами, в том числе преобладающей ролью тех или иных его функций, разнообразием их сочетаний. Среди них выделяются следующие: политико-административно-правовые (города являются средоточием властных структур); военные (особенно важно значение городов-крепостей, их стратегическая роль в южном лесостепном пограничье, где появлялись «скорые на кровопролитие» кочевники); культурные, с включением как религиозных, так и светских начал; ремесленные; торговые; коммуникационные (расположенные на главных путях сообщения города поддерживают международные связи, что ведет к взаимообогащению культур, осуществляют контакты между отдельными территориями Киевской Руси, а позднее – землями-княжениями). Каждое городское поселение обладало специфическими чертами, имело свое неповторимое лицо: «старшие» города, столицы земель-княжений, по масштабам отличались от удельных. Города различались системами фортификации, количеством и плотностью населения, преобладанием тех или иных сословий в социальной стратификации. Однако все перечисленные черты, представленные в разных комбинациях, в отличие от сельских поселений свойственны именно городам. Городской образ жизни не соответствовал традиционному укладу жизни сельских общин. Миру непроходимых чащоб, болот и бескрайних степных пространств, занимавших большую часть Восточной Европы, противостояло преобразованное людьми укрепленное место, олицетворявшее господство права и порядка. Условно изображенные храмы и оборонительные стены с башнями – неперенный «знак» города в древнерусской иконописи и книжной миниатюре. В пестрой городской среде ослабляются кровнородственные связи, происходит дробление большесемейных коллективов. На смену связям по крови, родовым отношениям приходят отношения территориальные, соседские. Можно предположить, что, как у русских крестьян XVIII–XIX вв., жизнь горожан регулировалась системой норм поведения, причем приватная сфера деятельности воплощалась в доме, в семье как малой социальной общности, а публичность – в «улице», в вечевых собраниях, участии в политических коллизиях, военных и строительных предприятиях. В городе образовывалась новая система личных связей; возможно, соседская по-

мощь (помочи) проявлялась в разных формах. Во время сева, жатвы, на покосе члены «городской общины» помогали вдовам и сиротам, ставили избы погорельцам, «миром» строили дома нуждавшимся в поддержке. Итак, в городах исчезает поглощенность личности родом, ее статус не растворяется в статусе группы в той мере, как в варварском обществе. Уже в ранних городах Новгородско-Киевской Руси общество переживает состояние дезинтеграции. Но при разрушении прежних органических коллективов, в которые включался каждый индивид, общество перестраивается на новой основе. В города, под сень княжеской власти стекаются люди, самые разные и по общественному положению, и по этнической принадлежности. Солидарность и взаимопомощь – непременное условие выживания в экстремальных условиях голодовок, эпидемий и вражеских вторжений. Но социально-психологические интеграционные процессы происходят уже в совершенно иных условиях.

Если даже в конце XVIII в. Московия представлялась иностранным путешественникам сплошным лесом, дикой, пустынной и болотистой страной с отвратительными дорогами, то в мире современников Ярослава Мудрого основание городов воспринималось как покорение враждебного пространства. Области в лесной зоне, наиболее благоприятные для их возникновения, – это те достаточно обширные участки, где возможны регулярные связи между жителями разных частей региона: ландшафтные пограничья, в первую очередь лесостепь и граница лесной зоны, долины крупных рек. В этих зонах может достаточно безопасно и стабильно существовать постоянное население, что исключается в степи и южной части лесостепи. Станным образом процессы урбанизации и становления Древнерусского государства в их теснейшей взаимосвязи как-то ускользали от исследовательского анализа. А напрасно, поскольку только в связи с образованием «империи Рюриковичей», когда организация общества намного усложняется, его жизнедеятельность без координирующих центров становится невозможной. Такими центрами стали первые города X в.: «главными центрами были Новгород и Киев, расположенные, как в эллипсе, в двух «фокусах» области, втянутой в «торговое движение»; «Путь из варяг в греки» – ось не только политической карты, но и политической жизни Киевской Руси. Ее единство крепко, пока оба конца пути в одних руках». Однако «скороспелое» (по выражению А.Н. Насонова) Киевское государство в конце IX–X вв. не было монолитным. И никак нельзя говорить, подобно Грекову, о прочном сплочении племен в период, проходивший в постоянных походах киевских властителей на соседние славянские племенные княжения. Дело ограничивалось наложением дани; многократные войны с одними и теми же племенами свидетельствуют о непрочности завоеваний. Образование Древнерусского государства, как и городов, от которых оно неотделимо, – это не эволюционный, растянутый на столе-

тия процесс, а динамичное явление. Многочисленные предгородские образования самой различной природы не обнаруживают генетической связи с подлинными городами, что доказывается археологически. Город как историко-культурный феномен, как целостная система с качественно новыми свойствами по сравнению с предшествующими поселениями возникает на новом этапе развития восточнославянского общества. Сложный процесс урбанизации спрессован во времени, он скорее революционен, чем эволюционен. Возникновение древнерусских городов во всем многообразии их функций – это скачок, взрыв, который не осознается сторонниками теории непрерывности. Напротив, все системы аграрного архаического общества развиваются в замедленном темпе. Только около середины X в., даже ближе к его концу, вместе с усилением Древнерусского государства и принятием христианской религии при Владимире Святославиче (язычество на Руси не знало городской цивилизации) создаются условия для создания типов поселений, способных выполнять новые задачи – административные, культурные и военные. Не столько экономические факторы, сколько стремление общества избежать губительного распада, поиски ранее не известных форм солидарности и сотруденчества заставляли людские коллективы объединяться под защитой городских стен. Если о развитых городах в рамках позднеплеменного (военно-демократического) строя говорить не приходится, то X в. стал переходным периодом. Возникновение городов такого масштаба, как Новгород и Киев, которые, по данным археологии, в это время имеют вполне сформировавшийся облик (концентрация власти и церковного управления, усадебная застройка – преобладание наземных жилых домов), связано с объединительной политикой киевских князей. Славянские слои X в. обнаружены на Замковой горе в Полоцке, Пскове, Белоозере, Изборске, Ростове Великом. Мощная первая волна славянского расселения с юга на север повлекла за собой образование русских городов, поглотивших абортгенные многоэтничные поселения с преобладанием финского и балтского элементов. Уже иерархически организованное и имущественно дифференцированное общество восточных славян, жившее по законам обычного права, в ходе своего развития рождает государственную власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения врага и внутренних распрей, осуществлять управленческие функции. Поэтому столь значительна роль на ранних этапах становления Киевской Руси внешних факторов – варяжского и хазарского. Налицо «стимул ударов» (внезапные вражеские нападения) и «стимул давлений» (непрерывный напор степных кочевников), что рождало противодействие – укрепление государства и его институтов.

«Таково обычно первое происхождение государства, которое первоначально имеет лишь ограниченное военно-административное значение и лишь позднее становится учреждением, постоянным и объемлю-

щим все стороны общественной жизни». Инстинкт самосохранения требовал всеединства, сознательной организации и дисциплины. Отсюда – необходимость легитимной власти, что не означало идиллической общественной гармонии и отсутствия столкновений на разных уровнях. Естественно, вожди по-своему регулировали волю народа, преследуя собственные цели. Но нельзя возводить эгоизм в абсолют, отрицать общенародные мотивы деятельности правящего слоя. Государственная власть в домонгольской Руси не становилась над обществом. Пока народ вооружен и готов дать отпор, не могла образоваться и абсолютная власть. «Народ составлял главную силу князей. Народ, а не дружина». Князь, в свою очередь, есть «народная власть, а не внешний и случайный придаток к волости. Он необходимый орган древней государственности для удовлетворения насущных общественных потребностей населения – внешней защиты и внутреннего «наряда». В создании раннегосударственных образований, наряду с городами и крепостями, роль военной аристократии оказалась решающей: князья основывают города, при их реконструкции руководят проектировщиками и «горододельцами». И рече Володимерь: «Се не добро, еже малъ городъ около Киева». И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривич, и от чюди, и от вятичь. и от сихъ насели грады; бе бо рать от печенегъ». Речь идет здесь о военных наемниках разноэтничного происхождения, а не о насильственной акции. Основание многих городов, стратегически важных как центров управления волостной территорией, происходило в плановом порядке, по мере колонизации славянами новых земель. Многие города в начале своей истории, когда осваиваются периферийные районы, представляли собой суверенные общины из вчерашних отважных пионеров-колонистов, выходцев из разных восточнославянских регионов, причем как из старших городов, так и из деревень. Такова, например, Рязань. Это подтверждается и археологически: имущественно однородным составом населения. Верховную власть в городе, наряду с представителями княжеской администрации, могло осуществлять вече с выбранными им «лучшими мужами». При образовании государства и городов (синхронный процесс) возникает «рациональный» тип господства, основанный на осознанном убеждении в законности установленных порядков, в правомочности и авторитете органов, призванных осуществлять власть. Она держится не столько с помощью прямого насилия, сколько посредством «символического насилия», прививая свою знаковую систему, ту иерархию ценностей, которые в глазах общества приобретают естественный, само собой разумеющийся характер. При понимании города как организма политической и духовной солидарности следует признать отсутствие предпосылок для столь свирепых социальных конфликтов в нем, какими их рисует советская историография.

Общественное расслоение почти не нашло отражения не только в топографии городов, но и в системе их застройки. Это отчетливо выявляется при раскопках крупными площадями (Новгород, Старая Рязань). Но много примеров дают и другие пункты: боярские дворы, церковные владения, усадьбы простых ремесленников соседствуют друг с другом. Окружающие их частоколы или заборы конструктивно не различаются. Города служили убежищами для населения близлежащих деревень. В случае военной угрозы крестьяне укрывались за их стенами. Вот почему грандиозное по масштабам строительство укреплений рассматривалось как великое общее дело. Именно всеобщая заинтересованность в возведении цитадели, а не принуждение к труду, двигала массами строителей. Города «ставили» коллективно, «всем миром». Отсюда – удивляющий нас поныне колоссальный размах работ. К примеру, в Рязани монументальные дерево-земляные укрепления тянулись на 3,5 км. Качественно определяющие стороны городской жизни, противостоящие чрезвычайному консерватизму аграрного общества, вышедшего из родового строя, претерпевали существенные изменения на протяжении XI–XIII веков. Из городов исходила творческая струя. Под воздействием их культуры с началом христианизации стали меняться прежние стереотипы мышления, а главное – мировоззренческие начала. Динамика развития городских центров, возрастание их числа связаны с изменениями в формах государственности, с колонизационными процессами освоения новых территорий. Усложняется социальная, имущественная и профессиональная дифференциация в среде горожан с присущими каждой из категорий специфическими чертами коллективной психологии при объединяющем общем символе веры. Подлинно «городская революция», когда город выступает вполне сформировавшимся институтом, начинается на Руси, как и в Западной Европе, не ранее середины XI века. По подсчетам М.Н. Тихомирова, если в IX–X вв. летописи свидетельствуют о существовании 25 городов, то в XI в. упомянуто 64 новых города, а в источниках XII в. появились еще 134 города. Однако эти данные явно неполны, поскольку основаны только на письменных источниках без привлечения археологии. Тихомиров считает, что ко времени монгольского нашествия количество русских городов близко подходило к 300. В домонгольской Руси можно выделить три периода градообразования: середина X – первая половина XI в.; вторая половина XI – середина XII в.; вторая половина XII – до 1237–1240 годов. Эта разбивка на хронологические этапы отражает общие тенденции развития и, следовательно, достаточно условна. Ни один из периодов не замкнут в себе: в настоящем продолжало жить прошлое, но уже обозначались явления, предвещавшие будущее. По местоположению крупнейших городов первый период можно назвать «Волховско-Днепровской урбанизацией», породившей Киевскую Русь. В древности государства, связанные с го-

родскими образованиями, возникали на религиозной почве: в Киевской Руси – на почве христианства, поскольку язычество оказалось здесь непригодным для государственного строительства, если не считать непрочных раннегосударственных объединений еще во многом варварского общества до Владимира Святославича. Окончательное возведение христианства в ранг официальной религии вело к созданию духовной солидарности, соборному единению на основе создающейся, в первую очередь в городах, культурной общности. Советские историки заиклись на идее «вторичности» религии. Между тем само государство может быть создано на основе религиозной идеи (ислам). В первый период города выступают очагами плодотворного и творчески воспринимаемого византийского влияния в сферах культовой практики, архитектуры, монументальной живописи и прикладного искусства, в централизованной организации церкви, комплексном заимствовании более цивилизованного образа жизни, особенно в высших слоях населения. Чеканка собственных монет по образцу византийских была в первую очередь средством усиления престижа молодого государства. С городами и прилегающими к ним монастырями связано развитие письменности, летописания и литературного творчества. С XI в. город становится полем надежд, тревог и драм древнерусской цивилизации, космополитическим центром в лучшем значении этого слова. Городскому сообщению свойственна информативность. По сравнению с сельским обществом, с его изолированностью от внешнего мира, отсутствием письменной традиции, причудливым сплавом языческих верований, связанных с аграрными циклами, со своеобразно воспринимаемым христианством, горожане выступали людьми, много «путешествовавши, видевши и знаевши». Недаром они противопоставляли себя округе – деревне, земле. К середине XI в. (время Ярослава Мудрого) резко возрастает культурное единство на почве христианства. Мир в лице городской культуры становится значительно более многогранным и усложненным, чем мир предыдущего столетия.

Со вторым периодом связано разделение «империи Рюриковичей» с центром в Киеве на ряд независимых княжеств. Он характеризуется борьбой двух тенденций: центростремительной (Владимир Мономах) и центробежной, приведшей к политическому распаду. Однако междоусобицы князей как сила дезинтеграции «касались лишь внутренних переделов в рамках единого политического образования, понимавшегося как Русская земля в широком смысле». Усиливается роль отдельных земель и городов, считавшихся ранее периферийными. Нараставшая раздробленность Древнерусского государства, приводившая к большей уязвимости от внешних врагов, – процесс закономерный и далеко не однозначный. Сохранять единство огромной территории в условиях дикой, почти не тронутой человеком природы при постоянном натиске с

юга, где хозяйничали печенеги, а затем половцы («тьма внешняя»), было невозможно. Но, как это ни покажется парадоксальным, так называемая феодальная раздробленность (определение вообще крайне неудачное), причины которой советские историки усматривают «в развитии на Руси феодального базиса и феодальной надстройки..., в классовой борьбе непосредственных производителей», на самом деле представляет первый шаг к гармонизации политической организации общества с экономической и социальной реальностью эпохи, когда старшинство киевского князя уже не имело реальной основы. В XII в. каждая земля, за немногими исключениями, обращается в целую политическую систему, с целой группировкой княжеств, с княжескими линиями, старшими и младшими, с большими или меньшими политическими центрами, с разными системами княжеских отношений, – одним словом, земля как микрокосм повторяет в себе характер политической системы земель Киевского государства.

Вместе с обособленностью отдельных земель-волостей происходит интенсивный рост числа городов в самых окраинных регионах Руси при политическом преобладании главного города. Таким образом, единая городская культура занимает огромные территории Восточной Европы, не выходя за рамки локальных вариантов: от Причудья на северо-западе до Средней Оки на юго-востоке и от Ростова и Суздаля на северо-востоке до Днестра на юго-западе. Ее распространению способствует рост населения и связанные с ним миграционные процессы. Это единство городской культуры в еще большей степени характерно для третьего периода, когда в 1132 г., после смерти Мстислава Великого, преемника Владимира Мономаха, Киевская Русь окончательно распалась на полтора десятка независимых княжеств. «Культурная общность должна включать в себя информацию, особенности поведения, вещи и т.д., циркулирующие в пределах общности, причем как местного происхождения, так и попадающие в нее извне, но пронизывающие ее по всей территории. Власть киевских князей, подобно императорской власти последних Каролингов, по сути дела была фиктивной, номинальной. Одновременно увеличивается число малых удельных городов и просто местных, мелких городков, которые, в отличие от центров земель-княжений, не обладали «классическим» набором городских признаков и где городской быт выявлялся гораздо скромнее. Но и они вносили свой вклад в общерусскую культуру. Во второй половине XII – первой трети XIII в. городская культура достигает апогея. Города, особенно крупные, уже никак нельзя рассматривать как самодовлеющие хозяйственные мирки, отрезанные друг от друга «страшными дебри и непроходимыми сосульцами». В больших городских центрах натуральное хозяйство сосуществует со специализированным ремесленным производством. Продукция узких профессионалов удовлетворяет массовый спрос и рассчитана

на продажу, прежде всего, в пределах самого города и близлежащих рынков сбыта в сельской местности. Это достигалось путем упрощения техники изготовления изделий (например, появление литейных формочек для выделки украшений, имитирующих сложную и трудоемкую технику зерни и скани). Однообразие ассортимента вещей, их стандартизация свидетельствуют о стремлении к полному удовлетворению возрастающих потребностей, оживлении взаимодействия между разными группами населения. При раскопках открыты мастерские ремесленников, изготовлявших только стеклянные браслеты, или только костяные гребни определенного типа, или только нательные крестики. Когда «градец» Холм устоял перед полчищами Батгя, к нему стали стекаться «мастера всяции бежаху ис Татар: седельники и лучники, и тульники [мастера, делавшие колчаны. – В. Дарницкий], и кузнецы железу и меди и серебру». Все же, несмотря на специализацию ремесла, в обществе еще не развились подлинно товарное производство и обмен. При отсутствии монетной системы еще нет вовлеченности в денежную экономику. В период децентрализации ценности духовной культуры, накопленные Киевским государством, господство которых утвердилось на социальных верхах, начинают проникать в глубь народной массы, прививая ей новые формы быта, хозяйства, права, религии. Культурологическая ориентированная история и проблемы городского развития на Руси тесно взаимосвязаны. Среди «многих красот», которыми прославлена «светло светлая» земля Русская, книжник XIII в. упоминает «бещисленные города великие», «селы дивные», «винограды обителные», «дома церковные» («Слово о погибели Русской земли»). «Города великие» выступают на фоне рек и озер, крутых холмов и больших дубрав. Возвышавшийся на высоком берегу реки город, окруженный стенами с башнями, с монументальными храмами, княжескими и боярскими строениями, производил на приближавшихся путников впечатление чуда. Природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное, окультуренное пространство, упорядоченный и одомашненный мир, где его обитателям не грозит опасность, где они всегда среди своих. Развитие государственности и культуры Руси неотделимо от городского строя. После принятия христианства города и связанные с ним монастыри, где творили выдающиеся писатели и философы, зодчие и художники, становятся средоточием высокой, основанной на идеальной этике духовности. Культура древнерусских городов – целостная система, где религия играет главную роль как в коллективном, так и индивидуальном сознании. Монастыри – неотъемлемые части городского архитектурного ансамбля, а господствующей его вертикалью и организующим общественным центром становится кафедральный собор – общенародная святыня. Любуясь шедеврами древнерусского зодчества, мозаиками, фресками и иконами, нельзя забывать, что лучшие художе-

ственные памятники XI–XIII вв. связаны с деятельностью церкви. Апеллируя к христианским заповедям, духовенство выступало за единство русских в борьбе с «погаными», стремилось к примирению враждующих князей. Между тем до середины 80-х годов в официальной советской историографии утверждалась изначальная классовая сущность русской «феодальной церкви», учение и искусство которой якобы оставались чуждыми народным массам: В действительности культура древнерусского города едина, хотя уровень ученого, философско-теологического мышления отличался от уровня массового сознания. Но как «первые» люди, так и «черные» сплывались на духовной основе христианства, обеспечивающего им взаимопонимание и единение, при сохранении в глубинах сознания и в ритуальной практике, в магической обрядности и особенностях почитания святых – максимально приближенных к человеку сильнейших архаических пластов, уходящих корнями в отдаленные времена. Речь идет о так называемом народном христианстве, но никак не о двоеверии. Разумеется, при усложнявшейся общественной структуре, когда в городах формировалось новое единство из разных социальных групп с их особым мировосприятием, стилем жизни и мышления, возникает и многообразие уровней культуры, более разветвленной и многогранной. Однако между элитарной культурой интеллектуалов, в основном из представителей духовенства, княжеско-дружинной с ее «богатырскими», рыцарскими идеалами, и культурой простонародной с особенно сильными языческими традициями, унаследованными от предков, не было непроницаемых перегородок. Средневековый человек, конечно же, не осознавал, считая себя истинным христианином, как много унаследовано им от прошлого. Это проявлялось в мыслях, чувствах, поступках. Дохристианские суеверия и магические действия, тяга к празднествам и развлечениям, связанным с языческими поверьями, были присущи как знати, так и низам общества. На драгоценных браслетах из кладов, запрятанных при монгольском нашествии и принадлежавших женщинам из княжеско-боярской среды, изображены сцены скоморошских игрищ, те «служения идольские», против которых безуспешно боролись ортодоксальные церковники. Но в тех же кладах находят украшения с чисто христианскими сюжетами. Именно города предохраняли Русь от губительного изоляционизма. Они играли ведущую роль в развитии политических, экономических и культурных связей с Византией и дунайской Болгарией, мусульманскими странами Передней Азии, тюркскими кочевниками причерноморских степей и волжскими булгарами, с католическими государствами Западной Европы. В урбанистической среде, особенно в крупнейших центрах, усваивались, сплавлялись, по-своему перерабатывались и осмысливались разнородные культурные элементы, что в сочетании с местными особенностями придавало древнерусской цивилизации неповторимое своеобразие.

5.2. Новгород

Новгород – один из древнейших городов России, расположенный на ее северо-западе у истоков реки Волхов и озера Ильмень. Его история неразрывно связана со всеми важнейшими этапами жизни русского государства. Дважды в середине IX века и в конце XV века он стоял у колыбели русской и российской государственности. Новгород – родина российских республиканских традиций, важный духовный оплот православной Руси.

Самые ранние страницы новгородской истории во многом остаются неясны. Основной загадкой много лет является происхождение города. Древнейшие упоминания о Новгороде как о уже существующем содержатся в летописи под 859 годом. В те времена, по-видимому, летописцы не делали ещё погодных записей (они появились с X–XI века), а записывали те устные легенды и сказания, которые были широко известны народу. Переняв Византийскую традицию погодной записи, летописец должен был записать историю до начала погодной записи, прикидывая даты самостоятельно. Таким образом, нельзя безоговорочно доверять датировке определённых событий IX–X века, которую даёт нам летопись.

Город в Древней Руси – укреплённое поселение, окруженное стенами. Такими городами были Старая Ладога и Старая Русса. Но «старыми» они стали после появления Новой Ладоги и Новой Руссы. К тому же древнейшие поселения в Старой Руссе датированы XI веком, когда Новгород был уже довольно крупным городом.

Первоначально летопись называет Новгородом поселение на левом берегу Волхова (на территории современного кремля). Лишь позднее это название распространилось на все поселения, расположенные по обеим сторонам реки. На территории древнего Новгорода существовало три разноэтничных поселения, окружённых стенами. Позднее они объединились и их жители построили общую крепость, получившую название Новгород по отношению к трём старым городам.

В первые века своего существования Новгород был очень небольшим и сплошь деревянным городом. Новгород расположился на холмистой местности по обеим сторонам реки, что было уникальным случаем для своего времени (практически все города средневековья стояли на высоком холме на одном из берегов реки). Исконным населением новгородской земли были финно-угорские племена, оставившие память о себе в названиях многочисленных рек и озер. В VI веке в новгородскую землю пришли немногочисленные племена славян-кривичей, а в VIII веке в процессе славянского заселения Восточно-европейской равнины сюда пришло племя словен. Первые жители строили свои дома по берегам, но не у самой воды, а подальше из-за частых наводнений. Улицы

шли перпендикулярно Волхову. Позднее они были соединены так называемыми «пробойными» улицами, шедшими параллельно реке. На левом берегу реки высились стены первого новгородского детинца, который был намного меньше современного новгородского кремля и занимал его северо-западную часть. На противоположном берегу был княжеский двор и усадьбы Словенского посёлка.

Летописные сведения о Новгороде X–XI веков очень скупы, но они представляют большую ценность. В летописи под 882 годом говорится о походе князя Олега из Новгорода на Киев, в результате которого были объединены два крупных восточнославянских племени: ильменских славян и полян, откуда началась история великого Древнерусского государства.

В летописи под 912 годом содержится сведение о том, что Новгород платил скандинавам (варягам) 300 гривен в год во имя поддержания мира. В 947 году княгиня Ольга установила порядок сбора дани с новгородской земли.

Кроме того, сведения о раннем Новгороде можно найти не только в русских летописях, но и в Византийских. Так, Византийский император Константин VII в десятом веке писал о руссах, приплывающих из Новгорода в Константинополь на своих ладьях. Также Новгород фигурирует под названием Холмоград в скандинавских сагах. Самые ранние саги о Новгороде появились со времён княжения в нём Владимира Святославича.

Экономическая жизнь и политическое взаимодействие племен оказались связанными с мощным международным Балтийско-Волжским торговым путем, проходившим по Волхову, Ильменю и Мете.

Борьба с господствовавшими в международной торговле скандинавскими купцами-воинами способствовала ускорению процесса складывания государственных отношений. К середине IX века у истоков Волхова сформировался центр политического общения племен, живших на многочисленных реках, впадающих в озеро Ильмень, сложилась система их военного взаимодействия. Сбор и выплата варягам дани заложили основу государственного налогообложения. В 862 г. для исполнения судебных и правоохранительных функций вождями племен был приглашен скандинавский князь с дружиной, положивший начало княжеской династии Рюриковичей, более семи с половиной веков управлявшей всеми русскими землями.

В начале X столетия новгородские племена словен и кривичей вместе с князем Игорем и скандинавскими дружинами начали поход на юг для обеспечения равноправной торговли с Византией. Были завоеваны Смоленск и Киев, на границе опасного Дикого поля, степей, был заложен опорный пункт для дальнейшего движения на Константинополь.

Походы Игоря и его воеводы Олега позволили достигнуть поставленной цели – проложить торговый путь «из варяг в греки». Последствием стало объединение восточнославянских племен и формирование Древнерусского государства со столицей в Киеве.

Первые киевские князья стали полноправными хозяевами южно-русских земель и продолжали нести службу в Новгородской земле. Сложившуюся традицию нарушил князь Святослав Игоревич, сосредоточивший свои политические интересы на низовьях Дуная. В середине X в. отсутствие полноценной государственной власти в Новгородской земле ускорило переселение вождей племен в политический центр у истоков Волхова, началось формирование Новгорода как города. В 970 г. новгородцы обратились к Святославу с требованием дать им князя, угрожая, в противном случае, найти его в другой земле. Компромиссом стало направление в Новгород сына Святослава и рабыни Владимира.

После смерти отца Владимир был изгнан из Новгорода, но в 980 г. он вернулся со скандинавским отрядом и завоевал город. После утверждения Владимира на киевском престоле положение Новгорода в Киевской Руси перестало отличаться от других земель.

Это позволило княжеской власти без особого труда утвердить в Новгороде христианство в качестве официальной государственной религии. В конце X в. здесь была построена тринадцатиглавая деревянная церковь Св. Софии Премудрости Божией. В необычном многоглавии храма возможно нашло отражение традиционное мировоззрение новгородцев, связанное с господствующими у них дохристианскими языческими культурами. Новгородская София побудила князя Ярослава Мудрого построить в 1037 г. тринадцатиглавый каменный Софийский собор в Киеве. С Новгородом связана жизнь и деятельность одного из выдающихся деятелей русского средневековья – Ярослава Мудрого. Руками новгородцев он дважды был посажен на великокняжеский престол в Киеве. В течение десяти лет Новгород был местопребыванием великого князя, фактической столицей русских земель, принадлежавших Ярославу.

В 1136 г. новгородцы вместе с псковичами и ладожанами на вече изгнали князя Всеволода Мстиславича и объявили о своей «Вольности в князьях». Это привлекло к Новгороду внимание многих русских князей, стремившихся занять великокняжеский стол и на пути к нему получить поддержку Новгорода. Каждый претендент старался завести в городе своих сторонников. Формировались партии, ожесточенно враждовавшие между собой. Широкое развитие получило народное вече на Ярославовом дворце с участием всех жителей города, вечевые собрания в городских концах.

Разрушить новую традицию попытался великий владимирский князь Андрей Боголюбский. В 1169 году он объединил дружины южно-русских князей и бросил их на уничтожение Новгорода. Город не имел

профессиональной армии, укреплений и не успел собрать ополчение. Силы нападавших и защитников города оказались очень неравны. Тем не менее армия Андрея была не только разгромлена, но и взята в плен. Новгородцы связывали эту победу с помощью и заступничеством чудотворной иконы Божией Матери «Знамение», почитаемой с тех пор в качестве национальной реликвии русского народа.

В середине XIII в. обрушившееся на Русь татаро-монгольское нашествие во многом коснулось и Новгорода. Поход Орды на Новгород в 1238 г. закончился неудачей для завоевателей. Героизм и мужество защитников Нового торгового пути Орды, задержавшие татарскую конницу почти на месяц.

Начавшаяся весенняя распутица заставила захватчиков повернуть назад. И все же по воле великого князя Александра Невского Новгород в полной мере разделил экономическое бремя, возложенное Ордой на Русь. Огромная и достаточно плотно заселенная новгородская земля выплачивала большую часть причитавшегося с Руси «татарского выхода», снижая тем самым угрозу новых разрушительных набегов на южнорусские земли.

Избегавший разрушения город сыграл важную роль в защите северо-западных рубежей Руси от шведской и немецкой крепостной агрессии. В 1240 г. новгородское ополчение разгромило шведскую военную экспедицию при слиянии рек Невы и Ижоры, а в 1242 г. новгородцы вместе с владимирской дружиной разгромили на льду Чудского озера объединенные силы Ливонского и Тевтонского крестоносных орденов. Рыцарской армии был нанесен самый большой урон за всю историю средневековых войн. Одержанная победа была закреплена разгромом Ливонского ордена в Раковорской битве в 1268 году.

Усилия новгородцев и псковичей разрушили планы католической Европы по духовному закабалению Руси, ослабленной ордынским нашествием, позволили сохранить православие как основу народного духа.

На протяжении столетий Новгород собрал вокруг себя огромные территории. Перед лицом все громче звучащих объединенных тенденций со стороны Москвы, Твери, Великого княжества русско-литовского новгородская аристократия пыталась сохранить и обеспечить независимость новгородского государства. Новгород успешно боролся с армиями Михаила Тверского и Дмитрия Донского, в период братоубийственной междоусобной войны в начале XV века принял у себя и укрыл ее организатора и вдохновителя Дмитрия Юрьевича Шемяку.

Борьба двух тенденций особенно обострилась в ее родине XV столетия, когда Новгород в нарушение ранее подписанного соглашения с Москвой призвал на княжение великого князя Казимира, государя католической Литвы. Москва в 1471 году ответила на новгородское «преда-

тельство» военным походом, выявившим глубокий раскол внутри самого новгородского общества.

Архиепископский полк отказался сражаться против великого князя Московского, а «переветник» Упадыш заклепал пушки железом, чем вывел из строя всю новгородскую артиллерию.

Убедившись в нежелании большинства жителей Новгородской земли защищать интересы узкого круга новгородской аристократии, великий государь московский Иван III совершил в 1478 г. поход на Новгород «миром». Город сопротивления не оказал, правящие круги просили лишь гарантировать им безопасность, сохранить имущество и земельные владения.

Присоединение Новгорода к Москве положило начало единому российскому государству, открыло новую страницу русской истории.

Строительство Петербурга в начале XVIII века и перенос столицы империи на берега Невы привели к утрате и крепостного значения древнего города – он сохранил лишь роль важного духовного центра русского православия.

Средневековое новгородское общество было аграрным. Подавляющее большинство населения занималось сельским хозяйством. Город был тесно связан с сельской округой. Земельные богатства в XIV–XV веках составляли основу могущества правящей верхушки – боярства. Богатые боярские семьи и некоторые монастыри имели в своём владении сотни сёл с зависимыми крестьянами. Однако по своему составу сёла были очень небольшие (даже в конце XV века 90% сёл имели всего 1–4 двора). Сельские поселения объединялись в административно-хозяйственные единицы, называвшиеся погостами и являющиеся одновременно церковными приходами. Погостами назывались также главные поселения погостов-земель. В погосте-селе обычно было 10–15 дворов, церковь, имелся староста, происходил суд. Сюда же съезжались люди с окрестных деревень для торга. Нередко на таком погосте жили господа, а также «непашенные люди». В XIV–XV веках возникают сельские торгово-ремесленные поселения, называемые рядками. Обычно они располагались на берегах рек и имели по несколько десятков дворов. До XIII века сельское хозяйство развивалось очень низкими темпами. Оказывали влияние внешние факторы: неурожайность, эпидемии, падеж скота. Крестьяне приграничных земель постоянно страдали от мелких иноземных грабительских набегов. В XIII веке устаревшую подсечно-огневую систему земледелия, заставлявшую крестьян постоянно искать новые леса для создания плодородных почв, а значит и постоянно кочевать, стала заменять новая трехпольная система, дающая большую эффективность.

Новгород был крупнейшим экспортёром мехов в Европу, поставлялись белка, куница, соболь и другой мех. В писцовых книгах упомянуты

около 30 промыслов, которыми новгородцы занимались вдобавок к своим земледельческим работам. К примеру, в писцовой книге упоминается выплавка железа. К концу XV века в Новгороде насчитывалось около 215 домниц, которые обслуживали 503 домника. За год на каждой такой домнице выплавлялось примерно 1,5 тонны металла. Обработывался металл кузнецами, которых насчитывалось 131 человек. Другим промыслом, имевшим наряду с выплавкой железа немаловажное значение для экономики Новгорода, было солеварение. Им занимались многие крестьяне Деревской и Шелонской пятин, а также поморья. Владельцы соляных варниц нанимали сезонных рабочих-копачей. Интересным промыслом был и жемчужный. В летописях московских и других можно найти описание новгородского жемчуга. Хотя сельское хозяйство новгородских земель было в основном натуральным, крестьяне всё же нуждались в продукции некоторых высококвалифицированных ремесленников, давая тем самым стимул для развития ремёсел.

Также широко распространены были гончарное, ткацкое, кожевенно-обувное ремёсла.

Новгород был составной частью торгового пути «из варяг в греки», то есть из стран Скандинавии в Византию. Одновременно Новгород стоял на пути из государств Древнего Востока на Русь и страны балтийского побережья. Начало торговли Новгорода со странами западной Европы относится на период X–XI веков. Торг находился на правом берегу Волхов, напротив детинца, с которым его соединял Великий мост. Лавки, которых было около 1800, делились на ряды. Название ряда соответствовало продаваемой на нём продукции. В XII веке оживились отношения новгородцев с островом Готланд, расположенным в центре балтийского моря и являющимся в XI–XIII веках центром балтийской торговли. Вывозили из Новгорода, в основном, меха. Ещё одним широко вывозимым товаром был воск. Своего воска в Западной Европе не хватало, поэтому новгородские бортники вполне могли не только обеспечивать воском свой регион, но и продавать его за рубеж. Воск продавали кругами весом около 160 кг. каждый. Торговали и кожаной обувью, которой славился в то время Новгород. Ввозили ткани, в основном, дорогое сукно. Новгородское ткачество полностью удовлетворяло повседневные потребности новгородцев в одежде, но для праздничных случаев предпочитали ткани подороже. О размерах ввоза говорят такие факты: в 1410 году у немецких купцов в Новгороде было около 80 000 метров, и причём всё было продано в этот год. Немаловажным являлся ввоз цветных металлов, которых не было в болотистых новгородских землях. Медь, олово, свинец и другие металлы, привезённые с запада, позволяли новгородцам удовлетворять свои нужды. Из продовольствия ввозили соль, сельдь, пряности, а в неурожайные годы и хлеб.

Торговля была опасным делом, поэтому купцы объединялись в гильдии, где они платили свои налоги, но зато были под защитой данной организации. Ввозили в Новгород предметы роскоши и, только отчасти, сырьё для ремесленников. Экспорт же предоставлял возможности для покупки товаров.

Современные историки, не отрицая важности торговли, с полной очевидностью выяснили, что основой хозяйства Новгородской земли было сельскохозяйственное производство наряду с развитым ремеслом.

В древнем Новгороде, в отличие от всех других русских земель, была другая форма государства – республика. При Ярославе Мудром возобновило свою деятельность Новгородское государственное вече, новгородская аристократия – потомки родоплеменных вождей – получила особые судебные права и налоговые льготы, была создана древнейшая редакция «Русской Правды». Важным этапом в формировании республиканских традиций стало обретение новгородской аристократией самоуправления.

В результате переворота 1136 года победили республиканские порядки. Вече превратилось в верховный государственный орган, появились выборные посадники, а лишённых государственной власти князей стали приглашать в Новгород лишь на роль наёмного военачальника. Им было запрещено владеть землёй на территории новгородских волостей. Они даже не имели права селиться в городе и обязаны были жить на Городище.

Таким образом, в Новгороде утвердился республиканский строй, который практически в неизменном виде просуществовал почти три с половиной столетия вплоть до присоединения Новгорода к Москве.

В XII–XIII вв. на Руси одновременно правили несколько сильных князей. Новгородцы заключали союз с каким-либо из них и принимали к себе родственника то смоленского, то черниговского, то владимиро-суздальского князя. Недовольные тем или иным князем горожане изгоняли его, как нередко говорилось в летописи «Указывали ему путь», что было осуществлением на деле «Вольности в князьях».

Смена князей на Новгородском престоле происходила довольно часто. За два столетия (1095–1304) князья менялись 58 раз, иные продерживаясь всего несколько месяцев. Ослабление великокняжеской власти приводило к постепенному усилению роли посадников и расширению их функций. Они не только контролировали действия князей, но и становились главными магистратами республики, сосредоточившими в своих руках всю полноту исполнительной власти.

Следует отметить, что в отдельные периоды власть князей усиливалась, и чаще всего это происходило во времена военной опасности. Так, например, в середине XIII века, когда с запада Новгороду угрожали немецкие рыцари-крестоносцы и шведы, а с юга татары.

В годы княжения Александра Невского новгородцы были вынуждены мириться со своеволием князя, сильной рукой и осмотрительной политикой охранявшим новгородскую землю. Когда Александр Невский покинул Новгород, чтобы занять великокняжеский престол, новгородцы признавали его власть, вернувшись к древней традиции признавать господином Новгорода великого князя, как было во времена Киевской Руси.

Таким образом, до падения новгородской самостоятельности в 1478 году новгородским князем считался тот, кто получал от татарских ханов особый документ – ярлык на великое княжение. При этом новгородцы добились от князей признания своих вольностей: князья не вмешивались во внутренние дела республики, ограничивались причитающимся им сбором налогов и только изредка приезжали в Новгород, оставляя там своих посадников.

Православная вера была идеологической и морально-нравственной основой жизни средневекового общества Новгорода. Принятие христианства постепенно превратило Новгород в мощный духовный центр Руси. Заслуги новгородских владык в защите и развитии православия были отмечены в середине XII столетия возведением их в сан архиепископов и сделали новгородскую владычную кафедру наиболее важной в Русской православной церкви – другие русские епархии управлялись епископами. В 1156 году новгородцы впервые избрали своим духовным пастырем Аркадия, и с тех пор после смерти или отречения от кафедры очередного архиепископа на вече происходили выборы владык.

Архиепископы имели высокий авторитет: не раз они предотвращали кровопролитные столкновения, благословляя противников и уговаривая стороны не проливать кровь своих сограждан.

Благословение владыки было обязательным реквизитом всех договоров Новгорода с русскими князьями и иностранными государствами. Богатейшая казна новгородских владык, именовавшаяся софийской, не раз использовалась для общегосударственных нужд: строительство первых каменных стен Новгородского Кремля, укрепление Торговой стороны, возведение церквей, выплата контрибуции, выкуп взятых в плен новгородцев и т.д.

Новгородское искусство эпохи политической самостоятельности занимает выдающееся место в истории русской культуры. Ранние новгородские храмы во многом напоминают одновременные им киевские постройки, однако уже тогда начали появляться специфические новгородские черты. Во второй половине XII века новгородские зодчие создают новый тип храма. Заказчиками строительства выступают уже, как правило, не князья, а бояре.

Самые значительные достижения Новгородского зодчества – церкви Фёдора Стратилата на Ручью (1360–1361 гг.), Спаса Преображения

на Ильине (1374 год), Петра и Павла в Кожевниках (1407 год). В отличие от ранних памятников новгородской церкви второй половины XIV века, более поздние церкви отмечались богатым убранством, а внутри расписывались фресками.

5.3. Псков

Псков – один из наиболее древних и наиболее замечательных своим прошлым русских городов. Псков – город, который не раз спасал Русь от вражеских нашествий. Немало вражеских полчищ разбилось о его стены. Город, защищавший нашу отчизну, сохранивший в самые тяжелые для Руси времена русскую культуру и развивавший ее, должен быть святыней для всех патриотов своей родины. Для каждого культурного человека Псков дорог как город многовековой культуры, город-музей, сохранивший много прекрасных памятников русской старины. Сама земля Пскова хранит много ценнейшего материала для науки о славном прошлом нашей страны. Множество замечательных памятников русской духовности и материальной культуры оставил древний Псков. Среди богатейшего наследия русской культуры Псков, его искусство и особенно его архитектура занимают весьма почетное место и его памятники особенно дороги тем, кто любит русское искусство. Возникновение Пскова теряется в глубокой, туманной для нас древности. Неизвестно, когда построен Псков и кем, говорит псковская летопись. В 903 году князь Игорь взял себе в жены Ольгу родом из Пскова, следовательно, тогда Псков уже существовал. Наши предки знали, где строить города. На прекрасной местности у широкой реки Великой, в месте впадения в нее реки Псков, возвышалась окруженная водой высокая известковая скала с крутыми обрывистыми краями. Вокруг шумели леса, где водилось множество всякого зверья и дичи, а в реках и озерах было множество рыбы. Река была и средством сообщения. Недалеко отсюда река Великая впадала в Псковское озеро, сливавшееся затем с Чудским. По рекам Эмбаху и Нарове озера сообщались с далекими морями и странами. На этой скале, у слияния реки Великой и Псковы, был построен Кремль, или, как сами Псковичи его называли, Детинец. Город быстро рос и развивался. Его географическое положение на границе Руси и на удобнейшем пути в чужие страны сделало его важнейшим торговым центром. Уже в тринадцатом веке автор немецкой хроники писал о Пскове: «Этот город так обширен, что его окружность обнимает пространство многих городов, и в Германии нет города, равного Пскову». В XV веке уже существовали деревянные стены вокруг Окольного города и каменные укрепления Запсковья, т.е. крайнее наружное кольцо укреплений. Псковичи неустанно укрепляли и украшали свой город, обносили его стенами, строили башни и церкви, заменяли деревянные

постройки каменными, настилали мостовые, строили мосты и переходы через реки и топкие места, расширяли посады. Вражеские нашествия, пожары и повальные болезни не могли остановить рост города. Все с удивительной быстротой восстанавливалось, расширялось и делалось еще краше. Псков сделался сильнейшей крепостью, важнейшим торговым центром и красивейшим городом. Мы уже в миле от Пскова любимся Псковом. «Боже, какой большой город! Точно Париж, – писал польский царедворец Пиотровский, видевший Псков во время осады в 1581 году. – Город чрезвычайно большой, какого нет во всей Польше, весь обнесен стеной, за ней красуются церкви, как густой лес, все каменные, домов за стенами не видно». Шведы, осаждавшие Псков в 1615 году, также оставили свои заметки о красоте Пскова, его блистающих белых стенах и башнях. Со стороны Завиличья дороги проходили сквозь густые, дремучие леса, которые у самого города сменялись широчайшим пространством. Сквозь пролеты между домами и дворами Завиличья блистала широкая полоса реки Великой с белеющими парусами и раскрывалась обширнейшая картина всей Западной стороны Пскова: низкий плавающий мост с толпой на нем, противоположный берег – местами скалистый и высокий, местами низкий, с рассыпанными по нему кое-где башнями, варницами, избушками и пристанями; высокие белые стены города с зубцами и бойницами, покрытые тесовыми крышами; башни, сверкающие своей побелкой; деревянные зубчатые остроги и иконы над воротами, закрытые навесами от дождя. Над всей картиной господствовал Кремль и возвышавшийся Троицкий собор, отстроенные на самом высоком холме Пскова. Привлекали внимание громады угловых башен города – Покровской и Варламской. С севера и востока от города к крепостным рвам подходили леса, местами простирались топи, а кое-где простирались высокие холмы. С востока, у грозной Гремячей башни, в город втекала сквозь пять пролетов с решетками извилистая, усыпанная валунами, река Пскова, на которой шумели колеса и запруды многочисленных мельниц. Кремль был для псковичей священным местом и сердцем Пскова. Здесь, в Троицком соборе, хранились все реликвии города: мечи его князей Всеволода – Гавриила и Довмонта – Тимофея, древние грамоты Пскова, печати и государственная казна, а в нижнем этаже собора были могилы псковских князей. Высокий и широкий собор делил пространство Кремля на две части: в северной его части находились амбары, погреба и житницы, в которых хранились важнейшие для жизни города запасы: хлеб и другое продовольствие, оружие, порох, одежда. Свирепые псы охраняли это место. За воровство, совершенное в Кремле, псковские законы карали смертной казнью. Передняя часть Кремля, перед собором, была занята вторым собором, Благовещенским, и Митрополичьим двором. Все здесь было крупно и величественно. Высоко поднималась стоявшая на Крем-

левской стене колокольница Троицкого собора. На ней весел вечевой колокол, сзывавший псковичей на вече. Рядом с колокольницей высились башня с часами. Двое ворот – Темные ворота и Смердьи – с мостами у них, перекинутыми через поток, соединяли Кремль с Довмонтовым городом. Целый лес храмов и звонниц заполнял Довмонтов город. На пространстве площадью около гектара стояло около двадцати храмов, древних и более новых, больших и маленьких, с приделами и без приделов, с главами различной формы, покрытыми блестящей цветной черепицей и белым луженым железом, деревянной чешуей, штампованным узорчатым железом, свинцом. Множество крестов увенчивало главы всех этих хоть и небольших, но прекрасных построек. Стена, построенная по преданию князем Довмонтом, отделяла Довмонтов город от Среднего города. Широкая, просторная, замощенная громадными плитами площадь Старого торгового пространства сменяла тесно застроенное пространство Довмонтова города. Отсюда через Васильевские ворота в городской стене был выход на Великую реку и Завеличье, через Рыбницкие ворота – выход на Пскову и Запсковье. Отсюда же начинались самые основные большие улицы Пскова: Великая, идущая на юг через весь Средний и Окольный город, Петровская, идущая на Новгородскую дорогу, и Званица, идущая через все Запсковье на Гдовскую дорогу. На этой площади до 1510 года помещался торг, перенесенный потом в Окольный город. Посреди площади стояли два могучих каменных шатра, под которыми укрывали от дождя несколько больших и много мелких пушек и пищалей. Вокруг площади возвышались храмы, у самой городской стены – казенный государев двор, бывший княжий двор с церковью, каменными палатами, караульнями и другими постройками. Караульни, съезжие избы, палаты для писцов окружали площадь, а за ними виднелись улицы и перекрестки, дворы, сады, горки, площади, хоромы и палаты, стены и башни Среднего города. За Средним городом располагался большой Окольный город. То была самая большая и наиболее оживленная его часть. Сады и огороды сменялись улицами и переулками, иногда сплошь деревянной, чаще смешанной застройки, иногда одними каменными. Часто встречались монастыри, окруженные оградами с воротами. С монастырями соревновались наиболее богатые дворы псковских купцов. Обширный Большой торг, окруженный оградой и множеством амбаров и складов, пестрел синеющими, серебристыми и темными тесовыми и драничными кровлями сотен лавок, амбаров и других построек, среди которых сверкал храм Ксении. Тут же были расположены гостиные дворы: Льяной, Немецкий, Московский, Тверской. Тысячи лавок, амбаров, избы, палаты, дома, заезжие дворы, казенные дворы: пушечный, где лили пушки, денежный, таможенный, тюремный, кружечный, где продавалось всякое питье, – великое множество всяких построек заполняло Окольный город. Высокие палаты возвышались над

садами и огородами, амбарами и избами. Темнеющая масса деревянных хором и других построек, казалось, специально существовала для того, чтобы еще больше блистали и светились высокие стены каменных построек. Особенно заботились Псковичи об уюте, удобстве и красоте внутренних жилых помещений и дворов. Деревянная резьба, каменные узоры и яркие цветные изразцы чаще встречались в более интимных и украшенных дворах, чем на улицах. В Окольном городе одинаково легко можно было встретить игумена и игумению из множества псковских монастырей, богатейшего купца, ведущего торг с заграницей, мелкого торговца, ремесленника, простолюдина, землепашца. Невозможно перечислить всех, кто здесь жил, работал, торговал. Более сорока шести рядов Большого торгового двора были заполнены лавками, в которых купить можно было все, что тогда можно было пожелать, начиная от золота, драгоценных тканей и камней, кончая селедками, рогожами и сеном. Какие только богатства не хранились в подклетьях и амбарах купцов, какие только вещи не изготовлялись в многочисленных мастерских, среди которых были мастерские литейщиков, медников, оловянных, сапожников, шапочников, иконников, скорняков и иных мастеров. Изучение прошлого нашего народа наглядно убеждает нас в его высокой культуре. В XVII веке, когда в Западной Европе нечистоты выливались на улицы самых больших городов и почти не существовало сколько-нибудь благоустроенных уборных, в Пскове они были устроены в каждом доме. Немногим меньше, чем Окольный город, было Запсковье. Здесь не было такого множества казенных дворов и построек, не было торгового двора, было больше простых жилых дворов, садов, огородов, но все здесь украшено красивыми строениями, богатыми каменными палатами и дворами. Зимой посреди Псковы-реки, на льду располагался рыбный торг, где так же, как и на берегу, можно было купить свежую, и соленую, и уже вареную рыбу, а также хлеб, калачи и квас. Рядом с рыбным торгом, по другую сторону Запсковского моста, блистали каменными строениями, палатами и оградами Снетогорское подворье и наместничий, позднее Воеводский, двор. За широкой великой рекой раскинулось Завеличье с его древними богатыми монастырями, гостинными заезжими дворами – Люберским и Шведским, где жили иноземные купцы и хранились их товары. Завеличье не было окружено стенами, и его улицы переходили в дороги, идущие через дремучие леса, доходившие отсюда до самого Изборска. На Завеличье, на высоком берегу реки Мирожки, располагалась Стрелецкая слобода. В стороне стояли печи, где обжигали известь и гончарные изделия, а на железной горке – плавильные печи, в которых переплавлялась железная руда. Псковичи, создавая в течение нескольких веков свой город, вкладывали в него все свое умение, все знания, понимание уюта, удобства и красоты. Псков XVI–XVII вв. является результатом многовекового народного творчества. За это время Псков

вынес много десятков войн, вернее же, в течение нескольких десятков столетий вел почти непрерывную войну, двадцать шесть раз был осажден врагами. Немцы были вынуждены удивляться мужеству, воинственности псковичей, их быстроте и решительности. Псковичи не только отбивали все нападения сильнейшего врага и не давали ему покорить хотя бы клочок своей земли, но мстили врагу и сами не раз ходили к немцам с огнем и мечом. «Слышал про мужество ваше во всех странах», – говорил псковичам в 1266 году пришедший из Литвы князь Довмонт. Знаменитый полководец XVI века польский король Стефан Баторий, после того как он получил под Псковом жестокий отпор, писал потом о русских: «Они в защите своих городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа, заграждая проломы грудью, день и ночь сражаясь, едят один хлеб, умирают от голода, но не сдаются, чтобы не изменить своему государю... самые жены мужествуют с ними или гася огонь, или с высоты мстят, опуская камни и бревна в неприятелей. Все жители Пскова, его пригородов и сел, способные биться с врагом, держать оружие, были воинами, не исключая даже духовенства. Под командой храброго князя Довмонта-Тимофея, очень любимого псковичами, девяносто псковских воинов разгромили литовскую рать в семьсот человек, перебив всех князей литовских и великого князя Гогорта. В другой раз, когда немцы неожиданно напали на окраинные Псковские села, Довмонт с шестьюдесятью псковичами догнали на реке Мироповне немецкое войско в восемьсот человек, разбили его, часть изрубили, часть потопили». Разъяренный магистр ордена собрал громадное войско, пешее и конное, с метательными, стенобитными орудиями и осадными башнями, и привел его к Пскову, намереваясь взять его осадой. «Князя Довмонта руками взять, а мужей псковичей одних мечами иссесть, а других в работу взять, – говорит псковский летописец. – Довмонт с небольшой дружиной немедленно вышел из города навстречу немцам и разбил их. Немцы с позором бежали... Еще раз пытались они расквитаться с Довмонтом, напали неожиданно с громадным войском, захватили врасплох монастыри и посады за городом, губили монахов, женщин и детей и намеревались осадить Псков. Довмонт не стал ожидать возвращения большой псковской рати, которой в то время не было в Пскове. В ярости выехал он с малой дружиной своей и дружиной псковича Ивана Дорогомиловича и ударил на немцев. Была злая сеча, какой никогда не бывало у Пскова, ранили самого немецкого командира в голову, а прочие вскоре бросили оружие свое и устремились бежать, уstraшенные мужеством Довмонта и псковичей... Прославилось имя князей наших во всех странах и было имя их грозно на ратях... и был грозен голос их перед полками, как труба звенящий, и были они победителями, а не побежденными. В те времена имя Довмонта гремело наряду с именем Александра

Невского». После Довмонта псковичи по-прежнему громили немцев, не обращая внимания на численное превосходство врага, выходили победителями из самых тяжелых положений, например в героических битвах 1324, 1343, 1407, 1426 годов. Конечно, должно было наступить время, когда Псков должен был потерять свою независимость и свои особые обычаи и положение и войти в состав единого Русского государства. Войдя в состав Московского государства, Псков не потерял своей былой воинской доблести и не перестал служить верным защитником Русской Земли. Преданность псковичей Русской Земле, Русскому государству блестяще выразилась в 1581 и 1615 годах, когда героическая стойкость Пскова спасла Россию от величайших опасностей. «В 1581 году польский король Стефан Баторий разорял русскую землю, он уже распределял русские земли между своими вельможами. С отборной сто-тысячной армией Баторий подошел к Пскову и обложил его. Защитников Пскова было вдвое меньше, чем врагов. Выполнив все осадные работы, поляки 7 сентября начали бомбардировку стен, а восьмого в стене между Покровской и Свиногорской башнями было пробито несколько больших проломов. Начался штурм. В Пскове зазвонил осадный колокол, призывая к бою. Псковичи все до единого бросились к проломам. Даже женщины и старцы приняли участие в битве. Когда враги были вышвырнуты из проломов башен, псковичи продолжали сечу за стенами города. Потеряв 862 человека, они истребили 5 тысяч врагов. Осада затягивалась. Тридцать один штурм был отбит и сорок вылазок сделали псковичи. Надежды на взятие Пскова больше не было, и 6 февраля 1582 года войска Батория отступили». Вот что говорил по этому поводу про Псков и про псковского воеводу Шуйского наш историк Карамзин: «Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени». Не меньшую услугу оказали псковичи России в 1615 году. Россия еще не успела тогда оправиться от страшных бедствий смутного времени. Тяжелым положением России спешил воспользоваться прославленный полководец шведский король Густав-Адольф. Новгород, Гдов, Тихвин, Порхов, Ладога, Старая Русса были уже в руках шведов. Псков был совершенно razoren событиями Смутного времени. Из его населения (70–100 тыс. человек) осталось здоровых людей, способных к бою, не более полутора тыс. человек и кроме того пятьсот конных и тысяча пеших воинов. Но когда шестнадцатитысячное шведское войско появилось у Пскова, богатыри-псковичи сами вышли в поле, напали на шведов и нанесли им урон. Осада продолжалась с 30 июля по 27 октября. В Пскове начались голод и болезни, но псковичи не желали и слушать мирных предложений Густафа-Адольфа. 9 октября произошел наиболее сильный, решительный штурм. «И побито их множество из оружия и камением и калом оба-

ряюще и отидоше посрамлены», – говорит Псковский летописец. Может показаться невероятным, что менее чем три тысячи псковичей били шестнадцатитысячное шведское войско, считавшееся тогда лучшим войском в мире, однако сами шведы описывают и признают эти факты. «Боевая доблесть псковитян удостоверена не только нашими летописцами, но и свидетельством наших врагов», – говорит знаток Пскова Окулич-Казарин. Нравы и обычаи псковичей, их искусство представляют для нас большой интерес. Псков избежал татарского ига, и оно не наложило отпечатков на его нравы, обычаи, его культуру.

5.4. Суздаль

5.4.1. История города Суздаль. Домонгольский период

Впервые Суздаль (Суждаль) появляется в летописи под 1024 годом, как название целой округи, ремесленных поселений на побережье реки Нерль до самой Клязьмы. Археологические раскопки показывают, что здесь были поселения не позднее X века н.э. В XI веке это была богатая земля, входившая в состав Киевского государства.

Христианство неохотно принималось в этих краях, населенных главным образом смердами-общинниками. Проповедников изгоняли или убивали. После того как правивший в то время Ярослав Мудрый издал новые законы, приведшие к еще большей зависимости смердов от богатой части населения, на суздальской земле вспыхивает восстание, подавлять которое приехал сам Ярослав.

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. его сыновья разделили между собой земли. Всеволод Ярославич получил Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье и Переславль Южный, которые потом перешли к его сыну Владимиру Мономаху. Во время правления Мономаха богатые суздальские земли пытался отвоевать у него князь Олег Святославович, владевший Муромом и Черниговом, и при нападении сжег Суздаль.

Этим посягательства на город не окончились. В 1107 г. на Суздаль напали волжские болгары. После нападения болгар Мономах строит в Суздале первый христианский собор (Успенский. До нас собор не дошел, но по сведениям раскопок и реконструкции, проведенных А.Д. Варгановым, это было мощное кирпичное четырехстолпное здание с одной главой.

После Мономаха Ростово-Суздальским княжеством правит его сын Юрий Долгорукий, который делает Суздаль стольным градом, а княжескую резиденцию размещает в соседней Кидекше на берегу Нерли. Таким образом он заодно брал под контроль и водный путь до Суздаля по реке Каменке. Из-за частых вражеских набегов и местных восстаний Юрий Долгорукий был вынужден возвести вокруг города земляные ук-

репления, на верху которых устанавливались стены из заостренных сверху дубовых бревен. Земляные валы сохранились и до сих пор. Снаружи крепости с севера и запада стену огибала Каменка, а с востока – ров. В город было три въезда с башнями и воротами.

В это время в Суздаль начинает стекаться ремесленный и торговый люд, и с восточной части разрастается посад. Он также был обнесен земляными укреплениями с дубовым тыном и воротами. С севера посад был защищен и искусственным рвом («Нетёкой»).

Также вокруг города начинают занимать земли и монастыри. Уже в конце XI века на высоком правом берегу Каменки вырастает Дмитриевский Печерский монастырь, находившийся под покровительством киевского митрополита Ефрема.

В городе концентрируется несколько сил: княжеская власть, бояре и горожане. Им было суждено оказывать свое влияние на предстоящую борьбу за власть сына Юрия Долгорукого Андрея Боголюбского.

Князь Андрей, которого суздальские бояре хотели сделать правителем Суздаля, при этом сохраняя свое вече, сначала принял их предложение, затем отказался подчиняться боярской знати и начал политику укрепления единовластия, за что и поплатился: недовольная его политикой и удалениями неугодных бояр старая ростово-суздальская знать составляет заговор, и 29 июня 1174 г. заговорщики проникают во дворец Андрея в Боголюбове и убивают его.

После гибели Андрея суздальцы пытаются выйти из подчинения Владимиру, куда Андрей Боголюбский перенес столицу княжества, но это им не удается. Младший брат князя Андрея Всеволод III (Большое Гнездо) остается княжить во Владимире. При нем Суздаль продолжает расти и укрепляться. При впадении в Каменку речки Мжары располагается владение младшего брата Всеволода Михалки – Михайловская слобода (Михали).

После смерти Всеволода в 1212 г. Владимиро-Суздальское княжество было разделено между его многочисленными сыновьями. Суздаль в 1217 г. отдан Юрию Всеволодовичу, который перестраивает собор, построенный его дедом Юрием Долгоруким в 1148 г. Новый белокаменный трехглавый собор получает название Рождественского. Нашествие монголо-татарской орды в 1237–1238 гг. не обошло и Суздаль. Под предводительством хана Батые орды осадили Владимир и вверх по течению Нерли пошли к Суздалю. Обманув расчеты великого князя Георгия, ожидавшего врагов на реке Сить, ордынцы вышли на Ярунову гору, в непосредственной близости от кремля. Суздаль был сожжен и разграблен, а почти все его жители перебиты или взяты в плен. Был уничтожен Введенский монастырь. Дружина великого князя была разбита на реке Сить.

В 1257 г. Суздаль был обложен данью, сбором которой занимались баскаки – ордынские сборщики. Владимирский престол в это время утрачивает свое реальное значение, а Суздаль превращается в центр религиозной жизни. В нем строятся новые монастыри. В северной части города рядом с Рисположенским строится Троицкий монастырь, на северо-западе от них на высоком берегу Каменки – Александровский (предания связывают его название с именем Александра Невского), на востоке на излучине Каменки – Васильевский. От ранних построек этих монастырей не осталось и следа – все они были деревянными.

Под влиянием политики московских князей суздальский князь Константин Васильевич переносит столицу Суздальско-Нижегородского княжества на Волгу, подальше от влиятельного соседа. Во время противостояния суздальских и московских князей строятся мощные Спасский (Спасо-Евфимиев) и Покровский монастыри, служившие также и крепостями.

В 1392 г. московский князь Василий Дмитриевич получает в Орде ярлык на Суздальско-Нижегородское княжение. Это означало окончание независимости Суздаля, хотя попытки восстановить политическую власть и прежнюю территорию княжества продолжались вплоть до 1445 года. К концу XV – началу XVI века Суздаль уже полностью подпадает под власть усилившейся Москвы, и его монастыри становятся местом ссылки неугодных представителей княжеских и боярских родов. Больше всего именитых ссыльных побывало в женском Покровском монастыре, которому в связи с этим доставались и богатые дары.

Утратив свое политическое значение, город становится крупным религиозным центром. Здесь располагается центр Суздальской епископии, получившей в конце XVI века статус архиепископии. В монастырях Суздаля оживляется каменное строительство. Одним из первых заменяет деревянные строения каменными Покровский монастырь, вслед за ним – Спасо-Евфимиев. Надстраивается кирпичом древний Рождественский собор. В Рисположенском монастыре строится новый каменный собор. Покровский монастырь часто навещал царь Иван IV Грозный. К его приезду суздальский архиерей сооружает в кремле церковь Благовещения.

В Суздале появляются свои иконописцы, чеканщики, серебряники.

На стенах кремля в XVI в. насчитывалось 15 башен. Эта стена огораживала ту часть Суздаля, которая считалась собственно городом. Там помещались осадные дворы богатых суздальцев – бояр, князей, монастырских владык, – «жилецкие» избы и архиерейский двор. Тюрьма и пороховой погреб тоже были в черте города. Ворота, проезжие и проходные, были оборудованы спускными решетками и подъемными мостами.

С востока к городу примыкал посад, обнесенный с XII века вторым валом с бревенчатым тыном. В середине посада лежала торговая площадь, окруженная улицами и переулками, в которых жили торговцы и ремесленники.

За Каменкой перед кремлем раскинулись заливные луга: Андреев луг (ныне Ильин), Луг ворон, Болотоусов. Все луга принадлежали суздальскому архиерею. Между Андреевым лугом и монастырями помещалась Кожевенная слобода.

XVII век для Суздаля начался с оставившего заметный след на облик города польско-литовского разорения. После того как в 1607 г. Лжедмитрий II расположился под Москвой в местечке Тушино (за что получил прозвание «Тушинский вор») и не смог взять Москву приступом, отряды польско-литовских войск принялись за разграбление окрестных городов.

В 1608 г. после непродолжительной осады польско-литовские отряды взяли Суздаль, разграбили и подожгли. В 1611 г. город снова подвергся нападению литовцев. Следы этих трагических событий еще долго сохранялись и в облике города, и в памяти суздальцев. В борьбе за освобождение Московского государства от польского вторжения Суздаль принял активное участие: в 1612 г. суздальский князь Дмитрий Пожарский с большим отрядом выступил на помощь народному ополчению.

В первой четверти XVII века Суздаль преследовали неурожаи и, как следствие этого, крестьянские бунты. В 1634 г. на Суздаль напали крымские татары. После этого Суздаль постепенно начал отстраиваться заново. Но XVII веку, видимо, было суждено стать одним из самых несчастливых для Суздаля: в 1644 г. его отдают как приданое за Ириной, дочерью царя Михаила Федоровича, датскому королевичу Вольдемару Гольштинскому. Пожар 1646 г. уничтожил весь посад, а чума 1654 г. унесла жизни почти половины горожан.

После всех несчастий первой половины XVII века Суздаль снова начал оправляться. Каменное строительство, правда, было под силу только богатым монастырям – Спасо-Евфимиеву и Покровскому. Прочие монастыри с трудом справлялись с постройкой немногочисленных своих зданий. Постепенно монастыри богатеют, что приводит к увеличению церковного строительства. Присланный из Москвы строитель Никифор Беклемишев возводит вокруг кремля новые стены с башнями. В Суздале появляются свои каменщики; зодчие Мамин, Грязнов и Шмаков из посадских людей становятся выдающимися мастерами своего времени. В 1708 г. Петр I издал указ о разделении России на 8 губерний. Суздаль оказался уездным городом Московской губернии, а еще через год, когда Московскую губернию поделили на 9 провинций, стал центром отдельной провинции.

В 1714 г. в городе была учреждена первая школа, а в 1723 г. – духовная семинария, выпускником которой был химик Д.И. Виноградов, изобретатель русского фарфора.

Начало XVIII века для Суздаля было тяжелым. Начатые Петром I Северная война и строительство Петербурга привели к новым трудностям: необходимы были люди и средства. Суздальские монастыри страдали от мобилизации своих крестьян на работы в Петербург, на верфи в Воронеже, в Москву. В 1719 г. город уничтожает пожар, а вскоре от эпидемии снова вымирает почти половина жителей.

Но, несмотря ни на что, торговые посадские люди отстраивают свою часть города, посад расширяется, строятся каменные дома купцов взамен деревянных. К XVIII веку относится такое явление в архитектуре города, как строительство «парных» церквей – «летних» и «зимних» рядом. В то время как монастырское строительство сильно сокращается, деревянные городские церкви сменяются новыми каменными, могущими поспорить красотой с храмами монастырей.

В 1767 г. в Спасо-Евфимиевом монастыре учреждается тюрьма для «безумствующих колодников», иначе говоря, для политических преступников.

В 1776 г., после образования Владимирской губернии, Суздаль становится уездным городом и получает новый герб – белого сокола на синем фоне. Епархия переводится в губернский центр, и здание архиерейских палат передается духовной семинарии. В палатах размещается бурса – общежитие для семинаристов, обучающихся за казенный счет. Те помещения, которые не были заняты бурсой, отданы под жилье для учителей, а склады и кладовые архиерейских палат отдаются суздальскому купечеству для хранения товаров.

В 1788 г., при Екатерине II, царским правительством утверждается новый генеральный план Суздаля. Им предусмотрены правильные прямоугольные кварталы и прямые улицы. Но старая планировка города оказалась достаточно устойчивой, и реконструкция только выпрямила и удлинила центральную улицу и расширила границы Суздаля, который теперь включал в себя не только старую центральную часть, но и предместья – монастыри с ремесленными слободами. Строится новая прямая улица – Васильевская, названная по монастырю.

В XVIII веке написан известный труд Анания Федорова «Историческое собрание о граде Суждале», дополнявшийся позднее сведениями других местных краеведов.

После утверждения регулярного плана города в конце XVIII века в Суздале продолжается каменное строительство. Это, в отличие от прошлых веков, главным образом гражданские здания. В 1806–11 гг. в центре города вырастают Торговые ряды (Гостиный двор), в 1834 г. – Приступственные места (сейчас это здание занимает загс). В 1820-х гг. стро-

ятся ломбард и таможня. После победы над Наполеоном возводится 72-метровая колокольня.

В середине XIX века появляются так называемые богоугодные заведения – Вихреевский женский приют (ныне детский сад № 3), Шишкинский приют для мальчиков-сирот (в нем в советское время размещалась ветеринарная лечебница). Купец Блохин на свои средства открывает Блохинскую богадельню (в советское время – художественное училище). Строится здание земской управы.

Главная улица застраивается купеческими домами, различающимися по архитектуре в зависимости от вкусов владельцев. Эти здания дошли до нас, не сильно изменившись.

Суздаль растет и развивается как купеческий город. В Гостином дворе к середине XIX века насчитывалось до 180 «растворов» – торговых лавок, принадлежавших суздальским и приезжим купцам. Ежегодно 23 сентября на большую ярмарку в город съезжались купцы со всей России. Это неудивительно, ведь через Суздаль в то время проходил торговый путь из южных губерний на север, в Петербург и Архангельск. В самом Суздале и его окрестностях жители занимались сельским хозяйством, держали сады и огороды; также были развиты и ремесла: чеканка, златошвейное искусство, узорное ткачество, литье колоколов. Суздальская мануфактура и кожи продавались во всех южных городах России.

После строительства Николаевской железной дороги значение Суздаля как торгового города стало резко падать. Усиливаются мануфактуры соседнего Иванова, а в Суздале остается несколько небольших предприятий и частные ремесленники, получающие заказы от ивановских и ореховских фабрик.

5.5. Москва

Первое летописное упоминание о Москве связано с именем Юрия Долгорукого. Он же считается и строителем первого городского укрепления на месте Москвы. Поэтому за ним прочно укрепилась репутация основателя Москвы, и уже в советское время князю Юрию Долгорукому был поставлен памятник на одной из центральных площадей столицы.

На самом деле вопрос об основателе Москвы не такой простой. Некоторые историки, например, считают, что строительство первого укрепления осуществлял не сам Юрий Долгорукий, а его сын, Андрей Боголюбский. Много неясного и в вопросе о том, как и когда Москва оказалась под властью Юрия Долгорукого. Легенда, дошедшая до нас в редакции XVII в., говорит о том, что ранее Юрия Москвой владел Кучка (или Кучко). Однако достоверность многих эпизодов из этой легенды подвергается сомнению.

Первые летописные упоминания о Москве относятся к 1147 и 1156 гг. Под 1147 г. Ипатьевская летопись сообщает о встрече в Москве князей Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича. Под 1156 г. в Тверской летописи помещено известие о строительстве «града Москвы». К сожалению, ни из первого, ни из второго сообщения нельзя сделать однозначного вывода о дате возникновения города Москвы. В известии 1147 г. Москва не называется городом. Что касается сообщения 1156 г., то оно дошло до нас в позднем (XVI в.) летописном сборнике. Строительство Москвы приписывается в этом сборнике Юрию Долгорукому, который в 1156 г. был на Юге. Поэтому многие историки оспаривают дату, указанную в летописи. Как отмечал еще в конце прошлого века С.Ф. Платонов, «из двух наиболее ранних известий о Москве одно настолько неопределенно, что само по себе не доказывает существования города Москвы в 1147 году, а другое, хотя и очень определенно, но не может быть принято за доказательство того, что город Москва был основан в 1156 году». Из сообщения Ипатьевской летописи можно сделать вывод, что Москва в 1147 г. уже существовала. Но так как данное известие не называет Москву городом, большинство историков считает Москву этого времени селом. Принадлежало это село, очевидно, ростово-суздальскому князю Юрию Долгорукому, который звал Святослава: «Приди ко мне, брате, в Москов». Согласно легенде, записанной в XVII в., прежде Юрия Москвой владел боярин Степан Иванович Кучка (или Кучко). Юрий Долгорукий велел казнить его за какую-то дерзость, Москву забрал себе, сыновей Кучки отправил в столицу княжества, а на дочери женил своего сына Андрея (будущего князя Андрея Боголюбского).

Итак, в 1147 г. Москва уже принадлежала Юрию Долгорукому. Когда и при каких обстоятельствах суздальский князь завладел этой вятичской территорией? Для того чтобы разобраться в этом, следует поставить вопросы о личности прежнего владельца Москвы и о причинах женитьбы Андрея Юрьевича на дочери Кучки. Браки князей и их сыновей (особенно старших) носили политический характер; Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский были достаточно активны и честолюбивы, так что брак Андрея не мог быть исключением. Легенда называет Кучку боярином. Какова же была политическая выгода от женитьбы Андрея на дочери боярина (тем более, казенного боярина)?

По мнению М.Н. Тихомирова, Кучко был вятичским старшиной или князьком. В этом случае нетрудно понять смысл женитьбы Андрея на Кучковне: благодаря этому браку Юрий Долгорукий мог стать владельцем Москвы и прилегающих территорий.

Причины, по которым Юрий Долгорукий хотел приобрести Москву, вполне понятны. Москва была перекрестком важных дорог: на север – в Ростов, на восток – в Суздаль, на юго-восток – в Рязань, на юг –

в страну вятичей и Северскую землю, на запад – в Смоленск. Москва была нужна суздальскому князю как пограничный пункт по отношению сразу к трем соседям: Смоленскому, Рязанскому и Черниговскому княжествам. Помимо этого, Москва в силу своего географического положения часто играла в последующие годы роль сборного пункта для военных походов. Роль московского пункта должна была усилиться в связи с переносом столицы в Суздаль. Из Суздаля в Смоленск целесообразнее было выбирать путь не по Волге, как из Ростова, а по Клязьме, оттуда волоком в Язу, затем по Москве-реке. Еще один фактор, обусловивший внимание к Москве, связан с экономической блокадой Новгорода: для того чтобы не пропустить в Новгород рязанский хлеб, нужно было контролировать дорогу Рязань-Новгород, которая шла через Москву.

В 1156 году, еще при Юрии Долгоруком, строился «мал деревян град» – укрепление, обнесенное мощной деревянной оградой. Согласно Тверской летописи, примерно в это время и были построены первые деревянные стены Московского Кремля. Сама же территория была в несколько раз меньше современной, но уже имела форму неправильного треугольника. За стенами крепости раскинулись сады и деревеньки. Кремль для окрестного населения был хозяйственным и торговым центром, местом для спасения от неприятеля.

Неизвестно, была ли в XII веке церковь в Москве, но, согласно преданию, на большом Боровицком холме стояла когда-то хижина монаха-отшельника Буколы. А в XIII веке князь Даниил Александрович, сын Александра Невского, построил в Кремле деревянную церковь Спаса на Бору, то есть в сосновом лесу.

В XIV веке Иван Калита вместо деревянной церкви возвел каменную. Здесь молились Дмитрий Донской и великий князь Иван III.

Древние стены и сама Москва в XIII веке были сожжены дотла полчищами хана Батые. Еще много раз горела столица, и не однажды враги разоряли город, истребляя его жителей. Но каждый раз Москва возрождалась, отстраивалась, укрепляя и расширяя свои границы. Постепенно она стала военно-стратегическим, административным и политическим центром Древней Руси, а затем и всей России.

До нас дошли летописи и легенды, повествующие о прекрасном граде белокаменном, что стоял на высоком холме, над широкой рекой, окруженной дремучим бором, защищенном крепостными стенами с башнями-бойницами, за которыми сверкали золотые маковки многочисленных церквей. Крепость эта была построена в 1367 г. московским князем Дмитрием взамен деревянной времен Ивана Калиты. Клади крепостные стены из крепкого битого камня, заливали известковым раствором и облицовывали белокаменными обтесанными громадными блоками.

Более ста лет спустя великий князь Иван III начал невиданное строительство в Кремле: возводились новые соборы взамен обветшавших, мостилась белым московским камнем первая и главная площадь Кремля – Соборная. Облик этой площади начал формироваться еще в конце XII века, а в начале XIV столетия она уже окончательно обрела современный вид. На Соборной площади стоят архитектурные памятники: Грановитая палата, звонница с колокольней «Иван Великий»; церковь Ризоположения. Особое место на площади отводится главному кафедральному собору России – Успенскому, построенному в 1479 г. итальянским архитектором Аристотелем Фьораванти. Он строился как главный храм Российского государства. Здесь проходили обряды венчания на царство, «поставления» (назначения) митрополитов и патриархов, коронации российских императоров и императриц. Жемчужина Соборной площади – Грановитая палата, где давались торжественные приемы. Там же устраивались и пиры по случаю побед русского оружия. Вход с Соборной площади в Грановитую палату – через Красное (Красивое) крыльцо. На нем с XV века появлялись перед народом и великие князья, и цари, и императоры, но здесь они не обращались к нему. Царскую волю зачитывали народу царские дьяки на Ивановской площади, зачитывали громко, отсюда и пошло выражение «кричать на всю Ивановскую». Кремль, постоянно меняющий свой облик, все время перестраивался и укреплялся. Так и стал московский Кремль символом российской государственности, крупнейшим архитектурным ансамблем мира, богатейшей сокровищницей исторических реликвий, памятников культуры и искусства.

5.6. Ярославль

Наиболее вероятными точками отсчета жизни Ярославля следует признать 1010 и (или) 1024 годы. Некоторые авторы, повествуя об основании города, называют Ярославль княжеским опорным пунктом. Считается, что князь должен был объехать свои владения, чтобы предстать перед подданными как новый правитель, собирать дани и оброки, организовывать управление, вести суд и расправу. Владения первых князей простирались на длину их меча, а власть целиком зависела от дружины. Под княжеским опорным пунктом следует понимать административный, судебный, религиозный центр, где постоянно существует военный гарнизон, подчиненный князю или законным его представителям (тиун, огнищанин). Именно города стали центрами распространения древнерусской цивилизации, основанной на новой религии, новом экономическом и политическом фундаменте. Одним из таких центров стал Ярославль – будущая столица удельного княжества, опора княжеской государственной власти.

В составе Владимиро-Суздальского княжества Ярославль оставался до 1218 года, а затем стал столицей самостоятельного удельного княжества. Город начал активно развиваться и богатеть, быстро застраиваться. Здесь было открыто первое в Северо-Восточной Руси духовное училище с редкой по тому времени библиотекой, в которой одних книг на греческом языке насчитывалось более тысячи.

В 1238 году Ярославль разорили монголо-татарские войска. Ярославский князь Всеволод принимал участие в сражении с татарами на реке Сити, где сам погиб. Его сыновья были убиты при обороне города. Горожане не желали смириться с потерей независимости и часто поднимали восстания против татар. Одним из самых крупных стало выступление 1257 года, когда из Ярославля изгнали татарских наместников, явившихся для переписи населения и сбора дани. Горожане мужественно сопротивлялись большому карательному татарскому отряду, но силы были неравными. Место сражения получило название «Гора печали», «Туговая гора». Древнерусское слово «туга» означало скорбь, печаль. По преданию, на Туговую гору женщины Ярославля приходили оплакивать своих погибших мужей, отцов и сыновей.

Еще не раз ратники Ярославля храбро сражались с поработителями. Их полки стояли под знаменами Александра Невского на Ледовом побоище и Дмитрия Донского на Куликовом поле. Среди Ярославских князей особенно прославился князь Василий по прозвищу Грозные очи, женатый на дочери Ивана Калиты. После его смерти княжество распалось на три уезда, а в дальнейшем на множество мелких вотчинных владений, зависимых от Москвы.

В 1463 году Ярославское княжество полностью вошло в состав Московского государства. Последний ярославский князь Александр, по прозвищу Брюхатый, уступил свои владения Ивану III за земли под Москвой.

Значение Ярославля как торгового центра возрастало с каждым столетием. В городе сходились торговые пути с низовьев Волги и из Западной Европы. Славились изделия ярославских мастеров – серебряная и медная посуда, набивные ткани.

Осенью 1608 года Ярославль был захвачен поляками и литовцами, но на следующий год, призвав на помощь вологодское ополчение, горожане освободили город. Вместе с ополчением Минина и Пожарского, пришедшим в Ярославль в 1612 году, отряды Ярославцев отправились освобождать Москву.

Еще некоторое время Ярославль продолжал быть военной крепостью. В XVII веке обновляются его защитные сооружения, возводятся новые. В 1692 году город стал владением царствующего дома. К XVIII веку по числу жителей Ярославль уступал лишь Москве, а по торговому обороту Москве и Казани. Однако с постройкой Петербурга он

оказался в стороне от торгового пути, связывающего Россию с Западной Европой. Город утратил значение и как крепость, зато приобрел славу промышленного центра. Петровские указы о ношении платья нового образца и о бритье бороды в Ярославле применялись особенно строго. Образец одежды нового покроя висел на стене Власьевской башни, а стоявший здесь караул штрафовал бояр, не желавших расставаться со старыми нарядами. За ношение бороды платилась пошлина: по данным за 1711 год за 72 бороды с посадских людей было взыскано в казну 370 рублей.

При Петре I в Ярославле создаются первые мануфактуры. В 1722 году здесь начинает работу первая полотняная фабрика. К концу столетия в городе действовало уже 70 промышленных предприятий, в их числе 10 шелковых мануфактур и 20 кожевенных заводов. В городе сформировалось несколько довольно многочисленных сословий, среди которых только купцов насчитывалось около шести тысяч человек.

В конце XVIII века Ярославль становится губернским городом. Его экономическое значение возрастает, особенно быстро развивается город с проведением железной дороги, связавшей его с Москвой и Севером европейской части России.

К концу XIX – началу XX века Ярославль оставался крупным промышленным центром России с преобладанием текстильного производства.

5.7. Киев

Киев – один из древнейших городов Руси. Вещественные археологические источники подтверждают, что Киев существовал уже во второй половине V – начале VI века как политический и культурный центр Полянского союза племен. Летописи называют основателем города трех братьев – Кия, Щека и Хорива. По имени старшего брата город и получил свое имя. «Повесть временных лет» рассказывает о первых скандинавских князьях Киева – Аскольде и Дире, при которых город набрал большой политический вес.

Киев стоял на важнейших путях – «из варяг в греки», в Царьград, в Азию, на Дон, в Новгород, этим привлекая к себе внимание князей, обосновавшихся на севере. В XI веке Киеву пришлось выдержать борьбу с Хазарским каганатом, а в 882 году князь Олег перенес сюда из Новгорода великокняжескую резиденцию. Решение было продиктовано внешнеполитическими соображениями, поскольку в то время центры европейской политики были сосредоточены в Средиземноморье. Официальное перенесение столицы государства в Киев произошло позднее.

Уже в начальный период существования государства – Киевской Руси – Киев занимал значительную территорию. Как и большинство

славянских городов, он был укреплен земляным валом с деревянными стенами и окружен глубоким рвом. Оборонительные сооружения были необходимы, так как столица вела войну с внешними врагами. В X веке на Киев совершали набеги хазары, борьбу с которыми победоносно завершил князь Святослав Игоревич в 965 году. Через три года к стенам города подошли новые враги – печенеги. Князь Святослав в то время находился с дружиной в Болгарии, и киевлянам пришлось выдержать длительную осаду. Им на помощь пришла дружина с другого берега Днепра, а вскоре с Дуная вернулся и Святослав.

Расцвет древнерусского Киева приходится на время княжения Владимира Святославовича и его сына Ярослава Мудрого. При князе Владимире был построен первый киевский кремль, известный в истории под названием «Город Владимира», расширялось деревянное и активно велось каменное строительство. В годы его княжения Русь была крещена, и с 988 года ее религией стало христианство. Повсюду разрушались языческие капища, на месте которых воздвигались храмы. При Владимире Киев превратился в один из крупнейших и богатейших городов Европы.

Еще прекраснее город стал при сыне Ярославе Мудром, которому удалось одержать победу над всеми политическими противниками и стать единодержавным правителем Руси. Князь Ярослав разгромил и внешних врагов, расширил территорию Руси, отодвинув от Киева границы государства. При Ярославе каменное строительство в городе продолжалось: была завершена постройка кремля, Золотых ворот и собора Святой Софии. Появились новые оборонительные сооружения. В середине XII века Русь вступила в период политической раздробленности и значение Киева несколько упало, но он по-прежнему привлекал внимание русских князей, которые неустанно вели борьбу за владение им. В конце XII века Киев утрачивает значение политического центра Древней Руси и становится центром Киевского удельного княжества. В то же время он оставался одним из центров русской культуры: здесь существовали государственные школы, велась переписка книг и составлялись библиотеки, писались летописи и создавались произведения духовной и светской литературы. Высочайшего уровня достигли живопись, прикладное и ювелирное искусство, а киевские перегородчатые эмали пользовались большим спросом на торговых рынках Европы.

Роковым для Киева стал 1240 год: в декабре к его стенам подошли полчища хана Батыея, и после героической обороны, длившейся, по словам летописца, десять недель и четыре дня, город был захвачен и разрушен, большинство его жителей погибли. С уходом монголо-татар жизнь в городе начала постепенно возрождаться, и уже через пять-шесть лет Киев имел немалое население.

Налаживались экономика и международная торговля. Киев посещали купцы из Польши, Германии и других стран.

В 1362 году Киев вошел в состав Великого княжества Литовского, а спустя 100 лет город стал центром Киевского воеводства. На рубеже XIV–XV веков город несколько раз подвергался татарским набегам. В 1569 году по Люблинской унии Киев вошел в состав Польши.

В середине XVII века развернулась освободительная война украинского народа, потрясая до основания всю Речь Посполитую. В 1615 году была основана Киевская братская школа, коллективным членом которой стало казацкое войско. С того времени Киев становится центром борьбы против насаждения на Украине католицизма и униатства. В конце 1648 года к Киеву подошло казацкое войско во главе с Богданом Хмельницким. Ему навстречу вышли почти все жители города. Летом 1651 года литовское войско гетмана Радзивилла захватило Киев, который был им разграблен и разрушен.

Упорная борьба украинского народа 1648–1654 годов завершилась торжественным актом воссоединения Украины с Россией, а 16 января 1654 года все население Киева встречало прибывших с Переяславской рады русских послов во главе с Бутурлиным. С 17 по 19 января киевляне присягали на верность России.

Киев сразу же начал восстанавливаться: разрушенные в период освободительной войны старые крепостные укрепления ремонтируются, строятся новые. В их сооружении участвует русский гарнизон, который был направлен в Киев для защиты города от польско-шляхетских войск.

По губернской реформе 1708 года Киев получает статус столицы Киевской губернии. Торговля и ремесло развивались на Подоле, где в начале XVIII века насчитывалось 209 дворов ремесленников и 30 купеческих. Работали в городе несколько мануфактур; самой крупной из них была государственная шелковая мануфактура, получавшая сырье из обширных местных садов, высаженных здесь же на Подоле, в которых выращивался шелкопряд. Большим спросом в России и за рубежом пользовалась продукция киевских кондитерских, «сухое варенье» – цукаты, пастила и конфеты, которые поставлялись и для царского двора в Петербурге. Из Киева на север страны в больших количествах отсылались сушеные фрукты, славившиеся по всей России.

Возрастает роль Киева как центра просвещения, науки, литературы. Среди учебных заведений города крупнейшим был Киево-Могилянский коллегиум, преобразованный в Киевскую академию.

При всем этом к концу XVIII века в Киеве преобладала преимущественно деревянная застройка; узкие улицы и низкий уровень благоустройства придавали городу неприглядный вид.

В XIX веке Киев превратился в один из крупных торговых и промышленных центров России. Этому способствовало развитие паромод-

ства по Днепру, что значительно увеличило объем перевозок и поставляемых в город товаров. Если в начале XIX века в городе было лишь несколько небольших предприятий, то в середине столетия в Киеве работали 59 заводов и 14 фабрик. К 1861 г. число жителей Киева составляло 65 тысяч человек, в конце века – 250 тысяч, а к 1913 г. – около 630 тысяч.

С сооружением железных дорог Москва-Курск-Киев и Киев-Одесса, с дальнейшим развитием пароходства на Днепре Киев становится значительным транспортным центром.

До Первой мировой войны Киев занимал четвертое место в России по численности населения, третье место – по застроенности территории и считался лучшим российским городом по уровню коммунальных удобств¹.

¹ Изложено по: Города России. – М.: Белый город, 2005.

ТЕМА 6. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ГОРОДА XIX–XX ВЕКОВ

6.1. Урбанизация

К 1848 г. только одна экономика имела эффективную промышленность – британская и потому была самой передовой в мире.

К 1840-м гг. США и большая часть Западной и Центральной Европы встали на путь промышленной революции. В середине 1830-х гг. Ричард Кобден считал, что уже можно с уверенностью сказать, что США могли считаться серьезным соперником британцев, а с 1840-х гг. немцев, у которых уже началось быстрое промышленное развитие. И некоторое время спустя все оставалось без изменений, к 1840-м гг. фактические изменения в промышленности неанглоязычного мира были скромными. К примеру, к 1850 г. во всей Испании, Португалии, Скандинавии, Швейцарии и на всем Балканском полуострове протяженность железнодорожных путей насчитывала немного более 100 миль – это меньше, чем во всех неевропейских странах вместе взятых. Если не считать Британии и еще некоторых мест, экономическая и общественная жизнь в 1840-х гг. не очень изменилась с 1788 г. Большинство населения мира, как и раньше, были крестьянами. В 1830 г. все еще лишь один город насчитывал более миллиона жителей (Лондон), один – население более полумиллиона человек (Париж) и, не считая Британии, лишь 19 европейских городов населяло более 100 тыс. жителей.

Экономический кризис, разразившийся почти по всей Европе в 1846–1848 гг., являлся следствием депрессии в сельском хозяйстве. В экономике старых режимов это был последний и самый тяжелый упадок. Следствием его стал целый ряд существенных изменений в мире.

Первым из таких изменений было демографическое. Население в мире (и особенно население стран, ощутивших влияние индустриальной революции) значительно возросло. Поскольку перепись населения велась в немногих странах, да и та была далека от реальности, мы точно не знаем, как быстро росло население в этот период, рост происходил неодинаково, и (за исключением тех стран, где и до этого было много незаселенных районов, таких, как Россия) быстрый рост происходил в основном в наиболее экономически развитых странах. Население США (выросшее из-за иммиграции и усилившее свой рост благодаря безграничности районов и ресурсов континента) увеличилось почти в 6 раз с 1790 по 1850 г. – с 4 до 23 млн. Население Великобритании почти удвоилось с 1800 по 1846 г., то же произошло и в европейской части России (не считая Финляндии). Население Норвегии, Дании, Швеции, Голландии и большей части Италии почти удвоилось с 1750 по 1850 г., но в

течение нашего периода увеличивалось не так быстро, а население Испании и Португалии возросло в 3 раза.

Нам мало что известно об остальном мире, хотя в Китае население быстро увеличивалось в XVIII – начале XIX вв., пока не началось вторжение европейцев и циклическое развитие китайской политической истории привело к краху процветающей Маньчжурской династии, которая в этот период находилась в зените своей славы. В Латинской Америке оно увеличилось примерно такими же темпами, как и в Испании. Никаких признаков бурного роста населения в других частях Азии не наблюдалось. Численность населения оставалась без изменений. Только некоторые пустые пространства заселялись белыми поселенцами, и там население росло высокими темпами, так же как и в Австралии, где в 1790 г. не было белых обитателей, а к 1851 г. их уже было полмиллиона.

Вторым существенным изменением были связи. Железные дороги только создавались в 1848 г., хотя в Британии, а также и в США, Бельгии, Франции и Германии уже имели большое практическое значение, но даже и до их введения в действие это было новшеством по тогдашним меркам, захватывающим дух. В Австрийской империи, к примеру (за исключением Венгрии), было построено более 30 тыс. миль железных дорог с 1830 по 1847 г., и их протяженность, таким образом, увеличилась на 2/3. В Бельгии с 1830 по 1850 г. сеть железных дорог почти удвоилась, и даже в Испании, благодаря французской оккупации, почти удвоилась протяженность железной дороги. США, как всегда, более значительные в своих предприятиях, чем любая другая страна, увеличили сеть своих дорог для почтовых карет более чем в 8 раз: с 21 тыс. миль в 1800 г. до 170 тыс. миль в 1850 г. В это время в Британии создавалась система каналов, во Франции было построено 2 тыс. миль каналов (1800–1847 гг.), в США были открыты также грандиозные водные пути по Эри, Чезапик и Огайо. Общий тоннаж перевозок по воде в западном мире увеличился более чем в 2 раза с 1800 до начала 1840-х гг., а в это время Британию и Францию уже соединяли пароводные линии (1822 г.) и по Дунаю вверх-вниз ходили пароходы. (В 1840 г. около 370 тыс. тонн было перевезено на пароходах, а под парусами 9 млн фактически это уже составляло 1/6 всех перевозок.) Здесь американцы опередили весь мир, соревнуясь даже с Британией за обладание самым крупным торговым флотом.

Нам не удастся точно определить, насколько увеличилась скорость перевозок, но новая почтовая связь, позаимствованная у французов и англичан, которая после 1824 г. проходила от Берлина до Магдебурга за 15 часов вместо двух с половиной дней, уже существовала. Железная дорога и замечательное изобретение Роланда Хила – служба стандартизации для почтовых нужд в 1839 г. (связанная с изобретением липких штемпелей в 1841 г.) – увеличили почтовые перевозки, но даже до них,

в странах менее развитых, чем Британия, они значительно возросли: с 1830 по 1840 г. количество писем, отправленных во Францию за год, выросло с 64 до 94 млн.

Третьим крупным изменением было изменение объема торговли и миграции. С 1780 по 1840 г. общий объем международной торговли в западном мире увеличился более чем в 3 раза, а с 1780 по 1850 г. он увеличился более чем в 4 раза. По современным меркам все эти цифры представляются очень скромными, но по сравнению с предыдущими временами, с которыми их в свое время сравнивали современники нашего периода, эти изменения превосходили всякое воображение.

Более всего потрясает скорость перелома, который произошел в развитии экономики и в социальной жизни примерно с 1830 г. Вне Британии период французской революции и ее войны вызвал сравнительно небольшое движение, за исключением США, которые сделали скачок вперед после своей войны за независимость, удвоив обрабатываемые площади к 1810 г., увеличив количество судов в 7 раз и в общем демонстрируя свои будущие возможности. (Не только хлопкоочистительная машина, но и паровой двигатель, первое усовершенствование производства на сборочном конвейере, мукомольная мельница Оливера Эванса на конвейерной ленте – все это изобрели американцы в данный период.) Основы большинства изобретений для более поздней промышленности, особенно тяжелой индустрии, были заложены в Европе, но не многие из них дожили до конца войн, которые повсеместно вызвали кризис. В целом период с 1815 по 1830 г. был неким шагом назад, а в лучшем случае – медленным восстановлением. Государства вкладывали свои деньги в наведение порядка, что было нормально при строгой дефляции. Промышленность была охвачена кризисом и не выдерживала соревнования с иностранными государствами. Американская хлопкоперерабатывающая промышленность терпела убытки. Урбанизация шла медленно, до 1828 г. сельское население во Франции росло так же быстро, как и городское. Сельское хозяйство в Германии находилось в упадке. Никто из обозревателей экономического роста этого периода, даже не принимая в расчет значительный экономический рост Британии, не испытал бы пессимизма, но не многие из них могли утверждать, что какая-либо страна, кроме Британии и, возможно, еще США, находилась уже на пути к промышленной революции. Наглядным примером новой промышленности, не считая Британии, США и Франции, являлось наличие паровых двигателей, паровозов, но в 1820-х гг. их было ничтожно мало.

После 1830 г. ситуация стала резко меняться, так что к 1840 г. предметом серьезного обсуждения в Западной Европе и кошмаром политиков и администрации стали характерные социальные проблемы индустриализации: новый класс – пролетариат, бесконтрольная головоружительная урбанизация. Количество паровозов в Бельгии удвоилось,

а их мощность утроилась, с 1830 и по 1838 г. с 354 (11 тыс. л.с.) до 712 (30 тыс. л.с.). К 1850 г. в маленькой, но теперь уже высокоиндустриальной стране насчитывалось около 2300 паровозов мощностью 66 тыс. л.с. и было добыто 6 млн тонн угля (почти в 3 раза больше, чем в 1830 г.). В 1830 г. в бельгийской угледобывающей промышленности не было ни одного акционерного общества, а к 1841 г. почти половина угледобычи производилась такими компаниями.

Не стоит пытаться определить точно, когда в таких странах, как Франция, германские государства, Австрия или какая-либо другая страна, в течение этих 20 лет зародилась современная индустрия: Круппы в Германии установили свой первый паровой двигатель в 1836 г., первая коксовая печь была установлена в знаменитом чешском сталеплавильном центре Витковицы в 1836 г., первые шахты великого Рурского угольного бассейна были прорыты в 1837 г., а в Ломбардии в 1839–1840 гг. был запущен первый прокатный стан Фалька. Всюду почти одновременно, исключая Бельгию и, пожалуй, Францию, период настоящей всеобщей индустриализации наступил только после 1848 г. С 1830 по 1848 г. возникли промышленные районы, знаменитые промышленные центры и фирмы, чьи названия известны с тех пор и поныне. Так, в Британии производство товаров народного потребления, в основном текстиля, а также некоторых продуктов питания, привело к бурному росту индустриализации, а основные предметы производства (железо, сталь, уголь и т.д.) были уже более важны, чем в первые годы британской промышленной революции: в 1846 г. 17% бельгийского производства выпускало главные товары, тогда как в Британии – примерно 8–9%. К 1850 г. 3/4 бельгийских промышленных паровых двигателей применялись в шахтах и металлургии. Если рассматривать Британию, общее число новых промышленных предприятий – фабрик, кузнечных цехов или шахт – было довольно невелико, а вокруг них множество дешевых домашних производств с отсталой технологией, с договорным трудом, и число их увеличивалось из-за того, что фабрики и рынки испытывали в них необходимость, а при последующем развитии фабрик и рынка в них отпала необходимость, и они перестали существовать. В Бельгии (1846) общее число рабочих на шерстяных, полотняных и хлопковых фабриках было соответственно 30, 35 и 43, в Швеции (1838) общее число рабочих на каждой текстильной фабрике было от 6 до 7 человек. С другой стороны, имелись признаки того, что в Британии концентрация производства намного выше, чем там, где промышленность стала развиваться позже, иногда являясь промышленным центром, окруженным сельскохозяйственным производством. Там использовался опыт новичков индустриализации, основанный на более развитой технологии, и зачастую они получали более значительную поддержку от правительства. В Богемии (1841) 3/4 всех хлопкопрядильных фабрик использовали труд 100

рабочих; и почти половина из 15 фабрик имела более 200 рабочих каждая. (С другой стороны, все ткацкие предприятия до 1850-х гг. работали на разных станках.) Это явление было даже больше распространено в тяжелой индустрии, которая теперь выдвинулась вперед, в Бельгии на среднем литейном заводе (1838) работали 80 рабочих, на средней бельгийской угольной шахте (1846) – около 150 человек, уже не говоря о промышленных гигантах, как Кокериллы из Серейна, на которых работали 2 тыс. человек.

Промышленный пейзаж, таким образом, напоминал каскад озер, усеянных островами. Если мы представим, что страна – это озеро, промышленные центры будут островами на этих озерах, сельскохозяйственными комплексами (такими, как сеть деревень с мануфактурами, характерными для центра Германии и Богемских гор) или индустриальными районами; текстильными городами, такими, как Мульхауз, Лиль или Руан во Франции, Эльберфельд-Бармен (родина Фридриха Энгельса, где жила его семья благочестивых фабрикантов) или Крефельд в Пруссии, в Южной Бельгии или в Саксонии. Если мы посмотрим на широкие массы независимых ремесленников, крестьян, везущих продукты своего труда зимой на продажу, рабочих-надомников, сезонных рабочих и представим их озером, то островами на этом озере покажутся рабочие фабрик, заводов, шахт и кузнечно-прессовых цехов. Весь пейзаж – это будет почти одна вода; а если метафору приблизить немного к действительности, то островки тростника – это та продукция, которая вырабатывалась в торговых и промышленных центрах. Домашние и другие виды производства, зародившиеся ранее как некие придатки феодализма, все еще существовали. Большинство из них (Силезские полотняные производства) сокращались с потрясающей быстротой. Большие города едва ли подвергались индустриализации, хотя в них проживало много рабочих, ремесленников, работавших в сфере услуг, транспорта и других государственных служб. Во всем мире в городах с населением более 100 тыс. человек, не считая Лиона, только британские и американские являлись настоящими промышленными центрами. В Милане, к примеру, в 1841 г. имелось буквально два маленьких паровых двигателя. Фактически типичный промышленный центр в Британии так же, как и в Европе, представлял собой маленький или средний провинциальный городок или комплекс деревень.

Индустриализация в Европе и до некоторой степени в Америке имела одно важное отличие от британской. Предварительные условия частного предпринимательства здесь были не столь благоприятны. Как мы видели в Британии, после 200 лет медленной подготовки производственный процесс не испытывал недостатка в стимулах производства и никаких препятствий для полного развития капитализма со стороны

казенных органов. В других же местах все было по-иному. В Германии, к примеру, существовала определенная нехватка капитала.

Франция обладала значительными резервами капитала, который оно экспортировало, пользуясь технической экспертизой по всей Европе, и даже после 1850 г. через Лондонскую главную компанию омнибусов – в Британию. К 1847 г. около 2250 млн франков было вложено за границей – по сумме эти капиталовложения вторые после британских и неизмеримо больше, чем вклады какой-либо другой страны. Париж был центром международного финансового мира, лишь немного отставая от Лондона; правда, во времена кризиса, как, например, в 1847 г., несколько сильнее. Французские предприниматели основали газовые компании в Европе (во Флоренции, в Венеции, Падуе, Вероне) и получили преимущественные права открывать такие же компании по всей Испании, в Алжире, в Каире и в Александрии. Французские предприниматели финансировали железные дороги почти по всей Европе (за исключением Скандинавии).

Все же экономическое развитие Франции шло заметно медленнее других стран. Ее население росло слабо. Города (не считая Парижа) росли умеренно, в начале 1830-х гг. некоторые даже уменьшались. Промышленная мощь Франции в конце 1840-х гг. была значительно больше любой другой страны на континенте: у нее было столько паровых двигателей, сколько у всех европейских государств вместе взятых, но она уступала первенство Британии, да и Германия была близка к тому, чтобы обогнать ее.

В США положение дел было совершенно иным. Страна испытывала недостаток капитала, но была готова импортировать его в любых количествах, а Британия как раз была готова экспортировать свой капитал. Страна испытывала недостаток рабочей силы, а Британские острова и Германия экспортировали свое излишнее население. После Великого голода середины 40-х гг. миллионы людей отправлялись в США. В стране не хватало специалистов, но даже те рабочие хлопкопрядильный фабрик из Ланкашира, шахтеры из Уэльса и сталеплавильщики могли быть получены из того региона мира, где уже было налажено промышленное производство, а характерная американская привычка изобретать технику для экономии рабочей силы и облегчения условий труда уже проявилась во всю силу. В США не хватало ни населенных пунктов, ни транспорта, для того чтобы осваивать бескрайние территории и ресурсы. Самого процесса внутренней экспансии было достаточно, чтобы поддерживать экономику в состоянии непрерывного роста, хотя американские поселенцы, власти, миссионеры и торговцы освоили всю сушу вплоть до Тихого океана и направили свою торговлю, поддерживаемую самым динамичным и вторым по величине торговым флотом в мире, через океаны, от Занзибара до Гавайских островов. К этому времени

американская империя обосновалась в Тихом океане и Карибском бассейне.

Каждый институт новой республики поддерживал накопительство, изобретательность и частное предпринимательство. Огромное вновь прибывшее население оседало в приморских городах и в недавно занятых внутренних штатах, нуждалось в одних и тех же личных предметах домашнего обихода, сельскохозяйственных товарах и технике и тем самым способствовало созданию идеального однородного рынка. Изобретательность и предприимчивость были вознаграждены с лихвой: изобретение парохода (1807–1813 гг.), консервированная пища для моряков (1807 г.), винторезный станок (1809 г.), зубное протезирование (1822 г.), изолированный провод (1827–1831 гг.), револьвер (1835 г.), идея создания пишущей и швейной машин (1846 г.) и множество технических приспособлений и устройств для фермерского хозяйства. Нигде, кроме Америки, экономика не развивалась с подобной скоростью, и, несмотря на это, настоящий бурный подъем начался только после 1860 г.

На пути превращения США в мировую экономическую державу было одно важное препятствие-конфликт между промышленно-аграрным Севером и полукOLONиальным Югом. В то время как Север извлекал выгоду от получения из Европы и в значительной мере из Британии капитала, трудовых ресурсов и технологий, являясь экономически независимым государством, Юг (который мало чем пользовался из этих ресурсов) являлся типичным государством, зависимым от Британии. Юг Америки являлся главным поставщиком быстро растущих фабрик Ланкашира, чем и увековечил свою независимость, так же как Австралия, которая производила только шерсть, как Аргентина – только мясо. Юг выступал за свободную торговлю, которая позволила бы ему продавать свою продукцию Британии, а у нее покупать дешевые товары. Север почти с самого начала (1816 г.) защищал отечественных промышленников от иностранных, в первую очередь британских капиталистов, чей товар в то время был дешевле. Север и Юг соперничали за влияние на западных территориях, выступая одни за плантации, обрабатываемые рабами, и отсталые, но экономически независимые районы на возвышенностях, занятых поселенцами, другие – за применение на этих землях своих жаток и за устройство массовых скотобоев, но только до тех пор, пока не настала эра трансконтинентальной железной дороги; и благодаря железной дороге Средний Запад не получил здесь главный рынок сбыта и не обрел тут значительное экономическое преимущество. Преимущество капиталистической экономики в Америке стало очевидным после Гражданской войны 1861–1865 гг., в результате которой произошло объединение Америки под руководством капиталистического Севера.

Уже в XX в. планета людей стала планетой больших городов. Рост городского населения и особенно больших городов, необычайно усилившийся в последние десятилетия, во много раз превышал общий рост населения земного шара, в свою очередь характеризовавшийся «демографическим взрывом». К 2000 г., по прогнозам, население земного шара превысит 6 млрд человек, из которых в городах будет жить более 3 млрд.

По оценкам, городское население мира в 1800 г. составляло около 27 млн человек (лишь около 3% населения мира в то время), в 1850 г. – 75 млн (около 6%), в 1900 г. – 218 млн человек (13,6%). В XX в., и особенно во второй его половине, начинается стремительный рост городского населения: в 1950 г. – 738 млн человек (29,3% всего населения мира), в 2000 г. – 2926 млн человек (47,5%); в первой четверти XXI в. прогнозируется дальнейший рост городского населения – до 5056 млн человек в 2025 г. (61,1% населения мира).

Рост городского населения происходит как за счет развитых стран, где его доля в общем населении страны приближается к 80–90%, так и особенно за счет быстро урбанизирующихся развивающихся стран. Крупнейшими «урбанистическими гигантами» XXI в. – странами с городским населением свыше 100 млн человек – будут в 2025 г. Китай (832 млн), Индия (630 млн), США (281 млн), Бразилия (205 млн), Индонезия (167 млн), Нигерия (147 млн), Пакистан (142 млн), Россия (119 млн), Мексика (117 млн), Япония (103 млн). Конечно, для развивающихся стран в значительной степени будет характерна отмеченная ниже «ложная урбанизация».

Быстро растет количество больших городов, в том числе мегагородов (по терминологии, принятой ООН, к ним относятся городские агломерации с населением свыше 8 млн человек в каждой): в 1950 г. их было 2, в 1994 г. – 22; ожидается, что в 2015 г. их будет 33.

Важно отметить неуклонный рост доли населения, сосредоточенного в крупнейших городах (свыше 1 млн человек и особенно – свыше 10 млн человек в каждом), и снижение доли населения в городах с населением до 1 млн жителей (как в развитых, так и в развивающихся странах).

Масштабы и тенденции роста крупнейших городов хорошо иллюстрируются табл. 6.1, в которой проанализированы данные по 30 крупнейшим агломерациям мира за 1950–2025 гг. Они указывают не только на огромный абсолютный рост крупнейших агломераций, но и на их сосредоточение все в большей степени в развивающихся странах.

Таблица 6.1

Тридцать крупнейших агломераций мира в 1950–2015 гг.

Городская агломерация	1950 г.		1990 г.		2015 г. (прогноз)	
	место	млн человек	место	млн человек	место	млн человек
1	2	3	4	5	6	7
Нью-Йорк	1	12,3	2	16,1	11	17,6
Лондон	2	8,7	23	7,3	–	–
Токио	3	6,9	1	25,0	1	28,7
Париж	4	5,4	14	9,3	29	9,6
Москва	5	5,4	17	9,0	–	–
Шанхай	6	5,3	5	13,5	4	23,4
Эссен (Рур)	7	5,3	27	6,4	–	–
Буэнос-Айрес	8	5,0	10	10,6	19	12,4
Чикаго	9	4,9	24	6,8	–	–
Калькутта	10	4,4	9	10,7	12	17,6
Осака	11	4,1	12	10,5	24	10,6
Лос-Анджелес	12	4,0	7	11,5	17	14,3
Пекин	13	3,9	8	10,9	8	19,4
Милан	14	3,6	–	–	–	–
Берлин	15	3,3	–	–	–	–
Мехико	16	3,1	3	15,1	10	18,8
Филадельфия	17	2,9	–	–	–	–
Петербург	18	2,9	–	–	–	–
Бомбей	19	2,9	6	12,2	2	27,4
Рио-де-Жанейро	20	2,9	13	9,5	21	11,6
Детройт	21	2,8	–	–	–	–
Неаполь	22	2,8	–	–	–	–
Манчестер	23	2,5	–	–	–	–
Сан-Пауло	24	2,4	4	14,8	6	20,8
Каир	25	2,4	18	8,6	16	14,5
Тяньцзин	26	2,4	15	9,3	14	17,0
Бирмингем	27	2,3	–	–	–	–

Окончание табл. 6.1

1	2	3	4	5	6	7
Франкфурт-на-Майне	28	2,3	–	–	–	–
Бостон	29	2,2	–	–	–	–
Гамбург	30	2,2	–	–	–	–
Сеул	–	–	И	10,6	18	13,1
Джакарта	–	–	16	9,3	5	21,2
Дели	–	–	19	8,2	13	17,6
Манила	–	–	20	8,0	15	14,7
Карачи	–	–	21	8,0	7	20,6
Лагос	–	–	22	7,7	3	24,4
Стамбул	–	–	25	6,5	20	12,3
Лима	–	–	26	6,5	26	10,5
Тегеран	–	–	28	6,4	27	10,2
Бангкок	–	–	29	5,9	25	10,6
Дакка	–	–	30	5,9	9	19,0
Лахор	–	–	–	–	22	10,8
Хайдарабад	–	–	–	–	23	10,7
Киншаса	–	–	–	–	28	9,9
Мадрас	–	–	–	–	30	9,5

Так, в 1950 г. из 30 крупнейших агломераций 20 располагались в Европе, Северной Америке, Японии и только 10 – в развивающихся странах. В 1990 г. соотношение меняется: из 30 агломераций лишь 9 размещаются в развитых странах, а 21 – в развивающихся. Список крупнейших агломераций покидают Милан, Берлин, Филадельфия, Петербург, Детройт, Неаполь, Манчестер, Бирмингем, Франкфурт, Бостон, Гамбург; этот список пополняют Сеул, Джакарта, Дели, Манила, Карачи, Лагос, Стамбул, Лима, Тегеран, Бангкок, Дакка.

Предполагается, что в 2015 г. среди 30 крупнейших агломераций останутся только 5 из развитых стран (Токио, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Осака, Париж); эту группу покинут Лондон, Москва. 25 агломераций будут располагаться в развивающихся странах. Феноменальный рост прогнозируется для Бомбея (27,4 млн человек), Лагоса (24,4 млн), Шанхая (23,4 млн), Джакарты (21,2 млн), Сан-Пауло (20,8 млн), Карачи (20,6 млн), Пекина (19,4 млн), Дакки (19,0 млн), Мехико (18,8 млн). Лишь на 11-м месте в этом списке окажется Нью-Йорк (17,6 млн). Возможно, что некоторые из прогнозов не оправдаются: так,

некоторое время назад прогнозировался рост Мехико до 30 млн жителей, что не подтвердилось. Однако основная тенденция очевидна.

Отметим относительно медленный рост городов в развитых странах, что связано с изменившейся в этих странах демографической ситуацией и уже достигнутым очень высоким уровнем урбанизации.

Дальнейшая эволюция форм расселения под воздействием процессов развития и концентрации производства приводит к сближению и срастанию агломераций, формированию мегалополисов – урбанизированных зон наагломерационного уровня, включающих обширные территории. Афинский центр экистики выделял в начале 80-х гг. 66 мегалополисов, в том числе 43 сложившихся и 23 формирующихся с общим населением 1,4 млрд человек. Предполагается, что в 2000 г. их количество составит более 160 и в них будет сосредоточено 45–50% населения мира. Наиболее крупные мегалополисы формируются в США вдоль Атлантического побережья между Бостоном и Вашингтоном («Босваш»), в районе Великих озер между Чикаго и Питтсбургом («Чипитс»), в Калифорнии между Сан-Диего и Сан-Франциско («Сан-Сан»), в Западной Европе в Англии (Лондон – Ливерпуль) и вдоль Рейна (Рейн – Рур – Рейн – Майн), вдоль восточного побережья Японии между Токио и Осакой («Токайдо») и др. Основные размеры указанных мегалополисов, по примерным подсчетам, приведены в табл. 6.2.

Таблица 6.2

Крупнейшие мегалополисы мира

Наименование мегалополисов	Количество агломераций	Население, млн чел	Площадь, тыс. км	Плотность, чел/км	Протяженность главной оси, км
«Босваш» (Бостон–Вашингтон)	40	45	100	450	800
«Чипитс» (Чикаго–Питтсбург)	35	35	160	220	900
«Сан-Сан» (Сан-Диего – Сан-Франциско)	15	18	100	180	800
«Токайдо» (Токио–Осака)	20	55	70	800	700
Английский (Лондон–Ливерпуль)	30	30	60	500	400
Рейнский (Рандштадт–Рейн–Рур–Рейн–Майн)	30	30	60	500	500

В ряде исследований признается формирование в Западной Европе «дельта полиса» с населением 80 млн человек на сопредельных территориях Англии, ФРГ, Бельгии, Голландии, Франции общей площадью 230 тыс. км². Интенсивно формируются мегалополисы Сан-Рио (Сан-Паулу – Рио-де-Жанейро), Визагмаха-нагар (дельты Ганга – Брахмапутры), Джабан (Джакарта – Бандунг), Пектян (Пекин – Тяньцзинь), Шанхай – Нанкин – Чанчжоу, Лагос – Ибадан, Гуаньчжоу – Шаньчжэн – Сянган (Гонконг), Каир – Александрия, района Ла-Платы и др.

В 1989 г. в СССР насчитывалось 6216 юродских поселений, в том числе 2190 городов, из них 23 города с населением более 1 млн человек, а также 4026 поселков городского типа. После 1917 г. было создано около 1500 городов.

В России темпы и масштабы урбанизации также были огромными (табл. 6.3).

Таблица 6.3

Рост городов Российской Федерации, млн человек

Год	Все население	В том числе:		Доля городского населения
		городское	сельское	
1913	89,9	15,7	74,2	17
1940	110,1	37,9	72,2	34
1959	117,5	61,6	55,9	52
1979	137,6	95,4	42,2	69
1989	147,4	108,4	39,)	74
1991	148,5	109,8	38,7	74
1993	148,7	108,9	39,8	73
1996	148,0	108,1	39,9	73
В современных границах Российской Федерации				

В 1989 г. в России насчитывалось 3230 городских поселений, в том числе 1037 городов; в 1993 г. – 3258 городских поселений, в том числе 1064 города; в 1996 г. – 3109 городских поселений, в том числе 1087 городов.

В начале 90-х гг. быстрый и крупномасштабный рост городского населения России резко замедлился: если в 1959–1979 гг. он составлял около 1,5 млн человек ежегодно, в 1979–1989 гг. – около 1,3 млн, то в 1989–1996 гг. – менее 0,7 млн человек.

В 1991 г. была достигнута максимальная численность городского населения; начиная с 1992 г. она перестала расти и стала снижаться. При этом несколько выросло сельское население, в том числе за счет преобразования некоторых сельских поселений в городские. Стабилизировалась или стала снижаться численность населения большинства крупных городов.

Насколько устойчивы эти тенденции? По-видимому, эти процессы, отражающие трудности переходного периода, отчасти носят временный характер и неоднозначны для разных регионов и типов городов. Сложная демографическая ситуация в России, сохраняющееся притяжение больших городов, высвобождение населения из сельской местности по мере преобразований в сельском хозяйстве, миграционные потоки из стран ближнего зарубежья и отчасти районов Севера, направляющиеся преимущественно в города, будут оказывать противоречивое влияние на динамику городского населения России. Города, в особенности крупные, будут расти, но, конечно, не теми темпами, как в предшествующие десятилетия.

В настоящее время на территории России 13 городов-миллионеров (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Новосибирск, Екатеринбург, Самара, Челябинск, Омск, Пермь, Казань, Уфа, Ростов-на-Дону, Волгоград) и 3 города приближаются к этому порогу (Красноярск, Саратов, Воронеж). В Москве – 9 млн жителей, а в Московской агломерации – более 13 млн, в Санкт-Петербурге – 5 млн, а в агломерации – около 6 млн жителей; 157 городов России имеют население от 100 тыс. человек до 1 млн, в том числе 20 городов – от 500 тыс. до 1 млн жителей.

Существенно, что в последнее время, особенно с начала 70-х гг., мощный и, казалось бы, необратимый процесс урбазации в ряде развитых стран застопорился и в целом мире приобрел сложный «асимметричный» характер: нарастающий по масштабам в развивающихся странах, где сохраняются прежние тенденции, и весьма своеобразный в развитых странах, где происходит как бы «растекание агломераций» – развитие городских поселений на неметрополитенских пространствах, в особенности вокруг агломераций, наряду с интенсивными сдвигами в новые районы (например, юг и запад США). При этом периодические призывы и усилия по реанимации городских центров (в том числе с учетом больших энергетических потерь при расползании городов) постепенно, возможно, смогут стимулировать обратное перемещение населения в центры городов и прилегающие к ним городские зоны.

В целом новейшие тенденции урбанизации противоречивы, а в разных странах и даже регионах одной страны – нередко противоположны по своему содержанию, количественным характеристикам и географическому рисунку.

6.2. Новые пространственные формы расселения

Как уже отмечалось выше, в исторической эволюции форм расселения на смену традиционным типам населенных мест (городским и сельским поселениям, развивающимся относительно автономно) все более приходят новые «групповые» формы высококонцентрированного расселения, образующиеся при сближенном размещении поселений и формировании между ними интенсивных связей. Таковы городские агломерации – быстро развивающиеся во всем мире скопления населенных мест, состоящих нередко из десятков, а иногда из сотен населенных пунктов, включая сельские поселения, тесно связанные друг с другом. Их развитие – одна из наиболее характерных черт современного размещения производительных сил и расселения.

Единой терминологии для обозначения этих скоплений населения не существует. Наряду с термином «городская агломерация» употребляются термины: «локальные системы расселения», «районы больших городов», «групповые системы расселения», «ареалы взаимосвязанного расселения», «созвездия городов», «метрополитенские ареалы, стандартные метрополитенские ареалы», «метрополитенские районы», «города-поля», «конурбации» (последние чаще всего для обозначения многоядерных, «полицентричных» агломераций, образующихся вокруг не одного, а нескольких больших городов).

Как видно из этого перечня, поиски терминов для отображения рассматриваемого очень сложного явления, исследуемого к тому же множеством наук, оказались весьма нелегкими. Наиболее распространенный термин «городская агломерация» (от лат. «agglomerare» – присоединять, прибавлять) не вполне удачен. В технологии промышленного производства агломерация означает «образование крупных кусков (окускование) из мелкой руды и пылеватых материалов путем спекания». В экономической литературе термином «агломерация» характеризуется территориальное совмещение, концентрация в одном месте промышленных предприятий. В известной мере этот процесс характерен и для скоплений населенных мест, которые «спекаются», образуя различные по форме и структуре образования.

Однако одна из идей регулирования агломераций заключается как раз в том, чтобы предотвратить «спекание» населенных мест, сохраняя незастроенные пространства. Поэтому в ряде исследований и проектировок вместо термина «городские агломерации» применяется более строгий термин «групповые системы населенных мест», хотя этот термин менее лаконичен и лишен указания на движущий фактор развития системы.

Для развития городских агломераций характерны: наращивание гигантских городских агломераций характерны: наращивание гигантских

городских скоплений, включающих безостановочно растущие и располагающиеся ядра, вовлекающие в свою орбиту все новые территории, концентрация в них больших масс населения; быстрое развитие пригородов и постепенное (хотя и не везде явно прослеживаемое) перераспределение между городами-центрами и пригородными зонами; привлечение сельского населения к несельскохозяйственному труду, в особенности в городской местности; маятниковые миграции и систематические передвижения людей в пределах агломерации на работу, к местам учебы, культурно-бытового обслуживания и отдыха, приобретающие беспрецедентный масштаб (в Польше для оценки масштаба явления, связанного с маятниковыми трудовыми поездками в большие города из малых городов и сельской местности, применили даже термин «автобусная революция»).

Предложены различные критерии выделения городских агломераций: плотность городского населения и непрерывность застройки; наличие большого города-центра (как правило, с населением не менее 100 тыс. человек); интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок; удельный вес несельскохозяйственных рабочих; доля работающих вне места жительства; количество городских поселений-спутников и интенсивность их связей с городом-центром; число телефонных разговоров с центром; производственные связи; связи по социально-бытовой и технической инфраструктуре (единые инженерные системы водоснабжения, энергоснабжения, канализации, транспорта и пр.) В ряде случаев принимают в качестве критерия комбинацию признаков, в других – ориентируются на один из них (например, выделяют границы агломераций по 1,6- или 2-часовым изохронам трудовых передвижений от города-центра). Ряд авторов приходят к выводу о невозможности совпадения границ, выделенных на основе различных системобразующих факторов, и исследуют сочетание («переплетение») систем, формирующихся вокруг основного ядра. Особенности в подходах обуславливают различия в делимитации (определении границ) агломераций: выделяют «границы в узком смысле слова», «В широком смысле слова», «планировочные границы» и т.п.

При больших различиях в подходах и методах сущность явления развития городских агломераций, как указано выше, достаточно выяснена. Формирование высококонцентрированных сгустков взаимосвязанного расселения отражает процесс роста и концентрации производительных сил, усиления контрастности расселения, сосредоточения многих видов деятельности в наиболее эффективных для их развития ареалах. Автономный город не отвечает масштабам и интенсивности этого процесса, требующего более широкой территориальной базы. Следовательно, городская агломерация – система территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устой-

чивыми трудовыми, культурно-бытовыми и производственными связями, общей социальной и технической инфраструктурой, – качественно новая форма расселения, она возникает как преемник города в его компактной (автономной, точечной) форме, особый продукт современной урбанизации.

«Границы городской агломерации подвижны во времени благодаря изменению попыток устранить их недостатки, возникшие первоначально вследствие беспорядочного роста, в действительности не в состоянии помешать городам расти еще более беспорядочно... Несмотря на огромную разницу в экономической и социальной структурах, одинаковая тенденция роста наблюдается во многих других городах Дальнего и Среднего Востока, Северной и Южной Африки, Советского Союза, Канады, Южной Америки – поистине во всем мире!».

Дж. Уэруэйн, один из ведущих американских исследователей городов, рисовал следующую картину безудержного стихийного роста агломерации: «...Наступление на окружающую территорию начинается из центра города. Оно распространяется здесь, как и в других местах, наподобие ледника – бессмысленно и неумолимо... Эта стихия ползет, подобно леднику, продвигаясь вдоль всех радиальных дорог. 20 сельских поселков, имевшихся в нашей местности, были захвачены один за другим. Они слились в единую пригородную массу, не имеющую ни определенной формы, ни четкой внутренней структуры. Целостность прежних поселков, каждый из которых был особой общественной единицей, теперь оказалась раздавленной, словно утюгом... Все эти люди живут в одной и той же среде: не в городах, не в деревнях, а в дикой местности. Но эта дикость не цельной или упорядоченной природы, а стандартизированной и беспорядочной цивилизации».

Сейчас достаточно ясно осознано, что лавинообразный процесс развития агломерированных форм расселения, образования разрастающихся скоплений населенных мест, формирующих на обширных пространствах новую урбанизированную среду, носит объективный характер, отвечает тенденциям концентрации производительных сил и форм общения. Вместе с тем выявляются новые тенденции и особенности этого процесса.

Как уже отмечалось, анализ сдвигов, происшедших в последние десятилетия в развитых странах, показывает замедление темпов роста крупнейших городских ядер и ускоренный рост населения в субурбанизированных зонах, а затем на внеагломерационных, «неметрополитенских» территориях. Несмотря на некоторые локальные особенности, это явление характерно для всех стран с высоким уровнем урбанизированности как в Европе, так и в Северной Америке.

Социологические обследования, проведенные американскими и европейскими исследователями, показали, что тенденции субурбанизации

и интенсивного роста неметрополитенских ареалов достаточно устойчивы. Основные причины, побуждающие население выезжать из крупных городских центров, известны: экологический кризис, интенсивное развитие индивидуального транспорта (высокий уровень автомобилизации при наличии развитой сети удобных скоростных магистралей), улучшение уровня жилищно-бытовых условий в малых городах и сельских местностях. Изменяется и экономический климат малых городов. По мере роста автоматизации, позволившей обходиться меньшим производственным персоналом невысокой квалификации, появилась возможность строительства новых промышленных объектов в малых, средних городах и даже в сельских местностях. Во внеагломерационных районах стоимость жизни ниже, здесь можно, например, дешевле приобрести дом с участком.

Существенно, что наиболее важное значение в оценках и прогнозах приобретает разделение не на городское и сельское население, а на метрополитенское (в зоне влияния городов – СМСА¹) и неметрополитенское (остальная территория страны). По американским источникам (Харитонов, 1983), «резкая дихотомия: сельская местность и город, которая была столь долго частью американской сцены, сейчас исчезает»; вместо этого предпочитают говорить о «сельско-городском континууме» (взаимопроникновение мест расселения, мест приложения труда, стиля жизни и ценностных представлений городских и бывших сельских жителей). За послевоенные годы в США численность неметрополитенского населения изменилась незначительно – с 62 до 59 млн человек, тогда как численность фермерского населения сократилась с 30 до 8 млн; численность метрополитенского населения возросла с 70 до 158 млн человек; это последнее, сосредоточенное в 279 СМСА (в 1940 г. – 168), на 14,6% территории страны, ныне составляет 73% ее населения (в 1940 г. – 52,8%).

При общей тенденции к сокращению численности населения городов территориальные размеры города продолжают постоянно расти. По некоторым оценкам, территория населенных мест увеличивается примерно в 4 раза быстрее, чем растет численность населения. Расширение городских территорий происходит из-за увеличения площади квартир (новые квартиры не только занимают большие площади, но и требуют качественного улучшения благоустройства, а следовательно, и площадей под инженерные коммуникации), разрастания промышленных предприятий, транспортных систем и т.п. Территории многоквартирной застройки вокруг крупных городов быстро растут, занимая сельскохо-

¹ СМСА – стандартные метрополитенские статистические ареалы, выделяемые в американской статистике по ряду признаков, характеризующих зоны влияния городов.

зайственные территории и зоны охраняемого природного ландшафта, образуя обширные пространства «городов-полей», что вызывает серьезное беспокойство специалистов, так как этот рост в определенной мере идет вразрез с одним из основополагающих принципов современного градостроительства – принципом максимальной экономии энергии в градостроительном организме. Тем не менее тенденция развития застройки односемейными домами остается преобладающей, а в ряде случаев усиливается. В городском жилом фонде США односемейные дома составляют 63% (в центрах городов – 51%, в пригородах – 75%).

Территориальное расширение застройки (даже при ограниченном росте численности населения) связано с продолжающейся, несмотря на рост издержек, автомобилизацией городов. Подорожание цен на бензин не привело к развитию общественного транспорта, как ожидалось. Американцы стремятся, по-видимому, экономить не на самих поездках, а на переходе к более компактным и экономичным моделям автомобилей. Аналогичные тенденции (при еще большем стремлении к экономичным моделям автомобилей) имеют место в Западной Европе.

В европейских, латиноамериканских, азиатских городах дифференциация территории города носит более мозаичный характер, она часто зеркальна североамериканской: рабочие окраины, бидонвилли, фавеллы окружают привилегированный центр, в котором некоторые кварталы особенно выделяются дороговизной земли, высоким благоустройством и во все большей мере заселяются представителями имущих классов; впрочем, и в городах США избранные кварталы Манхаттана в Нью-Йорке, Лупа в Чикаго, центров Лос-Анджелеса, Филадельфии и других застраиваются многоквартирными высотными жилыми домами с умопомрачительной стоимостью квартир, в которых поселяется тщательно охраняемый и отгороженный от нежелательных контактов богатый «ис-тэблишмент».

Новейшие тенденции, проявившиеся в ходе урбанизационных процессов в мире, требуют глубокого осмысления и правильной научной оценки. Очень важна «дезинтеграция» зарубежного опыта на те его аспекты, которые носят глобальный характер, и те, которые связаны с особенностями этих стран. В общем виде суждения об остановке урбанизационного процесса, переходе к «контрурбанизации», высказанные рядом ученых, по-видимому, являются односторонними. Урбанизация не останавливается, она переживает новый качественный скачок, обретает иные формы пространственного выражения, вовлекая в сферу городской жизни все новые и новые ареалы, стирая четкие грани между городским и сельским расселением. Анализ развития наиболее экономически развитых и урбанизированных стран мира показывает, что урбанизационный процесс прошел как бы три стадии, переходящие одна в другую и на определенных этапах существующие параллельно:

«классическая» урбанизация, характерная для 50-х и отчасти 60-х гг.; субурбанизация, проявившаяся в 60-е и продолжавшаяся в 70-е гг.; эксурбанизация – пространственная экспансия урбанизации в неметрополитенские ареалы (70–90-е гг.); реурбанизация, наблюдающаяся примерно с начала 70-х гг. в индустриальных странах, – процесс возвращения центральных функций в ядра агломераций и возрождения центров крупных городов.

Показательно также, что и в США при общем сокращении темпов роста крупных СМСА, как уже отмечалось выше, в южных районах, где урбанизация началась позднее и где нет еще сверхкрупных агломераций типа Нью-Йоркской, новые урбанизированные ареалы СМСА с численностью 1–3 млн человек продолжают притягивать население и растут высокими темпами.

В развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки урбанизация продолжает развиваться по экстенсивному типу: увеличивается численность городского населения, быстро растут крупные города (в первую очередь столицы и их агломерации).

Сложившиеся крупные городские агломерации – важнейшие ареалы, в которых концентрируются прогрессивные отрасли промышленности, административно-хозяйственные, научные и проектно-конструкторские организации, уникальные учреждения культуры и искусства, наиболее квалифицированные кадры.

Дальнейшее развитие пространственных форм расселения под воздействием процессов развития и концентрации производства приводит к сближению и срастанию агломераций, формированию «агломераций агломераций» – обширных урбанизированных зон наагломерационного уровня.

Пространственная дифференциация процесса урбанизации в современном мире очень велика и мозаична.

На карте мировой урбанизации резко выделяются три основных региона – США, Западная Европа, Япония; их дополняют довольно дисперсно распространённые по большинству районов крупнейшие центры, прежде всего с населением свыше 1 млн жителей (в мире их свыше 300). В последние два десятилетия эту картину несколько меняют быстрорастущие, достаточно мощные (хотя и менее включённые в мировые политические, экономические и культурные связи) городские агломерации в Восточной и Южной Азии, а также в странах Латинской Америки и меньше – Африки. Это связано с высокими темпами роста и концентрации в них городского населения.

Около половины горожан мира ныне сосредоточено в Азии (в 1950 г. – около 1/3), более 20% – в Европе.

На пороге XXI в. отчётливо обнаруживается усиление юго-восточно-азиатского вектора в мировой урбанизации. Это связано, по-

мимо известного феномена послевоенной Японии, со значительным увеличением во второй половине XX в. городской массы Китая, Индии и ряда прилегающих к ним стран Восточной и Южной Азии.

Азиатский вектор в урбанизации мира находит отражение в быстром росте сверхкрупных городских агломераций с населением свыше 5 млн жителей в 1970–1990 гг. Особенно выразительно в этом отношении пополнение в списке агломераций с населением свыше 10 млн жителей по прогнозу на 2000 г. В него к концу нашего столетия должны войти Джакарта, Карачи, Дакка, Дели, Манила, Бангкок, Тяньцзинь и другие агломерации в Азии.

Демографы ООН выделяют города с населением 8 млн и более жителей как мегагорода (*mega-cities*). Эта группа сверхкрупных городских агломераций растёт за счёт развивающихся стран. В 1950 г. только Нью-Йорк и Лондон превышали указанную численность населения, в 1960 г. к ним присоединились Токио и Шанхай, а в 1970 г. количество мегагородов увеличилось до 11, в том числе 5 приходилось на развивающиеся страны (Пекин, Сан-Паулу, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро). В середине 1994 г. на развивающиеся страны приходилось уже 16 из 22 мегагородов, а по прогнозам на 2015 г. из 33 городов с населением 8 млн и более 27 (81,8%) будут находиться в развивающихся странах, при этом 21 – в Азии (табл. 6.4).

Таблица 6.4

Рост числа мегагородов в 1970–2015 гг.

Показатели	1970	1994	2000*	2015*
Мир в целом	11	22	25	33
<i>Развивающиеся страны</i>	5	16	19	27
Азия (без Японии)	2	10	12	19
Латинская Америка	3	4	5	5
Африка	0	2	2	3
<i>Развитые страны</i>	6	6	6	6
Европа	2	2	2	2
Северная Америка	2	2	2	2
Япония	2	2	2	2

* Прогноз.

Несмотря на значительное распространение концепции контрурбанизации известного американского географа-градоведа Б. Берри, получившей большой резонанс особенно как «лозунг» для нового направления региональных исследований, в целом в мире за счёт развивающихся стран в XX в. продолжается концентрация населения в сверхкрупных агломерациях свыше 1 и особенно свыше 10 млн жителей. Эта тенденция, по прогнозам демографов ООН, сохранится и в начале XXI столетия.

В результате разрастания и постепенного слияния десятков соседних крупных городских агломераций вдоль транспортных магистралей во многих странах, прежде всего в упомянутых выше трёх регионах мирового масштаба, складываются обширные урбанизированные зоны полосовидной конфигурации. Наиболее известная из них впервые была выявлена и исследована Ж. Готманном в 50-х гг. в северной части Атлантического побережья США. Её протяжённость около 1000 км, ширина достигает местами 200 км; она состоит из переходящих друг в друга агломераций Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Вашингтона (отсюда её название Босваш) и ряда других менее крупных (всего 40 агломераций) общей площадью 170 тыс. кв. км. Работавший многие годы в США известный французский географ Жан Готманн дал ей название мегалополис. Мегалополис (Мегалополь) в Древней Греции – центр союза аркадских городов; он возник около 370 г. до н. э. в результате слияния более чем 35 поселений. Под таким же названием вышло его монографическое исследование в 1961 г. Население этой «главной улицы» Америки насчитывает около 50 млн человек (почти 20% всего населения), здесь производится примерно 1/4 промышленной продукции США. Другой мегалополис – Чипиттс (Чикаго – Питтсбург) сформировался в США на южном побережье Великих Озёр путём слияния агломераций Чикаго, Детройта, Кливленда, Питтсбурга и других – всего их 35; его площадь – 160 тыс. кв. км, а население примерно 35 млн жителей (а вместе с тяготеющей к нему агломерацией Торонто в Канаде – 40 млн). Самый молодой мегалополис страны, Сансан, находится в Калифорнии; он протянулся от Сан-Франциско через цепочку центров Большой Калифорнийской долины до Лос-Анджелеса и далее до Сан-Диего и насчитывает 20 млн человек. Всего в этих трёх мегалополисах концентрируется почти половина населения США.

В Канаде важнейшим звеном расселения является линейно вытянутая урбанизированная зона (ось) от Квебека до Виндзора протяжённостью около 1000 км (и шириной до 300 км); в её пределах сосредоточено 55% населения страны (13,2 млн человек в 1981 г.) и 73% всех занятых в обрабатывающей промышленности.

Самый большой в мире по численности населения мегалополис Токайдо (около 70 млн человек) сложился на Тихоокеанском побережье

Японии. Эта обширная урбанизированная зона протяжённостью в несколько сотен километров включает в себя крупнейшие агломерации страны – Токио, Иокогаму и Кавасаки, образующие вместе с прилегающими районами столичный метрополитенский ареал (Кейхин) с населением почти 30 млн человек, Нагою, Киото, Осаку, Кобе и другие (всего около 25). В мегалополисе Токайдо сосредоточено примерно 60% населения страны и около 2/3 её промышленного производства.

Мегалополисы формируются и в Западной Европе; там они, как правило, меньше по масштабам концентрации населения, чем в США и Японии. Выделяются своими размерами Английский мегалополис (объединяет агломерации Лондона, Бирмингема, Манчестера, Ливерпуля, и др.) и Рейнский («кольцевая» агломерация Рандстад в Нидерландах, Рейн-Рур, Рейн-Майн в ФРГ и др.); каждый из них включает до 30 агломераций общей площадью по 50 тыс. кв. км и с населением по 30–35 млн человек. Развитие мегалополисов и здесь связано с быстрым расширением крупнейших агломераций. Так, население Лондонской агломерации (в границах метрополитенского района) составляет 12 млн человек, Парижской (в рамках городского района) – 10 млн, агломерации Нижний Рейн-Рур – примерно 11 млн человек.

Всё отчётливее намечается формирование межгосударственных мегалополисов. В качестве примера укажем на мегалополис в Северо-Западной Европе; он охватывает сопредельные урбанизированные районы пяти стран общей площадью 230 тыс. кв. км с населением 85 млн человек при средней плотности населения 350 человек на 1 кв. км: Юго-Восточную Англию, Рандстад, Рейн-Рур, бельгийско-французский район (Антверпен – Брюссель – Лилль) и Парижский район.

Своеобразная урбанизированная зона мегалополисного типа в 80–90-х гг. нашего столетия складывается на юге Китая. Её основу составляют свободные экономические зоны Шэньчжэнь с населением 3,3 млн человек в 1995 г. (рядом с Гонконгом – 5,6 млн, который 1 июля 1997 г. Великобритания, согласно договору, возвратит Китаю) и Чжухай – 1 млн человек (недалеко от Макао, который Португалия в конце 1999 г. вернёт Китаю) и крупнейшая агломерация Южного Китая Гуаньчжоу с населением свыше 4 млн человек. В начале XXI в. здесь, видимо, сформируется мощный мегалополис с населением порядка 30 млн жителей.

Быстрорастущие агломерации становятся ядрами складывающихся мегалополисов и в других развивающихся странах: Сан-Паулу – Рио-де-Жанейро – Белу-Оризонте в Бразилии, Каир – Александрия в Египте, Калькутта – Асансол – долина р. Дамодар в Индии и т. д.

Несмотря на всё более чёткое оформление в ряде стран мегалополисов в виде обширных высокоурбанизированных зон полосовидной конфигурации, образующихся в результате срастания соседних агломераций, представления о самой сущности мегалополиса, его качествен-

ной новизне по сравнению с городской агломерацией, возможностях и перспективах развития остаются всё ещё не до конца ясными. С этим связаны и весьма значительные расхождения во взглядах между разными авторами в нашей стране и за рубежом при оценке перспективности мегалополисов как наиболее обширной пространственной структуры расселения. Так, один из основоположников научной концепции мегалополиса Ж. Готманн считает, что мегалополис знаменует собой не только этап в организации территории и городской жизни, но и «возвещает новую эру в размещении населения и хозяйственной деятельности человека». Перспективность этой структуры расселения подтверждается также многолетними исследованиями прогнозов расселения в глобальном масштабе, осуществлёнными Международным центром экистики в Афинах в рамках программы «Город будущего» под руководством известного греческого архитектора К. Доксиадиса в 70–80-х гг.

Под влиянием западных работ понятие «мегалополис» всё более широко стало использоваться в советской литературе 80-х гг. для обозначения обширных территорий, охваченных процессами урбанизации, новых урбанистических структур. Первоначально преобладали гораздо более сдержанные оценки роли и перспектив развития мегалополисов. Но со временем осознаётся важность и принимаются попытки серьёзного изучения факторов и условий развития мегалополисов в разных странах, их структуры, функций, перспектив. Это способствует лучшему пониманию будущей урбанизации и в новой России.

Существует два отличных вида на перспективы урбанизации как глобального процесса:

- процесс урбанизации близок к закату, наступает период деконцентрации, а с ним и «дезурбанизации»;
- урбанизация будет развиваться и впредь, но её содержание, формы и пространственные структуры заметно меняются по мере эволюции самого процесса в странах разного типа.

На наш взгляд, урбанизация имеет большие временные перспективы. С позиций антропокультурного подхода к урбанизации как феномену культуры и цивилизации её исторические рамки значительно расширяются и в ретроспективе, и в перспективе. Урбанизации не может быть «слишком много», как нельзя этого сказать о культуре или прогрессе. Но пределы концентрации населения, конечно, существуют, и речь, следовательно, надо вести о его разумной пространственной организации на различных этапах урбанизации в той или иной стране.

Снижение концентрации населения в городских агломерациях развитых стран – закономерное явление. Ведь кривая концентрации не может подниматься беспрестанно. Это отнюдь не означает упадка крупных городских агломераций. Напротив, число их возрастает, ибо увеличивается количество населённых пунктов, привлекающих население.

Таким образом, городские агломерации остаются основной формой пространственной организации расселения, своего рода опорным каркасом территории развитых стран.

Новый этап урбанизации дал основание некоторым учёным на Западе, в том числе и таким авторитетным, как американский географ-градовед Б. Берри, говорить о крутом переломе в характере урбанизации, смене тенденций, начале нового периода «дезурбанизации». Такие взгляды стали весьма распространёнными в США и Западной Европе. Однако ещё раз подчеркнём, что, с нашей точки зрения, речь идёт всё-таки не о дезурбанизации, а о дальнейшем углублении и территориальном расширении процесса урбанизации, который на новом этапе пространственной эволюции принимает новые формы и всё активнее вовлекает в свою орбиту малые города и сельскую глубинку. Но это отнюдь не контрурбанизация, а следующая закономерная стадия урбанизации, обусловленная рядом факторов – демографических, экологических, социальных, экономических, пространственных.

Этой же точки зрения придерживаются и демографы ООН. В своих прогнозах, весьма высокопрофессиональных, они дают дальнейшее заметное увеличение численности горожан в мире для первой четверти XXI в. – на 73,1%. Конечно, это увеличение существенно уступает динамике городского населения мира в XIX и XX вв., но прирост горожан останется достаточно весомым. Правда, значительная часть этого прироста будет приходиться на развивающиеся страны, но и в развитых странах городское население, согласно прогнозам, возрастет на 15% в первой четверти XXI века.

Динамика городского населения мира

Агломерации с населением свыше 10 млн, 1950–2010 гг., млн жителей (оценка и прогноз)

1950 г.

1. Нью-Йорк, США, 12,3

1960 г.

1. Нью-Йорк, 14,2
2. Токио, Япония, 11,0

1970 г.

1. Токио, 16,5
2. Нью-Йорк, 16,2
3. Шанхай, Китай, 11,2

1980 г.

1. Токио, 21,9
2. Нью-Йорк, 15,6
3. Мехико, Мексика, 13,9
4. Сан-Паулу, Бразилия, 12,1

5. Шанхай, 11,2
6. Осака, Япония, 10,0

1990 г.

1. Токио, 25,0
2. Нью-Йорк, 16,1
3. Мехико, 15,1
4. Сан-Паулу, 14,8
5. Шанхай, 13,5
6. Бомбей, Индия, 12,2
7. Лос-Анджелес, США, 11,5
8. Пекин, Китай, 10,9
9. Калькутта, Индия, 10,7
10. Буэнос-Айрес, Аргентина, 10,6
11. Сеул, Юж. Корея, 10,6
12. Осака, 10,5

2000 г.

1. Токио, 27,9
2. Бомбей, 18,1
3. Сан-Паулу, 17,8
4. Шанхай, 17,2
5. Нью-Йорк, 16,6
6. Мехико, 16,4
7. Пекин, 14,2
8. Джакарта, Индонезия, 14,1
9. Лагос, Нигерия, 13,5
10. Лос-Анджелес, 13,1
11. Калькутта, 12,7
12. Тяньцзинь, Китай, 12,4
13. Сеул, 12,3
14. Карачи, Пакистан, 12,1
15. Дели, Индия, 11,7
16. Буэнос-Айрес, 11,4
17. Манила, Филиппины, 10,8
18. Каир, Египет, 10,7
19. Осака, 10,6
20. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 10,2
21. Дакка, Бангладеш, 10,2

2010 г.

1. Токио, 28,7
2. Бомбей, 24,3
3. Шанхай, 21,5
4. Лагос, 20,8
5. Сан-Паулу, 20,1

6. Джакарта, 19,2
7. Мехико, 18,2
8. Пекин, 17,8
9. Карачи, 17,6
10. Нью-Йорк, 17,3
11. Дакка, 16,0
12. Калькутта, 15,6
13. Тяньцзинь, 15,6
14. Дели, 15,5
15. Лос-Анджелес, 14,0
16. Манила, 13,7
17. Каир, 13,2
18. Сеул, 13,0
19. Буэнос-Айрес, 12,0
20. Стамбул, Турция, 11,7
21. Рио-де-Жанейро, 11,1
22. Осака, 10,6

Изложено по: Перцик Е.Н. Города мира. – М., Международные отношения, 1999.

ТЕМА 7. РАЗВИТИЕ СЕТИ ГОРОДОВ РОССИИ И СССР

7.1. Дореволюционное развитие сети городов в России

В начале XVII в. государственная территория России была искусственно сжата в пределах центральной части Русской равнины. В 300 км к югу от Москвы начиналось «дикое поле» – пустая земля, открытая дорога частых и опустошительных набегов, подводящая кочевников к стенам самой столицы. На северо-западе Россия была отрезана от Балтики. На Волге взятием Казани и Астрахани пробита дверь к Каспийскому морю. На востоке только в 1581 г. Ермак начал продвижение в Сибири; русские казацкие отряды, преодолевая тайгу, горы, реки, через 60 лет вышли к Тихому океану.

Исключительно велико было значение рек Русской равнины и Сибири как основных магистральных путей исторического формирования сети русских городов. Именно по большим речным путям шло продвижение русских отрядов на север, восток, юг от Волго-Окского междуречья. Московские градоделцы, «помысля», по словам летописи, ставили города по берегам рек. Здесь эти города находили надежные источники водоснабжения, пойменные луга, приречные леса, богатые строительной древесиной и топливом. Обрывистый речной берег, возможность «вписаться» в береговую излучину или расположить город на стрелке, с трех сторон окруженной водой, доставляли особые удобства для обороны и выработали вековую градостроительную традицию сооружения военных крепостей, влияние которой можно проследить и на Волге, и в Сибири, и в Поморье. Для превращения военных городов в торгово-промышленные центры первостепенное значение имело сочетание положения на реке и на стыке почвенно-растительных зон — лесной, лесостепной, полупустынной, что создавало особо благоприятные условия для торговли и обмена.

Выдающийся русский географ Арсеньев приводит «табель числа городов российских за сто лет с начала XVII по начало XVIII в.». За эти сто лет число городов в России возросло с 244 до 380, было упразднено 94 города и основано 230 городов. Эти данные дают представление о масштабе изменений, свершившихся в сети городов страны. Среди описаний этих изменений несколько эпизодов охарактеризованы Арсеньевым особенно выразительно. Например, перемещение от Белого к Балтийскому морю торговых путей из России в Европу и падение значения городов Севера в связи с возвышением Петербурга. В 1719 г. по сравнению с 1637 г., пишет Арсеньев, число городов Северо-Двинской системы сократилось с 31 до 15.

Сильно перестроилась география городов в связи со смещением торговых путей на Урал. «Статистика камских городов, – пишет Арсеньев, – изменилась также весьма много... Здесь, в Заволжском краю, или по отлогостям хребта Уральского, явились города новые не столько по видам обеспечения, сколько вследствие усиленной промышленности соляной и горной и увеличившихся торговых оборотов, которые в XVII столетии оставили прежнее свое направление от Камы через Вычегду до Северной Двины, а производилось уже другими путями: из Белой и Вятки Камою до Волги. Оттого города, стоявшие на прежнем торговом пути, некогда богатые и цветущие, или упали и обеднели, как Чердынь, или совсем закрылись, как Чусовской, Искарь и Орел». На смену им пришли новые города на новом пути – Пермь, Сарапул, Елабуга и др.

На юге в XVI–XVIII вв. центр Московского государства был заслонен оборонительными линиями, занятыми массами служилых людей, «прибираемых» сюда из разных районов России. Эти оборонительные линии по мере укрепления Московского государства неуклонно и почти безостановочно надвигаются на степь, перерезая тянущиеся навстречу татарские сакмы. На наиболее угрожаемом участке – водоразделе Дона и Днепра, – сменяя одна другую и перемещаясь на юг, эти оборонительные линии прошли за 200 лет 1000-километровый путь от Оки до Перекопа. Почти 120 военных городов «явились в одно столетие» на берегах Дона, Днепра и рек, в них впадающих; «все эти города образовали как бы одну твердую цепь, связанную звеньями подвижных военных сил, здесь постоянно содержащихся».

Но в конце XVIII в. вся громадная полоса укрепленных городов и крепостей, столетиями создававшаяся на подступах к степи, оказывается ненужной. Эти города, «построенные для цели оборонительной, должны были неминуемо упраздниться», и действительно очень скоро они, «с того времени бесполезные в военном отношении и не имевшие по своей местности никаких выгод для промыслов и торговли, совершенно обнищали и опустели».

Едва ли не самым ярким и поучительным эпизодом для понимания значения объективных факторов в возвышении и развитии городов было строительство городов в Новороссии в конце XVIII – начале XIX в. Эта поразительная страница из истории формирования сети русских городов заполнялась в короткий срок на глазах современников, оставивших надежные исторические свидетельства, выдвигая перед исследователем множество сложных и, казалось бы, необъяснимых фактов.

Несколько выдающихся деятелей века, могущественных временщиков, в течение 50 лет направляли усилия чуть ли не всей России на осуществление своих планов строительства городов во вновь осваиваемой стране. Один временщик сменяет другого, и на смену прежним планам выдвигаются новые. Самая необузданная фантазия, кажется,

легко может быть осуществлена при колоссальной концентрации денег, людей, материалов в руках этих лиц, представляющих в крае власть достигшего расцвета дворянского абсолютизма.

Перед глазами исследователя разворачивается калейдоскоп «паде-ний» и «возвышений» городов. Бесславно заканчиваются самые блестящие градостроительные замыслы, и, наоборот, безвестные селения, расположенные в видимо неблагоприятных природных условиях, вырастают в крупнейшие города.

В осуществление тщеславного замысла Потемкина, решившего создать в устье Днепра черноморский Петербург, на месте древнего Херсона Таврического в 1778–1788 гг. с лихорадочной поспешностью строится новый город. На зыбком болотистом грунте согнанные со всей России солдаты, казенные и вольные рабочие, олонецкие кузнецы, рекруты Казанского адмиралтейства возводят громадные каменные здания, причалы, казармы, крепостные укрепления, церкви, адмиралтейство.

Однако через полтора десятилетия после основания население Херсона падает впятеро – с 10 тыс. в 1786 г. до 2 тыс. жителей в 1799 г. В течение последующих 50 лет Херсон растет необычайно медленно, он живет лишь отблеском той энергичной строительной деятельности, которая создала его на берегу Днепра.

Но рядом с этими городами-эфемерами, зацветавшими лишь на несколько лет, бурно растут крупнейшие города Южной России – Харьков, Одесса, Таганрог. Арсеньев тщательно изучает природную обстановку возникновения и развития этих городов и приходит к выводу, что она явно неблагоприятна. Он ставит вопрос: в чем же причина их стремительного роста? Почему «Харьков, не имеющий никаких естественных выгодностей ни для торговли, ни для промысла, как бы наперекор природе остается и даже первенствует в сонме городов целой губернии?» «Город Одесса, – пишет Арсеньев, – расположен на берегу Черного моря, и порт его, открытый со всех сторон и для всех ветров, не представляет никаких удобств для коммерческого флота». Другой новороссийский порт – Таганрог напоминает «поле битвы многочисленного сухопутного войска»; «когда постоянно дуют северо-восточные ветры, то воды отходят отсюда на 20 верст, иногда приближаются, но редко достигают самого города; из так называемого порта его товары везутся верст 5 или 6 на телегах, грузятся потом на маленькие лодки, подвозятся на них к кораблям и там уже окончательно перегружаются. Таков Таганрогский порт! И несмотря на сии неудобства, город возрастал заметно, и торговля онго не только не упала совершенно, но даже усилилась год от года более и более. Отчего это?» Чем объяснить «такую знаменитость» Одессы и Таганрога, возникших в столь мало благоприятных природных условиях?

И для позднейшего исследователя, обратившегося к изучению этого периода, факт возвышения этих городов, на первый взгляд, действительно представлялся удивительным.

Так, например, в 1794 г., когда была основана Одесса, в устье Днепра и Буга уже существовали крупные русские города Херсон и Николаев, в создание которых было вложено много средств и труда; у самого выхода в море располагались старые крепости Очаков и Кинбурн. Очень скоро Россия приобрела Аккерман – старинный торговый город и крепость в устье Днестра.

Именно устья Днепра, Буга и Днестра на протяжении многих столетий привлекают торговые пути и служат местом возникновения больших приморских городов. Здесь существовали богатые греческие колонии Ольвия и Тира, процветавшие русские города Олешье и Белгород-Днестровский, созданные славянскими племенами уличей и тиверцев.

Тем не менее, Одесса, главный русский морской порт на юге, вопреки давней исторической традиции и видимым выгодам географического положения, вырастает не в устьях этих больших и важных рек, а на побережье между ними, где нет ни удобной естественной бухты, ни особенно выдающихся подъездных путей и где порт в течение ста лет поддерживается искусственными сооружениями. Еще более поразительны масштабы и темпы роста Одессы в этом месте. В момент основания Одессы степи южной России представляли собой «пустую», невозделанную и почти незаселенную равнину, если не считать редкой сети только что возникших военных и сельскохозяйственных поселений. Обозы с провиантом,двигающиеся к вновь устраиваемой крепости и порту, шли по едва протоптанным степным шляхам, по сторонам которых колыхались султаны безбрежно раскинувшегося ковыля и бродили табуны диких лошадей. Морские волны накатывались на каменистые обрывистые берега и пологие отмели лиманов, одинаково пустынные.

Именно в эти годы и в этой обстановке начинается бурный рост Одессы. Он кажется современникам «едва вероятным». Например, известный ученый-статистик той эпохи А.А. Скальковский подчеркивает внезапный, казалось бы, необъяснимый напор географических связей, устремившихся через вновь открытый порт в первое десятилетие XIX в., когда «сотни кораблей кидали якорь на рейде за неимением пристани, сотни тысяч четвертей отправлялись из порта, в котором обитало едва 8 тыс. душ обоего пола и в окрестностях которого едва сотая часть степи была обработана и заселена».

«Одесса, – пишет Арсеньев, – с недавнего времени поглощает торговые обороты всех прочих городов; в такой мере как Одесса более и более процветает, прочие города упадают. Город Одесса возник в 1796 году. До 1803 года он был еще маловажным местечком. Тогда сборы таможенные в Одессе были не более 28 000 рублей, а ныне прости-

раются более миллиона». В короткий срок на пустынном берегу среди «пустой» и много лет все же еще очень слабо заселенной и освоенной степи вырастает один из крупнейших городов России, который к 1847 г. становится первым по вывозу хлебным портом Европы.

Для того чтобы объяснить факт роста Одессы на побережье между устьями Буга и Днестра, необходимо было ясно понять социальную обстановку в глубинных районах Правобережной Украины, из которых хлынул в то время основной поток хлеба через одесский порт. Для киевских и подольских помещиков, обладавших даровой «подводной повинностью» крестьян, для хлеботорговцев-перекупщиков, снаряжавших в Одессу партии полугольных чумаков с хлебом, перевозка его напрямик по целинной степи обходилась дешевле, чем неудобная и хлопотливая перевозка по Днепру и Днестру с перегрузками у порогов и наймом судов. Именно барщинному крестьянину киевских и подольских имений, исполнявшему «подводную повинность», полугольному чумаку, шедшему через степь в зной, буран, чтобы быстрее обернуться и сделать за лето обычные три «ходки», обязана Одесса в первой половине XIX в. своим удивительным ростом.

Чтобы понять исключительный рост Харькова, выдвинувшегося в крупнейший торгово-промышленный центр, недостаточно отметить, что этот центр должен был расти на «срединной земле» между Центральной Россией и только что воссоединенным с ней югом, на скрещении путей из Москвы в Киев, Новороссию, на Дон и Кавказ. В цепи многочисленных ярмарочных пунктов Слободской Украины, которые подробно описали Арсеньев и его современник Н. Аксаков, Харьков не имел никаких особых преимуществ; в начале века он насчитывал 10 тыс. жителей – меньше, чем Нежин, примерно столько же, сколько Полтава, Чернигов, Сумы, Кременчуг. Но крайне важно, что Харьков был центром самого крупного в лесостепной Украине массива русских дворянских имений, образованного в конце XVIII в. обширными пожалованиями земель; город выдвигается как политический и административный оплот правительства на юге, становится губернским центром, к которому прокладываются дороги, где назначаются самые обширные ярмарки, открываются фабрики, заводы. Все это в дальнейшем в высокой степени способствовало и торгово-промышленному росту города.

Наконец, причины роста Таганрога также не могут быть выяснены без понимания того, что этот город был создан помещичьими имениями Левобережной Украины, направлявшими через таганрогский порт хлеб на экспорт. Ростов, за спиной которого лежали целинные еще донские степи и непроторенные пути на Кавказ, мог быть в то время лишь «складочным местом» на пути грузов, спускающихся вниз по Дону и доставляемых затем на легких подвозных барках в Таганрог по мелким, обнажающимся при сгонных ветрах гирлам дельты. В 50-х гг. совре-

менники Арсеньева А.А. Скальковский и П.Н. Крюков предскажут «знаменитую будущность» Ростову, но пройдет еще много десятилетий, прежде чем «складочное место... превратится в порт, а европейский порт – в каботажную пристань» и «разночинный Ростов», оттеснив дворянский Таганрог, утвердит свое первенство в Приазовье.

Мы привели эти примеры, чтобы показать, что правильное объяснение сложных противоречивых обстоятельств, формировавших в разное время судьбу городов, требует глубокого понимания социальной географии страны и всего хода ее исторического развития.

Характерна борьба за первенство среди волжских городов. Географы обычно обращают внимание на то, что расстояния между крупнейшими приволжскими городами близки и все они возникли у излучин Волги. Но важно проследить, как, когда, в каких точках на этих излучинах проявлялись преимущества экономико-географического положения тех или иных городов, каков был «механизм» их действия.

Россия пробилась к Каспийскому морю на полтора-два столетия раньше, чем к Черному. Волжская дорога почти «мгновенно» перенесла русских от Оки до Каспия: только четыре года разделяют взятие войсками Ивана Грозного Казани и Астрахани (1552 и 1556). Тогда же, почти одновременно, основывается цепочка военно-опорных пунктов вдоль Волги: Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590) и затем, во второй половине XVII в., Сызрань, Кашпир, Хвалынский, Вольск и др. Их задача – «оборонить» торговые суда, плывущие вниз по Волге, от ногаев, калмыков, крымцев и «воровских казаков», разъединить кочевников, совершающих опустошительные набеги на юго-восточную окраину России¹.

Эта «начерно» сложившаяся в XVI–XVII вв. география приволжских городов перестраивается в конце XVIII и середине XIX в. с распашкой правобережных, а затем заволжских степей. Хлебные пути избирают из числа старых военных форпостов, наиболее соответствующих новым функциям, и создают пшеничные пристани в местах, где сто лет назад расстилалось «дикое поле». Так, рядом с Самарой, Саратовом, Царицыном, Сызранью, Хвалынском, Вольском возникают Балаково, Покровская, Батраки, Баронск, Быково.

Однако самые крупные приволжские города – Самара, Саратов, Царицын – обязаны своим ростом, подобно Одессе и Ростову, не столько прибрежной степной полосе, сколько макрогеографическому положению: это перекрестки важнейших межрайонных путей. Обычно уже разбогатев на «дальней» торговле, они становятся во главе формирую-

¹ Самара, Царицын возникают в местах наиболее частых переправ через Волгу ногаев и крымцев, причем эти места указаны ногайским князем Измаилом – сторонником дружбы с Россией. Также отчетливы стратегические цели при выборе точек строительства других городов.

щегося зернового окружения, становятся «хлебными городами».

На географической границе двух природных зон – степи и лесостепи – вершиной своей Самарской Луки Волга наиболее глубоко выдвигается к востоку. Расположенная у этой вершины Самара на 100 км приближена к Южному Уралу по сравнению с Сызранью и Новодевичьем, лежащими у «основания» излучины. Долина Волги, огибая с юга Жигулевский массив, естественно «продолжается» в левобережье долинами Самары и Кинели. Именно в этом месте Россия в середине XVIII в. шагнула на восток, проложив новые пути сибирской и бухарской торговли – через Челябинг и Оренбург. По этим же путям прошли впоследствии Сибирская и Ташкентская железные дороги, соединившиеся здесь длиннейшим в Европе Сызранским мостом (до 1908 г. – единственным на Волге ниже Твери) с подошедшими еще раньше к правому берегу железнодорожными линиями из Центральной России. Оказавшись во главе выдающегося транспортно-географического узла, Самара перетягивает к себе торговлю с Сибирью, Уралом и Средней Азией, подрывая старое значение Казани как «восточного склада империи», и одновременно становится воротами «пшеничных фабрик» Заволжья, подавив первенство Симбирска в средневожской хлебной торговле.

Саратов расположен посередине «степного плеса» Волги, на полу-пути между Самарой и Царицыном. Он занимает окруженную полукольцом гор правобережную террасу, на которую перебрался в конце XVII в. с низменного левого берега, где возник первоначально. Скрещение рыбного и соляного путей, пришедших к Саратову из Астрахани, Яика и Эльтона, дает первый толчок хозяйственному развитию города. С распашкой долин Еруслана и Узеней на оставленном им некогда месте вновь возникает «левобережный Саратов» – слобода Покровская; вместе с ней Саратов в конце XIX в. образует крупнейший волжский торгово-распределительный узел на стыке двух хлебных районов: плотно заселенного с конца XIII в. района «Саратовских вотчин», правобережных юнкерских хозяйств и обширного вновь колонизируемого Заволжского района, выходящего к Покровской сетью узкоколейных хлебо-подвозных дорог, нигде больше не связанных с железнодорожными линиями страны.

Если Самара возникает у северной границы степи и на излучине Волги, наиболее выдвинутой к востоку, то Царицын расположен у перехода степи в полупустыню, в излучине Волги, максимально (на нижнем и среднем течении реки) отклоняющейся к западу и сближающейся здесь с Доном. С этими двумя природными моментами связаны особенности географического положения Царицына. Во-первых, здесь «снимаются» с Волги и переваливаются на железные дороги, как бы «продолжающие» направления реки, сверху – лес, снизу – нефть, рыба, соль. Во-вторых, находясь у южной границы основной зоны степного земле-

деля (в Нижнем Поволжье южнее Царицына зерновые посевы без полива, как правило, невозможны), Царицын «не имеет своего уезда», своего достаточно мощного хлебного окружения; он целиком продукт межрайонных связей, наиболее яркий пример «перекрестка», выросшего благодаря «дальней торговле» (в том числе и хлебом).

Промышленность Царицына развивается на сочетании различных грузопотоков, проходящих через город. Перевалка леса с Волги для Донбасса, Дона, Сев. Кавказа создает мощное лесопиление; с бакинской нефтью и баскунчакской солью связано появление нефтеперегонных и химических заводов; черная металлургия возникает как комбинация бакинского мазута, уральского, а затем донецкого чугуна и металлического лома со всего Поволжья; волжское судоходство и собственная сталь вызывают зарождение судостроения; положение на путях волжского хлеба к Каспию и в южные порты (Ростов, Новороссийск) способствует развитию мукомолья.

Все три столицы «степного плеса» Волги – Самара, Саратов, Царицын – вырываются вперед в результате ожесточенной конкурентной борьбы, в ходе которой преимущества, предоставленные природой и созданные исторически, тесно переплетаются и в разное время резко изменяют свое значение.

В начале XVIII в. Самара представляется военным аванпостом России на левом берегу Волги, выдвинутым в ногайскую степь, недоступную для торговли. Самара закупает хлеб в Симбирске. Для первых бухарских караванов, пришедших из степи, она служит промежуточной станцией на пути в Казань, административно некоторое время даже приписана к Сызрани. Но через непроходимую прежде степь проторялись пути на Урал и в Среднюю Азию, а сама степь стала направлять к городу массы товарного хлеба; географическое положение на далеком заволжском плацдарме, заброшенном на тревожную окраину «степного мира», оказывается положением на перекрестке выдающихся путей, на выходе из лихорадочно растущего хлебного района. Наоборот, Казань оказывается в стороне, в тупике железной дороги, едва дотянувшейся к ней из Москвы. Она живет лишь положением, которое успела создать себе за века торгового первенства на востоке страны. Еще хуже положение Симбирска, за спиной которого не район товарного капиталистического хозяйства (как в тылу Самары), а один из типичных районов «помещичьего утеснения» с пережитками крепостничества и низкой товарностью: Самарская губерния в 1909–1913 гг. вывозит в 5 раз больше хлеба на одного жителя, чем Симбирская. На фоне этого большого и решающего преимущества в свое время весьма ценной оказалась для самарских купцов и неожиданная возможность, доставленная природой: в источниках упоминается, что самарские хлеботорговцы, пользуясь тем, что р. Самара вскрывалась от льда раньше Волги, успевали

быстро нагружать в ней суда и первыми привозить хлеб в Нижний Новгород и Рыбинск, обгоняя симбирских и казанских купцов.

Саратов получил первый толчок в своем развитии, отобрав у Самары соляную торговлю, так как был ближе расположен к Эльтону (до 1747 г. «соляное комиссариатство» находилось в Самаре). В начале XVIII в. Саратов и Камышин уже значительно больше «соляные» города, чем впоследствии первый – «хлебный», а второй – «арбузный» город. Тот же Саратов монополизировал перевалку свежей астраханской рыбы с Волги на санные пути, между прочим, благодаря тому, что промежуток между началом снегопада и ледоставом здесь был короче, чем в Царицыне, снежный покров в районе которого вообще крайне неустойчив.

Но все преимущества, обеспечивающие Саратову первенство в соляной торговле, исчезают, как только добыча соли перемещается с Эльтона на Баскунчак, а соляной поток, следовательно, начинает выходить к Волге не у Николаевской, напротив Камышина, а у Владимировки, южнее царицынской излучины; точно так же на этой излучине, выдвинутой к западу и ближе расположенной к Астрахани, становится значительно удобнее «снимать» рыбу с Волги и переваливать ее на сухопутную дорогу, как только санный путь сменяется рельсовым.

«Саратовские вотчины», которые благодаря Волге рано начали работать на рынок, превратили в конце XVIII в. Саратов в самый крупный хлеботорговый центр Степного Поволжья, подобно тому как поместья «столбового» симбирского дворянства превратили Симбирск в такой же центр для приволжского лесостепья. Но в капиталистическую эпоху районы дворянских поместий, в которых прежде даровой труд крестьян беспощадно обращался владельцами на производство рыночной продукции, оказываются задушенными пережитками крепостничества и крестьянским малоземельем, они не выдерживают конкуренции районов товарного земледелия с капиталистической системой хозяйства.

Тем не менее, Саратову удастся избежать участи Симбирска. Его хлебный тыл устойчивее: «вотчины» лучше перестроились на капиталистический лад, чем более раздробленные и привыкшие к крепостной организации труда хозяйства симбирских помещиков; юг Саратовской губернии – Аткарские степи – представлял собой уже район капиталистического зернового хозяйства; кроме того, левобережным конкурентом Саратова оказалась не Самара с ее мощными широтными путями, а Покровская со слепыми отростками уходящих в степь узкоколеек, расположенная к тому же прямо напротив Саратова, фактически его поместье, которое старому большому городу со сложившимися капиталами и связями нетрудно было удержать под своим контролем.

Царицын стал ведущим торговым центром Нижнего Поволжья, отняв у Дубовки лесной рынок, у Камышина – соляной, а у Саратова –

хлебный. Торговля рыбой и солью естественно должна была сместиться от Саратова и Камышина¹ к царицынской излучине – Переволоке – с началом разработки баскунчакской соли (1882 г. – проведение ветки Баскунчак – Владимировка) и заменой санных путей рельсовыми; здесь же должны были сосредоточиться крупные операции по отправке хлеба в Астрахань, Баку, Красноводск, Новороссийск как исстари перевалка и переработка леса.

Располагаясь на 20 верст ближе к Дону, чем Царицын, обладая ровными, глубокими берегами, лишенными мелей и перекаатов, а также удобными затопами на донском конце перешейка (у Качалина), Дубовка до 60-х гг. XIX в. безраздельно господствует на Переволоке как торговый и перевалочный пункт. Однако в 60-х гг. Волго-Донская железная дорога трассируется по более протяженному, но лучшему по профилю и позволяющему, кроме того, избежать перекааты на Дону между Калачом и Качалином по направлению Царицын – Калач. Вслед за тем к Царицыну одна за другой сходятся линии «царицынского веера» (Царицын – Грязи, Царицын – Тихорецкая, Царицын – Лихая), и его значение начинает стремительно расти одновременно с падением Дубовки.

Перемещение ведущего торгового центра Переволоки из Дубовки в Царицын интересно как географическое выражение подавления местного старого купеческого центра крупным монополистическим капиталом, нашедшим в Царицыне для своих складов, предприятий и пристаней оптимальную точку. Царицын в значительной степени создан «сверху» – крупными монополиями, создававшими здесь свои предприятия и выбиравшими направления железных дорог.

Географически можно усмотреть много общих черт в формировании и судьбе Дубовки и Таганрога. Оба они основаны Петром и задуманы им прежде всего как военные крепости (на Азовском море и во главе царицынской линии²); оба с конца XVIII в. приобретают ведущую роль в азовской и низовой волжской торговле. С середины XIX в. оба испытывают сильнейшее соперничество рядом расположенных Ростова и Царицына – некогда передовых военных форпостов, оказавшихся в лучшем географическом положении с проведением железных дорог и хозяйственным развитием Кавказа (для Царицына особое значение имеет бакинская нефть, для Ростова – северокавказский хлеб). «Падение» Дубовки и Таганрога относится к одному периоду – второй половине

¹ Камышин в начале XVIII в. потерял «неповторимый шанс» выдвинуться на первое место по Переволоке, когда не удалась попытка Петра прорыть близ него Волго-Донской канал (через Камышинку–Иловлю)

² Дубовка, лежащая в ближайшем тылу царицынской черты (Царицын–Качалино), была назначена главным войсковым городом Волжского казачьего войска, просуществовавшего до 1776 г., когда волжские казаки были переселены на Кавказ.

XIX в., хотя для Дубовки оно несравненно сильнее и безвозвратно. Однако социальное содержание обоих эпизодов конкурентной борьбы различно: в первом случае – это дворянский Таганрог и «разночинец» Ростов, во втором – старый купеческий посад Дубовка и Царицын – площадка, разысканная и застроенная крупным капиталом.

Почительны изменения в экономико-географическом положении городов Сибири по мере ее освоения и заселения.

Первые городские поселения на территории Сибири и Дальнего Востока возникли в период, когда русские казачьи отряды, двигаясь широкими участками великих сибирских рек, в течение 50 лет прошли Сибирь от Урала до Тихого океана, сооружая на своем пути остроги. Это беспрецедентное продвижение через горы, леса, происшедшее при жизни одного–двух поколений, способствовало созданию как бы «вчерне» географии городов Сибири. Даты основания острогов дают представление о поразительных темпах освоения Сибири. В течение нескольких десятилетий основаны остроги Тюменский (1586), Тобольский (1587), Сургутский (1594), Нарымский (1593), Кетский (1602), Томский (1604), Енисейский (1618), Братский (1631), Якутский (1632), Охотский (1648). Поставленные в глубине тайги, они обрастали пашенными селами и служили опорными базами.

В 30–40-х гг. XVIII в. через Омск, Томск, Красноярск, Иркутск (основан в 1652 г.), Нерчинск (1654), Албазин (1665) прокладывается Великий Сибирский тракт, территории вдоль тракта интенсивно заселяются. С изменением обстановки в лесостепной полосе Сибири водные пути, проходившие в глубине тайги и служившие русским почти полтора столетия, теряют свое главное преимущество – безопасность. Более дешевый, но медленный вид транспорта – водный – становится менее выгодным, чем дорогой, но относительно быстрый – гужевой (зимой от Кяхты до Москвы 70–80 дней вместо 2–3 лет водным путем). Гужевая перевозка обходилась примерно вдвое дороже водной. Но то, что терялось на стоимости перевоза, с лихвой окупалось в результате ускорения оборота капитала.

С этого момента на огромном сибирском пути от Урала до Байкала и далее на восток происходят глубокие изменения во взаимном соотношении городов. Маленькие остроги, заброшенные на южную окраину тайги и получающие из глубинных таежных районов хлеб, оружие и подкрепление, превращаются в транспортно-распределительные центры тяготеющих к ним обширных интенсивно заселяющихся районов. Именно в это время расположенные на Сибирском тракте Омск, Томск, Красноярск, Иркутск выдвигаются как ведущие города Сибири. Наоборот, некогда процветавшие Пелм, Сургут, Нарым, Енисейск, Братск, Усть-Илимск быстро теряют свое значение. Оказавшись в стороне от новых больших дорог, они почти не приобретают новых торго-

промышленных функций. Многие из них (например, остроги вдоль Томи – Мундатский, Верхнетомский, Сосновский) навсегда исчезают с карты городских поселений, а некоторые (например, Кузнецк, Сургут, Братск) остаются захолустными поселениями; в этом качестве они просуществуют почти 200 лет.

В конце XIX в., после сооружения Главной Сибирской железнодорожной магистрали, вновь интенсивно развернулись процессы изменения в соотношении городов на основе выявлявшихся новых сторон их экономико-географического положения. Резко усилилось значение городов-«перекрестков», располагавших ключевым экономико-географическим положением по отношению не к ближайшему окружению, а к обширным вновь осваиваемым районам. Соответственно разворачивались два процесса: оттеснение менее удачно расположенных городов и концентрация центральных функций в более удобно расположенных городах Сибири.

В 1897 г., вскоре после строительства Главной Сибирской железнодорожной магистрали, Томск насчитывал 52,5 тыс. человек и был наиболее крупным городом Сибири, население же Новосибирска (тогда Новониколаевск) составляло едва 8,5 тыс. человек. В 1926 г. Томск имел 92,3 тыс., Новосибирск – 120,1 тыс. человек. Затем по мере развития Кузбасса, сооружения Турксиба, усиления центральных функций Новосибирска начинается стремительный рост этого города: в 1939 г. – 404,4 тыс. человек, 1959 г. – 886,5 тыс., 1979 г. – 1312 тыс., в 1996 г. – 1368 тыс. человек. На фоне роста Новосибирска значительным, но сравнительно более скромным был рост Томска, экономико-географическое положение которого казалось менее блестящим: в 1939 г. – 145 тыс. человек, 1959 г. – 249 тыс., в 1979 г. – 421 тыс., 1996 г. – 473 тыс. человек. Лишь с началом освоения Западно-Сибирской равнины (ее восточной части) экономико-географическое положение Томска вновь изменилось, что не замедлит сказаться на темпах его роста¹.

Еще более характерен пример городов, претендовавших на роль лидеров на Дальнем Востоке. В 1897 г. крупнейшим городом этого района был Благовещенск (32,8 тыс.), превосходивший по численности населения любой другой город в Приамурье и на всей территории России восточнее Байкала. Однако с сооружением Главной Сибирской железнодорожной магистрали, оставившей Благовещенск, как и Томск, в стороне (на тупиковой ветке от станции Белогорск), с созданием новых путей в осваивавшиеся районы Дальнего Востока главные связи в этом обширном районе начали стягиваться к Хабаровску, ключевое экономи-

¹ Важное значение имеет научно-технический потенциал этого старейшего университетского города Сибири, рядом с которым возник атомный город Северск (Томск-7) с населением свыше 100 тыс. человек.

ко-географическое положение которого стимулировало быстрый рост города (в 1926 г. – 49,7 тыс. человек, 1939 г. – 207,3 тыс., 1959 г. – 322,7 тыс., 1979 г. – 528 тыс., а в 1996 г. – 616 тыс. человек). Благовещенск развивался значительно медленнее (в 1926 г. – 61,2 тыс. человек, 1939 г. – 58,8 тыс., 1959 г. – 94,8 тыс., 1979 г. – 172 тыс., 1996 г. – 215 тыс. человек).

Рассмотрим более внимательно роль макро- и микроположения в разные исторические периоды на примере крупного сибирского города – Красноярска.

Город возник на месте пересечения Енисея с широтной зональной границей, отделяющей Среднесибирскую платформу от Саянской горной страны. Енисей, судоходный на протяжении 2 тыс. км (от Минусинской котловины до Карского моря), соединяет районы, не имеющие других удобных связей, он прорезает сменяющиеся географические зоны (степь, лесостепь, тайгу, тундру), связывая территории с последовательно осваивавшимися природными ресурсами (пушшиной, хлебом, лесом, золотом, цветными металлами, углем, гидроэнергией). Енисей – главный меридиональный путь Средней Сибири, открывавший выход ее богатствам.

Таким образом, Красноярск возник в месте скрещения гигантских естественных путей: меридионального – вдоль Енисея и широтного – вдоль отрогов гор, сделавших его центром притяжения обширных территорий. Немногие города имеют столь огромный район тяготения, как Красноярск. Только от времени и темпов освоения этих территорий зависело развитие города.

Существенные особенности местного характера, имевшие важное значение в момент основания города, способствовали его возникновению именно в этой точке. Поднимаясь вверх по реке в 1628 г., основатели города увидели перед собой высокую стену гор, сквозь которую прорывался на равнину Енисей. Острог, поставленный здесь, занимал выход из узкой теснины Енисея. На остроконечном мысу у впадения р. Качи в Енисей имелась ровная площадка для устройства крепости, защищенная с трех сторон водой. Она казалась идеальной с точки зрения вековой традиции сооружения военных крепостей. Отсюда на десятки километров просматривался низменный восточный берег Енисея, в то время наиболее опасный из-за набегов кочевников.

Однако значительно важнее, что выбранная в 1628 г. местность оказалась наилучшей из всех возможных в окружении на последующие 300 лет развития города. В самом деле, микрогеографическое положение Красноярска, столь выгодное вначале, не переставало оставаться таковым на всех этапах последующей истории города. К Енисею легче всего было подойти по долине Качи Сибирским трактом, а затем железной дорогой. Следующий значительный левобережный приток –

р. Бузим впадает в Енисей в 100 км ниже Качи. Он удален от подножия гор, т.е. наиболее удобной линии для проведения железной дороги. У Красноярска легче всего пересечь Енисей еще потому, что здесь он наименее широк после выхода из гор. В районе Красноярска Енисей имеет достаточные акватории для отстоя и сортировки судов, обладает низкими и вместе с тем незатопляемыми территориями, удобными для устройства причалов большой протяженности и лесных бирж; 12-метровая правобережная терраса, по которой впоследствии прошла железная дорога, позволяла связать эту дорогу с берегом подъездными ветками.

Когда в конце XVIII в., с созданием Сибирского тракта, главный транссибирский путь смещается на юг и проходит через Красноярск, город, естественно, становится ведущим экономическим и административным центром края. Перенесение в Красноярск из Енисейска в 1822 г. губернского центра Енисейского края лишь оформляет уже фактически свершившееся изменение во взаимном соотношении городов. В 40-х гг. XIX в. выявляются два новых фактора, определивших дальнейший рост Красноярска: развитие зернового земледелия в Минусинской котловине и вспышка «золотой лихорадки» в Енисейском районе. С началом парового судоходства по Енисею (60-е гг.) и проведением Главной Сибирской железнодорожной магистрали (1891–1892) население Красноярска увеличивается: в 1823 г. – 4 тыс. человек, 1863 г. – 10 тыс., 1897 г. – 26,7 тыс., 1917 г. – 70,3 тыс. человек.

В годы индустриализации и последующие годы Красноярск, возглавляющий развитие громадного края, быстро растет. Население города увеличивается в 10 раз: в 1939 г. – 190 тыс. человек, 1959 г. – 412 тыс., 1970 г. – 648 тыс., 1979 г. – 796 тыс., 1996 г. – 870 тыс. человек. Он выдвигается на третье место в Сибири (после Новосибирска и Омска), обогнав Иркутск, Томск, Барнаул, ранее превосходившие его по численности населения.

В формировании Красноярского промышленного узла легко проследить последовательность развития отраслей, в короткий срок обусловившую возникновение на почти «пустом месте» взаимосвязанных производств. Первыми в крае формируются пионерные отрасли: лесная промышленность, добыча цветных и редких металлов, использующие наиболее доступные сырьевые ресурсы. С их развитием возникают предприятия по производству горного и лесного оборудования, быстро расширяются лесоперевалка и лесопереработка. На базе отходов лесоперерабатывающей промышленности сооружается комплекс лесохимических производств, на базе руд цветных металлов – предприятия по их переработке. Дальнейшее развитие водного, железнодорожного и воздушного транспорта обуславливает строительство предприятий по ремонту паровозов, судов и другой техники. Создается тяжелое машиностроение и судостроение. На базе дешевой энергии Красноярской ГЭС и

тяготеющих ресурсов возникает алюминиевая промышленность. Появляются наиболее квалифицированные отрасли промышленного комплекса: электротехника, приборостроение.

Красноярск стремительно расширяется. Вокруг старого ядра города, сложившегося между Енисеем и Качей, сформировались мощные и компактные промышленные комплексы, которые образовали в совокупности громадный город, протянувшийся на 25 км по обоим берегам Енисея. Каждый из этих комплексов имеет свои особенности, определяющие его размещение в пределах города. Так, для лесоперерабатывающего комплекса наиболее ценными оказались площадки на низкой юго-западной части правобережной террасы выше города; для энергохимического – площадка на северо-востоке правобережья, на подходах канского угля; для комплекса предприятий стройматериалов – центральная часть правобережья, у карьеров торгашинских известняков; для комплекса электроемких производств – свободные площадки на левом берегу ниже города по течению реки и др.

В дальнейшем в окружении Красноярска возникли и развиваются крупнейшие энергетические и промышленные комплексы: Красноярская ГЭС в 40 км выше по течению Енисея в Шумихинском створе (г. Дивногорск); Железногорск (Красноярск-26) в 64 км к северу от Красноярска у впадения в Енисей рек Кантат и Байкал; Зеленогорск (Красноярск-45) в 180 км от Красноярска на железнодорожной ветке от станции Заозерная на Транссибе; Абакано-Минусинский энергопромышленный комплекс в 400 км к югу от Красноярска с Саяно-Шушенской ГЭС и алюминиевым заводом; Приангарский комплекс в 350–450 км к северу от Красноярска с Богучанским энергопромышленным и Лесосибирским лесопромышленным узлами; Причудымский (Ачинский) комплекс в 160–200 км к западу от Красноярска с глиноземным и нефтеперерабатывающим заводами, буроугольными карьерами и тепловыми электростанциями большой мощности и др.

Потенциал развития Красноярска по-прежнему велик: все факторы роста города (фокусное экономико-географическое положение, наличие строительных площадок, сложившийся промышленный комплекс, разносторонняя инфраструктура) будут действовать с нарастающей центростремительной силой, притягивая градообразующие функции большого значения. Ясное понимание масштаба действия этих факторов имеет важное значение при всех дальнейших работах по проектированию Красноярска и его агломерации.

Резюмируя, подчеркнем, что огромный экономико-географический опыт городов показывает, что города развиваются в соответствии с определенными объективными предпосылками и закономерностями. Этот опыт должен учитываться в перспективных проектировках. Изучение этого опыта важно не само по себе, а для того, чтобы понять, что во

всех случаях, когда действуют вопреки объективным факторам, неизбежен нарастающий ушерб.

7.2. Коммунальный кризис 1917–1920-х гг.

После революции 1917 г. и гражданской войны положение большинства русских городов «представлялось безвыходным». Уже в течение лета 1917 г. муниципальные расходы росли с головокружительной быстротой, главным образом вследствие полной бесхозяйственности нового состава городских дум, пополненных безответственными представителями партий (преимущественно эсеров), и неумеренных, но почти всегда удовлетворяемых требований о повышении жалованья со стороны городских служащих и рабочих городских предприятий. Смета Петрограда уже к осени 1917 г. выросла с 60 до 180 млн. Когда в июле и августе были избраны, на основании нового избирательного закона, демократические думы, они почти повсеместно застали городское хозяйство в безнадежно расстроенном состоянии. Например, Киевская дума, вступив в управление 8 августа 1917 г., застала пустую кассу, а суммы, недавно полученные от реализации займа в 20 млн (заключенного на выкуп трамвая), израсходованными на другие нужды. Согласно сведениям В.Н. Твердохлебова, предпринявшего в то время анкету о состоянии городов, за лето 1917 г. не только в крупных, но и в средних и мелких городах скачок в расходах составил в среднем 60%, а к 1918 г. — более 400%. Доходы не только не поспевали за ростом расходов, но в половине исследованных городов наблюдалось даже понижение доходов. Городские самоуправления пытались бороться с огромной дефицитностью хозяйства, повышением оценок городских недвижимостей, муниципализацией предприятий и повышением тарифов за коммунальные услуги, использованием доходных источников, им вновь предоставленных (надбавки к подоходному налогу, сбор с публичных зрелищ и увеселений, с вывесок и реклам, квартирный налог и т.п.), но нигде не смогли восстановить нарушенное равновесие в городском хозяйстве, так как неблагоприятные факторы (обесценение денег, падение производительности труда, колоссальный рост зарплаты, расстройство транспорта и снабжения) повсеместно брали верх. Под напором лавины расходов города уже в 1917 г. исчерпали все предоставленные им формы кредита (залог имущества, ссуды из кассы городского и земского кредита, гарантированные казною займы). Кое-где попробовали выпускать боны в качестве городских денежных знаков, но эта мера еще более запутывала положение.

Когда «демократические» думы были ликвидированы большевиками, первые советы, их заменившие, получили в наследство лишь жалкие

остатки городского хозяйства и вынуждены были строить все заново, в обстановке гражданской войны и всеобщего развала.

В истории городов России этого периода «естественно наблюдаются те же фазисы эволюции, какие пережили государственные финансы, а именно: 1) период военного коммунизма, т.е. ликвидации денежного и финансового хозяйства, и 2) период восстановления последнего».

Первый период продолжался с 1918 г. до 1921 г. Он характеризовался крайне тяжелым финансовым положением городов и хаотичностью городского хозяйства. Взносы обыкновенных налогов все уменьшаются и, в связи с обесценением денег, наконец фактически прекращаются. Города живут отчасти на бессистемные пособия от казны, отчасти же на контрибуции, т.е. единовременные обложения имущих классов на местах. Декрет 3 декабря 1918 г. стремился внести хотя бы тень какого-то порядка в этот хаос посредством нормирования городских смет и взимания налогов, но безуспешно. Одновременно с пертурбациями в доходных источниках наблюдается и полная перестройка предметов городских расходов. Содержание муниципальных предприятий и благоустройство отступают на второй план, и главными заботами городов становятся борьба с безработицей, с продовольственным и топливным кризисами, а также содержание жилищного фонда.

Съезд представителей коммунотделов в 1919 г. требовал покрытия коммунальных бюджетов всецело пособиями из центра, т.е. фактического слияния государственного и местного бюджетов. Такое решение, по-видимому, диктовалось всей конъюнктурой эпохи. Действительно, народное хозяйство велось почти исключительно за счет печатного станка и продразверстки, налоги и сборы постепенно отменялись, а услуги коммунальных предприятий были объявлены бесплатными: ясно, что при данных условиях раздельное существование государственного и местного бюджетов не имело никакого логического оправдания. Осуществил это слияние декрет 18 июля 1920 г. К этому времени ликвидация старой финансовой системы, после национализации банков, уже была закончена. Произошло объединение ликвидированных банков в государственном народном банке; был организован финансовый отдел как единый орган, регулирующий всю финансовую деятельность в государстве (которая, кстати сказать, была весьма незначительной вследствие ликвидации денежного хозяйства), и провозглашен принцип единства кассы. Местное хозяйство казалось навсегда уничтоженным, но это было лишь внешней видимостью вещей.

Создавшееся положение было естественным последствием внутреннего хаоса, гражданской войны и тяжелой блокады. С наступлением мира оно не могло долго продолжаться, и в стране сложилась иная ситуация. В городском хозяйстве наступил тот же перелом, как и во всех других областях народного хозяйства, вызванный голодом, холодом и

угрозой вымирания городов. Военный коммунизм заменяется новой экономической политикой.

Как известно, нэп поставил себе совершенно новые цели: восстановление товарного хозяйства, что могло быть достигнуто лишь возвратом к денежному хозяйству и установлением твердой валюты. В области финансов он требовал строгого балансирования бюджетов, покрытия расходов путем налогов и оплаты услуг публичных предприятий. Достигнуть этого без строгой хозяйственной экономии на местах и вообще без самостоятельности мест, привыкших покрывать все свои расходы пособиями из центра, было невозможно. Поэтому выделение местных финансов из общегосударственных финансов и самостоятельность местного бюджета сделали насущной задачей времени. Эта неизбежная децентрализация финансов и дифференциация бюджетов произошли сначала в грубой форме, посредством выделения местных финансов из государственных, без специального выделения городского хозяйства (период 1921–1923 гг.), а затем специфические и важные муниципальные потребности потребовали логического завершения процесса дифференциации, а именно политики, направленной к созданию *самостоятельного* городского хозяйства (период от 1923 г. до нашего времени).

Поворот к нэпу был осуществлен с исключительной энергией в 1921 г., в котором последовали: 1) декрет о платности коммунальных услуг, 2) постановление ВЦИК от 10 октября «О мерах к упорядочению гос. хозяйства», коим было отменено объединение государственных и местных финансов, 3) декрет от 10 декабря о местных налогах и сборах, 4) декрет от того же числа о местных бюджетах и 5) утвержденный ВЦИК и СНК перечень расходов, подлежащих отнесению на местные средства. Перечисленные декреты и особенно изданное 23 ноября 1923 г. Временное положение о местных финансах, объединившее и развившее прежние распоряжения, положили твердое начало реальному строительству местных, а затем и городских финансов, которое имеет уже далеко не одно историческое значение. Мы видим, таким образом, что местный бюджет настоящего времени сконструировался не путем самостоятельного развития на ряду с государственным, а возник как разновидность последнего, посредством выделения его в сформированном уже виде из общегосударственного бюджета. Этой исторической особенностью объясняются многие его свойства и некоторые его коренные недостатки.

Согласно данным анкеты, произведенной ЦСУ в 1924 г., в руках 524 городов имелось 1733700 десятин удобной земли, причем 16,9% всей площади падало на селитебную землю (подлежащую выгодной сдаче под застройку), 4,3% – на сады и огороды, 17% – на выгоны, 27,3% – на полевые земли, 10,5% – на сенокосы и 12,9% – на лес.

В период, предшествующий ускоренной индустриализации хозяйства СССР, советские города были большей частью аграрными.

7.3. Урбанистическая структура России в 1930–1995 гг.

В 1995 г. 168 больших городов сосредоточили 68% городского и 46% общего населения страны. Они отчётливо выделяют основную полосу расселения России и важнейшие звенья её территориально-экономического развития: столичные районы (Московский, С.-Петербургский), основные экономические оси и линии (Волга, Урал, Транссиб), морские побережья и т.д. Города с населением свыше 300 тыс. жителей (63 в 1995 г.) и их окружение составляют строгоорганизованные пространства (термин Е.Е. Лейзеровича), которые подверглись наиболее сильному антропогенному воздействию и являются основной ареной урбанизации в России. На другом полюсе – слабоорганизованные пространства (9/10 всей территории), редко заселённые (средняя плотность около 3 чел./кв. км) и слабоосвоенные с редкой сетью коммуникаций. Большие города – главная фигура расселения страны во второй половине XX в. И только по страшному недомыслию их судьбы на протяжении многих десятилетий определяла пресловутая формула – ограничение роста больших городов и развитие малых и средних, кочевавшая систематически из одного партийно-государственного документа в другой. К сожалению, не одно поколение советских градovedов и градостроителей присягало на верность этой формуле. По меткому выражению Л.Б. Когана, она, по существу, стала проверкой на благонадежность, лояльность режиму. Фактически же политика ограничения роста больших городов (этих основных очагов урбанизации) и развития малых и средних (в большинстве не располагавших для этого необходимыми ресурсами) означала сдерживание процесса урбанизации в стране, особенно качественных параметров его развития, и во многом способствовала нарастанию негативных особенностей советской урбанизации, о которых говорилось выше. Одностороннее функциональное развитие, индустриальная доминанта в ущерб социальной сфере, недостаточность социально-культурного потенциала, низкое качество городской среды, плохая экологическая обстановка и другие проявления недостаточного внимания к человеку в городе – всё это плюс трудности переходного периода и кризиса в последние годы определили незавидное положение этой ведущей группы российских городов, а с ними и урбанистической ситуации в целом.

В связи со сказанным можно наметить следующие первоочередные проблемы развития больших городов на обозримую перспективу, имея в виду в качестве общей основы коренной пересмотр теории и практики государственного отношения к ним:

- резкое наращивание социально-культурного потенциала, акцент в развитии больших городов на потребности человека в городе;
- значительное повышение качества городской среды;
- расширение функциональной структуры больших городов исходя прежде всего из местных потребностей;
- резкое улучшение экологических условий больших городов, особенно столичных и крупных промышленных центров;
- разработка новых методов управления большими городами путём учёта закономерностей их самоорганизации;
- усиление процесса формирования пригородных зон больших городов.

7.4. Новые города: их реальный вклад в улучшение и усложнение урбанистической ситуации в стране

Противоречия советской урбанизации, порождающие острые проблемы на современном этапе, хорошо видны при анализе роли новых городов в системах расселения разного уровня.

С одной стороны, эти города, составлявшие многие годы предмет гордости советской градостроительной науки и практики и отражавшие социальный колорит нашей недавней отечественной истории, способствовали быстрому количественному росту урбанизации. Именно на их долю приходилась значительная часть прироста всего городского населения и пополнения сети городских поселений в послеоктябрьский период. Стремительный рост новых городов в СССР был тесно связан с ускоренной, скоротечной индустриализацией и поверхностной, неподготовленной урбанизацией, сопровождавшими обычно освоение новых ресурсов и территорий. Вот почему в СССР (1990 г.) из 2200 городов 887 (40,3%) составляли города, созданные после 1945 г., а 1525 (69,3%) – после 1917 г. Пик их образования приходился на 60-е годы.

Роль новых городов в системах расселения была весьма дифференцирована по районам разного типа. В старопромышленных районах России с исторически сложившейся густой сетью поселений их роль была невелика (например, в западных областях – Псковской, Смоленской, Брянской и др.). Напротив, во многих северных и восточных районах (Республика Коми, Урал, Кузбасс, Хабаровский край и т.д.) на долю новых городов приходится 75% общего числа городов. В этих же районах намного сложнее идёт процесс формирования среды новых городов, их благоустройства, культурного развития, особенно в монопрофильных поселениях отдалённых районов на севере и востоке страны; там уже в 70–80-х гг. отчётливо наметились черты надвигающегося кризиса. Их развитие в отличие от новых городов в столичных и вообще старопромышленных районах европейской части идёт обычно не от го-

рода, а от района; такие города не имели, как правило, солидного городского эмбриона и условий для быстрого накопления социально-культурного потенциала. В Сибири и на Дальнем Востоке особенно много новых городов, по существу, лишённых полноценной городской среды в её современном понимании, необходимого социально-культурного потенциала, поскольку их создание не опирается обычно на длительные традиции. Отсюда сохранение «поселковых» черт в период советской урбанизации, характерное и для многих городов европейской части России.

Таким образом, к началу 90-х гг. на первый план отчётливо выступает другая, качественная, сторона городского роста (которая раньше недооценивалась, а иногда просто «не замечалась»), особенно важная для судеб новых и отдалённых городов. Именно для этой группы городов наиболее актуальными становятся преодоление «поселковости» и создание полноценной городской среды и необходимого социально-культурного потенциала. Реальная оценка их состояния сегодня выявила огромные расхождения между идеями, воплощавшими некие абстрактные идеалы и утопии при основании новых городов 20–30 и более лет тому назад, и суровыми реалиями их функционирования, которые ещё более усилил переход к рынку. Правда, опыт создания новых городов во многих странах мира также не оправдал возлагавшихся на них надежд, но масштабы их строительства (а следовательно, и разочарования в них) в этих странах несоизмеримы с советскими. Например, в Великобритании, стране, внесшей заметный вклад в теорию и практику создания новых городов, в 1946–1990 гг. возникло 34 таких города, во Франции – всего 9, в США – 52.

В России к тому же и очень велики размеры отдельных новых городов, как, например, Тольятти и Набережные Челны, созданные при автозаводах-гигантах в Среднем Поволжье и отчётливо обнаружившие многочисленные просчёты при их создании. Так, Камский автозавод построен в типичном аграрном районе, где в 1960 г. самым заметным городом была Елабуга с населением 22 тыс. жителей. Но в 60-х гг. началось строительство нового города Нижнекамска и нефтехимического комбината, затем – Нижнекамской ГЭС около г. Набережные Челны и, наконец, в 70-х гг. – создание Камского автозавода и крупное жилищное строительство в Набережных Челнах. В результате в значительной мере на «пустом месте» сложилась крупная агломерация городов с населением около 1 млн человек.

**Рост населения основных городов агломерации
Набережные Челны (тыс. чел)**

Город	1959	1970	1979	1989	1995
Набережные Челны	16	38	301	500	526
Нижнекамск	–	49	134	191	210
Елабуга	22	32	36	54	65

Только в 1970–1986 гг. в указанную агломерацию и прежде всего в Набережные Челны прибыло на постоянное место жительства около 500 тыс. человек, в том числе примерно 140 тыс. из-за пределов Татарстана. Столь высокие темпы роста населения вызвали не только отставание развития социально-культурной сферы и качества городской среды от современных потребностей населения, но и поставили очень сложные проблемы их поддержания (не говоря о дальнейшем развитии) после акционирования КамАЗа и других событий, связанных с переходом к рынку, децентрализацией экономики и усложнением взаимоотношений между центром и регионами.

Серьёзные изменения оценки новых, или, как их ещё именуют, «молодых» городов в процессе урбанизации – в рамках цивилизационного подхода к социально-политическим и экономическим переменам в России последних лет – содержатся в материалах Международной конференции под эгидой ЮНЕСКО (1993 г.) «Культура молодых городов». Органические недостатки создания новых городов в СССР, на которые старались не обращать внимания в тоталитарном государстве, в переходный период заявили о себе со всей определённой и тем самым развеяли ещё один миф. Ведь в отличие от молодых городов в зарубежной Европе, основанных в 50–60-е гг. на больших традициях городской общины и самоуправления в компактных, небольших странах с близко расположенными, исторически сложившимися крупными центрами, в России с её крестьянско-общинным прошлым, огромными пространствами, разнообразием регионов и другими особенностями процесс образования городов был изначально затруднён. В дальнейшем эти трудности возросли под влиянием идеологии «человек при производстве» и, как следствие, «город при заводе».

Произвольное, без учёта потенциала крупнейших центров, массовое по своим масштабам «десантирование» новых городов в огромные пространства России, стремление с их помощью осваивать всё новые ресурсы и территории создавали сложнейшие социальные, экономические, культурные проблемы, что тормозило развитие общества в самых различных сферах. Вот почему естественный для нормального хода ур-

банизации приоритет исторически сложившихся культурных центров – больших городов – был опрокинут. Их социально-культурный потенциал произвольно, без учёта длительности его воспроизводства и реализации на новом месте долгие годы неразумно перекачивался в районы нового освоения, в том числе и в новые города. При этом исчерпывался не только социально-культурный потенциал крупнейших городов, но и разрушался сам генофонд горожан в очагах урбанизации, истончался их массовый средний слой.

Тем самым не решались кардинально проблемы развития ни крупнейших, ни новых, ни малых городов, с чем пришлось столкнуться сегодня. А вместе с тем ещё более обострилась проблема освоения восточных районов.

7.5. Урбанизация и освоение пространства: проблема Запад-Восток в современной трактовке

Вековая задача освоения восточных и северных районов России сегодня получает новый поворот. Он связан с целым рядом обстоятельств и, прежде всего, со снижением значимости военно-политических, военно-стратегических, ресурсных и некоторых других факторов и повышением урбанистических, социальных, культурных и в более широком плане цивилизационных основ регионального развития современной России. Этот поворот подготовлен предшествующим развитием и наметился ещё ранее; он был замечен особенно при изучении урбанистической ситуации в СССР – России в 50–80-х гг. с антропоцентрических позиций.

Движение производства и населения на восток в последние десятилетия было весьма впечатляющим по масштабам, если отвлечься от той цены, которую за это пришлось платить. И речь идёт не только и не столько о себестоимости сырья и товаров, которые там производятся, сколько о качестве жизни населения на огромных просторах азиатской России. Это особенно остро ощущается сегодня, когда прогресс мирового производства и цивилизации в целом связан, в первую очередь, с культурной оснащённостью общества, его социальными ресурсами, взаимодействием с мировым хозяйством, а не с одноким освоением природных ресурсов, при всей их важности. Перед современной Россией возникает задача формирования непрерывных городских структур, которая отличает развитые страны Запада, охват всего освоенного пространства энерго- и коммуникационными системами, транспортом, связью, сферой услуг и т.д. Это заставляет по-новому взглянуть на традиционную проблему Запад – Восток в стране.

Среди факторов освоения пространства ныне всё большее значение приобретает и у нас городской, социально-культурный потенциал, воз-

возможность пользоваться в перспективе набором элементов современной цивилизации в пределах транспортной доступности для всего населения страны. Поэтому в стратегии городского и регионального развития важно определить реальное соотношение темпов динамики урбанизированных старопромышленных районов европейской России и азиатской части страны с её разреженной сетью городов и коммуникаций, суровыми социальными и природными условиями. Необходимо понимание того, что темпы и масштабы освоения восточных районов, формирования в них новых городов во многом определяют сложившиеся крупнейшие центры. В нашей истории этой истиной постоянно пренебрегали, и в итоге неразумно истощались урбанистические ресурсы запада страны, прежде всего Московского и Ленинградского регионов, не создавая при этом за их счёт полноценных городов на востоке. Тем самым мы растрачивали немного, что накопили в ходе трудного развития городской культуры, теряли её воспроизводственные возможности. Это мешало использовать важнейшие преимущества урбанизации, нарушало её естественный ход.

Изучение урбанизации в СССР в 30–80-х гг. показало важность концентрации населения и производства в стране с огромной территорией как наиболее эффективный путь её освоения. Об этом свидетельствует и опыт других, аналогичных по территориальным проблемам, стран, таких, как Канада или Австралия. И не случайно все эти годы в стране наблюдался процесс концентрации населения в основных узлах и ареалах преимущественного развития, во многом вопреки государственным доктринам ограничения роста больших городов и более равномерного расселения по территории СССР.

Отсутствие стратегии урбанизации, чёткого выделения основных ориентиров городского развития привело к негативным результатам. Стремление одновременно «развивать всё разом», и большие, и малые, и средние города, и создавать сотни новых, иногда очень крупных городов на огромной, в значительной части слабоосвоенной территории практически не позволило решить на современном уровне ни одну из этих задач. То же во многом относится и к региональному развитию. Поэтому так важны ныне выборочность и очерёдность в развитии городов, и регионов.

В условиях перехода к рыночной экономике с новыми «правилами игры» ещё более усиливаются тенденции к сжатию интенсивно используемого пространства: ведь рынок беспощадно «выбраковывает» не только нерентабельные предприятия и целые отрасли, но и соответственно определённые типы и группы городов и целые территории «второго эшелона» (Крайний Север, Северо-Восток, некоторые районы Сибири, Дальнего Востока и др.). Речь при этом не идёт о выделении каких-то «второстепенных» городов и районов. Просто стране сегодня в

условиях кризиса непосильны крупные затраты по развитию всего и вся одновременно.

Таким образом, урбанизация как весьма показательный фактор регионального развития подтверждает целесообразность изменения его вектора в России с восточного на западный. Эта концепция предусматривает перелом тенденций прошлых десятилетий – от фронтального крупномасштабного движения на восток и север, не считаясь с огромными затратами, к выборочному, тщательно продуманному освоению сравнительно немногих районов восточнее Урала. Основное же внимание должно уделяться в ближайшие годы дальнейшему развитию урбанизированных старопромышленных районов европейской части России, потенциал которых ещё очень далёк от исчерпания.

Со сжатием интенсивно используемого пространства, видимо, ещё более возрастут мозаичность, территориальная дробность, фрагментарность социально-экономического развития страны, что потребует детальных предварительных исследований, в первую очередь охватывающих урбанизированные структуры разного типа в России.

Л. Велихов также неоднократно указывал, что главным вопросом является то, «как именно и почему данное место, а не другое место рядом делается центром сосредоточия капитала, продолжает оставаться в тени». При обязательном привлечении и учёте всех средств развития данной территории, при вооружении градостроительной и иной технической культурой мы всё же должны понимать, что в конечном счёте процветание или запустение и деградация данного места решается нашими конкретными усилиями, нашим духом и благодатью.

Совсем недавним и до сих пор ещё существующим в натурном виде на территории всей страны прототипом полисов в России являлись молодые академгородки и наукограды.

Здесь навсегда образцовыми останутся основанные соответственно в 40-х и 50-х годах Арзамас-16 (ныне город Саров) и Новосибирский Академгородок, поскольку в них наиболее наглядно представлен миссионерский смысл и основание полисов.

Арзамас-16 создавался для создания советского атомного оружия и достижения ядерного паритета СССР с США и НАТО. Не случайно рядом разных философов и мистиков России значение этого до сих пор прочно «закрытого» наукограда определяется столь высоко, что естественным является сближение его роли с деяниями святого Серафима Саровского, а успех в разработке и создании ядерного оружия объясняется тем, что Божия Матерь раскинула свой покров над страной и помощью в создании абсолютного оружия спасла тогда и продолжает спасать Россию.

Новосибирский Академгородок также являлся следствием оригинальной и правильной миссионерской программы развития Сибири и Дальнего Востока через создание в дополнение к передислоцированной

с Запада на Восток в годы войны промышленности специального целевого города научно-исследовательских разработок, города-КБ (конструкторского бюро). Огромную роль здесь сыграл гений академика Михаила Алексеевича Лаврентьева, который и подобрал место под Академгородок и был его душой и организатором. Именно вокруг Академгородка было создано Сибирское отделение Академии наук, именно на основе Академгородка был реализован принцип знаменитого «лаврентьевского треугольника»: наука – кадры – практическое использование. Именно в Академгородке возникла система физтеха и была создана первая в стране специализированная физматшкола.

С наступлением экономического и политического кризиса в конце 80-х – начале 90-х гг. значительно обострились проблемы урбанистического развития страны, которые накапливались в предыдущие десятилетия. Это нашло выражение и в том, что численность городского (как и общего) населения России начала устойчиво снижаться – с 109,2 в 1992 г. до 107,5 млн человек в начале 1995 г. Естественно, что и людность подавляющего числа городов также уменьшается. Такой перелом в динамике городского населения – одно из свидетельств неблагополучия в развитии российских городов. Оно во многом связано с особенностями урбанизации в советский период.

Укажем наиболее важные из них.

1. Незавершённый, ущербный, односторонний характер развития самого процесса урбанизации.

Эта особенность лежит в основе большинства других городов. Она является прямым результатом формирования урбанизации в качестве побочного продукта индустриализации, пренебрежения к потребностям человека в городе, социальной сфере на протяжении десятилетий специфических собственно городских проблем.

Незавершённый характер урбанизации заключается в том, что далеко не всё городское население и поныне включено в городской образ жизни по характеру занятости, уровню обслуживания, разнообразию досуга и т. д. В общем приросте городского населения страны примерно 70% составляли вчерашние сельские жители. Чрезмерная в ряде районов миграция из села в город часто усугублялась непродуманными административными преобразованиями сельских территорий в городские. Это способствовало возникновению явления, известного в литературе как «ложная урбанизация» и характерного для многих развивающихся стран, а в СНГ – особенно для стран Средней Азии. Всё это имело негативные последствия не только для города, но и для сельской местности. Число сельских населенных пунктов сократилось между переписями населения 1959 и 1989 гг. почти вдвое (с 294 до 153 тыс.), главным образом за счёт мелких сёл до 500 жителей, а численность сельского населения – с 55,0 до 39,1 млн человек.

По производительности труда в 1990 г. советское сельское хозяйство уступало США в 11 раз, Нидерландам, Бельгии и Канаде – в 10 раз и даже таким странам, как Греция и Португалия, – в 2 раза. Поэтому соотношение доли городского населения в СССР (66% в 1989 г.) и доли занятых в сельском хозяйстве (20%) было далеко от нормального.

2. Низкое качество городской среды.

Низкое качество городской среды – прямое следствие сказанного выше; оно связано во многом со слишком высокими темпами роста городского населения страны и низкими доходами горожан. Недостаточное развитие социальной сферы, уровня благоустройства городов, однообразие, а порой унылость архитектурного облика, неразвитость городской культуры – всё это характерно не только для подавляющего большинства малых городов, особенно в России, но и для многих крупных центров с населением свыше 100 тыс. жителей, в том числе созданных в последние десятилетия.

3. Экологическое неблагополучие городского развития.

Проблемы экологии за последние два-три десятилетия приобрели особую остроту в связи с резко возросшим загрязнением воздушного бассейна и водных ресурсов городов. Почти все большие города бывшего СССР, а некоторые специализированные промышленные центры и с населением менее 100 тыс. жителей подошли к экологическому пределу своего роста из-за отсталой технологии развития промышленности и автотранспорта – основных загрязнителей (роль последнего в загрязнении крупных городов достигает 70–90%).

К началу 90-х гг. в СССР насчитывалось около 100 городов с критическим экологическим состоянием. Неблагополучие городской среды связано не только с величиной города, но и с особенностями его функциональной структуры, микроположения, местных условий и т. д. Рекордсменами по суммарному выбросу вредных веществ в атмосферу тогда являлись Норильск (2,4 млн т в 1986 г., население 173 тыс. человек в 1990 г.), Кривой Рог (1,6 млн т; 717 тыс. чел), Экибастуз (1,6 млн т; 137 тыс. чел), Москва (1,25 млн т; 9100 тыс. чел); Новокузнецк (1,1 млн т; 601 тыс. чел); Темиртау (1,1 млн т; 213 тыс. человек). Ещё 8 городов отличались значительным превышением ПДК по отдельным веществам или высоким содержанием пыли; среди них не только крупные, но и небольшие города с населением около 50 тыс. жителей (Кирши, Благовещенск в Башкирии).

В России, по официальным данным, выделяются (на 1994 г.) 40 городов с наиболее неблагоприятной экологической ситуацией, исходя из объёма выбросов загрязняющих веществ только от стационарных источников. Среди них – Москва и половина «городов-миллионеров».

Важно отметить, что среди городов России с тяжёлой экологической ситуацией (по данным опроса населения летом 1990 г.) оказались

не только традиционные центры металлургии и химии (Челябинск, Уфа, Липецк), но и многие новые крупные города – Тольятти, Набережные Челны, Нижнекамск, Новокуйбышевск, Волжский и др.

4. Асимметричность городского расселения.

Между европейской и азиатской частями страны, между её югом и севером наблюдается асимметричность городского расселения. В европейской части в 1990 г. были расположены около 4/5 всех городов СССР; там находилось 127 из 165 больших городов России (77%). В этой наиболее освоенной части СССР и России лишь крайние северные территории и район Прикаспия на юге неблагоприятны для жизни населения и трудны для освоения. В азиатской же части основная полоса расселения сильно сужена и отжата к югу. Её отличают также меньшая зрелость и сформированность сети расселения, более низкое качество городской среды, сферы обслуживания, культуры.

5. Деформация функциональной структуры городов, преобладание монопрофильных узкоспециализированных центров.

Это одно из следствий тоталитарной (военно-промышленной урбанизации), для которой характерно обилие городов одной отрасли при слабом развитии центральных функций (связей с окружающей территорией), культурного потенциала, городской среды и т. д. Даже крупные города нередко остаются всего лишь огромными посёлками при предприятиях-гигантах. Поэтому и в крупнейших столичных и региональных центрах, которые по своей природе обычно многофункциональны, чрезмерное преобладание промышленности наблюдается повсеместно. Даже в Москве по доле занятых промышленность занимает первое место (24%).

Все отмеченные выше особенности способствовали обострению проблем развития урбанизации России¹.

¹ Изложено по: Велихов Л. Основы городского хозяйства. – М.; Л., 1928; Перцик Е.Н. Города мира. – М.: Международные отношения, 1999.

ТЕМА 8. ГОРОД ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Во многом советский опыт академгородков и наукоградов и американский опыт «зон развития» был положен в основу японской стратегической программы 70-х годов «Технополис». Вот как описывается идея технополиса С.В. Вобленко:

«Традиционно под технополисом понимают город, в экономике которого ведущую роль играют исследовательские центры новых технологий и использующие эти технологии предприятия. Однако это определение не отражает главного: новые технологии служат здесь лишь инструментом для создания иной системы взаимоотношений между самими людьми и между людьми и природой».

Технополис (technopolise: от греч. techne – мастерство и polis – город) – 1) современная форма территориальной интеграции науки, образования и высокоразвитого производства (разновидность свободно-экономической зоны); представляет собой единую научно-производственную и учебную, а также жилую и культурно-бытовую зону, объединенную вокруг научного центра, обеспечивающую непрерывный инновационный цикл на базе научных исследований; 2) это специализированные на выпуске наукоемкой продукции компактные научно-технологические поселения, городки, где созданы максимально благоприятные условия для жизни, труда, отдыха, образования, удовлетворения культурных потребностей и т.д.; 3) форма регионального развития, заключающаяся в создании структур, направленных на организацию взаимодействия бизнеса, университетов и местных властей. В Японском толковании – это: 1) научный проект, включающий развитие индустриальных городов за счет создания «мягкой» инфраструктуры, состоящей из квалифицированных кадров, новых технологий, информационного обеспечения, капитала, вкладываемого в неисследованные области, сетей коммуникации; 2) город, в котором «критическая масса» образования, науки, техники, наукоемкого бизнеса, рискованного капитала порождает «цепную реакцию» научной и деловой активности международного, глобального масштаба. В структуру технополиса могут входить, в качестве одного из его блоков, различные виды (типы) парков. В зависимости от характера и объема выполняемых функций можно выделить следующие разновидности парков:

1. Инновационные центры, предназначение которых заключается в оказании содействия преимущественно новым фирмам, связанным с наукоемкими технологиями.

2. Исследовательские или научные парки, которые обслуживают как новые, так и вполне зрелые фирмы, поддерживают тесные связи с университетами или НИИ (часто располагаются в живописных местах).

3. Технологические парки, представляющие собой оптимально организованные научно-промышленные зоны, где осуществляется сотрудничество и обмен идеями и информацией между предприятиями и научными организациями в целях внедрения нововведений; у технопарков имеется в распоряжении целая сеть наукоемких фирм и производств.

Впервые стихийно процесс создания технополисов начался в США, но лишь Япония сделала его осознанной политикой, сформулированной на государственном уровне.

В Японии – это «линия развития, в основе которой лежит государственно организованный процесс сознательного использования научного и культурного потенциала человечества в интересах сохранения и процветания японской нации.

Структуру технополиса можно описать тремя основными блоками: ядро, периферия ядра и система связей, обеспечивающих целостность всей структуры.

1. «ЯДРО» (состоит из 4-х элементов):

- исследовательский центр (университет или институт), организующий разработку передовых технологий;
- связанные с ним предприятия; а также курсы повышения квалификации, где работники учатся овладевать новыми технологиями;
- центр технической информации (с выставочным залом);
- бизнес-инкубатор.

Задача «ядра», как ее определяет губернатор Оиты, – разрабатывать высокие технологии, а на их основе – локальные технологии, применяемые местными предприятиями.

2. «ПЕРИФЕРИЯ ЯДРА» строится из трех крупных блоков:

- жилой зоны и обслуживающих ее предприятий и служб;
- зоны рыночной инфраструктуры, требующейся для организации бизнеса;
- условно говоря, производственной зоны.

Возьмем производственную зону. Предприятия, потребляющие локальные технологии, расположены по всей территории префектуры и группируются в три сектора технополиса:

- «маринополис» (морское пастбище, связанное компьютерной системой с рыбопромышленным институтом): выращивание рыбы с заданными свойствами;
- сельскохозяйственный комплекс: набор производств, обеспечивающих взаимодействие с промышленностью и научными учреждениями в целях использования передовых технологий в сельском хозяйстве и переработке сельскохозяйственной продукции (связаны компьютерной сетью с соответствующим НИИ и друг с другом);

- нефтехимический и металлургический комплексы, расположенные вокруг аэродрома, посреди огромного мандаринника (хотя при этом экологически чистые мандарины – одна из статей экспорта провинции).

Предприятия относятся к мелким и средним, они широко расположены на местности, чтобы привлечь предпринимателей и обеспечить условия для экологической безопасности и охраны природы.

При всем разнообразии национальных проектов, конкретных форм и географии технополисов (США, Франция, Япония, Австралия) можно выделить общую закономерность их формирования: сочетание ориентации на новые технологии XXI века и максимальное использование существующих возможностей и научно-технического потенциала региона.

Этой двуединой стратегии соответствуют методы региональной политики – создание в регионе «центров роста» и стимулирование властями мер по максимальному использованию местных возможностей».

Интересными формами современного градостроительного полисного творчества являются и такие французские формы как новая агломерация и зоополис.

Воспользуемся их описаниями исследователем С.В. Вобленко:

«Во Франции новые городские агломерации названы «новыми» не случайно. Они характерны для регионов, где небольшие города (до 60–100 тыс.) объединяют свои усилия и формируют регион интенсивного развития. Политика «новых городов» преследует ДВЕ основные ЦЕЛИ: организовать развитие пригородов агломераций и создать объединения, предоставляющие жилье, работу и отдых. Было создано 9 новых агломераций, в т.ч. 5 в районе Иль-де-Франс (Сержи-Понтуаэ, Эври, Мелэн-Сенар, Марн-ла-Валле, Сент Квентин-ан-Ивелин) и 4 в провинции: Иль д’Або (Изер), Рив-де-л’Этан-де-Берр (устье Роны), Водрей (Сен-Маритим), Вильнев д’Аск (Север). Создание агломераций и принципы их функционирования регламентируются законом от 13 июля 1983 г. (с изменениями, внесенными законом от 8 августа 1989 г.). Определение границ урбанизации осуществляется префектом департамента по согласованию с соответствующими районным, генеральным и муниципальными советами. Основанием для действий префекта является решение «надкоммунального» органа – «сообщества агломерации» или «синдиката агломерации» (за решение должны проголосовать 2/3 муниципальных советов, представляющих 3/4 населения зоны агломерации). Сообщества или синдикаты агломераций являются временными структурами, создаваемыми для переустройства территории, и пользуются особым юридическим и финансовым статусом. По окончании деятельности, связанной с решением поставленной перед агломерацией задачи, осуществляется возврат к коммунальному статусу путем слияния коммун (части коммун) в границах периметра урбанизации. Примером мо-

жет служить городская агломерация, расположенная в долине реки Марны, зона Марн-ла-Валле (18 км от Парижа).

Центральная часть зоны – сектор (район) Валь-Мобюз – имеет 6 небольших городов-коммун с общей численностью около 85 тыс. человек: Шамп-сюр-Марн (20 тыс.), Круассен-Вобур (2 тыс.), Этрэвиль (6 тыс.), Лоно (12 тыс.), Нуазель (16 тыс.), Торен (18 тыс.). Для управления развитием, строительством и функционированием агломерации законом Франции от 13.07.83 был образован Синдикат. Он объединяет 6 названных коммун. Полномочия Синдиката формируются путем делегирования ему коммунальных полномочий. Учредительный устав Синдиката четко фиксирует: размер взноса каждой коммуны в расходы Синдиката и объем переданной компетенции. Коммуны могут присоединяться лишь к части выполняемых Синдикатом функций. Это обеспечивает гибкость в учете интересов различных коммун, поскольку позволяет выбирать участие в тех видах деятельности, которые интересуют коммуны-учредителя в данный момент.

Основная компетенция Синдиката:

- осуществление функций коммун по вопросам проектирования и инвестиций в градостроительство, жилье, транспорт, а также по вопросам экономического развития;

- оказание различных услуг коммунальщикам: работы по содержанию и ремонту зданий, эксплуатации парка коммунальных машин, путей сообщения, зеленых массивов;

- финансовая помощь социо-культурным ассоциациям;
- выполнение дополнительных функций по обслуживанию населения, переданных Синдикату тремя из шести коммун-учредителей.

Права Синдиката:

- разрабатывает и одобряет местную схему землепользования;
- определяет зонирование территории;
- президент Синдиката подписывает все акты по землепользованию (в т.ч. разрешения на строительство);
- регулирует экономическое развитие территории и осуществляет координацию действий инвесторов, компаний, государственных органов;
- он уполномочен быть единственным гарантом качества развития зоны Валь-Мобюз.

Органом управления Синдиката зоны Валь-Мобюз является Комитет, в котором каждая коммуна представлена двумя делегатами. Комитет имеет статус муниципального совета, избирается на 6 лет и обновляется одновременно с переизбранием муниципальных советов коммун, образующих агломерацию. Основная задача Синдиката – создать условия для комплексного, инновационного развития местных сообществ в границах агломерации. Для этого территория между городами особым образом структурирована и выделены специальные зоны (точки роста),

в пределах которых действует система льгот и стимулов социально-экономического развития. Зона инновационного развития: состоит из 11 зон для бизнеса с крупными административными учреждениями, исследовательскими и учебными центрами, фирмами высоких технологий, где размещено более тысячи предприятий, создавших 22 тыс. рабочих мест. Социально-бытовая зона: школы, гимназии, спортивные и культурные учреждения, центр искусства и культуры, кинозалы, выставочные залы; жилье; библиотека, высшая музыкальная школа; действуют около 450 культурных ассоциаций. Она сводится к стимулированию нужной направленности регионального развития сектора и осуществляется по нескольким направлениям. Финансовая поддержка деятельности Синдиката идет в форме кредита и целевого финансирования. Кредит предоставляется на 15 лет для развития зоны Валь-Мобюз (из расчета 10% годовых при уровне инфляции в 14%). Целевое финансирование из государственного бюджета осуществляется только на отдельные программы развития социально-культурного сектора агломерации, которые по тем или иным причинам государство считает невозможным оставить на усмотрение Синдиката.

Одновременно государство осуществляет юридическую регламентацию деятельности Синдиката, издав специальный закон, закрепляющий условия развития сектора, компетенцию, права и статус его новых органов».

Зоополь во французской провинции Бретань, по мнению многих авторов, придёт на смену технополису.

«Зоополь – не столько город в традиционном понимании этого слова, сколько небольшой регион.

Он расположен в красивой сельской местности (графство Кот д'Амор) с развитой сетью дорог (есть аэропорт) и информационной инфраструктурой. «ЯДРО» зоополя составляет сельскохозяйственный комплекс, специализирующийся на использовании биотехнологии в животноводстве и пищевой промышленности: более 200 мелких и средних компаний с 20 тыс. работающих в научной сфере (лаборатории, исследовательские и технологические центры), животноводстве (биоинженерия), ветеринарии, производстве кормов, на вспомогательных производствах (бойни, пищевая промышленность, производство замороженных овощей), в учреждениях по контролю за состоянием окружающей среды и на предприятиях фармацевтической промышленности. Созданы особые условия для общения людей (выделены зоны отдыха, жилые сектора, где жилищное строительство ведется по индивидуальным проектам, особое внимание уделяется развитию средств связи и коммуникаций). Регион занимает во Франции 1-е место по производству свинины и яиц, 3-е место по производству молочных продуктов и мяса бройлерных цыплят. Это мировой центр биотехнологии и один из

ведущих финансовых центров Франции. В организационном плане зоополь использует механизм агломерации. Несмотря на то, что зоополь – явление достаточно молодое и находится в стадии формирования, правомерно говорить о его существенных отличиях от технополиса. Эти отличия составляют три характерные черты:

1. С точки зрения цели функционирования. В технополисе конечной целью все еще остается производство продукта (услуги), интеллектуальный потенциал используется для облегчения процесса и расширения его рамок и возможностей. Для зоополя, наоборот, развитие интеллектуального потенциала человека, окружающая его среда играют основополагающую роль, а производимый продукт становится лишь средством, помогающим достичь желаемого результата.

2. С точки зрения среды обитания. В технополисе гуманизация среды обитания не завершена, человек хотя и выведен за пределы непосредственного участия в технологическом процессе, все же остается частью системы «человек-машина». В зоополе люди изначально оторваны от машин, формируется иная цепь взаимосвязей – по линии «человек-природа».

3. С точки зрения технологии. В технополисе еще сохраняется установка на техническое переделывание природы. В зоополе в основу положено следование законам природы и использование их для достижения целей человека.

В России интересным и перспективным является проект создания сети ноополисов (городов разума, умных полисов или поселений), который берёт своё начало с созданного в 1999 году в Лунинском районе Пензенской области под руководством бывшего первого заместителя Государственного комитета Российской Федерации по делам Севера (Госкомсевера), почётного полярника, доктора биологических наук П.Х. Зайдфудима первого ноополиса «Луговой».

Ноополис – это город, поселение, полис, живущий на принципах разума (нус, ноос) и ноосферности, т.е. когда люди становятся сознательной геологической силой (по В.И. Вернадскому) и когда преобразование природы и социальности является не хищническим, а необходимым элементом пытающихся жить разумно людей.

Ноосфера – «разумная оболочка Земли», теоретически была описана Эдуардом Леруа, Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским. Ноосфера рассматривается как концептуальное единство всех процессов, производимых людьми на Земле, как ткань, сотканная из тысяч нитей действий отдельных людей, государств и организаций. Сегодняшний мир оказывается настолько тесно связанным этой тканью, что традиционное деление на нации и государства не дает адекватных описаний, происходящих и назревающих событий. Понимание этого позволяет по-новому относиться к переорганизации расселения по всему Земному шару.

В США стараниями ряда аналитиков Национального института оборонных исследований знаменитой РЭНД-корпорейшн (RAND), прежде всего, Джоном Аркиллоу (John Arquilla) и Дэвидом Ронфелдтом (David Ronfeldt) в работе «Возникновение ноополитики» разработана и активно продвигается ноополитика (Noopolitik) как система современного государственного управления программой распространения военных и промышленных задач североамериканской государственности на весь Земной шар. Не случайно, что у них подобными проектами занимаются не подвижники-энтузиасты, а цвет оборонно-внешнеполитического сообщества США.

Еще одной популярной концепцией «городов будущего» является концепция «экуменополиса», разработанная в трудах известного греческого архитектора Диоксиадиса.

Обосновывая свою концепцию, Диоксиадис остановился прежде всего на проблемах современных городов и современной урбанизации. По его мнению, таких основных проблем три. В частности, он писал: «Я выбрал три основные категории проблем современного города и приведу по одному примеру по каждой из них.

Первая, общая категория, к которой я отношу структурные проблемы, связана с созданием системы города в целом. Я приведу в качестве примера проблему транспорта, но мы сталкиваемся с подобными проблемами во всех других сторонах городской жизни. У нас есть машины, которые могут развивать большие скорости. Но что происходит на деле? Мы пересекаем Нью-Йорк, Лондон и Париж со средней скоростью 15 км/час, т.е. со скоростью телеги в начале века. Таким образом, техника достигла прогресса, система – нет. Я не могу не упомянуть об одном законе, который похож на шутку или закон Паркинсона, но уверяю вас, что это не так. Чем выше скорость транспорта, тем больше нужно времени, чтобы добраться до центра города. В XVIII в. обыкновенному человеку требовалось 10 мин, чтобы дойти до центра города пешком, потому что площадь среднего города составляла 2000×2000 ярдов. В XX в. к пешеходному способу передвижения добавили железную дорогу, и чтобы добраться до центра города, требовалось 20–25 мин. В XX в. требуется от 50 до 60 мин. Вот вам результат. С точки зрения скорости масштабы возросли, но с точки зрения затрат времени человеком, а мы интересуемся антропометрическим измерением скорости, мы катимся назад. Это полный провал наших структур.

Вторая категория касается ресурсов, которые имеются в распоряжении города. Город не существует, если воздух заражен, нет воды, не хватает земли. Мы подсчитали количество зараженного воздуха на Земле, и его толщина составила бы 30 см, если бы он покрывал всю поверхность Земли, включая океаны. Его толщина составит 1 м или же дойдет до талии, если его распределить только по суше, причем ежегодно слой

зараженного воздуха утолщается на 2,5–5 см. Очень скоро он будет выше головы. Мы пока не нашли никакого радикального решения и продолжаем заражать воздух до опасных пределов, хотя осознаем, какой наносим вред своему здоровью. Так же мы поступаем с водой и землей. Мы портиим землю в огромных масштабах, и это проходит незамеченным, потому что нас беспокоит только мысль о том, что мы лишаемся возможности созерцать прекрасный пейзаж. Это очень важный вопрос. Мы забываем, что каждый год в поразительных масштабах увеличивается потребление земли. Только что закончены измерения для города Детройта и его пригородов площадью 320×220 км, измерения довольно точные за последние 60 лет. В то время как население пригородов Детройта увеличилось примерно на 30–40% за десятилетие, потребление земли возросло на 100%, т.е. в три раза больше прироста населения. Это самое потрясающее расточительство ресурсов в истории человечества. Следовательно, все утверждения типа: «Не беспокойтесь об этом, потому что сегодня города занимают лишь 1% площади США, а в 2000 г. на их долю придется 2%» совершенно ошибочны прежде всего потому, что в эту площадь включена Аляска, а также большие саванны и огромные территории, которые никогда не смогут быть использованы для наших непосредственных нужд. Так что это не 1%, а в зависимости от принятых вами исходных данных 2, 3 или 4%. Рост потребления земли на душу населения таков, что мы станем свидетелями грандиозной катастрофы. У нас ошибочная политика.

Третья категория проблем связана с предыдущим и непосредственно вытекает из него, но я смотрю на нее с точки зрения социально-экономических последствий. Я говорю о плотности населения, и в данном случае я попрошу вас забыть о популярном в нашем обществе мифическом представлении, что плотность населения увеличивается. Впервые за историю человечества плотность населения уменьшается. Определять плотность населения, исходя из площади страны, совершенно бессмысленно. Мы никогда не будем жить на горах и в пустыне. Это слишком неэкономично. Мы живем в городских поселениях, а если и выезжаем на лоно природы раз в месяц или раз в год, как это делают некоторые, это не играет большой роли в нашей жизни. Наша жизнь зависит от плотности в урбанизированных районах, а плотность в урбанизированных районах уменьшилась во всех городах, о которых у нас есть сведения по 26 странам, включая нашу страну, где было обследовано несколько городов. Согласно нашему самому последнему обследованию в районе Детройта, плотность населения здесь сокращается на 30–40% каждые 10 лет в течение нескольких последних десятилетий».

Анализируя эти проблемы, Диоксидиадис пришел к выводу, что попытка их преодоления, которая неизбежно должна быть предпринята человечеством, должна привести к созданию неких «мегагородов», точ-

нее гигантских городских зон, опоясывающих землю по так называемым «осям расселения» человечества на планете Земля. Все эти зоны неизбежно сольются в единую систему «Экуменополиса» – единую мегасистему. Эта многоуровневая стратегия отражена, в частности, в футуристической концепции члена Биополитической Интернациональной Организации Дж. Папаиоанну. По его взглядам, «человечество в конечном счете примет тот план заселения Земли, который обозначается как экуменополис (эkp) – вселенский город. Эkp должен дополняться вселенским садом – экуменокепосом (эkk). Эkk формируется в результате создания связей между всеми промежутками, остающимися между застроенными площадями. Промежутки формируют иерархию: от маленького отдельного садика (или даже цветочного горшка) до крупнейших незаселенных (диких) зон на планете. Причем, экуменокепос мыслится как непрерывная целостная структура, заповедник биоса, т.е. живого [прим. автора], в то время как экуменополис представляет прерывистую структуру».

Все эти концепции и эксперименты в области создания «городов будущего» пока что так и остаются проектами и экспериментами (кроме технополисов).

Что ждет города?

Только будущее покажет это.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Понятие города: основные подходы и определения.
2. Предпосылки появления древнейших городов.
3. Происхождение городов древневосточных деспотий.
4. Функции городов Древнего Востока.
5. Ойкосное хозяйство.
6. Города крито-микенской цивилизации.
7. Территориальная структура античного полиса.
8. Античный полис как община.
9. Социально-профессиональная структура полиса.
10. Колониализм в античном мире: причины и сущность явления.
11. Понятие синоикисмоса.
12. Эллинистические города как результат межкультурного взаимодействия.
13. Города Древнего Рима.
14. Теории происхождения средневековых городов.
15. Коммунальное движение в средневековой Европе.
16. Городские союзы средневековья.
17. Социальная структура средневекового города: городские сословия и профессии.
18. Корпоративизм европейских средневековых городов.
19. Ремесло и торговля в европейских средневековых городах.
20. Взаимоотношения между городом и селом в Средние века.
21. Эволюция западноевропейского города в XV–XVIII веках.
22. Возникновение первых протогородов восточных славян в IX в.
23. Города Киевской Руси в домонгольский период.
24. Вечевые города на Руси.
25. Города Руси после освобождения от монголо-татарского ига (XVI – XVII вв.)
26. Русские города XVIII – XIX вв.
27. Причины роста городов Европы и Северной Америки в XIX–XX вв.
28. Социальная и территориальная структура индустриального города XIX – XX вв.
29. Понятие урбанизации.
30. Фазы урбанизации (по Джиббсу).
31. Урбанизация в России (СССР).
32. Возникновение новых территориальных форм городского расселения (агломерации, СМСА, мегалополисы и т.д.).
33. Города постиндустриального общества: технополис, зоополь.
34. Глобальные проблемы современного города.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	1
Часть 1. УЧЕБНО-ПРОГРАММНАЯ.....	4
1.1. ПРОГРАММА КУРСА «ИСТОРИЯ ГОРОДОВ».....	4
Часть 2. УЧЕБНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ.....	12
Тема 1. ГОРОД И УРБАНИЗАЦИЯ.....	12
1.1. Понятие города	12
1.2. Классификация и типологии современных городов	14
1.3. Урбанизация: сущность, истоки и развитие.....	18
Тема 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ. ГОРОДА-КРЕПОСТИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА.....	21
2.1. Города Междуречья	22
2.2. Урук	23
2.3. Ниневия	25
2.4. Вавилон. Старовавилонское общество	25
2.5. Вавилон в правление Хаммурапи	34
2.6. Вавилон при касситской династии	39
2.7. Нововавилонское царство. История и общество	43
2.8. Хозяйственная жизнь Вавилона.....	47
2.10. Египет	55
2.11. Индия.....	61
2.12. Китай	62
Тема 3. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА	64
3.1. Иерусалим	64
3.2. Финикия	70
3.3. Города крито-микенской цивилизации	70
3.4. Аттика.....	72
3.5. Спарта.....	80
3.5.3. Спарта. Мессенские войны.....	93
3.5.4. Спарта. Периеки	96
3.5.5. Спарта. Спартиаты	101
3.5.6. Спарта. Илоты.....	109
3.6. Рим.....	114
3.7. Греческие города на территории современной России.....	131
3.8. Древнейшие города российского Закавказья	136
Тема 4. РЕМЕСЛЕННЫЕ ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ ...	138
4.1. Возникновение и рост средневековых городов	138
4.2. Рост производительных сил. Отделение ремесла от сельского хозяйства	139
4.3. Теории происхождения средневековых городов	141
4.4. Возвышение городов	143
4.5. Возникновение феодальных городов	144

4.5.1. Простое товарное хозяйство при феодализме	146
4.6. Население и внешний вид средневековых городов	147
4.7. Складывание и рост городского сословия	147
4.8. Ремесло и ремесленники в городах. Цехи	148
4.9. Средневековые города – органичная часть феодального мира	152
4.10. Города Западной Европы в XI–XV вв. и их экономическая роль	155
4.10. Формирование слоя постоянных платных рабочих	171
4.11. Венеция	172
4.12. Лондон	173
Тема 5. РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОРОДА	175
5.1. Проблема происхождения городов Древней Руси (X–XIII вв.)	175
5.2. Новгород	196
5.3. Псков	204
5.4. Суздаль	210
5.4.1. История города Суздаль. Домонгольский период	210
5.5. Москва	215
5.6. Ярославль	218
5.7. Киев	220
Тема 6. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ГОРОДА XIX–XX ВЕКОВ	224
6.1. Урбанизация	224
6.2. Новые пространственные формы расселения	237
Тема 7. РАЗВИТИЕ СЕТИ ГОРОДОВ РОССИИ И СССР	250
7.1. Дореволюционное развитие сети городов в России	250
7.2. Коммунальный кризис 1917–1920-х гг.	265
7.3. Урбанистическая структура России в 1930–1995 гг.	268
7.4. Новые города: их реальный вклад в улучшение и усложнение урбанистической ситуации в стране	269
7.5. Урбанизация и освоение пространства: проблема Запад-Восток в современной трактовке	272
Тема 8. ГОРОД ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: КОНЦЕПЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	278
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	287

Учебное издание

ИСТОРИЯ ГОРОДОВ

Авторы-составители:

Екатерина Владимировна Баталова
Эльвира Владимировна Королева
Игорь Дмитриевич Саначёв
Алексей Михайлович Яковенко

Учебное пособие

Редактор М.А. Шкарубо
Корректор Л.З. Анипко
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать .07.07. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л..
Уч.-изд. л. Тираж экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в типографии ВГУЭС
690600, Владивосток, ул. Державина, 57